

ВВГУ

Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ

2024

4

4

[16]

2024

**ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

**ВЕСТНИК
ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**THE TERRITORY
OF NEW OPPORTUNITIES**

**THE HERALD
OF VLADIVOSTOK STATE
UNIVERSITY**

2024 № 4 ..... [16]

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ.**

**ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

.....
Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

Издается с 2009 г.

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Владивосток
2024

2024 № 4 ..... [16]

**THE TERRITORY OF NEW
OPPORTUNITIES.**

**THE HERALD OF VLADIVOSTOK
STATE UNIVERSITY**

.....
Founder and publisher:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Vladivostok State University"

Published since 2009

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Vladivostok
2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Терентьева Татьяна Валерьевна	<i>председатель редакционной коллегии</i> , доктор экономических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» (г. Владивосток, Россия)
Мамычев Алексей Юрьевич	<i>заместитель председателя редакционной коллегии</i> , доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Латкин Александр Павлович	<i>главный редактор</i> , доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
<i>Члены редакционной коллегии:</i>	
Васильев Антон Александрович	доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)
Глазырина Ирина Петровна	доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Россия)
Гомбоева Маргарита Ивановна	доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)
Дорошенко Светлана Викторовна	доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором, Институт экономики УрО РАН, (г. Екатеринбург, Россия)
Ермакова Жанна Анатольевна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, Россия)
Зубарев Александр Евстратьевич	доктор экономических наук, профессор факультета экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)
Клещёва Нелли Александровна	доктор педагогических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Кокурина Ольга Юрьевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Коноплева Нина Алексеевна	доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Кречетников Константин Геннадьевич	доктор педагогических наук, профессор, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (г. Владивосток, Россия)
Мазелис Лев Соломонович	доктор экономических наук, доцент, и.о. директора Института цифровой экономики и бизнес-аналитики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Мещанова Мария Валентиновна	доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)
Муртазозода Джамшед Саидали	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Найден Светлана Николаевна	доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН, (г. Хабаровск, Россия)
Овчинников Алексей Игоревич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Петрук Галина Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, директор департамента научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Сёмкин Сергей Викторович	доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смагин Виктор Павлович	доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смирнова Надежда Анатольевна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров, Костромской государственный университет (г. Кострома, Россия)
Солодухин Константин Сергеевич	доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Фоминская Марина Дмитриевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Ставрополь, Россия)
Чернявская Валентина Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Шеромова Ирина Александровна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Эрдынесева Клавдия Гомбожаповна	доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Яроцкая Людмила Владимировна	ведущий эксперт Центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений ФГАОУ ВО НИЯУ «МИФИ» (г. Москва, Россия)
Park Nohyoung	доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа, Корейский университет (г. Сеул, Республика Корея)
Zhang Yuci	профессор, доктор экономических наук, директор международного департамента, Северо-Восточный университет финансов и экономики (г. Далянь, КНР)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

Tatiana V. Terentyeva	<i>Chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Economics, Professor, Rector, VVSU (Vladivostok, Russia)
Alexey Yu. Mamychyev	<i>Vice-chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Alexander P. Latkin	<i>Head Editor</i> , Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel, VVSU (Vladivostok, Russia)
<i>Members of the Editorial Board:</i>	
Anton A. Vasiliev	Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russia)
Irina P. Glazyrina	Doctor of Economics, Professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (Chita, Russia)
Margarita I. Gomboeva	Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Trans-Baikal State University (Chita, Russia)
Svetlana V. Doroshenko	Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
Zhanna A. Ermakova	Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University (Orenburg, Russia)
Alexander E. Zubarev	Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics and Management, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Nelly A. Kleshcheva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Olga Yu. Kokurina	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Nina A. Konopleva	Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Konstantin G. Krechetnikov	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S.O. Makarov Pacific Higher Naval School (Vladivostok, Russia)
Lev S. Mazelis	Doctor of Economics, Associate Professor, VVSU (Vladivostok, Russia)
Maria V. Meshchanova	Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Jamshed S. Murtazozoda	Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
Svetlana N. Nayden	Doctor of Economics, Professor, Institute of Economic Research FEB RAS (Khabarovsk, Russia)
Alexey I. Ovchinnikov	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Galina V. Petruk	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Department of Research, VVSU (Vladivostok, Russia)
Sergey V. Syomkin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, VVSU (Vladivostok, Russia)
Viktor P. Smagin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VVSU (Vladivostok, Russia)
Nadezhda A. Smirnova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Consumer Goods Expertise, Kostroma State University (Kostroma, Russia)
Konstantin S. Solodukhin	Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics and Modeling, VVSU (Vladivostok, Russia)
Marina D. Fominskaya	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol, Russia)
Valentina S. Chernyavskaya	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Irina A. Sheromova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Claudia G. Erdynyeva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Lydmila V. Yarotskaya	Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow, Russia)
Park Nohyoung	Doctor of Law, Dean of the Law School, Director of the Cyber Law Center, Korea University (Seoul, Republic of Korea)
Zhang Yuci	Professor, Doctor of Economics, Director of the International Department, Northeastern University of Finance and Economics (Dalian, China)

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2024, № 4

[Том 16]

Научный журнал

Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
ФЗ № 436-ФЗ

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84186 от 05.12.2022
ISSN 2949-1258

Дата выхода в свет: 27.12.2024 г.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес издателя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, к. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас
Ответственный секретарь В. В. Шамаева
Редактор И. Г. Шабунина
Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 27.12.2024. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 20,97. Уч.-изд. л. 18,92.
Тираж 300 [I–100] экз. Заказ 584
Цена на территории РФ свободная

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Содержание

Региональная экономика

Бушueva М.А., Масюк Н.Н., Куликова О.М., Богомолов А.А.

Сглаживание межрегиональных диспропорций в условиях цифровой экономики

Чжоу Цюань, Сунь Лимэй

Методический подход к обоснованию экспортно-ориентированных бизнес-проектов производства продуктов питания с высокой добавленной стоимостью в российском Приморье

Колесникова О.С.

Развитие представлений о региональных предпринимательских системах в контексте концепции устойчивого развития

Осипов В.А.

Методические подходы к определению экспортного потенциала высокотехнологической продукции машиностроения

Менеджмент

Лаевский П.В., Красова Е.В.

Особенности исследования понятийного аппарата в сфере физической культуры и спорта в контексте теории современного менеджмента

Гомилевская Г.А., Путилина Т.А.

Интерактивный аудиогид как инструмент экскурсионной деятельности в контексте развития Smart-туризма

Юридические науки

Литвинова С.Ф.

Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права

Плахотина Н.А.

Терминологические проблемы в законодательстве о занятости

Варавенко В.Е., Ниязова М.В.

Допустимая задержка в судостроительных контрактах: анализ оснований и порядка продления срока сдачи судна по инициативе подрядчика

Мамычев А.Ю., Матюк Ю.С.

Принципы государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества

Верещagina А.В.

Регламентация предъявления для опознания в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова: некоторые аспекты

Contents

Regional economy

Bushueva M.A., Masyuk N.N., Kulikova O.M., Bogomolov A.A.

Smoothing interregional disparities in the digital economy

Zhou Quan, Sun Li Mei

Methodological approach to substantiating export-oriented business projects for the production of high-value-added food products in the Russian Primorye

Kolesnikova O.S.

Development of ideas about regional entrepreneurial systems in the context of the concept of sustainable development

Osipov V.A.

Methodological approaches to determining the export potential of high-tech engineering products

Management

Laevskiy P.V., Krasova E.V.

Concepts of physical culture and sports as a subject of today's theoretical and methodological research

Gomilevskaya G.A., Putilina T.A.

Interactive audio guide as an excursion activity tool in the context of smart tourism development

Law sciences

Litvinova S.F.

The place of conflict of laws rules of private international law in the system of Russian law

Plahotina N.A.

The terminological problems in the employment legislation

Varavenko V.E., Niyazova M.V.

Permissible delay in shipbuilding contracts: analysis of grounds and procedures for extending the vessel delivery date by contractor

Mamychev A.Yu., Matyuk Yu.S.

Principles of state-legal regulation of relations in the context of the national image of the technological future of Russian society

Vereshchagina A.V.

Identification regulations in the Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova: some aspects

Педагогика

Царева Н.А., Черная Е.В.

Методика использования интернет-источников в процессе воспитания патриотического сознания студентов

Дудко В.В.

Методика развития интенциональности учителя: теоретический аспект

Иванов Н.Ю., Цынзак М.П., Винокурова О.А.

Профильная подготовка маркетологов для решения задач глобального превосходства

Данилина Е.К.

Обучение с помощью технологии чат-бот: терминология и общая характеристика

Технические науки

Гусева М.А., Гетманцева В.В., Усова А.С.

О регулировании состояния организма человека компрессионным трикотажем

Королева Л.А., Слесарчук И.А., Зайцева Т.А., Петрова К.Р.

Разработка эскизного проекта плечевой одежды при реабилитации методом Илизарова

Гуманитарные науки

Окулова М.А.

Жизнеописание Будды Гаутамы как символический путь индивидуации с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга

Чернявская В.С.

Почему нельзя «мотивировать на учебу» подростков: экзистенциальная и учебная мотивация подростков 15–16 лет

Криницкая М.Ю., Борзова Т.А.

Формирование культуры речи у учащихся в контексте воспитательной работы вуза

Андреева О.В., Кабанова В.Р.

Переживание одиночества и жизнестойкость у подростков с разным уровнем склонности к риску

Экология

Ярусова С.Б., Иваненко Н.В., Штабной И.П., Буравлев И.Ю.

Оценка экологической информированности студентов среднего профессионального образования

Публикации 2024 года

Правила оформления статей

Pedagogy

Tsareva N.A., Chernaya E.V.

The methodology of using Internet sources in the process of educating students' patriotic consciousness

Dudko V.V.

Methodology for developing teacher intentionality: theoretical aspect

Ivanov N.Yu., Tsynzak M.P., Vinokurova O.A.

Specialized training of marketers to meet the challenges of global excellence

Danilina E.K.

Chatbot technology education: terminology and general characteristics

Technical sciences

Guseva M.A., Getmantseva V.V., Usova A.S.

On regulating the condition of the human body using compression hosiery

Koroleva L.A., Slesarchuk I.A., Zaitseva T.A., Petrova K.R.

Development of a preliminary design for shoulder clothing during rehabilitation using the Ilizarov method

Humanities sciences

Okulova M.A.

Biography of Buddha Gautama as a symbolic path of individuation in the context of analytical psychology by Carl Jung

Chernyavskaya V.S.

Why one can't «motivate teenagers to study»: existential and academic motivation of adolescents aged 15–16

Krinitskaia M.Yu., Borzova T.A.

The language fostering of students in the context of the university educational work

Andreeva O.V., Kabanova V.R.

Loneliness and resilience in adolescents with different levels of risk appetite

Ecology

Yarusova S.B., Ivanenko N.V., Shtabnoy I.P., Buravlev I.Yu.

Assessment of ecological competence of students of secondary vocational education

Publications of 2024

Rules of formatting articles

Научная статья

УДК 332.05:004.9

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/007-017>

EDN: <https://elibrary.ru/EWSFDE>

Сглаживание межрегиональных диспропорций в условиях цифровой экономики

Бушуева Марина Александровна

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Ивановский филиал)
Иваново. Россия

Масюк Наталья Николаевна

Куликова Оксана Михайловна

Богомолов Александр Александрович

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Сглаживание межрегиональных диспропорций в контексте цифровой экономики означает процесс уменьшения различий в экономическом развитии, доступе к ресурсам и возможностям между регионами внутри страны. Актуальность исследования заключается в том, что этот вопрос имеет решающее значение для достижения сбалансированного регионального развития и устойчивого роста. Международные организации, такие как ООН и ОЭСР, подчеркивают важность преодоления цифрового неравенства, чтобы ни один регион не остался позади в цифровой экономике. Авторы утверждают, что сглаживание межрегиональных диспропорций в условиях цифровой экономики зависит от уровня технологического прогресса, который может как способствовать устранению региональных диспропорций, так и усугублять их. Данная тема связана с растущим разрывом между регионами по уровню экономического развития, на который оказывает дополнительное влияние прогресс в области цифровых технологий. Показано, что во все более цифровом мире цифровая экономика способна либо усугубить, либо смягчить это региональное неравенство. Предмет исследования – концепция сглаживания межрегиональных диспропорций, которая предполагает принятие политики, технологий и стратегий, способных сократить экономический разрыв между более и менее развитыми регионами. Диспропорции на региональном уровне влияют на более широкие национальные или глобальные модели. Если в стране одни регионы развиты в цифровом отношении, а другие отстают, то общая экономическая структура страны становится неравномерной. Это является проблемой для политиков, поскольку часто приводит к усилению экономической концентрации в более развитых регионах и стагнации или упадку в менее развитых. Выявлены основные проблемы и причины межрегиональных диспропорций. Предложена методология группировки регионов РФ по уровню их развития с использованием*

© Бушуева М.А., 2024

© Масюк Н.Н., 2024

© Куликова О.М., 2024

© Богомолов А.А., 2024

инструментария кластерного и геопространственного анализа. Определены стратегии сглаживания межрегиональных диспропорций.

Ключевые слова: сглаживание, межрегиональное неравенство, межрегиональные диспропорции, региональное развитие, кластеры, кластерный анализ, геопространственный анализ.

Для цитирования: Сглаживание межрегиональных диспропорций в условиях цифровой экономики / М.А. Бушуева, Н.Н. Масыук, О.М. Куликова, А.А. Богомолов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4 С. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/007-017>. EDN: <https://elibrary.ru/EWSFDE>

.....

Regional economy

.....

Original article

Smoothing interregional disparities in the digital economy

Marina A. Bushueva

Plekhanov Russian University of Economics (Ivanovo branch)
Ivanovo, Russia

Natalya N. Masyuk

Oksana M. Kulikova

Aleksander A. Bogomolov

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. Smoothing interregional disparities in the realm of a digital economy implies reducing differences as to economy development, access to resources and regions capacity within the country. The relevance of the study results from the issue crucial for achieving balanced development and sustainable growth of the regions. International organizations like UN and OECD have emphasized the importance of bridging the digital divide so that no region is left behind in the digital economy. The authors argue that smoothing interregional disparities in the digital economy depends on the level of technological progress, which can contribute both to eliminating and exacerbating regional disparities. The paper topic has arisen from the growing gap between the regions as to their economic development, which is further influenced by the progress in digital technologies. In a more and more increasingly digitalized world a digital economy has the capacity to either exacerbate or mitigate that regional inequality. The subject of the study is the concept of smoothing interregional disparities, which involves the adoption of policies, technologies and strategies that can narrow the economic gap between more and less developed regions. Disparities at the regional level effect broader national or global patterns. Some regions in the country being digitally developed and others lagging behind, the overall economic structure of the country becomes uneven. It turns out to be a challenge for politicians that causes increasing economic concentration in more developed regions and stagnation or decline in less developed regions. Revealed in the paper are key challenges and reasons of interregional disparities. Suggested here is the methodology of grouping Russian regions by their development level with the tools of cluster and geospatial analysis applied. Defined in the research are strategies for smoothing interregional disparities.

Keywords: smoothing, interregional inequality, interregional disparities, regional development, clusters, cluster analysis, geospatial analysis.

For citation: Smoothing interregional disparities in the digital economy / M.A. Bushueva, N.N. Masyuk, O.M. Kulikova, A.A. Bogomolov // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/007-017>. EDN: <https://elibrary.ru/EWSFDE>

Введение

Цифровая экономика относится к экономической деятельности, которая является результатом миллиардов онлайн-связей между людьми, предприятиями, устройствами, данными и процессами. Цифровые технологии стимулируют глобальный рост и способствуют возникновению цифровых региональных экосистем [1].

С одной стороны, регионы с развитой цифровой инфраструктурой (например, высокоскоростным Интернетом, доступом к цифровым инструментам, платформам электронной коммерции), как правило, быстрее развиваются. С другой стороны, регионы, не имеющие такой инфраструктуры, упускают эти возможности роста, усугубляя межрегиональное экономическое неравенство, что приводит к возникновению пространственных диспропорций между регионами, когда одни получают больше преимуществ, чем другие.

Под *межрегиональными диспропорциями* авторы понимают экономическое и социальное неравенство, существующее между различными регионами страны. Это неравенство может проявляться в различных формах и под влиянием различных факторов [2, 3], на основе которых могут быть построены факторные портреты регионов [4].

Во-первых, это неравенство в доходах и богатстве, т.е. различия в уровне доходов, ВВП на душу населения и экономическом производстве [5]. Во-вторых, это различия в доступе к здравоохранению, образованию, транспорту и цифровой инфраструктуре. Диспропорции выражаются в возможностях трудоустройства, при этом в более богатых регионах часто предлагаются более высокооплачиваемые и разнообразные рабочие места, а также в различиях качества жизни, жилищных условиях и социальной мобильности.

В исследовании предложена методология группировки регионов РФ по уровню их развития с использованием инструментария кластерного и геопространственного анализа; в качестве исследуемых показателей использованы статистические данные Росстата за 2022 г. Использован метод кластеризации k-means, для определения количества кластеров – метод локтя (Elbow method).

Основная часть

Цифровая экономика, движимая такими технологиями, как Интернет, автоматизация, искусственный интеллект и анализ данных, способна как увеличить, так и уменьшить региональное неравенство, в зависимости от того, как ее использовать. Регионы с лучшим доступом к высокоскоростному Интернету, квалифицированной рабочей силе и внедрению технологий с большей вероятностью получают выгоду от цифровой экономики, в то время как регионы, лишенные этих ресурсов, могут еще больше отстать. Регионы внутри федерального округа могут также существенно отличаться друг от друга, показывая при этом некоторые сходства, позволяющие их группировать определенным образом для поддержки управленческих решений [6].

Основные проблемы и причины межрегиональных диспропорций в цифровой экономике. Межрегиональные различия в цифровой экономике вызывают все большую озабоченность во всем мире, поскольку неравномерный доступ к цифровой инфраструктуре, навыкам и возможностям создает разрыв между регионами. Эти различия обусловлены несколькими ключевыми факторами.

1. Цифровой разрыв

Неравный доступ к цифровой инфраструктуре, такой как высокоскоростной Интернет, передовые коммуникационные технологии и цифровая грамотность,

может увеличить экономический разрыв между городскими и сельскими или менее развитыми регионами. Регионы, не имеющие цифровой инфраструктуры, сталкиваются с трудностями при подключении к цифровым платформам, рынкам и услугам, что ограничивает их возможности для инноваций, образования и развития бизнеса.

2. Структурные различия в экономике

Некоторые регионы более диверсифицированы в экономическом плане и имеют сектора, которые лучше приспособлены к использованию цифровых достижений (например, технологии, финансы и услуги), в то время как другие в значительной степени зависят от таких традиционных отраслей, как сельское хозяйство или обрабатывающая промышленность, которые могут не так быстро выиграть от цифровой трансформации.

3. Нехватка талантов и рабочей силы

Цифровая экономика требует таких специальных навыков, как кодирование, анализ данных и искусственный интеллект. В регионах, где нет доступа к образовательным возможностям и программам развития цифровых навыков, растет безработица или неполная занятость.

4. Доступ к капиталу и инвестициям

Неравный доступ к венчурному капиталу, государственному финансированию или частным инвестициям усугубляет диспропорции, поскольку более богатые регионы привлекают больше предприятий и стартапов, а бедные регионы испытывают трудности с развитием конкурентоспособных цифровых предприятий.

Все эти причины в совокупности способствуют увеличению цифрового разрыва, влияя на экономические возможности, социальную интеграцию и общее региональное развитие. Для устранения этих диспропорций необходимо целенаправленное вмешательство в политику, инвестиции в цифровую инфраструктуру и программы развития рабочей силы с учетом уникальных потребностей каждого региона.

Анализ диспропорций в развитии регионов РФ в цифровой экономике. В данном исследовании с применением кластерного анализа выполнена группировка регионов РФ по уровню их развития. В качестве исследуемых показателей использованы статистические данные за 2022 г. Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>).

Анализировались показатели:

- численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по субъектам РФ, кол-во чел.;
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по субъектам РФ, руб.;
- объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами по субъектам Российской Федерации (промышленное производство), млн руб.;
- потребление электроэнергии, млн кВт · ч;
- инвестиции в основной капитал по субъектам РФ, млн руб.;
- объем инновационных товаров, работ, услуг по субъектам РФ, млн руб.;
- доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, %.

Использован метод кластеризации k-means; для определения количества кластеров – метод локтя (Elbow method). На последнем этапе выполнена визуализация полученных результатов.

Расчеты выполнены с применением библиотек sklearn, geopandas, языка программирования Python.

На рисунке 1 представлен расчет оптимального количества кластеров с применением метода локтя. Оптимальное количество кластеров – 4.

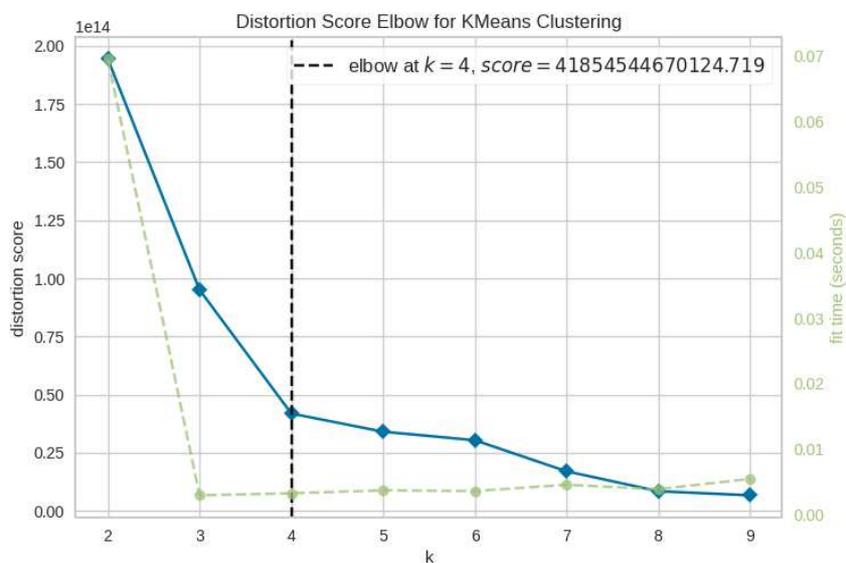

Рис. 1. Определение количества кластеров с применением метода локтя

На рисунке 2 показаны результаты кластеризации.

В первый кластер вошли: Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Магаданская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Орловская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Республика Адыгея (Адыгея), Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Крым, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан (Татарстан), Республика Тыва, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Чеченская Республика, Чувашская Республика (Чувашия), Чукотский АО, Ярославская область, город федерального значения Севастополь.

Во второй кластер вошли: Московская область, Республика Северная Осетия (Алания), Ханты-Мансийский АО (Югра), Ямало-Ненецкий АО, г. Санкт-Петербург.

В третий кластер вошли: Иркутская область, Кемеровская область (Кузбасс), Краснодарский край, Красноярский край, Ленинградская область, Ненецкий АО, Омская область, Пензенская область, Республика Алтай, Республика Мордовия, Республика Хакасия, Рязанская область, Сахалинская область, Томская область, Тюменская область, Челябинская область

В четвертый кластер вошли: Тульская область, г. Москва.

Рис. 2. Визуализация результатов кластеризации (первый кластер показан зеленым цветом, второй – желтым, третий – оранжевым, четвертый – красным)

На рисунке 3а–ж приведены профили построенных кластеров. Лидирующие позиции по исследуемым показателям занимают регионы, включенные в четвертый кластер. На втором месте расположились регионы по значениям, вошедшие во второй кластер, на третьем месте – регионы третьего кластера, на последнем – регионы первого кластера.

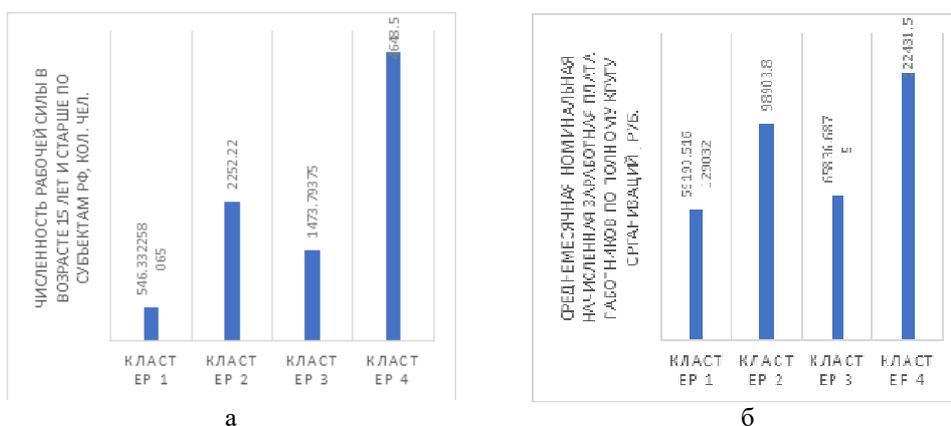

Рис. 3. Профили построенных кластеров (начало): а – численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по субъектам РФ, кол-во чел.; б – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по субъектам РФ, руб.

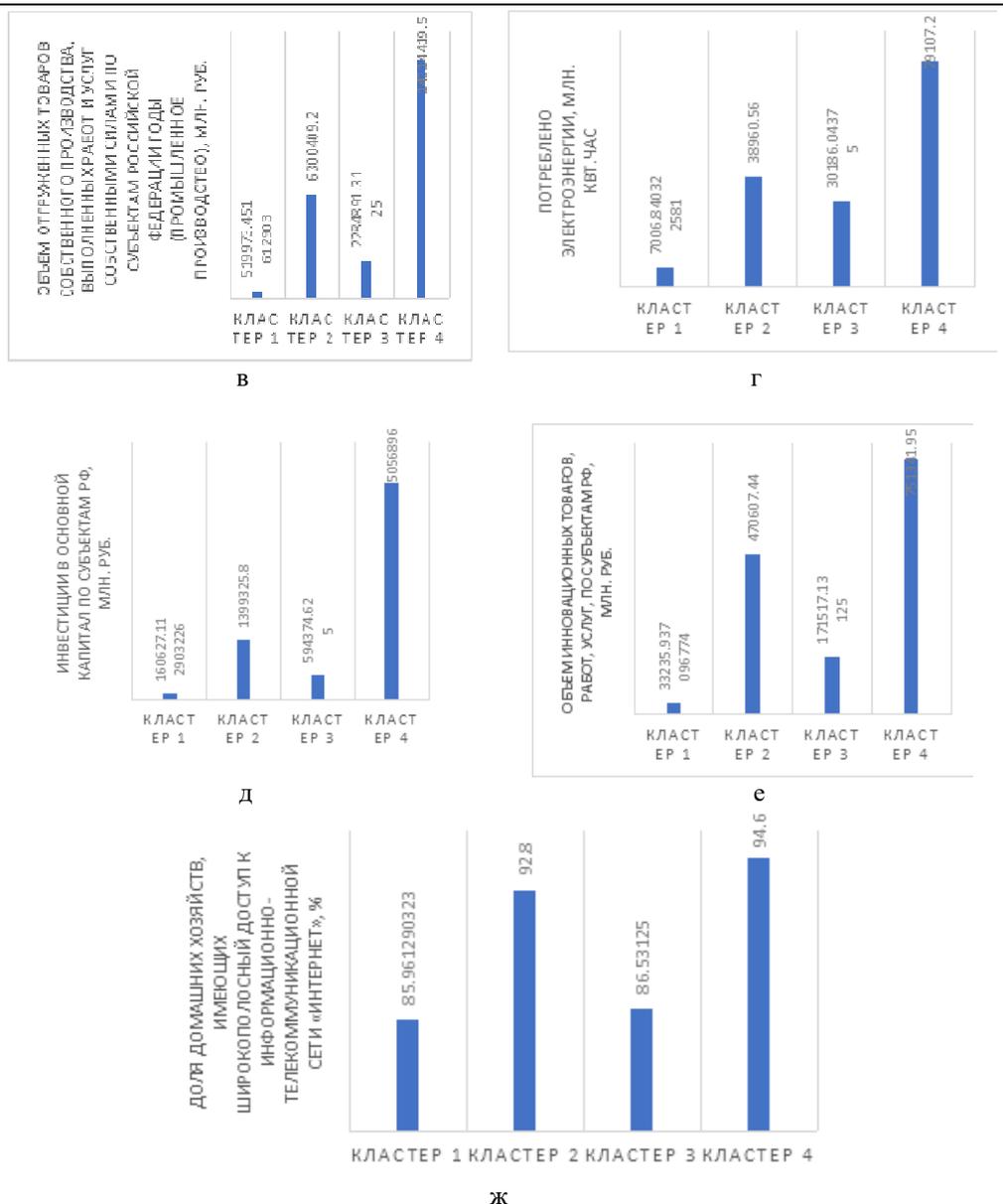

Рис. 3. Профили построенных кластеров (окончание): в – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по субъектам Российской Федерации (промышленное производство), млн руб.; г – потребление электроэнергии, млн кВт.ч; д – инвестиции в основной капитал по субъектам РФ, млн руб.; е – объем инновационных товаров, работ, услуг по субъектам РФ, млн руб.; ж – доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, %

На основании выполненных расчетов могут быть сделаны следующие выводы. Развитие регионов РФ характеризуется высоким уровнем диспропорций: регионы

четвертого кластера, в который включены г. Москва и Тульская область, значительно опережают в социально-экономическом развитии остальные регионы по всем показателям.

На втором месте по уровню социально-экономического развития – второй кластер. Он, так же как и четвертый кластер, характеризуется низкой численностью населения. Во второй кластер включены пять регионов РФ (см. рис. 2); ключевыми факторами, создающими благоприятные условия в них, являются достаточное финансирование, высокий уровень заработной платы, реализация процессов трансформации новшеств в инновации.

Регионы РФ первого и третьего кластеров являются аутсайдерами в социально-экономическом и цифровом развитии, и таких регионов большинство. В этих регионах низкая заработная плата (см. рис. 3), менее эффективно реализуются инновационные процессы и процессы цифровой трансформации.

Применение геопространственного анализа показало (см. рис. 2), что регионы с высоким уровнем развития граничат между собой, создавая единое экономическое пространство и запуская тем самым процессы кластерообразования, что может создать синергетический эффект для внедрения технологий Индустрии 4.0, инновационного развития, цифровой трансформации отечественной экономики.

Механизмы сглаживания межрегиональных диспропорций в цифровой экономике. Как показали проведенные расчеты, развитие регионов РФ характеризуется высоким уровнем диспропорций и неоднородностью, что требует совершенствования механизмов сглаживания межрегиональных диспропорций, поскольку если в перспективе сохранятся такие тренды развития, то это может способствовать снижению экономического потенциала страны, цифровой трансформации базовых отраслей экономики.

Чтобы сгладить или уменьшить межрегиональные диспропорции, правительство, бизнес и гражданское общество должны решить несколько ключевых задач, выбирая те или иные стратегии и механизмы [7, 8] (табл. 1).

Таблица 1

**Механизмы сглаживания межрегиональных диспропорций
в цифровой экономике**

№ п/п	Задачи	Механизмы сглаживания межрегиональных диспропорций
1	Развитие цифровой инфраструктуры	Инвестиции в широкополосную и цифровую инфраструктуру
		Расширение сети 5G и высокоскоростного Интернета
		Программы цифровой интеграции
2	Региональные цифровые центры и инновационные кластеры	Содействие региональным инновационным центрам
		Стратегии разумной специализации
3	Образование и развитие навыков	Цифровая грамотность и обучение навыкам
		Образовательные онлайн-платформы
		Программы непрерывного обучения

№ п/п	Задачи	Механизмы сглаживания межрегиональных диспропорций
4	Удаленная работа и телеработа	Рост удаленной работы
		Программы «цифровых кочевников»
5	Государственная политика и поддержка	Налоговые льготы, субсидии и гранты
		Поддержка электронной коммерции, цифрового предпринимательства и телеработы
6	Межрегиональное сотрудничество	Содействие региональному сотрудничеству между развитыми и менее развитыми регионами
7	Инклюзивные цифровые платформы	Создание инклюзивных цифровых платформ

Источник: сост. авторами.

Заключение

Показано, что сглаживание межрегиональных различий в цифровой экономике предполагает устранение экономических и социальных разрывов между различными регионами страны за счет использования цифровых технологий и политики. Цифровая экономика, характеризующаяся интеграцией интернет-технологий, данных и инноваций в экономическую деятельность, создает как возможности, так и проблемы. В зависимости от того, как ею управлять, она может либо усиливать существующие диспропорции, либо предоставлять инструменты для преодоления региональных разрывов. Решение этих проблем необходимо для обеспечения инклюзивного роста, справедливого экономического развития и содействия формированию более сбалансированной глобальной экономики. Политикам необходимо сосредоточиться на сокращении цифрового разрыва путем целевых инвестиций в инфраструктуру, образование и стратегии регионального развития, чтобы все регионы могли воспользоваться преимуществами цифровой трансформации.

Научная новизна статьи заключается в том, что предложена методология группировки регионов РФ по уровню их развития на основе кластерного и геопространственного анализа, позволяющая повысить обоснованность региональных управленческих решений, направленных на ликвидацию межрегиональных диспропорций, и снизить вероятность управленческих дисфункций.

Список источников

1. Превращение экономики региона в экосистему в парадигме цифрового развития / М.А. Бушуева, Н.Н. Масюк, З.В. Брагина, А.С. Илюхина // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11, № 3 (40). С. 13–18. DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_03. EDN IUKJPE
2. Регулирование межрегионального неравенства: от диагностики к моделированию / А.А. Мерзляков, В.С. Богданов, К.В. Быков [и др.]. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. 272 с. ISBN 978-5-89697-423-9. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023. EDN TYHBSS

3. Белоусова А.В. Межрегиональное неравенство: количественный анализ динамики и факторов (на примере дальневосточных субъектов РФ) // Финансовый бизнес. 2022. № 12 (234). С. 124–128. EDN FYMNDZ
4. Метод обоснования факторного портрета регионов / М.А. Бушуева, Н.Н. Масюк, З.В. Брагина, А.С. Илюхина // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11, № 4 (41). С. 14–17. DOI: 10.57145/27128482_2022_11_04_03. EDN HUSSEI
5. Дмитриев С.Г., Севрюкова С.В., Милованович Н.Г. Межрегиональное неравенство по уровню денежных доходов населения России // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 1. С. 29–58. DOI: 10.18334/ce.18.1.120330. EDN QLNEOJ
6. Надрегиональные кластеры как инструмент формирования управленческих решений в экосистеме экономики региона / М.А. Бушуева, Н.Н. Масюк, З.В. Брагина, А.С. Илюхина // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 1 (42). С. 26–32. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_01_05. EDN NXPCCS
7. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1. EDN DPUWWT
8. Прошин В.П., Сергиенко Н.С. Анализ перспектив сокращения межрегионального неравенства российских регионов // Самоуправление. 2020. Т. 2, № 1 (118). С. 335–338. EDN LUOYHS
9. Масюк Н.Н., Бушуева М.А., Чжен Ф. Инновационные кластеры: мировые тенденции и китайский опыт // Фундаментальные исследования. 2021. № 11. С. 135–139. DOI: 10.17513/fr.43135. EDN BOOORN
10. Катонин С.А. Роль особых экономических зон и территорий опережающего развития в сглаживании межрегиональных экономических диспропорций // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 5 (115). С. 27–30. DOI: 10.32743/UniLaw.2024.115.5.17386. EDN BLZNWX
11. Масюк Н.Н., Бушуева М.А. Инновационное развитие региона на основе кластеризации как формы виртуальной интеграции компаний // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 3 (16). С. 102–107. EDN PNCRYD

References

1. Turning the regional economy into an ecosystem in the paradigm of digital development / M.A. Bushuyeva, N.N. Masyuk, Z.V. Bragina, A.S. Ilyukhina. *Azimut Scientific Research: Economics and Management*. 2022; 11 (3 (40)): 13–18. DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_03. EDN IUKJPE
2. Regulation of interregional inequality: from diagnostics to modeling / A.A. Merzlyakov, V.S. Bogdanov, K.V. Bykov [et al.]. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; 2023. 272 p. ISBN 978-5-89697-423-9. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023. EDN TYHBSS
3. Belousova A.V. Interregional inequality: a quantitative analysis of dynamics and factors (on the example of the Far Eastern subjects of the Russian Federation). *Financial Business*. 2022; 12 (234): 124–128. EDN FYMNDZ
4. Method of substantiation of the factor portrait of regions / M.A. Bushuyeva, N.N. Masyuk, Z.V. Bragina, A.S. Ilyukhina. *Azimut Scientific Research: Economics and Management*. 2022; 11 (4 (41)): 14–17. DOI: 10.57145/27128482_2022_11_04_03. EDN HUSSEI

5. Dmitriev S.G., Sevryukova S.V., Milovanovich N.G. Interregional inequality in the level of money income of the Russian population. *Creative Economy*. 2024; 18 (1): 29–58. DOI: 10.18334/ce.18.1.120330. EDN QLNEOJ
6. Supraregional clusters as a tool for forming management decisions in the ecosystem of the regional economy / М.А. Bushuyeva, N.N. Masyuk, Z.V. Bragina, A.S. Ilyukhina. *Azimuth Scientific Research: Economics and Management*. 2023; 12 (1 (42)): 26–32. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_01_05. EDN NXPCCS
7. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the XXI century. *Regional Studies*. 2024; 1 (83): 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1. EDN DPUWWT
8. Proshin V.P., Sergienko N.S. Analysis of the prospects for reducing interregional inequality of Russian regions. *Samopravlenie*. 2020; 2 (1 (118)): 335–338. EDN LUOYHS
9. Masyuk N.N., Bushuyeva M.A., Zheng F. Innovation clusters: global trends and Chinese experience. *Fundamental Research*. 2021; (11): 135–139. DOI: 10.17513/fr.43135. EDN BOOORH
10. Katonin S.A. The role of special economic zones and territories of advanced development in smoothing interregional economic disproportions. *Universum: economics and jurisprudence*. 2024; 5 (115): 27–30. DOI: 10.32743/UniLaw.2024.115.5.17386. EDN BLZNXW
11. Masyuk N.N., Bushuyeva M.A. Innovative development of the region on the basis of clustering as a form of virtual integration of companies. *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2012; 3 (16): 102–107. EDN PNCRYD

Информация об авторах:

Бушуева Марина Александровна, канд. экон. наук, доцент, доцент каф. экономики и прикладной информатики, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Ивановский филиал), г. Иваново, bush.mar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2512-4769>

Масюк Наталья Николаевна, д-р экон. наук, профессор, профессор каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, masyukn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8055-8597>

Куликова Оксана Михайловна, канд. экон. наук, доцент, доцент каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ya.aaaa11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9082-9848>

Богомолов Александр Александрович, аспирант каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, alex9780@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/007-017>

EDN: <https://elibrary.ru/EWSFDE>

Дата поступления:
28.10.2024

Одобрена после рецензирования:
31.10.2024

Принята к публикации:
01.11.2024

Научная статья
УДК 332.145
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/018-026>
EDN: <https://elibrary.ru/CUDERW>

Методический подход к обоснованию экспортно-ориентированных бизнес-проектов производства продуктов питания с высокой добавленной стоимостью в российском Приморье

Чжоу Цюань

Сунь Лимэй

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Представлены результаты теоретического обобщения многочисленных исследований факторов экспортно-ориентированного развития региональных производственных систем. На основе их систематизации установлено возрастающее значение создания добавленной стоимости в ресурсных регионах Дальнего Востока. Определена перспективность вовлечения в этот производственный процесс сельскохозяйственного сырья, наиболее благоприятного по природно-климатическим условиям Приморского края, имеющего высокий потенциал на основе его глубокой переработки для производства продуктов питания для Дальнего Востока и экспорта в приграничные провинции КНР. Предложен авторский методический подход к обоснованию российско-китайских бизнес-проектов на территориях с преференциальным режимом при использовании современных инструментов государственной поддержки экспортно-ориентированных производств.

Ключевые слова: добавленная стоимость, региональная производственная система, устойчивое развитие, факторы, опыт КНР, сравнительный анализ, сельскохозяйственное сырье, продукты питания, экспортный потенциал.

Для цитирования: Чжоу Цюань, Сунь Лимэй. Методический подход к обоснованию экспортно-ориентированных бизнес-проектов производства продуктов питания с высокой добавленной стоимостью в российском Приморье // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/018-026>. EDN: <https://elibrary.ru/CUDERW>

Original article

Methodological approach to substantiating export-oriented business projects for the production of high-value-added food products in the Russian Primorye

Zhou Quan

Sun Li Mei

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. The article presents the results of theoretical synthesis of numerous studies on factors influencing the export-oriented development of regional production systems. Based on a systematic analysis of these factors, the increasing importance of creating added value in resource-rich regions of the Russian Far East is established. The study identifies the potential for involving agricultural raw materials, particularly those favorable for the natural and climatic conditions of the Primorsky Krai, in this production process. These materials

---

© Чжоу Цюань, 2024

© Сунь Лимэй, 2024

hold significant promise for deep processing into food products tailored for the Far East and export to bordering Chinese provinces. The authors propose a methodological approach to justifying Russian-Chinese business projects in territories with preferential regimes, utilizing modern tools of state support for export-oriented production.

Keywords: *value added, theoretical aspects, regional production system, sustainable development, factors, PRC experience, comparative analysis, agricultural raw materials, food, export potential.*

For citation: *Zhou Quan, Sun Li Mei. Methodological approach to substantiating export-oriented business projects for the production of high-value-added food products in the Russian Primorye // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/018-026>. EDN: <https://elibrary.ru/CUDERW>*

Введение

В современных условиях возрастает значимость экспортно-ориентированного развития региональных производственных систем, особенно в приграничных с КНР ресурсных регионах российского Дальнего Востока. С одной стороны, это определяется стратегической задачей импортозамещения в различных отраслях российской экономики в новых геополитических условиях, а с другой – имеющимся потенциалом национального развития на основе увеличения добавленной стоимости при переработке широкого спектра вовлеченных в хозяйственный оборот природных ресурсов.

К сожалению, реалии последних лет не демонстрируют успешность решения этой задачи, что в условиях антироссийских санкций подтверждается растущим дисбалансом спроса и предложения по многим группам промышленных, продовольственных и особенно фармацевтических товаров на российском рынке при высоких темпах роста их цен.

Такое положение при отсутствии позитивных тенденций его изменения хотя бы в среднесрочной перспективе усиливает актуальность проблемы обоснования социально-экономической целесообразности перехода от доминирующей в настоящее время сырьевой модели отечественного хозяйственного комплекса, в том числе во внешнеэкономической деятельности, к модели производства с высокой добавленной стоимостью как ключевому условию импортозамещения и экспортной направленности российской продукции.

По мнению многих исследователей этой проблемы, разделяемому авторами настоящей статьи, геополитические условия последних лет усиливают возможности её успешного решения на уровне региональных производственных систем при все большей актуализации фактора приграничности. К региональным производственным системам в полной мере может быть отнесен Дальневосточный федеральный округ с его исторически сложившимся взаимодополняемым взаимодействием с приграничными провинциями дружественной России Китайской Народной Республики.

Основная часть

Добавленная стоимость в системе факторов экспортно-ориентированного регионального развития

На протяжении многих десятилетий развития экономических исследований сохранялся и продолжает сохраняться особый акцент на обосновании сущности понятия «добавленная стоимость» и оценке значимости данного фактора в обеспечении устойчивости сбалансированного развития производственных систем национального и регионального уровней. Методология этих исследований совершенствовалась на основе разработанных в свое время теоретических положений представителей

школ меркантилистов (Т. Ман), физиократов (Ф. Кэнэ), классической (А. Смит, Д. Рикардо).

Таким образом, к настоящему времени в отечественном научном обороте используется широкий спектр определений понятия «добавленная стоимость» [1–5]. Сделанное авторами настоящей статьи обобщение исследований вышеуказанных авторов позволяет сгруппировать их в два преобладающих подхода:

– определение добавленной стоимости в процессе производства как разности между стоимостью созданной продукции и стоимостью использованных в этом процессе материальных и иных ресурсов;

– определение добавленной стоимости, связывающееся с процессом реализации производимой конечной продукции, обеспечиваемой разницу между объемом продаж и суммой издержек на закупку предметов труда и услуг (рис. 1).

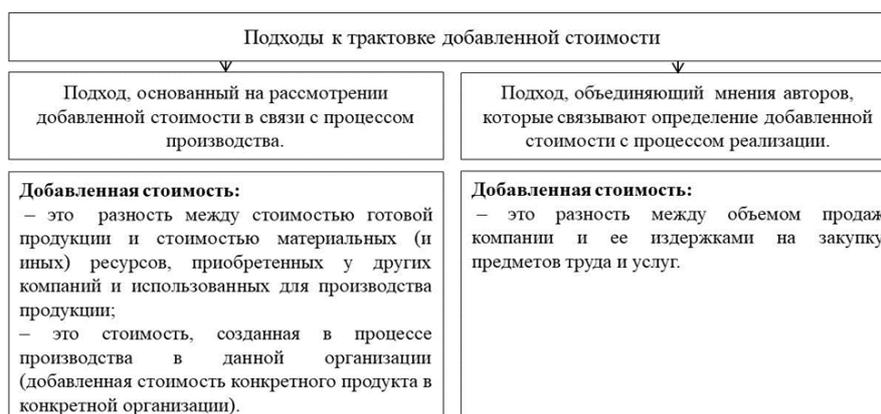

Рис. 1. Подходы к трактовке добавленной стоимости

Источник: сост. авторами с использованием [6].

В исследовании [7] описаны иные два подхода: производственный и потребительский.

При первом подходе, который ориентирован на такие факторы производства, как труд, капитал и земля, под добавленной стоимостью понимается «...приращение стоимости продукта или услуги, созданной хозяйствующим субъектом, к стоимости использованных им при производстве товаров или оказании услуг материальных ресурсов». В свою очередь, при потребительском подходе на первое место выходит «...потребительская оценка товара, когда доля реально затраченной стоимости сводится к минимуму, а возрастает доля маркетинговых затрат и прибыли» [7].

В целом экономическое содержание показателя «добавленная стоимость» заключается в приращении стоимости материальных ресурсов, приобретенных и затраченных в рамках производственного процесса, на величину стоимости средств труда и труда работников организации [8].

Структурно добавленная стоимость включает в себя семь основных экономических элементов:

- оплату труда различных категорий работников;
- отчисления на социальные нужды;

- амортизационные отчисления на основные средства и нематериальные активы;
- налоги, включаемые в себестоимость;
- прочие расходы;
- потенциальные налоги с реализации;
- норму прибыли.

Значимость показателя добавленной стоимости состоит в том, что он, с одной стороны, находится в зависимости от результатов работы предприятий, а с другой – является важным источником пополнения государственного бюджета [9]. Таким образом, в росте добавленной стоимости заинтересованы одновременно и экономические агенты, и государство.

Не акцентируя внимание на сравнительном анализе многочисленных определений в рамках отмеченных подходов, следует признать приоритетность рассмотрения добавленной стоимости в числе ключевых факторов успешной реализации экспортно-ориентированной модели социально-экономического развития России и особенно её восточных ресурсных регионов.

На современном этапе позиционирование региональных производственных систем в глобальной системе мирохозяйственных связей определяется главным образом их экспортно-сырьевой направленностью. В то же время продукция с более высокой добавленной стоимостью долгое время оставалась менее востребованной на внешнем рынке [10]. Однако структурные изменения мировой экономики обуславливают необходимость пересмотра данного сценария внешнеэкономического взаимодействия между российскими регионами и другими странами. В этих условиях следует выстраивать новые модели участия производственных систем регионов в мировой хозяйственной системе, важнейшим фактором которых будет являться экспорт продукции с более высокой добавленной стоимостью с опорой на региональную специализацию.

В данном контексте значимую роль играет фактор приграничности, т.е. территориальные проявления непосредственной близости границы и позиционных свойств и функций территории, обусловленных приграничным местоположением [11].

По мнению П.В. Дружинина, «...возможности приграничных регионов в России пока используются слабо, эти регионы являются периферийными и отстают в развитии от большинства других регионов». Это предопределяет необходимость превращения фактора приграничности в конкурентное преимущество регионов, а также выявления дополнительных направлений развития их экспортно-ориентированных производственных систем [12].

Авторский подход к обоснованию экспортно-ориентированного производства продуктов питания с высокой добавленной стоимостью

По официальным данным российской таможенной статистики, регионы Дальнего Востока на протяжении последних лет сохраняют позитивные тенденции экспорта преимущественно сырьевых ресурсов: углеводов, леса и древесины, зерна, рыбы и морепродуктов, металлолома, полиметаллических руд и др. Обеспечивая определенный уровень формирования валового регионального продукта, налоговых поступлений, инвестиций в воспроизводственные процессы и трудовой занятости населения, такой подход нуждается в изменении с учетом современных внешних угроз при значительном ограничении стран-импортеров российского сырьевого экспорта. Реализация этого стратегического приоритета актуализирует проблему «запуска» бизнес-проектов экспортно-ориентированных производств продукции с высо-

кой добавленной стоимостью. По мнению многих специалистов и политиков, ее относительно медленное решение в рамках проводимой государственной политики последних лет объясняется фактором сравнительно низкой конкурентоспособности перерабатывающего сектора в целом ряде отраслей и видов экономической деятельности в силу допущенного отставания в уровне его технологичности и инновационности от развитых стран мира, включая дружественную России Китайскую Народную Республику.

Тем не менее именно новая геополитическая обстановка определяет значимость научного обоснования приемлемых вариантов организации конкурентоспособных экспортно-ориентированных перерабатывающих российских производств и, прежде всего, в приграничных с КНР дальневосточных ресурсных регионах.

На этой основе авторами настоящей статьи предложен методический подход к обоснованию российско-китайского бизнес-проекта производства продуктов питания с высокой добавленной стоимостью из сельскохозяйственного сырья в преференциальном режиме Приморского края.

Используя существующую в настоящее время методическую базу для оценки добавленной стоимости, её окончательный итог определялся с учетом возможных преференций по текущим издержкам будущего производства, а также преференциям по экспорту его продукции на рынок приграничных провинций КНР в соответствии с недавно утвержденной в России нормативно-правовой базой.

Таким образом, принципиальными особенностями предлагаемого подхода по сравнению с существующими являются:

- реализация бизнес-проектов по производству продукции с высокой добавленной стоимостью на принципах деятельности совместных российско-китайских предприятий, получивших регистрацию в преференциальном режиме на территории Приморского края;
- целевая экспортно-отраслевая ориентация бизнес-проектов на рынке приграничных с Приморским краем провинций КНР с учетом тенденций изменения их конъюнктуры по соответствующим группам товарной продукции;
- концентрация бизнес-проектов на глубокую переработку перспективных видов производимого в Приморском крае и других ресурсных дальневосточных регионах сельскохозяйственного сырья, устойчиво и масштабно импортируемого в последние годы в КНР без добавленной стоимости, в том числе с арендуемых в России территорий;
- сравнительная социально-экономическая целесообразность отраслевой дифференциации бизнес-проектов на основе существующих и прогнозируемых тенденций изменения параметра прибыльности производства различных групп продуктов питания из сельскохозяйственного сырья с учетом его затратной составляющей в российско-китайских приграничных регионах.

Исходя из перечисленных особенностей объектом настоящего исследования было определено сельскохозяйственное производство Приморского края и провинции Хэйлуцзян.

Приморский край является одним из крупнейших регионов сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке; обладает обширными ресурсами пахотных земель, благоприятными климатическими условиями и развитой транспортной сетью, что создает прочную основу для развития сельскохозяйственной отрасли. Валовая продукция сельского хозяйства в регионе растет из года в год, однако уровень добавленной стоимости сельскохозяйственной продукции относительно невелик.

Важно добавить, что согласно принятой Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока России до 2024 г. и на период до 2035 г. в этом регионе предусмотрено усиление экспортной специализации регионального производства.

Особенно важно решение этой задачи в агропромышленном комплексе, где значительные объемы водно-биологических, а также сельскохозяйственных ресурсов поставляются на внутренний рынок и на экспорт без добавленной стоимости, что не способствует росту валового регионального продукта и доходной части бюджета, созданию новых рабочих мест для высококвалифицированных работников. Согласно проведенному анализу в Приморском крае наблюдается динамика развития растениеводства: производство сои за последние 5 лет увеличилось на 135,9%, кукурузы – на 209,7%, картофеля – на 88,3% [13]. Перечисленные предпосылки служат весомым аргументом для обоснования целесообразности реализации в Приморском крае бизнес-проектов производств по переработке сельскохозяйственного сырья с высокой добавленной стоимостью с использованием опыта и инвестиций КНР.

Исходя из этого предлагаемый подход предполагает реализацию следующих взаимосвязанных этапов:

1. Оценка динамики роста экспортного потенциала наиболее востребованного на рынке КНР и производимого в Приморском крае сельскохозяйственного сырья с учетом его необходимости для продовольственного национального и внутрирегионального потребления и существующих производственных мощностей для переработки с добавленной стоимостью.

Выполнение этого этапа базируется на анализе статистических данных за последние 5 лет и прогнозных данных Министерства сельского хозяйства Приморского края на период до 2028 г. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика производства востребованных видов сельскохозяйственного сырья, тыс. т

Виды сельскохозяйственного сырья	2019	2020	2021	2022	2023	2028 (прогноз)	2028/ 2019, %
Соя	391,8	377,0	405,6	522,6	369,3	775,2	198
Рис	23,7	21,1	16,6	22,0	23,4	46,4	272
Кукуруза на зерно	298,7	296,3	425,8	539,3	417,9	874,0	293
Картофель	198,7	192,2	179,2	207,6	163,4	330,0	166

Источник: сост. авторами с использованием [13] и прогнозных данных Министерства сельского хозяйства Приморского края.

Как следует из приведенных в табл. 1 данных, в среднесрочной перспективе поставлена цель значительного увеличения производства сельскохозяйственного сырья: по сое – на 198%, по рису – на 272%, по кукурузе – на 293%, по картофелю – на 166%.

По мнению специалистов Министерства сельского хозяйства Приморского края, достижение этой цели позволяет обеспечить высокий рост социально-экономических показателей региона только при условии переработки перечисленных видов сырья в продукцию с высокой добавленной стоимостью преимущественно на экспорт.

В настоящее время из указанных в таблице объемов по итогам 2023 г. с получением добавленной стоимости перерабатывается только соя на заводе «Приморская соя» и в 7 частных небольших цехах общим объемом от 100 до 150 тыс. т в год.

2. Сравнительная оценка экономических показателей (затратной составляющей) переработки выбранных типов сельскохозяйственного сырья с получением широкого спектра продуктов с высокой добавленной стоимостью на соответствующих предприятиях в провинции Хэйлуцзян и Приморском крае.

Апробация данного этапа осуществлялась на ООО «Группа компаний зерновой и масличной промышленности» (г. Харбин) и предприятии «Приморская соя» (г. Уссурийск). В ходе ее проведения установлена возможность достижения сравнительно лучших экономических показателей по определенным видам продуктов питания с высокой добавленной стоимостью в российских условиях за счет меньших затрат на оплату труда персонала, электроэнергию, транспорт и воду (соевое масло, соевый шрот, картофель фри, картофельный крахмал).

3. Определение вариантов глубокой переработки сельскохозяйственного сырья по данным анализа экономической результативности реализации соответствующих производственных программ на предприятиях провинции Хэйлуцзян при использовании методического инструментария оценки показателей добавленной стоимости, долл., и сравнение систем ценообразования на получаемые продукты питания.

4. Обоснование инвестиционных проектов перерабатывающих предприятий на территориях опережающего социально-экономического развития в Приморском крае на условиях взаимовыгодного участия в организации производства их продукции с высокой добавленной стоимостью из сельскохозяйственного сырья как для продовольственного обеспечения российских дальневосточных регионов, так и для экспорта этой продукции на рынок приграничных регионов КНР.

5. Расчет ежегодной величины добавленной стоимости исходя из производственных программ созданных российско-китайских предприятий для переработки выгодных типов сельскохозяйственного сырья в преференциальных режимах Приморского края (соя, картофель) с использованием существующего методического инструментария и имеющихся прогнозов его выращивания до 2028 г.

6. Определение перспектив реализации продукции из сельскохозяйственного сырья в приграничных регионах КНР с учетом преференций Российского центра поддержки экспорта.

7. Комплексная оценка влияния осуществления российско-китайских бизнес-проектов по увеличению добавленной стоимости продовольственной продукции из сельскохозяйственного сырья на социально-экономические показатели развития региона.

Заключение

Предлагаемый в рамках выполненного исследования методический подход к увеличению добавленной стоимости в процессе переработки сельскохозяйственного сырья в преференциальных режимах Приморского края открывает благоприятные перспективы в решении государственной задачи импортозамещения и усиления

экспортной специализации экономики ресурсных регионов российского Дальнего Востока. Ключевой предпосылкой успешности этого бизнес-проекта является укрепление российско-китайского взаимовыгодного сотрудничества в новых геополитических условиях, достигающего наибольшего социально-экономического эффекта в приграничных регионах.

Данный вывод подтвержден позитивной оценкой результатов настоящего исследования и рекомендацией по его дальнейшему развитию при обсуждении в Министерстве сельского хозяйства Приморского края в июне 2024 г.

Список источников

1. Андреева Т.В., Ермарова Ж.А. Добавленная стоимость в системе анализа цепочки производства продукции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 10. С. 38–40.
2. Журавлева А.И. Роль создания глобальных цепочек добавленной стоимости на современном этапе развития экономики // Экономические науки. 2015. № 6. С. 44–47.
3. Паламарчук А.С. Экономика предприятия. Москва, 2014. 456 с.
4. Сйо К. Управленческая экономика. Москва, 2000. 40 с.
5. Юрчик В.И. Добавленная стоимость предприятия – финансовый и бухгалтерский аспект на основе системы национальных счетов // Бухгалтерский учет и анализ. 2011. № 5. С. 6–12.
6. Касаева Т.В. Показатель добавленной стоимости в оценке эффективности деятельности организации // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2018. № 2 (35). С. 123–134.
7. Прикладные аспекты формирования добавленной стоимости в промышленном и агропромышленном комплексах региона / З.А. Васильева, А.В. Москвина, Т.П. Лихачева, Е.С. Ковзунова // Фундаментальные исследования. 2018. № 11-2. С. 188–194.
8. Сорокина М.С. Сущность и поэлементная структура добавленной стоимости // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 100 (06). 14 с.
9. Демьянова О.В. Оценка отраслевых особенностей формирования добавленной стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, вып. 6. С. 1068–1079.
10. Развитие регионально-ориентированных производственных систем / под ред. А.В. Овчинниковой. Екатеринбург; Ижевск: Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 9.
11. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва. 2013. 22 с.
12. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 25, № 2. С. 200–216.
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

References

1. Andreeva T.V., Ermarova J.A. Value added in the system of analysis of the production chain. *Bulletin of Orenburg State University*. 2011; (10): 38–40.
2. Zhuravleva A.I. The role of creating global value chains at the present stage of economic development. *Economic Sciences*. 2015; (6): 44–47.
3. Palamarchuk A.S. *Enterprise Economics*. Moscow; 2014. 456 p.
4. Sio, K. *Managerial Economics*. Moscow; 2000. 40 p.
5. Yurchik V.I. The added-value of an enterprise – the financial and accounting aspect based on the system of national accounts. *Accounting and analysis* 2011; (5): 6–12.

6. Kasaeva T.V. The indicator of added-value in assessing the effectiveness of the organization. *Bulletin of the Vitebsk State Technological University*. 2018; 2 (35): 123–134.
7. Applied aspects of the formation of added-value in the industrial and agro-industrial complexes of the region / Z.A. Vasilyeva, A.V. Moskvina, T.P. Likhacheva, E.S. Kovzunova. *Fundamental research*. 2018; (11-2): 188–194.
8. Sorokina M.S. The essence and element-by-element structure of added-value. *Scientific journal of KubGAU*. 2014; 100 (06): 14.
9. Demyanova O.V. Assessment of sectoral features of value addition. *National interests: priorities and security*. 2017;13 (6): 1068–1079.
10. Development of regionally oriented production systems / edited by Doctor of Economics A.V. Ovchinnikova. Yekaterinburg; Izhevsk: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. P. 9.
11. Morachevskaya K.A. Borderline and peripherality as factors of development of Russian regions bordering with Belarus: the author's abstract. dis. ... candidate of Geographical Sciences. Moscow; 2013. 22 p.
12. Druzhinin P.V. Features of the development of border regions. *The economy of the region*. 2017; 25 (2); 200–216.
13. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru>

Информация об авторах:

Чжоу Цюань, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Сунь Лимэй, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/018-026>

EDN: <https://elibrary.ru/CUDERW>

Дата поступления:
31.10.2024

Одобрена после рецензирования:
06.11.2024

Принята к публикации:
08.11.2024

Научная статья

УДК 332.1

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/027-036>

EDN: <https://elibrary.ru/VZWIXG>

Развитие представлений о региональных предпринимательских системах в контексте концепции устойчивого развития

Колесникова Ольга Сергеевна

Амурский государственный университет

Благовещенск. Россия

Аннотация. В современных условиях возрастает необходимость поиска дополнительных источников развития страны и регионов. В исследовании в качестве такого источника рассматривается предпринимательская система, теоретические представления о которой в настоящее время находятся на стадии формирования. Исходя из этого целью работы является обоснование теоретических положений исследования региональных предпринимательских систем в контексте концепции устойчивого развития. В процессе достижения данной цели были использованы методы теоретического обобщения, сравнения, абстрактно-логического анализа, а также экономико-статистический и метод графической обработки данных. Объект исследования – предпринимательские системы, в том числе субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО), предмет – экономические отношения, возникающие в процессе их функционирования и развития. Теоретической основой исследования являются общая теория систем, теории предпринимательства и регионального развития. Методологическая основа исследования – концепция устойчивого развития страны и регионов. В исследовании представлен авторский подход к трактовке региональных предпринимательских систем, выявлены и описаны основные признаки данных систем, представлена их практическая реализация на примере субъектов ДФО. Новизна приведенного подхода заключается в рассмотрении предпринимательских систем в качестве сложного механизма (системы более высокого порядка – для регионального предпринимательства и более низкого – для экономической системы страны), обеспечивающего статическую и динамическую устойчивость развития этих систем в процессе взаимодействия предпринимательства с внешней средой. Сформулированные в ходе исследования теоретические положения позволяют развить теории региональных социально-экономических систем и теории регионального развития. Полученные результаты могут найти применение в деятельности региональных органов власти при разработке и реализации стратегий, программ развития предпринимательства и регионов, а также стать основой для совершенствования механизмов стратегического управления социально-экономической динамикой субъектов страны.

Ключевые слова: региональная система, предпринимательская система региона, концепция устойчивого развития, теневая экономика, региональное развитие.

Для цитирования: Колесникова О.С. Развитие представлений о региональных предпринимательских системах в контексте концепции устойчивого развития // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 27–36. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/027-036>. EDN: <https://elibrary.ru/VZWIXG>

Original article

Development of ideas about regional entrepreneurial systems in the context of the concept of sustainable development

Olga S. Kolesnikova

Amur State University

Blagoveshchensk. Russia

© Колесникова О.С., 2024

Abstract. *In present-day conditions, there is a desperate need to search for additional sources of the country and regions development. Considered in the presented study is the entrepreneurial system as such a source. Theoretical insights into these systems are currently being formed. Given this, the purpose of the study lies in testifying the theoretical assumptions of studying regional entrepreneurial systems in the scope of sustainable development concept. Applied to the research are the methods of theoretical generalization, comparison, abstract and logical analysis, as well as the economic and statistical, and graphical data processing techniques. The object of the study is the entrepreneurial systems of the Far Eastern Federal District (FEFD) entities. The subject of the research is the economic relations arising in their functioning and development. Theoretical background of the study serves to be the general system theory, theories of entrepreneurship and regional development. The methodological background of the study results from the concept of the country and regions sustainable development. The study presents the author's approach to the interpretation of regional entrepreneurial systems, the main features of these systems revealed and described. Highlighted here is their practical implementation as exemplified by the FEFD entities. The novelty of the author's approach lies in considering entrepreneurial systems as a complex mechanism (as a higher-order system for regional entrepreneurship and as that of a lower-order – for the country's economic system). The mechanism given provides static and dynamic stability of these systems development under the interaction of entrepreneurship with the external environment. Set forth in the research, theoretical assumptions enable our advancing theories of regional social and economic systems and those of regional development. The results obtained can be applied to the activities of regional authorities in their working out and implementing strategies and projects for the development of entrepreneurship and regions. Practical implications of the findings result in architecting the basis for improving the mechanisms of strategic management of social and economic dynamics of Federation subjects.*

Keywords: *regional system, regional entrepreneurial system, sustainable development concept, shadow economy, regional development.*

For citation: *Kolesnikova O.S. Development of ideas about regional entrepreneurial systems in the context of the concept of sustainable development // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 27–36. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/027-036>. EDN: <https://elibrary.ru/VZWIXG>*

Введение

В настоящее время возрастает интерес к вопросам, связанным с достижением устойчивого развития регионов в контексте обеспечения их экономической, социальной и экологической устойчивости. Общеизвестно, что направленность региональной политики исключительно на достижение экономического роста, основным индикатором которого считается валовой региональный продукт (ВРП), не может обеспечить повышение качества жизни населения. Это подтверждается тем, что в отдельных регионах страны высокий экономический рост может сопровождаться низким уровнем жизни проживающих в них граждан. Понимание этого привело к тому, что экономический рост постепенно стал рассматриваться в качестве одной из составляющих устойчивого развития в рамках достижения экономических, социальных и экологических целей страны и регионов.

Если рассматривать регион в рамках системного подхода, то для достижения его социально-экономического развития необходимо обеспечить устойчивость входящих в него элементов (т.е. систем более низкого порядка), в качестве которых в рамках представленного исследования рассматриваются региональные предпринимательские системы.

Отметим, что категория «региональная предпринимательская система» в настоящее время недостаточно изучена; отсутствует целостное представление о ее структуре и взаимосвязях с региональной средой. Это, в свою очередь, препятствует объективной оценке вклада данного структурного элемента в развитие регионов.

Вышесказанное предопределило цель представленной работы, которая заключается в обосновании теоретических положений о региональных предпринимательских системах в контексте концепции устойчивого развития. В процессе достижения данной цели были использованы методы теоретического обобщения, сравнения, абстрактно-логического анализа, а также экономико-статистический и метод графической обработки данных.

Объектом исследования являются предпринимательские системы, в том числе субъектов Дальневосточного федерального округа, предметом – экономические отношения, возникающие в процессе их функционирования и развития.

Теоретической основой исследования выступили общая теория систем, теории предпринимательства и регионального развития. Методологическая основа исследования – концепция устойчивого развития страны и регионов.

Основная часть

Формирование представлений о категории «региональные предпринимательские системы» связано с развитием теорий систем, объясняющих происхождение, устройство, функционирование и развитие различного рода объектов, явлений и процессов с точки зрения системного подхода.

Одним из родоначальников общей теории систем считается А.А. Богданов (Малиновский), который указывал на необходимость изучения любого объекта и явления с точки зрения его организации. Согласно автору любую систему следует рассматривать в двух аспектах: с точки зрения отношений между формирующими ее элементами и с точки зрения отношений самой системы как целого с окружающей ее средой или иными системами [1, с. 9].

Значимый вклад в развитие теории систем внес Л. фон Берталанфи. Он обобщил основные принципы, в том числе принципы целостности и организации, в единую концепцию и пришел к выводу о том, что методология системного подхода может быть применима в различных областях науки. Это, в свою очередь, привело к появлению общей теории систем [2].

В настоящее время системный подход получил достаточно широкое применение. При этом особый интерес вызывают экономические системы, представляющие собой сложное многомерное образование, обладающее целостностью и единством всех его составных частей (элементов) [3].

Экономические системы, по мнению А.А. Богданова, следует рассматривать не в статическом состоянии, а в динамическом, т.е. в условиях постоянно меняющегося равновесия [1]. Это связано с тем, что для каждой системы характерны, с одной стороны, внутренние отношения между составными ее элементами. Иными словами, система становится системой только тогда, когда ее элементы, имеющие определенную пространственную, временную и целевую организацию, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости между собой. С другой стороны, система любого порядка также характеризуется наличием отношений с внешней средой.

Важно отметить, что границы системы, отделяющие ее от внешней среды, не являются строго очерченными и представляют собой некое пограничное пространство, а сама среда может быть представлена:

– как совокупность факторов, влияющих на систему и формирующих ее устойчивость или способствующих ее адаптации, развитию, разрушению;

– как система более высокого порядка, в которой существует некая совокупность различного рода систем, конкурирующих с данной системой и обменивающихся с ней ресурсами.

При этом как между элементами системы, так и между системой и ее элементами, а также внешней средой существует некая функциональная зависимость [4], т.е. взаимосвязь, при которой изменение одного элемента вызывает изменение других элементов и системы в целом. В данном контексте следует упомянуть эмерджентность сложных экономических систем, проявляющуюся в наличии неких свойств у системы, не присущих ее элементам в отдельности, а возникающих вследствие объединения этих элементов в единую целостность. Именно это свойство считается главной характеристикой наличия или отсутствия системного эффекта [5], имеющего большое значение в процессе разработки управленческих решений для экономических систем различных уровней.

Таким образом, система может рассматриваться как совокупность элементов, формирующих ее целостность, а также как элемент системы более высокого порядка, которая определяет внешнюю среду ее функционирования и развития за счет наличия в ней различного рода факторов, оказывающих на данную систему разнонаправленное воздействие. Развитие экономических систем характеризуется постоянным процессом становления, развития и нарастания множественности видов деятельности, форм ее организации, постоянной динамикой формирования устойчивости систем и их разрушением в процессе развития [6].

Экономика страны может рассматриваться как сложная система, взаимодействующая с другими макросистемами (включая другие государства), а также как «...пространственно-временная арена возникновения, функционирования, трансформации и ликвидации экономических систем разного уровня и локализации» [7], в том числе региональных систем.

В настоящее время отмечается возрастание роли регионов в повышении устойчивости социально-экономического развития страны. В свою очередь, направленность динамики региональных систем напрямую связана с ростом показателей предпринимательства, локализованного в границах определенной территории [8]. Данный факт обуславливает необходимость формирования такой региональной предпринимательской системы, которая, с одной стороны, будет способствовать повышению эффективности деятельности предпринимательских структур (как систем более низкого порядка), а с другой – обеспечивать развитие отдельных территорий и всей страны в целом.

Учитывая то, что представления о категории «региональная предпринимательская система» формируются на стыке теории систем, теории предпринимательства и теорий регионального развития, в настоящее время можно выделить несколько основных подходов к трактовке данной дефиниции:

1) представления, сформированные в рамках теории систем. В данном контексте предпринимательская система, с одной стороны, рассматривается как часть региональной социально-экономической системы, а с другой – как самостоятельная целостная единица. Различия в данном случае заключаются в основной (конечной) цели изучения и трансформации объекта исследования, которая может быть направлена на достижение устойчивости регионального развития или на рост показателей самого предпринимательства. При этом предпринимательство при данном подходе также рассматривается в качестве системы, но более низкого порядка;

2) представления, сформированные в рамках теории предпринимательства. В этом случае цель изучения региональной предпринимательской системы, как пра-

вило, сводится к достижению эффективного функционирования конкретной предпринимательской структуры или совокупности предпринимательских структур, в том числе за счет изменения внешних условий их функционирования.

Отметим, что выделенные нами подходы не являются строго изолированными, а представления о предпринимательских системах трансформируются при их слиянии в рамках теорий регионального развития.

Так, в работе Н.А. Завалько, В.О. Кожинной региональная предпринимательская система рассматривается, с одной стороны, как часть национальной системы предпринимательства, а с другой – как «...совокупность взаимосвязанных субъектов, ресурсов, объектов инфраструктуры, организационных механизмов и институтов» [9].

В исследовании А.А. Алферова отмечается наличие взаимосвязей между различными экономическими субъектами в рамках системы, а также влияние на отношения между ними факторов, характерных для территории ее локализации [10].

В рамках экосистемного подхода подчеркивается взаимосвязь предпринимательской системы с внешней средой ее функционирования [11, 12]: во-первых, система пользуется ресурсами окружающей среды и зависит от локализованных в ней факторов; во-вторых, являясь элементом внешней среды как системы более высокого порядка, она способствует обеспечению ее устойчивого функционирования и развития.

Таким образом, в рамках данного исследования региональная предпринимательская система рассматривается, с одной стороны, как элемент национальной системы, а с другой – как совокупность предпринимательских структур, локализованных в границах региональной системы и использующих ресурсы соответствующего региона для реализации целей предпринимательства и обеспечения регионального развития.

Опираясь на представленное определение, а также на принципы общей теории систем, выделим основные признаки региональной предпринимательской системы:

1. *Открытость системы.* Данный признак характеризует способность предпринимательской системы региона к функционированию и развитию в условиях тесного взаимодействия с постоянно меняющейся внешней средой. При этом наличие динамичных границ между предпринимательской и региональной системами позволяет им лучше адаптироваться и достигать своих целей. Система и ее внешняя среда находятся во взаимной зависимости и взаимной обусловленности, между ними существуют разнонаправленные взаимодействия. Иными словами, вектор может быть направлен от среды к системе (вход) и от системы к среде (выход).

Данный признак обуславливает то, что состояние и тенденции развития субъектов Дальневосточного федерального округа во многом определяют особенности их предпринимательских систем, а также структуры их внутренней среды.

Так, в удаленных северных регионах ДФО с низким реальным уровнем жизни населения на фоне высокого номинального уровня регистрируется относительно меньшая доля занятых в секторе малого предпринимательства и сделан больший акцент на крупный бизнес. В таких регионах существующая традиционная хозяйственная деятельность коренных народов часто законно не оформлена и, как следствие, не учитывается в официальной статистике в полном объеме. Кроме того, приграничное положение части регионов находит отражение на структуре занятости в них. Это связано с возможностью привлекать к работе более дешевую рабочую силу из приграничных территорий, а также с повышенной вероятностью развития нелегальной миграции. В данном контексте следует отметить, что внешняя среда отличается различным характером воздействия на систему: она может быть нейтральной, благоприятной и неблагоприятной.

Неблагоприятная среда, в свою очередь, может приводить к тому, что система начинает функционировать на стыке двух секторов – официального и теневого [13].

2. *Функционирование региональной предпринимательской системы на стыке официального и теневого секторов.* Когда мы говорим о предпринимательских системах, важно учитывать тот факт, что предпринимательские структуры могут обращаться в теневой сектор экономики вследствие влияния на них различного рода эндогенных и экзогенных факторов. Данная тенденция во многом объясняется тем, что основной целью любого субъекта предпринимательской деятельности, как правило, является максимизация прибыли. При таком подходе издержки, в том числе налоговые, зачастую рассматриваются в качестве одного из факторов, препятствующих достижению данной цели. В свою очередь снижение уровня издержек за счет применения различных теневых схем приближает предпринимателя к главной цели – получению высокой прибыли [14].

Результаты проведенного исследования показывают, что в части регионов ДФО уровень теневой экономики достиг значительных масштабов (рис. 1).

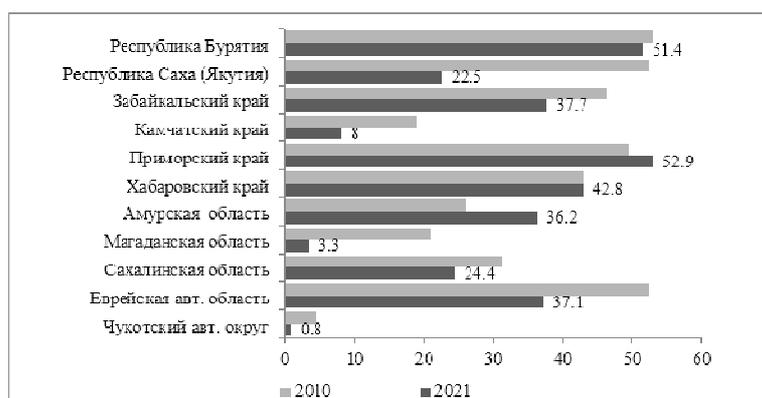

Рис. 1. Уровень теневой экономики в субъектах ДФО, %

Источник: расчеты автора по методике [15].

В качестве положительной тенденции следует отметить снижение данного показателя за последнее десятилетие в большинстве дальневосточных регионов (за исключением Приморского края и Амурской области).

3. *Способность региональной предпринимательской системы к быстрой адаптации (адаптивность),* которая может рассматриваться как приспособление к среде и целенаправленное ее преобразование. Реализация данного признака обеспечивается за счет структуры предпринимательской системы, составным элементом которой является малое предпринимательство, как правило, обладающее высокой гибкостью и мобильностью производства, что позволяет данному сектору быстрее адаптировать свою деятельность к изменяющимся условиям.

4. *Динамичность региональной предпринимательской системы,* характеризующая динамику процесса ее перехода из одного состояния в другое. Иными словами, это развитие, изменение предпринимательской системы и ее структурных элементов под воздействием региональных, национальных и международных факторов.

Динамичность системы может характеризоваться через показатель динамической устойчивости развития. Его оценка, проведенная для субъектов ДФО по мето-

дике [15], свидетельствует о том, что для части регионов (Забайкальский край, Приморский край, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Магаданская область) характерна положительная динамическая устойчивость развития в рамках контрольного периода (с 2010 по 2021 г.). В зоне риска по данному показателю находятся региональные предпринимательские системы Еврейской автономной области и Камчатского края.

5. *Способность региональной предпринимательской системы к саморазвитию*, т.е. развитию за счет внутренних ресурсов и источников. Данный признак на практике реализуется через механизм целеполагания путем реализации стратегий развития предпринимательства и социально-экономического развития регионов. Способность к саморазвитию обуславливается открытостью системы, ее динамичностью и устойчивостью.

6. *Направленность на достижение целей регионального развития и обеспечение устойчивости экономической системы страны в целом.*

В настоящее время развитие страны определяется необходимостью достижения национальных целей развития Российской Федерации [16]. Эти цели также сформулированы в рамках Концепции устойчивого развития, т.е. с соблюдением баланса между решением экономических, социальных проблем и сохранением окружающей среды. Стратегии развития на уровне предпринимательства и регионов, учитывая принципы стратегического планирования, разрабатываются с учетом общеэкономических направлений и тенденций.

7. *Способность региональной предпринимательской системы сохранять равновесие, стабильность и устойчивость.* Отметим, что под равновесием в данном случае понимается способность системы возвращаться в первоначальное состояние, компенсируя возмущающее воздействие среды. Важным показателем системы, особенно социально-экономической, является ее устойчивость. Этот показатель тесно связан с вышеупомянутым равновесием системы. Принципиальное различие между понятиями «стабильность» и «устойчивость», в свою очередь, состоит в том, что устойчивость рассматривается с позиции позитивного развития процесса (приращения показателей); стабильность же означает сохранение уже существующего состояния, т.е. обеспечение постоянства. В то же время стабильность может рассматриваться как отсутствие внешних воздействий, а устойчивость – как способность противостоять этим воздействиям. Данный признак реализуется через определение показателя статической устойчивости развития, результаты расчета которого представлены на рис. 2.

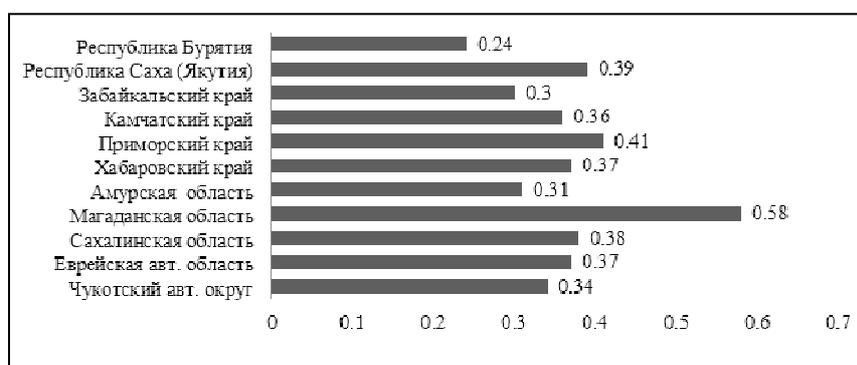

Рис. 2. Уровень статической устойчивости развития региональных предпринимательских систем субъектов ДФО в 2021 г., %

Источник: расчеты автора по методике [15].

По данным 2021 г., для субъектов ДФО наиболее характерна средняя устойчивость развития и устойчивость развития ниже среднего. Наибольшее значение показателя отмечено в Магаданской области и Приморском крае.

8. *Сложность структуры региональной предпринимательской системы.* Региональная предпринимательская система включает в себя не только экономические, но и социальные, экологические элементы, что обусловлено ее принадлежностью к системам более высокого порядка, развитие которых происходит в рамках этих трех направлений (согласно Концепции устойчивого развития).

Так, в разрезе субъектов ДФО наиболее высокое значение экономической компоненты отмечается в Чукотском автономном округе и Магаданской области. Наименьшим значением показателя по итогам 2021 г. характеризуется Республика Бурятия (рис. 3).

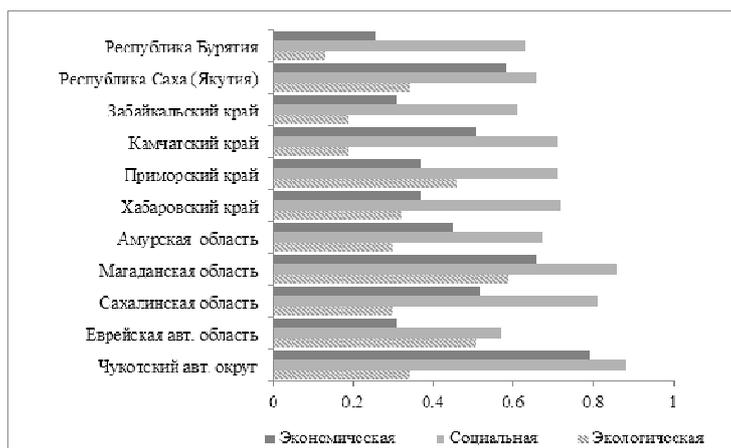

Рис. 3. Устойчивость региональных предпринимательских систем субъектов ДФО по компонентам устойчивого развития (по данным 2021 г.)

Источник: расчеты автора по методике [15].

По социальной компоненте устойчивость предпринимательских систем субъектов ДФО достигла достаточно высоких показателей, однако ведущей проблемой в данной сфере для всех исследуемых регионов по-прежнему остается высокий уровень бедности населения. Экологическая сфера, в свою очередь, является проблемной компонентой для субъектов, в которых основной вклад в формирование валовой добавленной стоимости вносит добыча полезных ископаемых, а также сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство.

Таким образом, исследование структуры предпринимательских систем в рамках концепции устойчивого развития позволяет выявить их проблемные области и разработать предложения по нивелированию влияния на эти компоненты негативных факторов внутренней и внешней среды.

Заключение

Региональная предпринимательская система представляет собой сложную социо-эколого-экономическую систему открытого типа, способную к самоорганизации и саморазвитию. В свою очередь, устойчивость данных систем является важным источником социально-экономического развития регионов и всей страны в целом.

Рассмотрение региональных предпринимательских систем в контексте системного подхода и в рамках концепции устойчивого развития позволяет дополнить представления об исследуемой категории, рассмотреть ее в качестве сложного механизма (системы более высокого порядка – для регионального предпринимательства и более низкого – для экономической системы всей страны), функционирующего в рамках экономического, социального и экологического направлений регионального развития. Это, в свою очередь, дает возможность учесть региональные особенности предпринимательских систем и их направленность на достижение общеэкономических целей при разработке стратегий и программ развития предпринимательства, регионов и страны в целом.

Список источников

1. Богданов А.А. Тектология: в 2 кн. / редкол. Л.И. Абалкин и др. Москва: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
2. Bertalanffy L. General system theory: foundations, development, applications. New York: G. Braziller, 1969. 312 p.
3. Гойхер О.Л., Ларюшкина А.А. Экономическая система: понятие, виды, свойства // Вестник университета. 2013. № 16. С. 246–250.
4. Афанасьев В.Г. Системность и общество. Москва: Политиздат, 1980. 368 с.
5. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» / В.Г. Фролов, В.Я. Захаров, Д.И. Каминченко, А.А. Павлова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4 (52). С. 40–47.
6. Мельник М.С. Формирование общей теории систем: результаты и проблемы исследования // Социально-политические науки. 2013. № 4. С. 9–12.
7. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.
8. Моттаева А.Б. Методология пространственного распределения предпринимательских структур региона на основе развития транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Санкт-Петербург. 2012. 46 с.
9. Завалько Н.А., Кожина В.О. Региональная система предпринимательства: международный опыт // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2 (86). С. 182–184.
10. Алфёров А.А. Оценка влияния международной трудовой миграции на устойчивость региональной предпринимательской системы (на примере Камчатского края): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Петропавловск-Камчатский, 2017. 152 с.
11. Овчинникова А.В., Зимин С.Д. Влияние инфраструктурного и институционального обеспечения предпринимательских экосистем на их развитие // Управление в современных системах. 2023. № 1. С. 3–21.
12. Смицких К.В. Теоретические аспекты взаимодействия акторов предпринимательской экосистемы // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11, № 2 (39). С. 69–71.
13. Колесникова О.С. Теневая экономика как фактор устойчивости развития малого предпринимательства в регионах Дальнего Востока России // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2022. № 8. С. 56–66.
14. Tsepelev O.A., Kolesnikova O.S. Sustainability of regional economic system // The European Proceeding of Social & Behavioural Science. 2019. Vol. LXXVII. P. 756–762.
15. Колесникова О.С., Цепелев О.А. Устойчивость развития региональных предпринимательских систем: монография. Москва: Наука, 2024. 300 с.
16. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

References

1. Bogdanov A.A. Tectology. Moscow: Economica; 1989. 304 p.
2. Bertalanffy L. General system theory: foundations, development, applications. New York: G. Braziller; 1969. 312 p.
3. Goykher O.L., Laryushkina A.A. Economic system: concept, types, properties. *Bulletin of the University*. 2013; (16): 246–250.
4. Afanasyev V.G. Systematicity and Society. Moscow: Politizdat; 1980. 368 p.
5. Systemic effects of development of complex systems in accordance with the concept of «Industry 4.0» / V.G. Frolov, V.Ya. Zakharov, D.I. Kaminchenko, A.A. Pavlova. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2018; 4 (52): 40–47.
6. Melnik M.S. Formation of a general theory of systems: results and problems of research. *Social and political sciences*. 2013; (4): 9–12.
7. Kleiner G.B. Systemic economy as a platform for the development of modern economic theory. *Voprosy Ekonomiki*. 2013; (6): 4–28.
8. Mottaeva A.B. Methodology of spatial distribution of regional entrepreneurial structures based on the development of transport infrastructure: author's abstract. dis. ... doctor of economic sciences: 08.00.05. St. Petersburg; 2012. 46 p.
9. Zavalko N.A., Kozhina V.O. Regional system of entrepreneurship: international experience. *Economy and entrepreneurship*. 2017; 9-2 (86): 182–184.
10. Alferov A.A. Assessing the Impact of International Labor Migration on the Sustainability of the Regional Entrepreneurial System (using the Kamchatka Territory as an Example): dis. ... Cand. of Economics: 08.00.05. Petropavlovsk-Kamchatsky; 2017. 152 p.
11. Ovchinnikova A.V., Zimin S.D. The influence of infrastructural and institutional support of entrepreneurial ecosystems on their development. *Management in modern systems*. 2023; (1): 3–21.
12. Smitskikh K.V. Theoretical aspects of interaction of actors of the entrepreneurial ecosystem *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2022; 2 (39): 69–71.
13. Kolesnikova O.S. Shadow economy as a factor in the sustainability of small business development in the regions of the Russian Far East. *Currency regulation. Currency control*. 2022; (8): 56–66.
14. Tsepelev O.A., Kolesnikova O.S. Sustainability of regional economic system. *The European Proceeding of Social & Behavioural Science*. 2019; LXXVII: 756–762.
15. Kolesnikova O.S., Tsepelev O.A. Sustainability of Development of Regional Entrepreneurial Systems: monograph. Moscow: Nauka; 2024. 300 p.
16. Decree on national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

Информация об авторе:

Колесникова Ольга Сергеевна, канд. экон. наук, доцент каф. финансов, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, kolesnikova.o.s@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/027-036>

EDN: <https://elibrary.ru/VZWIXG>

Дата поступления:
08.11.2024

Одобрена после рецензирования:
14.11.2024

Принята к публикации:
15.11.2024

Научная статья

УДК 334.02

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/037-046>

EDN: <https://elibrary.ru/VLCWQY>

Методические подходы к определению экспортного потенциала высокотехнологической продукции машиностроения

Осипов Виктор Алексеевич

Российская таможенная академия, Владивостокский филиал

Владивосток, Россия

Аннотация. Предметом исследования являются методологические вопросы определения экспортного потенциала отечественного машиностроения. В качестве цели рассматривается сущность этого явления, связь с понятием конкурентоспособности машиностроительной продукции. Выявляется роль таможенной службы в формировании действующей системы экспортного потенциала. Определяются возможности таможенной службы влиять на экспортный потенциал отечественного машиностроения, возможности управления информационным потоком в виде обратной связи от зарубежной практики реализации товаров до формулировки оптимальных для отечественного машиностроения форм и методов взаимодействия таможенных органов и отечественной промышленности. В качестве рычагов воздействия на экспортный потенциал предлагается оригинальная формула конкурентоспособности продукции машиностроения. В качестве обратной связи в системе управления экспортным потенциалом предлагается считать поток валютной прибыли.

Ключевые слова: экспортный потенциал машиностроения, конкурентоспособность машиностроительной продукции, таможенные органы как элемент управления экспортным потенциалом страны.

Для цитирования: Осипов В.А. Методические подходы к определению экспортного потенциала высокотехнологической продукции машиностроения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/037-046>. EDN: <https://elibrary.ru/VLCWQY>

Original article

Methodological approaches to determining the export potential of high-tech engineering products

Victor A. Osipov

Vladivostok branch of the Russian Customs Academy

Vladivostok, Russia

Abstract. The subject of the paper is the methodological issues of determining the export capacity of domestic engineering. The purpose of the research lies in the study of this phenomenon essence with respect to the concept of competitiveness of engineering products. Revealed here is the role of the customs service in forming the export capacity system that has come into effect. The capabilities of the customs service to influence the export capacity of domestic engineering are examined. Of special emphasis are the capacities to control information flows through feedback ranging from foreign practices in sales to various efficient (for domestic machine-building products) guises of interaction between customs authorities and domestic industry. As the market pressure on the export capacity offered in the paper is the author-developed formula of the competitiveness of machine-building products. The flows of currency profits are offered to consider as a feedback in the export

capacity control system. In addition to their fiscal functions, customs services can perform the part of both a regulator and an incentive for the export capacity development.

Keywords: *the export potential of mechanical engineering, the competitiveness of machine-building products, customs authorities as an element of managing the country's export potential.*

For citation: *Osipov V.A. Methodological approaches to determining the export potential of high-tech engineering products // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/037-046>. EDN: <https://elibrary.ru/VLCWQY>*

Введение

Актуальность статьи состоит в том, что реальное определение экспортного потенциала позволит лицам, принимающим решение, на любом уровне управления разрабатывать меры по получению валютной выручки. Особенно это важно для производств несырьевого сектора и, в частности, машиностроения. Президентом РФ В.В. Путиным практически поставлена задача увеличить долю высокотехнологичной продукции и снизить долю сырьевой составляющей в экспорте страны [1]. Рассмотрены методологические вопросы определения экспортного потенциала (ЭП) машиностроительной продукции и высокотехнологичных производств в целом.

Цель работы – дать новое понимание сущности экспортного потенциала машиностроительной промышленности, отражающего современные реалии определения конкурентоспособности машиностроительной продукции. Задачи: показать генезис данной категории, определить связь между экспортным потенциалом и конкурентоспособностью машиностроительной продукции и предприятий, выявить возможности участия таможенных органов для совершенствования ЭП машиностроительной промышленности.

Предмет исследования – экспортный потенциал как развитие понятия сравнительной эффективности производства. Развитие мировой торговли породило попытки осмысления такого понятия, как экспортный потенциал страны в рамках концепции меркантилизма. Авторская позиция состоит в том, что понятие экспортного потенциала является конструктивным; способствует развитию промышленного производства не только в целях получения валютной прибыли, но и в целях внутреннего потребления высокотехнологичной продукции.

Методы исследования: историзм (рассматривается генезис развития понятия экспортного потенциала, выявляется связь его с состоянием и развитием национальных экономик); системный анализ (сущность явления объекта изучения проявляется в его функции в более высокой системе). Выявляется управленческая функция экспортного потенциала в экономической системе государства, предприятия.

Основная часть

Экспортный потенциал как сущность национальной экономики впервые появился в меркантилизме. Определение меркантилизму дал А. Смит, открыв широкое поле экономической деятельности стран, активно участвующих в мировой торговле XV–XVIII вв.

Наиболее известные представители меркантилизма – Томас Ман (1571–1641), Антуан Монкретьен де Ваттевилль (1575–1621). В последующем «А. Смит перечислил 6 основных практических рекомендаций меркантилизма: 1) ограничение ввоза из тех стран, торговый баланс по отношению к которым считался неблагоприятным; 2) ограничение импорта тех продуктов (для внутреннего потребления), которые

могут быть произведены внутри страны; 3) возврат пошлин (акцизов) отечественным фабрикантам, вывозящим свою продукцию; 4) поощрение премиями новых отечественных мануфактур; 5) требование предоставления привилегий купцам и товарам отдельной страны в торговле с некоторыми государствами (и на их территории) по сравнению с купцами и товарами из других стран; 6) предоставление монополии торговым компаниям при учреждении колоний в дальних странах» [2]. Д. Рикардо в своей работе «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817) доказал, что в международной торговле «принцип абсолютного преимущества», проявляющегося в массе продаваемых товаров, является лишь частным случаем общего правила; обосновал теорию «сравнительного преимущества». У него речь идет уже о производстве конкретных товаров. Последующее развитие теория сравнительных преимуществ получила в работе Д. Милля «Принципы политической экономии», опубликованной в 1848 г. [3].

В разных формах идеи монетаризма проявляются до настоящего времени в зарубежной литературе и практике. Особенно известна теория Хекшера – Олина, которая объясняла причины международной торговли товарами обрабатывающей промышленности, которые состояли прежде всего в межстрановых различиях в издержках производства конкретных товаров.

В России идеи монетаризма проявились со времен Петра I с началом выхода России на мировой рынок и развивались по мере расширения внешней торговли. В современной России они проявляются в форме определения экспортного потенциала, обеспечивающего валютные поступления в бюджет государства за счет производства продукции, поступающей на внешний рынок. Для планирования валютных поступлений за счет экспорта продукции возникла потребность определить как теоретически, так и практически экспортный потенциал страны. Пик исследований в таком направлении приходится на 2010–2020 гг. [4–10].

Когда обострилась внешнеэкономическая обстановка и ввелись санкции на широкий ряд российских товаров, относящихся к различным видам экономической деятельности, были разработаны национальные программы развития отраслей экономики РФ, каждая из которых содержала пункты об экспортной ориентации деятельности [11].

Понятие экспортного потенциала как экономической категории возникло из необходимости государства знать, что и в каком объеме можно поставить на зарубежные рынки в целях получения валютного дохода. Опираясь на положения классической политической экономии, следует полагать, что на экспорт может и должна поставляться только та продукция, *которая уже насытила внутренний рынок* и по эффективности производства-потребления стоит наряду с тем, чем обеспечивают зарубежные производители, или выше того.

Можно предложить главный принцип управления внешней торговли: только «победив» на внутреннем рынке экспортную продукцию, следует думать о выходе на аналогичный внешний рынок. В основе экспортного потенциала предприятия, региона или государства лежит конкурентоспособность производимой продукции на зарубежных рынках. Однако часто в случае, когда производство осуществляется на условиях предварительного получения зарубежных кредитов, зарубежная поставка товара является главным условием возврата валютного кредита. Встречаются и случаи, когда экспорт продукции определяется по политическим причинам или по другим организационным условиям экспорта продукции, т.е. объем поставок на экспорт определяется по условиям организации заключенных договоров или по требованиям

Правительства. Это нарушает классический подход выхода на зарубежный рынок «излишков продукции» на условиях конкурентоспособности. Например, становление прогрессивной экономики Республики Кореи.

Таким образом под экспортным потенциалом страны следует понимать тот объем продукции, произведенной на отечественных предприятиях, который в состоянии конкурировать на конкретных рынках зарубежных стран. Этот показатель требуется знать лицам, принимающим решения, для управления внешней экономической деятельностью страны. Экспортный потенциал не обязательно «выходит» на внешний рынок, «он существует в возможности». Прежде всего он должен удовлетворять потребности внутреннего потребителя как единичного, так и массового. Это означает, что интересы собственных граждан должны стоять как минимум на уровне зарубежных покупателей. Этот показатель подвижен, зависит от динамики технического прогресса (особенно для машиностроительных предприятий), целей и способов потребления машиностроительной продукции, способности потребителей освоить методы управления конкурирующими машинами, национальных способов потребления, приспособленности к уровню качества, методов организации технического обслуживания и многих других качеств. При этом следует отметить возможность применения административного воздействия. Теоретически экспортный потенциал может равняться производственной мощности предприятий, отрасли или экономики в целом. Всю производимую продукцию какого-либо сектора экономики можно рассматривать в качестве экспортного потенциала, который директивно можно отправить за границу для извлечения валютного дохода и прибыли. Экспортный потенциал изначально можно и необходимо определять, как и производственную мощность, в натуральных величинах производимой продукции. Затем по мере умножения количества продукции на цену реализации на зарубежных рынках можно получить экспортный потенциал в стоимостных единицах.

Особенности машиностроительной продукции как фактора экспортного потенциала заключаются в том, что производимая машиностроением техника всегда осуществляет переворот в сферах, эксплуатирующих продукцию. Она повышает эффективность жизнедеятельности в потреблении путём: экономии времени, появления новых нетрадиционных возможностей выполнения традиционных функций, освоения новых пространств, добычи новых видов полезных ископаемых, повышения производительности труда и т.д. Все это повышает уровень и качество жизни людей, применяющих новые машины и оборудование для обеспечения своего потребления. Производство и, главное, потребление даже не самой прогрессивной техники всегда приводят к повышению качества жизни потребителей машин. В этом заключается сущность и природа машин в общественном производстве [12].

Опираясь на концепцию ранней политэкономии, в систему международного обмена техники как товара следует вводить некоторые уточнения, которые определяются особенностью потребления и проявлением эффекта. Главная особенность продукции машиностроения – длительность её эксплуатации (потребления). При этом всегда возникают проблемы текущего и капитального ремонтного обслуживания и иногда модернизации. Поэтому процессы потребления не останавливаются в моменте купли-продажи изделия. Естественным образом возникает потребность в сопровождении со стороны изготовителя в течение всего срока службы машин вплоть до списания. Классическим примером такого процесса экспорта можно рассматривать экспорт ядерной технологии, предполагающий возврат опасных отходов

атомной электростанции обратно в Россию. Как часть этой концепции можно рассматривать установленный в РФ «утилизационный сбор» для автомобилей, хотя в этом случае многие авторы полагают, что это своеобразный дополнительный налог на потребителя.

Все это предполагает разработку своеобразной тактики и стратегии выхода каждой продукции на конкретный рынок. Классическим случаем можно считать выход японской автомобильной продукции на американский рынок в 1958 и 1960 гг. На первом этапе японские предприятия вышли на американский рынок со своими автомобилями, разработанными под потребительские стандарты Японии (небольшие автомобили с малыми габаритами, малой мощностью двигателей). Первый выход был провальным. Японский менеджмент сделал вывод: вывоз из США все нераспроданные автомобили, перестроил производство под более крупные автомобили с американскими стандартами потребления и, учитывая вначале не очень качественное производство, завез запасные части по стоимости в три раза больше, чем стоимость основного товара, обеспечивая этим короткий срок ремонта и обслуживания автомобилей. На втором этапе были улучшены качественные характеристики продукции.

Здесь важно отметить, что японский менеджмент впервые на первое место как цель производства поставил *функцию потребления машиностроительной продукции*. До сих пор одним из отмечаемых конкурентных преимуществ японских машин в США является то, что они в среднем в ремонте стоят 2–3 дня в год. При этом часто из подменного фонда клиенту ремонтных служб дается машина на время ремонта.

Аналогичные управленческие процессы происходят на мировом рынке с морскими судами и их двигателями, а также с самолетными двигателями. По всему миру имеются склады с запасными частями для судовых двигателей (например, глобальная сеть сервисных центров MAN Diesel PrimeServ), которые в любой момент могут поставить в ближайший порт необходимый продукт машиностроительного производства для технического обслуживания или для ремонта. При этом не допускается аварийный ремонт за счет повышения надежности этих механизмов.

Роль таможенных органов России как государственных подразделений также может учитываться с точки зрения содействия развитию конкурентоспособного производства. Однако успешных примеров пока мало. Известна история введения таможенной пошлины на ввозимые автомобили. Драматургия её внедрения и развития требует отдельного размышления. Первоначально введение пошлины аргументировалось необходимостью поддержать отечественных производителей автомобилей с целью повышения качества продукции. Однако при этом не был разработан механизм преобразования таможенных поступлений в поддержку отечественного машиностроения, и со временем эта таможенная процедура превратилась в вариант заградительной пошлины [13].

Экспортный потенциал любого объекта управления (изделия, предприятия, его продукции, региона или государства) должен определяться по отношению к конкретному рынку либо конкретной группе потребителей, формируемой по соответствующим признакам стратегической сегментации рынка. Экспортный потенциал характеризует тот ареал, где определяется сравнительная характеристика эффективности объекта управления. В национальных масштабах ЭП может характеризовать степень развития общества (как по степени насыщения внутреннего рынка, так и способности воспроизводить уровень потребления).

Экспортный потенциал предприятия (понимаемый как конкурентоспособность предприятия) зависит от достигнутого уровня конкурентоспособности производимых на предприятии всех видов продукции, которые могут непосредственно вступить в борьбу за реализацию на конкретном зарубежном рынке. Предприятия конкурируют посредством выхода на рынок их конкретных изделий, т.е. каждое изделие является «представителем» предприятия (фирмы). Неслучайно на многих изделиях фирменное наименование (знак марки) находится на самом видном месте изделия (упаковки). Конечно, на каждом определенном рынке положение предприятия зависит не только от конкурентоспособности продукции, но и от совокупности социально-экономических факторов, организационно-правовых условий деятельности. При этом конкурентоспособная национальная экономика определяется конкурентоспособностью предприятий и отраслей.

Споры вокруг определения ЭП продолжаются и по сей день. Возможно, что экспортный потенциал любого объекта управления можно определить только в общем виде. Конкретные показатели ЭП так же многообразны, как и виды продукции и производств. При этом если на предприятии используется неустойчивая технология, не гарантирующая качество, то ЭП может определяться той долей продукции, которая конкурентоспособна на рынке, т.е. в ЭП входит только та часть продукции, которая в будущем реально может быть реализована на рынке.

В зависимости от экономического объекта различают экспортный потенциал изделия, затем предприятия и далее отрасли и национальной экономики, т.е. иерархия ЭП определяется иерархией управляемого объекта и производимой им продукцией. Характеристики и факторы, их определяющие, существенно отличаются. Объединяет эти категории способность исследуемого объекта выполнять свои функции в условиях рынка не менее эффективно, чем конкуренты. При этом понятие потенциала более широкое, чем конкурентоспособность. Экспортный потенциал состоит из продукции, обладающей достаточной конкурентоспособностью, но не обязательно экспортируемой на зарубежные рынки.

Критерием принятия решения о покупке товара на рынке является показатель конкурентоспособности как отражение большей эффективности принятия решений. Для предприятия показателем ЭП должна стать прибыль в валютном измерении, а для государства – та часть валютной прибыли, которая уходит в виде налогов в бюджет от реализации экспортной продукции. Если по каким-либо причинам вся продукция предприятия подлежит реализации за рубежом, то это означает, что экспортный потенциал будет реализован полностью.

Конкурентоспособность продукции можно представить как проявление эффективности производства предприятия непосредственно у потребителя его продукции, как некую форму «удаленной эффективности»:

$$КИ = \frac{ПЦ}{З_1 + З_2}, \quad (1)$$

где $КИ$ – конкурентоспособность изделия (продукта); $ПЦ$ – потребительская ценность изделия (полезный эффект у потребителя); $З_1$ – затраты на приобретение изделия (цена продажи, включая дополнительные издержки из-за санкций); $З_2$ – затраты потребителя по использованию изделия в течение всего времени потребления.

Таким образом, при определении конкурентоспособности товара важно знать удельные затраты на единицу потребительского эффекта от изделия. Обратная

величина показателя конкурентоспособности покажет удельные затраты в расчете на единицу потребительского эффекта. Даже при низком качестве товар будет продан, если задать ему более низкую цену, чем у конкурента. Но прежде всего конкуренция должна быть не ценовая, а по потребительским характеристикам.

В литературе отмечается, что главным препятствием для использования формулы (1) является измерение потребительной ценности продукта. Используются сложные подходы и формулы, которые фактически уводят от сущности конкурентоспособности продукции. Потребительная ценность, на наш взгляд, отражает потенциальный (при планировании) и фактический эффекты от потребления продукта.

Особенно сложно это определять для продукции машиностроения. Конкурентоспособность – это сравнительная характеристика эффективности примерно одинаковых видов продукции и экономических систем. В формуле (1) потребительская ценность изделия машиностроения должна содержать фактор времени его эффективного функционирования. Предлагаем следующую формулу для определения потребительской ценности машины [14]:

$$ПЦ = M \cdot T, \quad (2)$$

где $ПЦ$ – потребительская ценность машины; M – производственная мощность (производительность) машины; T – предстоящий полезный срок службы машины.

Отсюда следует, что потребительская ценность машины – это ее будущая полезность, потенциальная способность удовлетворять потребности в качестве средства труда определенного производственного назначения в течение предстоящего срока службы. Таким образом, это тот объём продукции, который можно получить с помощью данной машины за весь срок её службы.

Изучение конкурентоспособности собственного товара, представленного на рынке, должно вестись производителем непрерывно. Следует учитывать, что новый товар при выходе на рынок сразу начинает в той или иной мере терять свою конкурентоспособность, поэтому конкурентоспособность новых товаров должна быть опережающей и, возможно, долговременной. Сложным вопросом, не решенным в литературе, является функциональная связь конкурентоспособности изделия и прибыли от его реализации. Понятно только то, что конкурентоспособное изделие реализуется с прибылью.

Прибыль – это превышение цены товара над затратами по его изготовлению и доставке до потребителя. Фактически прибыль с изделия определяется как фактическая цена минус собственные издержки на производство и доставку продукции на рынок. В любом случае можно использовать одни и те же формулы определения прибыли с учетом приведения затрат на производство и реализацию, как внутри отечественной экономической системы, так и за рубежом, и привести их к единой валюте [15]:

$$П = (Ц - C) K \cdot T \quad (3)$$

или

$$П = \sum_{j=1}^T (Ц_j - C_j) K_j, \quad (4)$$

где $Ц_j$ – фактическая цена реализации товара на рынке на j -м отрезке времени; C_j – индивидуальная стоимость производства товара на предприятии на j -м отрезке времени с учетом доставки на рынок, включая таможенные платежи; K_j – количество выпускаемой продукции на j -м отрезке времени (месяц, год), потенциально пригодной к экспорту; T – количество периодов времени опережающего снижения уровня индивидуальной стоимости продукта относительно цены товара на рынке.

При этом можно выделить структуру прибыли, состоящую из нормальной прибыли, исходя из складывающихся предельных затрат на основе спроса и предложения. Если есть преимущество по издержкам, то в прибыль можно включить ренту. Именно дифференциальная рента первого и в основном второго рода является, на наш взгляд, той предпринимательской прибылью, которая служит стимулом для повышения эффективности производства, хотя и бывает временным явлением.

Второй уровень иерархии изучаемой категории – это экспортный потенциал предприятия. Известно множество определений конкурентоспособности предприятия. В широком смысле конкурентоспособным является предприятие, которое, осуществляя свою деятельность в условиях открытых рынков, способно длительное время оставаться прибыльным, т.е. прибыльность предприятия, показываемая на рынке, является главным фактором его конкурентоспособности, а потенциальная прибыль, получаемая в валюте, отражает экспортный потенциал предприятия.

В начале статьи было отмечено, что ЭП стал объектом изучения именно на уровне национальной экономики и в целях планирования международной торговли или оценки вариантов выхода страны на международные рынки. Экспортный потенциал страны рассматривается как способность национальных компаний, отраслей, регионов и наций создавать сравнительно высокий уровень качества жизни, высоких доходов и заработной платы, оставаясь открытым для международной конкуренции.

Многочисленные попытки объяснить, каким образом отдельные страны добиваются мирового успеха, не привели к созданию единой теории, объясняющей проявление ЭП на уровне национальной экономики. Наиболее многочисленные попытки определения этого качества экономики делаются с учетом методологии макроэкономики.

В отношении таможенной службы и экспортного потенциала нас интересует то, как таможенная служба может способствовать развитию ЭП страны. Как элемент государственного управленческого механизма таможенная служба прежде всего должна практически без задержки пропускать на сопредельные территории экспортную продукцию. Объем экспортного потенциала предопределяет требуемую пропускную способность таможенной службы. Понятно, что экспортный потенциал напрямую зависит от качества развития производственных мощностей в промышленности. Стратегический интерес государства состоит в развитии экспортного потенциала. Первоначально для этого использовались природные и географические преимущества, выгода размещения производства. Однако для машиностроительной промышленности ЭП определяется предварительным развитием науки и техники. Следовательно, развитие ЭП в стратегическом смысле зависит от упреждающего развития образования, фундаментальной науки и в последующем различных форм ее применения в НИОКР. Передовой уровень производственных мощностей и квалифицированный персонал – главные факторы экспортного потенциала страны. Если в основе изучения ЭП лежат конкретные изделия, реализуемые на рынке, то планирование развития ЭП следует начинать с глобальных затрат на совершенствование производства. Президент РФ В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию отметил: «Несырьевой неэнергетический экспорт РФ должен увеличиться за 6 лет на две трети». Для достижения этого предлагается: «Необходимо вдвое увеличить вложения государства и бизнеса в исследования и разработки, доведя их до 2% ВВП» [1].

Таможенные органы, кроме выполнения своей фискальной и контрольной функций, могут оказывать влияние на ЭП страны, зная ЭП по конкретным видам продукции и упреждающе увеличив свою пропускную способность с целью минимизации простоев экспортной продукции. Таможенные органы также могут содей-

ствовать сбору информации для потенциальных производителей продукции в части оценки конкурентоспособности реализуемых товаров стран конкурентов, оперативного оповещения о проведении выставок по тем товарам, которые дают наибольшую экспортную прибыль. Кроме того, сбор информации может дать оперативную картину для организации процессов сопровождения эксплуатации высокотехнологической продукции и разработки рекомендаций по совершенствованию возможных льгот для некоторых видов продукции.

Список источников

1. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 29.02.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/?ysclid=lut17eeptn355252646
2. Гловели Г. Дж. Меркантилизм. Большая советская энциклопедия. Опубликовано 8 ноября 2022 г. в 13:54 (GMT+3). Последнее обновление 28 июля 2023 г. в 14:35 (GMT+3). URL: <https://bigenc.ru/c/merkantilizm-d9f5d3>
3. Киреев А.П. Международная экономика. В 2 ч. Ч. 1. Международная экономика: движение товаров и факторов производства: учеб. пособие для вузов. Москва: Международные отношения, 2002. С. 88.
4. Белякова Г.Я., Фокина Д.А. Инструменты управления экспортным потенциалом с учетом стратегии развития предприятия машиностроения // Вестник СибГАУ. 2014. № 5 (57). С. 227–232.
5. Волкова В.В. Методический подход к анализу экспортного потенциала организаций оборонно-промышленного комплекса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 6А. С. 22–32.
6. Сапир Е.В., Карачев И.А. Экспортный потенциал предприятия и факторы его роста в условиях регионального кластера. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. 262 с.
7. Сидоренко А.В. Методический подход к оценке повышения эффективности деятельности промышленных предприятий за счет развития экспортного потенциала // Экономические науки. 2010. № 69. С. 57–61.
8. Сычев М.С. Показатели оценки экспортного потенциала предприятия // Инновационное развитие экономики. 2012. № 4. С. 72–77.
9. Шамрай Ю.Ф. Формирование конкурентоспособного экспортного потенциала национальной экономики // Открытое образование. 2010. № 1. С. 102–113.
10. Шум Н.М., Логинов М.П. Экспортный потенциал как основа системы международных экономических отношений // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 5. DOI: 10.15862/34ECVN523. URL: <https://esj.today/PDF/34ECVN523.pdf>
11. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 года, № 204.
12. Останин, В.А. Техника в эволюции технологических укладов: монография / под ред. С.Е. Ячина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2023. DOI: 10.24866/7444-5523-1
13. Самарин В. Заградительные ввозные пошлины: когда они появились, как развивались и нужны ли они сейчас. URL: <https://www.kolesa.ru/article/zagraditelnye-vvozyne-poshliny-kogda-oni-poyavilis-kak-razvivalis-i-nuzhny-li-oni-seychas>
14. Осипов В.А. Эффективность машиностроительного производства. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2003. 295 с.
15. Осипов В.А. Системные основы управления эффективностью промышленного производства. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2009. 190 с.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02.29.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111-/?ysclid=lut17eepn355252646
2. Glovely G.J. Mercantilism. The Great Soviet Encyclopedia. Published on November 8, 2022 at 13:54 (GMT+3). Last updated on July 28, 2023 at 14:35 (GMT+3). URL: <https://bigenc.ru/c/merkantilizm-d9f5d3>
3. Kireev A.P. International economics. In 2 hours. Part 1. International economy: movement of goods and factors of production: textbook for universities. Moscow: International Relations; 2002. P. 88.
4. Belyakova G.Ya., Fokina D.A. Tools for managing export potential, taking into account the development strategy of a machine-building enterprise. *Bulletin of SibGAU*. 2014; 5 (57): 227–232.
5. Volkova V.V. Methodological approach to the analysis of the export potential of organizations of the military-industrial complex. *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2017; 7 (6A): 22–32.
6. Sapir E.V., Karachev I.A. The export potential of the enterprise and the factors of its growth in a regional cluster. Novosibirsk: Publishing house of ANS SibAK; 2016. 262 p.
7. Sidorenko A.V. Methodological approach to assessing the efficiency improvement of industrial enterprises through the development of export potential. *Economic sciences*. 2010; (69): 57–61.
8. Sychev M.S. Indicators for assessing the export potential of the enterprise. *Innovative development of the economy*. 2012; (4): 72–77.
9. Shamray Yu.F. Formation of a competitive export potential of the national economy. *Open education*. 2010; (1): 102–113.
10. Shum N.M., Loginov M.P. Export potential as the basis of the system of international economic relations. *Bulletin of Eurasian Science*. 2023; 15 (5). DOI: 10.15862/34ECVN523. URL: <https://esj.today/PDF/34ECVN523.pdf>
11. Decree of the President of the Russian Federation "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024". May 7, 2018, No. 204.
12. Ostanin V.A. Technique in the evolution of technological structures: monograph / edited by S.E. Yachin. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University; 2023. DOI: 10.24866/7444-5523-1
13. Samarin V. Protective import duties: when did they appear, how did they develop and are they needed now. URL: <https://www.kolesa.ru/article/zagraditelnye-vvozyne-poshliny-kogda-oni-poyavilis-kak-razvivalis-i-nuzhny-li-oni-seychas>
14. Osipov V.A. Efficiency of machine-building production. Vladivostok: Publishing house of DVSTU; 2003. 295 p.
15. Osipov V.A. System foundations of industrial production efficiency management. Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House of Kamchatka State Technical University; 2009. 190 p.

Информация об авторе:

Осипов Виктор Алексеевич, ведущий научный сотрудник, д-р экон. наук, профессор, Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, г. Владивосток, professorosipov17@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/037-046>

EDN: <https://elibrary.ru/VLCWQY>

Дата поступления:
01.06.2024

Одобрена после рецензирования:
06.08.2024

Принята к публикации:
15.10.2024

Научная статья
УДК 330.8, 65.01, 796.01
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/047-059>
EDN: <https://elibrary.ru/VEULDC>

Особенности исследования понятийного аппарата в сфере физической культуры и спорта в контексте теории современного менеджмента

Лаевский Павел Владимирович

Красова Елена Викторовна

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам развития научного понятийного аппарата в сфере физической культуры и спорта (ФКиС). В условиях популяризации концепции здорового образа жизни и ориентации на всестороннее человеческое развитие ФКиС становится сложной системой общественных отношений, сочетающей интересы государства, общества и экономики. Целью исследования является теоретическое осмысление базовых понятий в сфере ФКиС на основе содержательного анализа научной литературы. Предмет исследования – как сами понятия «физическая культура» и «спорт», так и ряд родственных понятий, связанных с ФКиС как отдельной сферой хозяйственной деятельности, отрасли экономики. Основной научно-практической задачей, решению которой способствует исследование, является стремление к четкости и универсализации данных понятий, обеспечение логической стройности теоретических положений, обосновывающих современное развитие ФКиС. Проведен содержательный анализ понятий «физическая культура», «спорт», рассмотрена сущность таких понятий, как «система ФКиС», «отрасль ФКиС», «система ФКиС», «спортивная промышленность» («спортивная индустрия»), «спортивная экономика»; определены особенности использования данных понятий в современной науке.*

***Ключевые слова:** физическая культура, спорт, сфера физической культуры и спорта, отрасль физической культуры и спорта, система физической культуры и спорта, спортивная индустрия, спортивная экономика.*

***Для цитирования:** Лаевский П.В., Красова Е.В. Особенности исследования понятийного аппарата в сфере физической культуры и спорта в контексте теории современного менеджмента // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/047-059>. EDN: <https://elibrary.ru/VEULDC>*

Original article

Concepts of physical culture and sports as a subject of today's theoretical and methodological research

Pavel V. Laevskiy

Elena V. Krasova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The article deals with the development of the conceptual apparatus referring to physical culture and sports issues. In the context of healthy lifestyle popularization and focus on the comprehensive human development in many countries, physical education and sports are becoming a complex system of social relations, combining the interests of the state, society, and economy. The article aims at the theoretical understanding of basic concepts in the field of physical education and sports which are used in the relevant scientific literature. The subject of the research is «physical culture» and «sport» concepts, as well as other concepts associated with physical education and sports as a sphere of economic activity, a branch of economy. On the base of the meaningful analysis of scientific literature the authors make efforts to clarify and universalize the considered concepts, ensuring logical consistency of theoretical provisions that justify the today's development of physical education and sports. The article provides the meaning of such concepts as «physical culture», «sports», «physical education system», «physical education field», «sports industry» «sports economy». The authors also determine features of using these concepts in today's science and practice.*

Keywords: *physical culture, physical development, sports, sphere of physical culture and sports, physical education system, physical education field, sports industry, sports economy.*

For citation: *Laevskiy P.V., Krasova E.V. Concepts of physical culture and sports as a subject of today's theoretical and methodological research // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/047-059>. EDN: <https://elibrary.ru/VEULDC>*

Введение

В последние годы сфера физической культуры и спорта (ФКиС) активно развивается, приобретая все большую популярность у населения и становясь объектом государственной политики во многих странах. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» привлечение граждан России к систематическим занятиям спортом, повышение уровня удовлетворенности граждан условиями для занятий физической культурой и спортом являются ключевыми задачами в рамках достижения национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» [1].

В условиях популяризации концепции здорового образа жизни, расширения материальных и временных ресурсов для укрепления здоровья населения можно наблюдать активные процессы слияния интересов общества, государства и бизнеса, что значительно расширяет сферу ФКиС, делая ее комплексной, интегрированной системой общественных отношений. Это меняет и саму парадигму развития ФКиС, требуя совершенствования ее научно-теоретических основ, актуализации понятийно-категориального аппарата.

Накопленный мировой наукой задел в области теории и методологии ФКиС отражает терминологическую вариативность ключевых понятий, разницу подходов к их содержательному наполнению. В ходе решения сложных научно-практических задач необходимо стремиться к четкости и универсализации понятий, обеспечению логической стройности теоретических положений, обосновывающих современное развитие сферы ФКиС, которое должно соответствовать как стратегическим целям и национальным приоритетам, так и критериям социально-экономической эффективности.

Целью исследования является теоретическое осмысление базовых понятий в сфере ФКиС на основе содержательного анализа научной литературы. Предмет исследования – как сами понятия «физическая культура» и «спорт», так и ряд родственных понятий, связанных с ФКиС как отдельной сферой хозяйственной деятельности, отраслью экономики. Методологической базой исследования выступают положения теории физической культуры и спорта, основы экономической теории. Используются общенаучные методы исследования, в частности обобщение, абстрагирование, анализ, синтез и др.

Основная часть

Содержательный анализ понятий «физическая культура» и «спорт»

Многие современные ученые сходятся во мнении о том, что устойчивые понятия «физическая культура» и «спорт» возникли в XIX в. В частности, термин «физическая культура» впервые появился в США в 1830 г. и использовался для обозначения системы гармоничного развития телесного, интеллектуального и нравственного здоровья человека [2]. Термин «спорт», согласно одной из версий, уходит корнями к французскому писателю Франсуа Рабле (1494–1553), который употребил слово «desporter», в переводе означающее «забавляться» [3]. Появление понятия «спорт» в более привычной для нас интерпретации связано с именем английского педагога и реформатора образовательной системы Томаса Арнольда (1795–1842). Следует отметить, что многие научные и околонучные рассуждения о физическом развитии человека как биологического и социального организма были характерны для всех периодов человеческой истории начиная с древних времен¹, что также формирует онтологическую основу генетических корней понятий «физическая культура» и «спорт» [4].

В российских, а затем советских научных работах первой половины XX в. Понятия «физическая культура» и «спорт» использовались достаточно активно и сначала представлялись в качестве определенной системы физических упражнений, направленных на воспитание и развитие красоты тела. В 1920-х гг. физическая культура органично соединилась с другими элементами культуры человека в рамках «социальной инженерии», «научной организации труда»: «Спорт. Можно не спорить о его формах, но лишь признать, что он обязателен как элементарная грамотность... Надо создавать армии физических, психологических и организационных силачей... Новая эпоха требует создания нервно-закаленного, физически-крепкого, безумно-гибкого поколения» [5, с. 52, 60, 61]. Более емкое понятие «физическая культура», включающее охрану здоровья, режим дня, гигиену, использование естественных факторов природы, физические упражнения и физический труд, появилось

¹ Здесь можно упомянуть биосоциальные предпосылки возникновения гладиаторских боев в Древнем Риме и Олимпийских игр в Древней Греции.

чуть позже в связи с задачей формирования в СССР «нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство». Физическая культура «способствует повышению социальной и трудовой активности людей, экономической эффективности производства». Понятие «спорт» рассматривалось в качестве составной части физической культуры, как средство и метод физического воспитания, система организации и проведения соревнований, учебно-тренировочных занятий [6].

В XX–XXI вв. научно-методическим вопросам экономики и управления в сфере физической культуры и спорта были посвящены работы многих ученых. Среди зарубежных ученых можно отметить С. Армстронга, М. Брюна, А. Кларка, П. де Кубертена, Д. Мюслера, В. Ритнера, К. Хайнемана и др.; среди российских ученых – С.В. Алексеева, И.С. Барчукова, В.В. Галкина, Ю.Д. Железняк, М.И. Золотова, В.В. Кузина, М.Е. Кутепова, Л.И. Лубышеву, П.Н. Петрова, А.В. Починкина, С.Г. Сейранова и др.

В настоящее время в российской литературе понятия «физическая культура» и «спорт» употребляются часто, будучи как непосредственными предметами исследования, так и в различных контекстах; как совместно, так и по отдельности. В нормативной и научной литературе существуют разные интерпретации данных понятий, но можно отметить относительное единодушие в части определения их фундаментальной сущности.

Так, согласно Большому энциклопедическому словарю, физическая культура – «часть общей культуры общества, направленная на укрепление здоровья, развитие физических способностей человека, спортивных достижений и др.». Спорт – «составная часть физической культуры, средство и метод физического воспитания, система организации соревнований по различным физическим упражнениям» [7]. В учебной литературе под физической культурой понимается «вид культуры, который представляет собой специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и способ физического совершенствования людей для выполнения ими своих социальных обязанностей» [8].

В Федеральном законе от 29.04.1999 № 80-ФЗ (в ред. от 30.06.2007) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ныне утратившем силу) физическая культура определяется как «составная часть культуры, область социальной деятельности, представляющая собой совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых и используемых обществом в целях физического развития человека, укрепления его здоровья и совершенствования его двигательной активности», а спорт – как сфера социально-культурной деятельности, «как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним» [9]. В действующем Федеральном законе от 4.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» физическая культура трактуется как «часть общей культуры человечества и представляет собой совокупность ценностей и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития». Спорт представлен как сфера социально-культурной деятельности, «как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним» [10]. Если в двух исследуемых редакциях

закона о ФКиС сущность понятия «спорт» практически не поменялась, то понятие физической культуры сегодня акцентируется на развитии человеческих ресурсов, на разделении и вместе с тем тесной взаимосвязи процессов физического воспитания, физической подготовки и физического развития как некой единой системы совершенствования личности и общества.

Большинство специалистов разграничивают понятия «физическая культура» и «спорт», подразумевая, что физическая культура как таковая направлена на укрепление здоровья человека, не имеет жестких правил и нормативов, не предполагает состязательности и «может быть организована как в специализированных помещениях, так и на природе», а «спорт предполагает достижение максимальных результатов, показываемых на соревнованиях в специализированных площадках и залах, имеет строго регламентированные правила и нормы, отраженные в федеральном стандарте по виду спорта» [11].

В отличие от российского научного поля, в международных правовых документах и зарубежной литературе понятие «физическая культура» как таковое не встречается. В них больше идет речь о физическом воспитании (physical education), физической активности (physical activity), а также встречаются понятия тренировки (physical training), физической подготовки, фитнеса (physical fitness), физических упражнений (physical exercise). Физическая культура как термин отражает особенность российского понимания данного понятия как части культуры, однако будет справедливо признать его аналогом зарубежных терминов «физическое воспитание» (physical education) и/или «физическая активность» (physical activity), несмотря на то, что в России «физическое воспитание» существует как отдельный термин, означающий «часть общего воспитания, направленного на укрепление здоровья, гармонического развития организма человека; один из показателей состояния физической культуры в обществе» [7].

В частности, в Международной хартии физического воспитания и спорта ООН от 21.11.1978 г. физическое воспитание и спорт обозначены как важные аспекты общего образования и культуры, которые должны развивать у каждого человека волю, выдержку, содействовать его полному включению в общество, сохранению и улучшению здоровья, разумному проведению досуга, возможности лучше переносить неудобства современной жизни [12]. Спортивная Хартия Европы обозначает спорт как формы физической активности, которые через эпизодическое или организованное участие направлены на выражение и совершенствование физического и умственного состояния, формирование социальных отношений или достижение результатов в соревнованиях всех уровней [13]. Европейский манифест «Молодые люди и спорт» определяет спорт как любую физическую деятельность, которая имеет характер игры и предусматривает борьбу человека с самим собой, с другими людьми или силами природы. Физическая активность – это естественная для молодых людей форма движения, основанная на элементах игры [14].

В целом, анализируя содержание научных трудов и регулирующих документов, можно отметить следующее:

1. И для российских, и для зарубежных источников характерно разделение понятий «физическая культура» («физическое воспитание») и «спорт», хотя часто они употребляются вместе, отражая единство, взаимообусловленность целей и приоритетов занятий физической культурой и спортом. Главное отличие спорта от физической культуры – целенаправленность достижений и состязательность (наличие честной игры).

2. Концептуализация понятий «физическая культура» («физическое воспитание») и «спорт» осуществляется преимущественно с точки зрения методологии устойчивого развития, прогресса человечества и гуманистической компоненты общества. Такая методология предусматривает реализацию и развитие человеческих способностей (как физических, так и нравственных, интеллектуальных), расширение здоровой конкуренции и повышение уровня инклюзивности, улучшение здоровья и качества жизни населения, исключение какой бы то ни было дискриминации и т.д.

3. Концепции ФКиС органично увязаны с общекультурным, социальным и, как будет показано ниже, с экономическим пространством современного общества, поскольку затрагивают все аспекты жизни человека. Таким образом, физическую культуру и спорт в целом можно определить как вид человеческой деятельности, направленной на физическое совершенствование людей, оказывающей оздоровительное, воспитательно-развивающее и повышающее качество жизни воздействие на отдельного человека и общество в целом, безотносительно от уровня физических и спортивных достижений.

Содержательный анализ физической культуры и спорта как социальной сферы

Рассматривая ФКиС как самостоятельную сферу хозяйственной деятельности, отметим наличие разных подходов к ее определению. В научной литературе можно встретить такие определяющие и систематизирующие понятия, как «сфера ФКиС», «область ФКиС», «система ФКиС», «отрасль ФКиС», «индустрия спорта», «спортивная экономика» и т.д. Использование терминов «сфера», «область», «система» больше связано с социальной, общественной значимостью, поддерживаемой институтом государства для укрепления нравственно-психологического и физического здоровья нации. Термины «индустрия», «отрасль», «экономика» используются больше в экономическом, коммерческом значении, т.е. определяют ФКиС как сферу хозяйственной деятельности, приносящую прибыль и способствующую экономическому росту. Частичная синонимичность всех указанных понятий, к которым с разной степенью точности относят многочисленные и разнообразные процессы в физкультуре и спорте, обусловлена тем, что ФКиС – универсальная сфера деятельности, в которой пересекаются общественные интересы, социальная политика государства, коммерческие интересы бизнеса, производительность человеческих ресурсов, текущие потребности населения в повышении качества жизни, и зачастую трудно отделить одни процессы от других в силу их взаимной зависимости и обусловленности.

Рассмотрим особенности использования систематизирующих понятий, связанных с ФКиС, в современной научной и правовой литературе.

В исследовании [15] физическая культура и спорт обобщены как «одна из социальных сфер деятельности общества, имеющая систему специальных государственных и негосударственных учреждений разных типов, нормативно-правовую базу деятельности, систему коммуникаций, подготовки кадров и другие необходимые для развития ресурсы. Главной задачей этой сферы является укрепление здоровья, развитие физических способностей человека и достижение им высоких спортивных результатов». Автор работы [16] разделяет понятия «отрасль ФКиС» и «сфера ФКиС». К отрасли ФКиС исследователь относит организации, непосредственно оказывающие физкультурно-спортивные услуги населению (физкультурно-спортивные, спортивные, спортивно-технические, спортивно-оздоровительные клубы, детско-юношеские спортивные школы и прочие организации, осуществляющие физкульту-

турно-спортивную работу с населением), а сфера ФКиС выступает в его работе более обширной категорией, включающей в себя, помимо организаций отрасли ФКиС, инфраструктуру ФКиС – учреждения, занимающиеся созданием условий функционирования отрасли, такие как: физкультурно-спортивные объекты, научные организации, органы исполнительной власти, организации и объединения, координирующие деятельность субъектов ФКиС, предприятия смежных секторов. К последним автор относит хозяйствующих субъектов других отраслей, для которых ФКиС является лишь сферой приложения экономических интересов.

Учитывая большую общественную значимость физической культуры и спорта, сфера ФКиС является объектом государственной поддержки и регулирования. На всех уровнях государственной власти определяются принципы государственной политики по отношению к ФКиС, устанавливаются организационно-правовые и административные основы деятельности физкультурно-спортивных организаций, создаются условия для развития массовых и индивидуальных форм спортивной работы с населением, определяются приоритеты в развитии физкультурно-оздоровительного и спортивного движения, а также спорта высших достижений.

Такая институциональная составляющая непосредственно отражается в понятии «система физической культуры и спорта», которое в учебных и научных трудах по теории и методике физической культуры представлено в виде структуры и организации управления физической культурой и спортом в государстве. А.В. Починкин [17] определяет систему ФКиС как «совокупность государственных и общественных организаций, осуществляющих деятельность в целях физического воспитания населения и развития спорта». Ю.Ф. Курамшин [8] отмечает, что «первостепенную роль в приобщении людей к систематическим занятиям физическими упражнениями, в использовании, усвоении, передаче и умножении многообразных ценностей в сфере физического совершенствования человека играет система физической культуры. Она представляет собой относительно самостоятельное, целостное сложноорганизованное образование динамического характера».

Трактовку системы физической культуры и спорта можно встретить в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29.04.1999 № 80-ФЗ (ныне утратившем силу): «Система физической культуры и спорта – совокупность государственных и общественных организаций, осуществляющих деятельность в целях физического воспитания населения и развития спорта в Российской Федерации» [9]. В перечне понятий, используемых действующим Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ (в ред. от 12.06.2024), нормативно-правовая категория «система ФКиС», ранее понимаемая как «совокупность организаций...», отсутствует. «Система ФКиС» растворяется в целом ряде конкретизированных понятий типа «региональная спортивная федерация», «физкультурно-спортивное общество», «спортивная лига», «спортивный клуб», «спортивная федерация» и др., которые отражают совокупность организаций разной формы собственности, выполняющих различные функции в сфере ФКиС [10]. В то же время в действующем законе № 329-ФЗ зафиксировано понятие «система спортивной подготовки», включающее в себя институциональные, нормативные, человеческие, материальные и другие виды ресурсов, используемых для спортивной подготовки населения. Намного активнее, чем «система», в современной правовой среде, включая закон № 329-ФЗ, используются

понятия «область» и «сфера» ФКиС, отражая большую совокупность различных видов деятельности, прямо и косвенно связанных с ФКиС.

Содержательный анализ физической культуры и спорта как сферы хозяйственной деятельности

По мере своего развития сфера ФКиС все более активно взаимодействует с бизнесом. В силу своей специфики и физическая культура, и спорт долгое время считались преимущественно некоммерческими видами деятельности, как хобби, свободное времяпровождение, часть саморазвития. Сегодня сфера ФКиС раздвинула свои границы, вышла далеко за пределы физического развития человека и стала в значительной степени рассматриваться как составной элемент народного хозяйства, как высокодоходная сфера хозяйственной деятельности.

Сегодня физическая культура и спорт – это особая сфера рыночных отношений, в которой взаимодействуют спрос и предложение различных товаров и услуг, таких как: спортивная одежда и обувь, спортивные инвентарь, техника и сооружения, спортивные зрелищные мероприятия, права на трансляцию спортивных событий, реклама и многое другое. Стоит отметить многообразие спортивных товаров и услуг, сегментированность этого рынка, обусловленную наличием целого ряда потребительских групп (например, спортсмены-любители, профессиональные спортсмены, судьи, тренеры, преподаватели, болельщики, менеджеры, потребители спортивного контента, спонсоры, маркетологи и т.д.) и групп производителей, представленных различными физкультурно-спортивными организациями (спортивными комплексами, фитнес-клубами, танцевальными школами, секциями, кружками и т.д.). «Динамика развития самого спорта и его видов все больше связана с экономикой, торговлей и профессиональной ориентацией участников спортивных мероприятий. В этой системе находятся значительные материальные и финансовые активы, расширяется сеть трудовых и управленческих ресурсов. Спортивная индустрия объединяет не только спортсменов; одновременно формируется традиционная коммерческая сфера деятельности и организация бизнеса, которая в свою очередь позволяет зарабатывать деньги в условиях конкуренции как в сфере национального, так и в сфере международного спорта» [18].

В соответствии с тенденциями профессионализации и коммерциализации сферы ФКиС возникли научные категории «спортивная промышленность» (или «спортивная индустрия», «индустрия спорта») и «спортивная отрасль», отражающие концептуализацию экономической составляющей сферы ФКиС в качестве теоретико-методологического обоснования эффективного функционирования данной сферы. Экономическая коннотация понятий «индустрия спорта», «спортивная отрасль», а также хозяйственные отношения, лежащие в их основе, – основной критерий их отличия от других обобщающих понятий в сфере ФКиС (область, сфера, система и т.д.).

Анализ иностранной научной литературы выявил большое значение, которое имеет сегодня спортивная индустрия для национального устойчивого развития. Так, аргументируя тем, что потребность в спортивных продуктах и услугах быстро растет в ответ на растущее число людей, занимающихся спортом, китайские ученые говорят о том, что в ряде западных стран влияние спортивной индустрии на экономику уже превзошло влияние традиционных отраслей экономики. Термин «спортивная индустрия» в широком смысле они относят к совокупности предприятий, которые занимаются созданием и продажей спортивных товаров; в узком смысле – только к предоставлению услуг, непосредственно связанных со спортом [19]. Нацио-

нальное бюро статистики и Главное управление спорта Китая определяют спортивную индустрию как «совокупность видов производственной деятельности, которые предлагают различные спортивные продукты (товары и услуги)» [20]. «Национальная статистическая классификация спортивной индустрии», разработанная в Китае, включает 11 категорий, такие как: спортивный менеджмент, спортивные соревнования, производство спортивных и сопутствующих товаров и т.д. [21]. Интеграция спорта с цифровыми, креативными и другими индустриями как основа нового постиндустриального формата экономики фиксируется и многими западными учеными [22]. Сформировалось и активно используется широкое по значению и интерпретации понятие «спортивная экономика», выступающее неким аналогом терминов «цифровая экономика», «креативная экономика», «интеллектуальная экономика» и т.д. При этом значимость спортивной экономики для развития стран, оценка ее влияния на ВВП, доходы и прочее отражены во многих публикациях из США, Европы, объединенных мыслью «Не спрашивайте, что экономика может сделать для спорта, – спросите, что спорт может сделать для экономики» [23].

Российская Стратегия развития спортивной индустрии до 2035 г. определяет «спортивную индустрию» как «отрасль промышленности, представляющую собой совокупность промышленных предприятий и организаций, осуществляющих на всех этапах производство спортивной продукции, их компонентов, материалов и программного обеспечения, а также связанных с ними услуг, обеспечивающих сопровождение этой продукции в течение всего цикла эксплуатации с учетом его специфики» [24]. В данном документе термин «индустрия» соответствует сущности оригинального понятия «индустрия», отражающего процесс производства, изготовления чего-либо. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29.04.1999 № 80-ФЗ (ныне утративший силу) предусматривал понятие «спортивная промышленность», под которым понималась совокупность промышленных предприятий, осуществляющих производство продукции физкультурно-спортивного и туристского назначения, а именно: комбинаты, заводы, фабрики и научные организации, отдельные цехи промышленных предприятий и т.д. [9]. В действующем законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ нет зафиксированного понятия спортивной промышленности либо индустрии. Можно отметить, что в целом содержание закона ориентировано на некоммерческую составляющую ФКиС, т.е. рассматривает в большей степени аспекты обеспечения достижения национальных целей и приоритетов в сфере ФКиС, чем извлечение выгоды от ее функционирования.

В научных исследованиях одни авторы активно используют понятия «индустрия спорта» и «отрасль ФКиС», трактуя их как синонимичные и взаимозаменяемые понятия; другие, наоборот, акцентируют внимание на существенных отличиях данных понятий. Разница во мнениях отчасти вызвана особенностями заимствования иностранной лексики, в которой слово «industry» (индустрия) означает и промышленность, и отрасль промышленности.

Авторы исследования [25] под индустрией спорта понимают «полноценный сегмент экономики, приносящий доход от продажи билетов на спортивные мероприятия, спонсорства, продажи права на телетрансляцию, мерчандайзинг...», в то же время они относят к ней спорт высших достижений и массовые спортивные мероприятия. Работа [26] определяет индустрию спорта как «межотраслевой сектор мировой и национальной экономики, в котором складываются устойчивые экономи-

ческие отношения между ее основными субъектами, многие из которых занимаются предпринимательской деятельностью в процессе производства, продвижения и потребления главного продукта этой индустрии – спортивного события». Автор [27] обозначает спортивную индустрию как деятельность спортивных лиг, организаций, клубов, менеджеров; спортивное образование; производство спортивных товаров. В свою очередь, спортивная отрасль «включает обширный перечень субъектов физической культуры и спорта; согласно ст. 5 ФЗ № 329 в ней отсутствуют предпринимательские структуры, ее деятельность направлена на достижение спортивных результатов».

Заключение

Содержательный анализ научной литературы выявил многообразие существующих терминов и понятий, описывающих процессы и явления в сфере ФКиС: можно предположить, что обширный понятийный аппарат в сфере ФКиС все еще находится в стадии активного развития и уточнения.

В ходе проведенного исследования авторами сформирована категориальная система, состоящая из ряда ключевых понятий и основанная на достижениях современной теории и методологии в области ФКиС.

Физическая культура и спорт – вид человеческой деятельности, направленной на физическое совершенствование людей, оказывающей оздоровительное, воспитательно-развивающее и повышающее качество жизни воздействие на отдельного человека и общество в целом, безотносительно от уровня физических и спортивных достижений. С точки зрения экономики физическая культура и спорт – это вид хозяйственной деятельности, система социально-экономических отношений, обеспечивающая материальные возможности для физического развития и спортивных достижений населения на принципах эффективности и соответствия национальным приоритетам.

Физическая культура – часть общей культуры человечества в виде ценностей и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях всестороннего развития и успешной социальной адаптации человека, на основе здорового образа жизни, формируемого путем физического развития. Спорт – сфера социально-культурной и хозяйственной деятельности, функционирующая в виде совокупности видов спорта в целях обеспечения достижений в физическом развитии.

Авторы считают целесообразным актуализировать в научно-теоретическом аппарате такие понятия, как спортивная промышленность (спортивная индустрия) и спортивная экономика. Под спортивной индустрией предлагается понимать отрасль экономики, представленную совокупностью предприятий и организаций, осуществляющую производство разнообразной продукции (товаров и услуг), связанной со сферой ФКиС. Спортивную экономику предлагается определить как совокупность общественных отношений и практик хозяйственной деятельности, в основе которой лежат взаимосвязи между физической культурой, спортом и экономикой во всем многообразии протекающих в ней процессов и явлений.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Правительство РФ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=2> (дата обращения: 13.07.2024).
2. Григорьян Я.Г., Богатырева К.В. Физическая культура: концептуальная история термина // Физическая культура, спорт и молодежная политика в условиях глобальных вызовов.

- вов: матер. Междунар. научного конгресса, посвященного 90-летию Института физической культуры, спорта и молодежной политики УрФУ. Екатеринбург, 2023. С. 174–181.
3. Долгих Н.В. О происхождении термина «спорт» и других системообразующих понятиях // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5-4 (119). С. 24–27.
  4. Передельский А.А., Конилов С.Л. Древнегреческое физическое воспитание и агонистика, древнеримский спорт как онтологическая основа для генетического определения понятий «физическая культура» и «спорт» // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2010. № 5. С. 59–64.
  5. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Москва: Экономика, 1972. 478 с.
  6. Пономарев Н.И. Социальные функции физической культуры и спорта. Москва: Физкультура и спорт, 1974. 310 с.
  7. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/bes?page=3&letter=%D1%84#> (дата обращения: 12.07.2024).
  8. Курамшин Ю.Ф. Теория и методика физической культуры. Москва: Советский спорт, 2010. 320 с.
  9. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29.04.1999 № 80-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22930/ (дата обращения: 13.07.2024).
  10. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 13.07.2024).
  11. Сысоев А.В., Седоченко С.В., Савинкова О.Н. Концептуальный анализ терминов «физическая культура» и «спорт» // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. № 9 (175). С. 290–294.
  12. International Charter of Physical Education, Physical Activity and Sport // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235409_rus (дата обращения: 10.07.2024).
  13. Спортивная Хартия Европы // Центральная отраслевая библиотека по физической культуре и спорту. URL: <http://lib.sportedu.ru/Press/SFA> (дата обращения: 10.07.2024).
  14. Европейский манифест «Молодые люди и спорт» (принят в мае 1995 года для дополнения и расширения принципов ст. 5 Спортивной Хартии Европы) // Центральная отраслевая библиотека по физической культуре и спорту. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1543> (дата обращения: 10.07.2024).
  15. Зевелева Е.А., Забайкин Ю.В., Колосов В.А. Разработка муниципальных социальных программ в сфере развития физической культуры и спорта // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 11А. С. 148–159.
  16. Шубарин И.В. Организационно-экономический механизм развития услуг в сфере физической культуры и спорта: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Уральская государственная академия физической культуры. Челябинск, 2004. 24 с.
  17. Починкин А.В. Менеджмент в сфере физической культуры и спорта. Москва: Спорт, 2016. С. 278.
  18. Солнцев И.В. Роль индустрии спорта в развитии современной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 155–167.
  19. Zhou L., Ke Z., Waqas M. Beyond the Arena: How sports economics is advancing China's sustainable development goals // Heliyon. 2023. Vol. 9, is. 7. e18074.
  20. Wang R., Liang T. The «Belt and Road» Initiative and China's sporting goods exports: basic characteristics and policy evaluation // Heliyon. 2024. Vol. 10, is. 13. e33189.
  21. Wang Yan, Wang Yue, Li M.-X. Regional characteristics of sports industry profitability: Evidence from China's province level data // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019. Vol. 525, no. 1. P. 946–955.

22. Santomier J.P. Digital Transformation: The Global Sport Industry // Reference Module in Social Sciences. 2024. 27 May. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B9780443137013002097> (accessed date: 13.07.2024).
23. Var-Eli M., Krumer A., Morgulev E. Ask not what economics can do for sports – Ask what sports can do for economics // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2020. Vol. 89. 101597.
24. Стратегия развития спортивной индустрии до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 1188-р // Правительство РФ. URL: <http://static.government.ru/media> (дата обращения: 10.07.2024).
25. Трушина Е.А., Сергеев А.А. Развитие спортивной индустрии в России // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 165–167.
26. Малыгин А.В. Маркетинг в спортивной индустрии: для тех, кто в игре. Москва: Издательские решения, 2018. С. 420.
27. Леднев В.А. Индустрия спорта. Москва: Университет Синергия. URL: https://www.e-biblio.ru/book/bib/23_CSM/Industriya_sporta/pp_20_noyabrya_2015_lednev.pdf (дата обращения: 12.07.2024).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 no. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036". *Government of the Russian Federation*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=2> (accessed date: 13.07.2024).
2. Grigoryan Y.G., Bogatyreva K.V. Physical culture: the conceptual history of the term. *Physical culture, sports and youth policy in the face of global challenges: mater. International scientific congress dedicated to the 90th anniversary of the Institute of Physical Culture, Sports and Youth Policy of UrFU*. Yekaterinburg; 2023. P. 174–181.
3. Dolgikh N.V. On the origin of the term "sport" and other backbone concepts. *International Research Journal*. 2022; 5-4 (119): 24–27.
4. Peredelsky A.A., Konikov S.L. Ancient Greek physical education and agonism, ancient Roman sports as an ontological basis for the genetic definition of the concepts of "physical culture" and "sports". *Physical culture: education, education, training*. 2010; (5) 59–64.
5. Gastev A.K. How to work. Practical introduction to the science of labor organization. Moscow: Economics; 1972. 478 p.
6. Ponomarev N.I. Social functions of physical culture and sports. Moscow: Physical education and sports; 1974. 310 p.
7. Big encyclopedic word. URL: <https://gufo.me/dict/bes?page=3&letter=%D1%84> # (accessed date: 12.07.2024).
8. Kuramshin Y.F. Theory and methodology of physical culture. Moscow: Soviet Sport; 2010. 320 p.
9. Federal Law "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" of 29.04.1999 no. 80-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22930/ (accessed date: 13.07.2024).
10. Federal Law "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" of 04.12.2007 no. 329-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed date: 13.07.2024).
11. Sysoev A.V., Sedochenko S.V., Savinkova O.N. Conceptual analysis of the terms "physical culture" and "sports". *Scientific notes of the University of Lesgaft*. 2019; 9 (175): 290–294.
12. International Charter of Physical Education, Physical Activity and Sport. *UNESCO Digital Library*. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235409_rus (accessed date: 10.07.2024).
13. Sports Charter of Europe//Central Branch Library for Physical Culture and Sports. URL: <http://lib.sportedu.ru> → Press → SFA (accessed date: 10.07.2024).

14. European manifesto "Young People and Sports" (adopted in May 1995 to supplement and expand the principles of Article 5 of the European Sports Charter). *Central Branch Library for Physical Culture and Sports*. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1543> (accessed date: 10.07.2024).
15. Zeveleva E.A., Zabaykin Yu.V., Kolosov V.A. Development of municipal social programs in the field of development of physical culture and sports. *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2020; 10 (11A): 148–159.
16. Shubarin I.V. Organizational and economic mechanism for the development of services in the field of physical culture and sports: ref. dis.... cand. econ. Sciences / Ural State Academy of Physical Culture. Chelyabinsk; 2004. 24 p.
17. Pochinkin A.V. Management in the field of physical culture and sports. Moscow: Sport; 2016. P. 278.
18. Solntsev I.V. The role of the sports industry in the development of the modern economy. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2012; 6 (24): 155–167.
19. Zhou L., Ke Z., Waqas M. Beyond the Arena: How sports economics is advancing China's sustainable development goals. *Heliyon*. 2023; 9 (7): e18074.
20. Wang R., Liang T. The «Belt and Road» Initiative and China's sporting goods exports: basic characteristics and policy evaluation. *Heliyon*. 2024. Vol. 10. Is. 13, e33189.
21. Wang Yan, Wang Yue, Li M.-X. Regional characteristics of sports industry profitability: Evidence from China's province level data. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2019; 525 (1): 946–955.
22. Santomier J.P. Digital Transformation: The Global Sport Industry. *Reference Module in Social Sciences*. 2024. 27 May. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B9780443137013002097> (accessed date: 13.07.2024).
23. Bar-Eli M., Krumer A., Morgulev E. Ask not what economics can do for sports – Ask what sports can do for economics. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2020; (89): 101597.
24. Sports industry development strategy until 2035: approved by order of the Government of the Russian Federation of June 3, 2019 no. 1188-г. *Government of the Russian Federation*. URL: <http://static.government.ru> → media (accessed date: 10.07.2024).
25. Trushina E.A., Sergeev A.A. Development of the sports industry in Russia. *Interactive science*. 2016; (10): 165–167.
26. Malygin A.V. Marketing in the sports industry: for those in the game. Moscow: Publishing solutions; 2018. P. 420.
27. Lednev V.A. Sports industry. Moscow: Synergy University. URL: https://www.e-biblio.ru/book/bib/23_CSM/Industriya_sporta/pp_20_noyabrya_2015_lednev.pdf (accessed date: 12.07.2024).

Информация об авторах:

Лаевский Павел Владимирович, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, pavel.laevskiy@vvsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4470-7680>

Красова Елена Викторовна, канд. экон. наук, доцент каф. экономики и управления ИМБЭУ, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, elena.gorbenkova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7847-0385>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/047-059>

EDN: <https://elibrary.ru/VEULDC>

Дата поступления:
19.07.2024

Одобрена после рецензирования:
22.07.2024

Принята к публикации:
30.07.2024

Научная статья

УДК 379.85

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/060-072>

EDN: <https://elibrary.ru/TPSOIW>

Интерактивный аудиогид как инструмент экскурсионной деятельности в контексте развития Smart-туризма

Гомилевская Галина Александровна

Путилина Таисия Андреевна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается инновационный характер экскурсионной деятельности с учетом использования интерактивного аудиогuida в контексте развития Smart-туризма. Экскурсионно-познавательный туризм является наиболее популярным сегментом туристского рынка, который, в свою очередь, совершенствуется с появлением новых форм и подходов к его организации. В последние годы актуальным становится интеграция искусственного интеллекта с классическими формами туристского продукта. По форме проведения в настоящее время значительную популярность набирают аудиоэкскурсии – аудиогиды, с помощью которых экскурсанты получают исчерпывающую информацию о посещаемом месте в удобной для них форме. Мобильность и доступность – одни из главных преимуществ аудиогuida перед живым рассказом. Целью работы является разработка технологических основ интерактивного экскурсионного пешеходного аудиогuida с использованием искусственного интеллекта. Результатами работы являются: анализ мирового и отечественного опыта использования искусственного интеллекта в туризме; разработка системы классификации интерактивных экскурсионных услуг; анализ способов внедрения инновационных технологий в туризме; представление структуры интерактивного экскурсионного пешеходного аудиогuida. Научная новизна исследования – формирование технологических основ инновационного аудиогuida и системы классификации интерактивных экскурсионных услуг. Практическая значимость работы заключается в оценке способов внедрения нейросети и чат-бота в разработке экскурсионной услуги.*

***Ключевые слова:** аудиогид, экскурсионная деятельность, Smart-туризм, искусственный интеллект, нейросеть.*

***Для цитирования:** Гомилевская Г.А., Путилина Т.А. Интерактивный аудиогид как инструмент экскурсионной деятельности в контексте развития Smart-туризма // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 60–72. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/060-072>. EDN: <https://elibrary.ru/TPSOIW>*

Original article

Interactive audio guide as an excursion activity tool in the context of smart tourism development

Galina A. Gomilevskaya

Taisiya A. Putilina

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Гомилевская Г.А., 2024

© Путилина Т.А., 2024

Abstract. *The article examines the innovative nature of sightseeing activities, taking into account the use of an interactive audio guide in the context of the development of smart tourism. Sightseeing and educational tourism is the most popular segment of the tourist market, which, in turn, demonstrates gradual improvement with the advent of new forms and approaches to its organization. In recent years, the integration of artificial intelligence has become relevant. Advanced technologies are revolutionizing various industries due to the advantages they can offer. According to the form of a guided tour, audio guided tours are currently gaining significant popularity. This is justified by the fact that the audio guide allows you to get comprehensive information about the place you visit. It enables sightseeing viewers to decide how much time to devote to a particular object without being depended on the guide. Mobility and accessibility are the main advantages of an audio guide over a live story. The aim of the work is to develop the technological foundations of an interactive guided walking audio guide using artificial intelligence. The results of the work comprise the analysis of world and domestic experience; the development of a classification system for interactive excursion services; the analysis of ways to introduce innovative technologies in tourism; the presentation of the structure of an interactive guided walking audio guide. The scientific novelty of the research is the formation of the technological foundations of an innovative audio guide and a classification system for interactive excursion services. The practical significance lies in evaluating the ways of implementing a neural network and a chat-bot in the development of an excursion service.*

Keywords: *audio guide, excursion destination, smart tourism, artificial intelligence, neural network.*

For citation: *Gomilevskaya G.A., Putilina T.A. Interactive audio guide as an excursion activity tool in the context of smart tourism development // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 60–72. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/060-072>. EDN: <https://elibrary.ru/TPSOIW>*

Введение

В последнее десятилетие набирает популярность концепция Smart, которая используется для описания современных процессов в обществе и во многих сферах деятельности. Данную концепцию применяют и в сфере туризма, которая известна как Smart-туризм. Как правило, Smart в контексте туристского продукта – это новое качество, возникающее при интеграции 2 и более составляющих, одним из которых является технологическая инновация и/или Интернет. В эпоху информационных технологий индустрия туризма, в том числе экскурсионная деятельность, находит новые возможности совершенствовать продукт с помощью внедрения инноваций. К основным инновациям в сфере экскурсионного туризма следует отнести внедрение приема интерактивности в экскурсии. Характерной чертой современных потребителей экскурсионных услуг, которые стремятся к саморазвитию через путешествия и туризм, является удовлетворение их потребности в новых знаниях и опыте, в новых ощущениях и впечатлениях.

Исследования методов использования нейросетей в туристской деятельности освещены в ряде научных статей. Так, Д.А. Полежаев [1] рассматривает виды искусственных нейросетей и методы их использования в туризме. Тема интерактивности в экскурсионной деятельности раскрыта в работах С.В. Поспеловой, С.А. Гурова и М.А. Алексеенко [2, 3]. Вопросами влияния цифровых технологий на развитие туристского рынка и исследования глобальных трендов digital-технологий в туризме посвящены работы Е.В. Вишневской, Е.В. Овсянкиной [4, 5]. Особого внимания заслуживают работы Д.М. Кумовой, А. Тримайлова, В.И. Дихтяр [6], связанные с вопросами использования нейронных сетей в индустрии туризма.

Необходимо учитывать, что в отечественной практике не существует примеров внедрения инструментов искусственного интеллекта в экскурсионной деятельности. Так, нейросеть предлагает удобные и простые инструменты для озвучки текста реалистичными голосами для создания любых аудиоматериалов, что возможно использовать в разработке экскурсионного продукта.

Цель исследования – разработка технологических основ интерактивного экскурсионного пешеходного аудиогuida с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Предмет исследования – комплексный подход к развитию туристической и инновационных технологий в системе Smart-туризма.

Актуальность темы интерактивных экскурсионных услуг заключается в сокращении человеческих ресурсов: нейросети, использующие искусственный интеллект для озвучивания текста, становятся все более популярными в различных областях. Новейшие цифровые проекты в качестве экскурсионного обслуживания также могут привлечь молодое поколение, которое использует передовые технологии в повседневной жизни.

В работе определены задачи для достижения поставленной цели:

- разработка идентификационных характеристик Smart-туризма и системы классификации интерактивных экскурсионных услуг;
- анализ опыта интеграции инструментов искусственного интеллекта в туристической отрасли и способов его внедрения в экскурсионной деятельности;
- проектирование технологической схемы интерактивного экскурсионного продукта.

Методической основой работы является технология разработки экскурсионного продукта с использованием искусственного интеллекта. В процессе исследования использованы следующие методы:

- классификации, сравнения, наблюдения и системный подход для анализа международного и отечественного опыта внедрения инноваций в туризме;
- дедукции и индукции, моделирования для разработки авторской модели внедрения технологий искусственного интеллекта в аудиогид.

Основная часть

Тенденцию распространения Smart-туризма можно определить как связь человеческого опыта с умными технологиями. Данное явление взаимосвязано с развитием инновационных технологий: искусственного интеллекта, больших данных или 5G.

Одним из факторов, способствующих внедрению цифровых технологий, является доступность населения к инструментам искусственного интеллекта. По данным агентства «Инсайт Аналитикс», чья работа строится на понятии информационной культуры, в 2021 г. 83 % компаний мира называют ИИ ведущим приоритетом в их бизнесе, а 97 % владельцев бизнесов уверены, что чат-бот поможет им в работе (рис. 1) [7].

Согласно данным рисунка, 33 % населения начали внедрять искусственный интеллект, но только для небольшого перечня задач; 25 % уже наладили полностью обеспеченные ИИ процессы; 21 % нашли эффективные подходы к использованию технологий и планируют их масштабировать; 14 % протестировали несколько подходов, но без значительных успехов; 7 % еще не используют ИИ, но планируют.

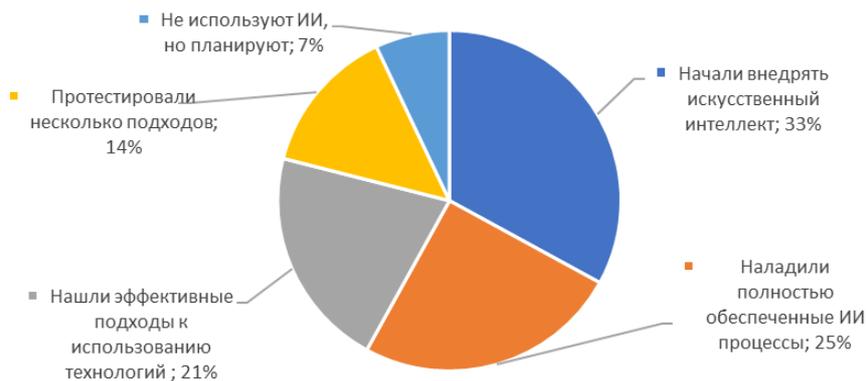

Рис. 1. Количество индивидуальных пользователей нейросетей в мире (в процентах от населения мира)

Примечание: сост. авторами по [7].

В Российской Федерации нейросеть только набирает обороты в повседневном использовании. Согласно опросу сервиса Anketolog на июнь 2023 г. только 13% от населения россиян подробно интересовались чат-ботом (рис. 2) [8].

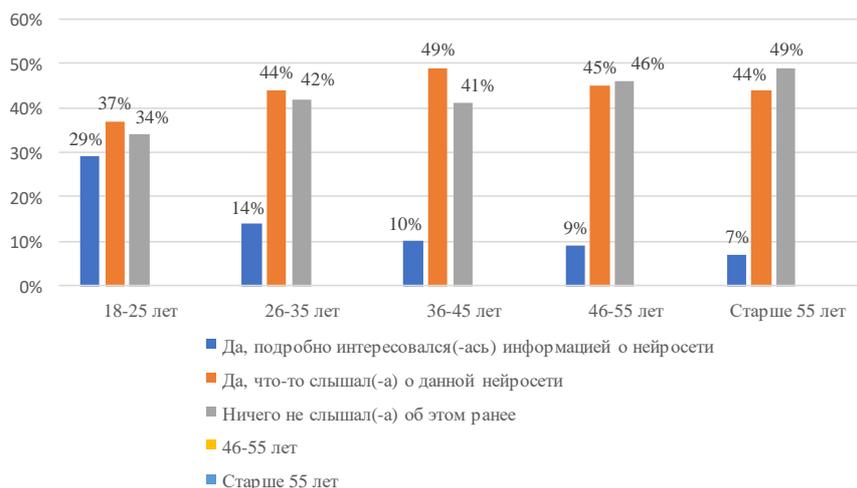

Рис. 2. Уровень заинтересованности пользователей нейросетями в РФ

Примечание: сост. авторами по [8].

Согласно данным рисунка в категории опрошенных 18–25 лет только 29% от населения россиян хорошо знакомы с чат-ботами; в категории 26–35 лет – 14%; в категории 36–45 лет – 10%; в категории 46–55 лет – 9%, а из россиян в возрасте старше 55 лет только 7% подробно интересовались нейросетями. Таким образом, молодое поколение более восприимчиво к новейшим технологиям, и их интерес к ИИ в туризме неоспорим.

В зависимости от целей и задач исследуемого нового вида туризма Smart-туризм – это динамично развивающийся вид туризма, цель которого интегрировать инновационные инструменты в туристскую услугу или продукт, что является не только будущей тенденцией развития туристской индустрии, но и ключом к трансформации и модернизации современной сферы обслуживания. Цель Smart-туризма – обеспечить рост эффективности использования ресурсов, увеличить конкурентоспособность и повысить устойчивость за счет использования инноваций.

Рис. 3. Классификация Smart-туризма

Примечание: разработано авторами.

В некоторых исследованиях Л.И. Черниковой, Е.В. Бокаревой, Е.А. Ветровой, К. Сяоцян, А. Шущинь [9–11] описывается модель «Туризм 4.0», направленная на создание добавленной стоимости в туризме посредством интеграции информации, технологий и инноваций. М.Г. Галоян, М.А. Морозов [12, 13] акцентируют внимание на том, что развивающиеся технологии XXI в. и начало цифровой эпохи привели к развитию секторов путешествий и туризма во всем мире. При многообразии классификаций, используемых сегодня в системах управления туристской деятельностью, следует указать на то, что это одна из малоисследованных проблем, требующая дальнейшей методологической проработки; единой классификации Smart-

туризма не представлено ни в одной из работ. Так, новое явление можно рассматривать с разных позиций и на разных уровнях создания туристского продукта, тем самым возможно предложить авторский классификационный подход к понятию Smart-туризма (см. рис. 3).

Таким образом, Smart-элементы возможно использовать на каждом этапе формирования туристского продукта. В данной классификации на основании признака «содержание» выделены следующие элементы Smart-туризма: инструменты, отрасли туризма, типы управления, технологии и жизненный цикл путешествия. В частности, специалисты в экскурсионной деятельности применяют инновационные технологии в интерактивном контенте, как для интернет-маркетинга, так и для усиления вовлечения посетителей.

Проведенный в работе анализ мирового и отечественного опыта показывает, что инновации в сфере туризма используются преимущественно в следующих направлениях: гостиничный сектор, предприятия общественного питания, авиакомпании, сервисы онлайн-бронирования, туроператоры, музеи и общественные пространства. Передовые технологии меняют привычное восприятие сервиса и способствуют персонализации отдыха туристов. По количеству примеров положительного применения ИИ самым технологичным сектором туристской индустрии являются авиакомпании, так как использование искусственного интеллекта позволяет снизить количество ошибок во всех процессах работы организаций, а экономия средств пропорциональна проценту внедрения технологий. В таблице 1 представлены инструменты искусственного интеллекта, которые характерны в использовании в сферах туристской индустрии.

Таблица 1

Инструменты искусственного интеллекта в туристской индустрии

Цель использования ИИ	Сфера туризма			
	Гостиничный сектор	Авиакомпания	Предприятия общественного питания	Музеи
Индивидуальное обслуживание клиентов	Электронный консьерж	Не применяется	Робот-официант	Робот-экскурсовод
Обработка и анализ данных	Программное обеспечение	Программное обеспечение	Нейросеть	Нейросеть
Голосовая цифровая помощь	Программное обеспечение	Робот-помощник	Не применяется	Интерактивные платформы
Распознавание лиц	Не применяется	Робот для анализа и сортировки багажа	Киоски самообслуживания	Не применяется

Примечание: разработано авторами.

Данные свидетельствуют о том, что ИИ распространен в гостиницах и авиакомпаниях (программное обеспечение), на предприятиях общественного питания (роботы-официанты), в музейно-выставочной деятельности (нейросети).

Экскурсионная деятельность как одно из направлений Smart-туризма является основным компонентом туристической индустрии. В последнее время появилась тенденция разнообразить экскурсионный продукт для привлечения туриста, в том числе и с помощью интерактива. Так или иначе, интерактивный способ передачи информации интересует большое количество категорий участников экскурсии, однако на данный момент существует не так много примеров применения интерактивной подачи в экскурсионной деятельности. Так, традиционные методы приема показа популярнее среди профессионалов туризма.

Исследования показывают [14], что одним из самых популярных инновационных направлений в экскурсионной деятельности является анимация (от лат. *anima* – душа, жизнь), предполагающая «оживление» исторических или литературных персонажей и вовлечение экскурсантов в происходящие действия. Анимация в туризме – это разработка и проведение специальных программ, входящих в качестве составной части в туристские экскурсионные маршруты. На данный момент не существует общепринятой классификации интерактивных экскурсионных услуг. На основании различных источников нами предложена авторская классификация.

Согласно авторской классификации в экскурсионной деятельности по форме проведения интерактивные экскурсионные услуги подразделяются на: виртуальные экскурсии, театральные экскурсии, экскурсии-игры (квесты) и аудиогиды. В зависимости от формы разделяют и приёмы интерактива: QR-коды, виртуальная реальность, сюжет, униформа, головоломки или задания и др. Так, с помощью инноваций возможно реализовать новые идеи, маршруты и экскурсионные программы. Деятельность экскурсоводов основана на сочетании просвещения и научного исследования, и использование в этом воспитательно-образовательном процессе ключевых приемов различных видов искусств, а также информационных технологий всегда дает запоминающийся эффект.

По форме проведения в настоящее время большую популярность набирают аудиоквесты – аудиогиды. Это обосновывается тем, что аудиогид позволяет получить исчерпывающую информацию о посещаемом месте, нет зависимости от экскурсовода и имеется возможность самостоятельно решать, сколько времени уделить тому или иному объекту. Мобильность и доступность – одни из главных преимуществ аудиогидов перед живым рассказом.

В разработку программного аудиогидов также актуально внедрить технологии искусственного интеллекта. Программные аудиогиды – это разработанные приложения для смартфонов, которые используются с помощью интернет-подключения. Данные устройства включают в себя информационный материал в виде фото, видео и звукового сопровождения, что исключает ношение привычных, неудобных путеводителей. В явлении аудиогидов наблюдается тенденция самостоятельного туризма, когда путешественники планируют объекты для посещения от начала своего пути до конечного пункта.

На основе методики подготовки экскурсии, закрепленной в ГОСТ Р 54604–2022 «Туризм и сопутствующие услуги. Экскурсионные услуги. Общие требования» (взамен ГОСТ Р 54604–2011) [15], возможно разработать технологию создания аудиогидов с применением искусственного интеллекта. На рисунке 4 представлена авторская модель технологической схемы интерактивного экскурсионного продукта.

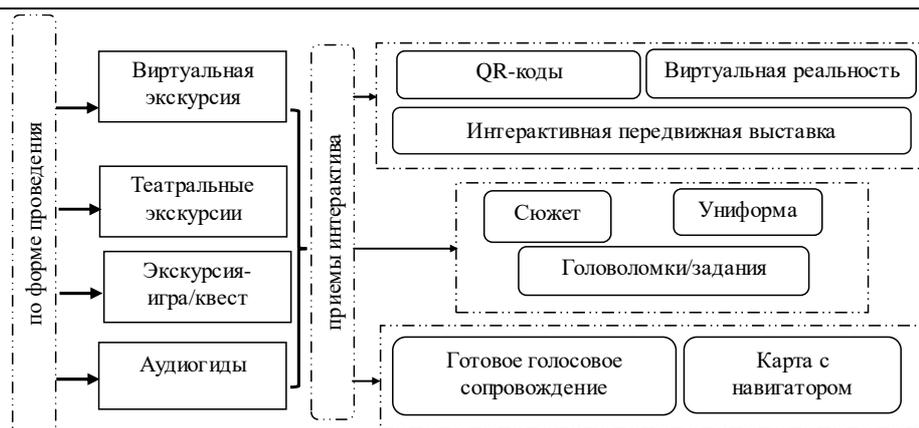

Рис. 4. Классификация интерактивных экскурсионных услуг

Примечание: разработано авторами.

Согласно предложенной схеме, при разработке программного аудиогuida требуется потенциал инновационных технологий: голосовой нейронный помощник способен проанализировать информацию, расставить паузы, ударения и сам воспроизвести текст. Для минимизации человеческих ресурсов чат-бот может генерировать изображения под запрос для составления наглядных пособий в приложении.

Нейросеть и чат-бот могут существенно улучшить опыт использования аудиогuida, сделав его более интерактивным и персонализированным. Они способны помочь пользователям лучше понять и визуализировать информацию, а также предоставить им наиболее релевантную и интересную информацию.

Преимущества использования нейросети и чат-бота:

1. Дополненная реальность в аудиогuidaх.

Технология дополненной реальности позволяет добавлять виртуальные объекты и информацию в реальный мир. Это может быть особенно полезно в аудиогuidaх, где она может помочь пользователям лучше понять и визуализировать информацию. В туристических местах она способна добавить виртуальные указатели или карты, чтобы помочь посетителям ориентироваться.

2. Генерация изображений.

С помощью чат-бота можно генерировать неограниченное количество изображений бесплатно. Если нанимать дизайнера или художника, придётся сначала заплатить за основную работу, а потом доплачивать за возможные доработки. Преимущества ИИ заключаются не только в экономии денег, но и в большом количестве оригинальных иллюстраций, которые принадлежат создателю.

3. Звуковое сопровождение.

Использование нейросетей позволяет не только ускорить процесс создания аудиоверсий текстов, но и существенно повысить их качество, делая контент доступным более широкой аудитории.

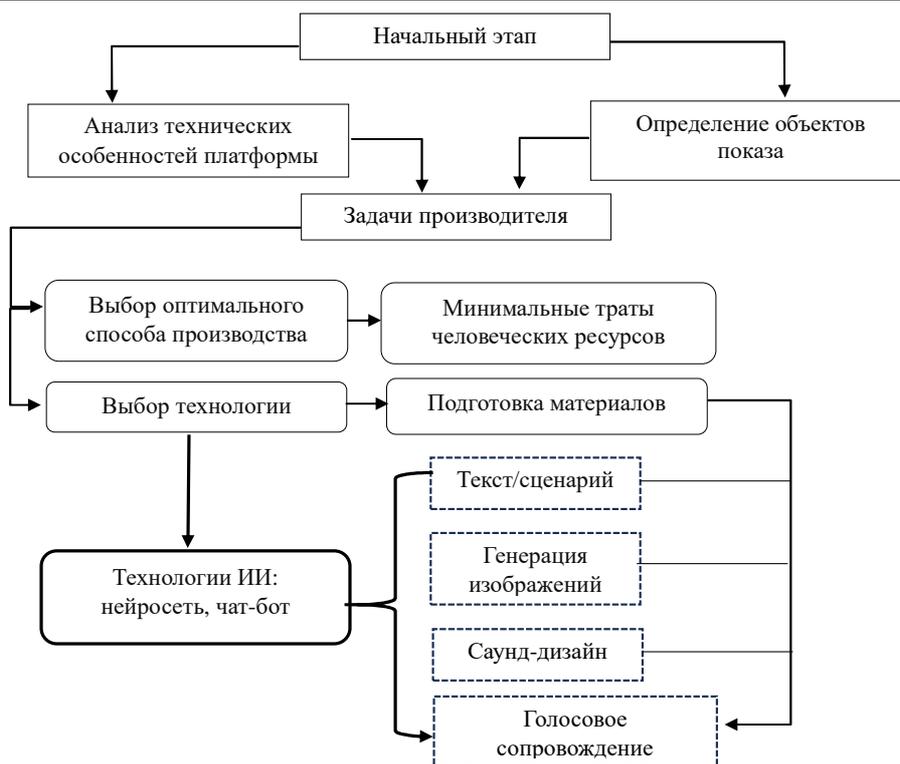

Рис. 5. Технологическая схема аудиогuida с интеграцией ИИ

В исследовании в качестве примера представлен концепт экскурсионного маршрута по Владивостоку, разработанный с помощью технологий искусственного интеллекта – нейросети. Туристский продукт представляет собой аудиогид, т.е. фонограмму, содержащую информацию для самостоятельного ознакомления с достопримечательностями. Потребителями на пешеходной городской экскурсии будет использоваться приложение-гид, созданное на базе сервиса izi.TRAVEL – площадки, которая оборудована GPS-навигатором. Данное приложение бесплатное; позволяет экскурсоводам загружать свои иммерсионные проекты. Голосовое сопровождение экскурсии будет разработано с помощью нейросети для погружения и знакомства с главной тематикой экскурсии.

Тема экскурсии – история города, показанная через образ романтической личности из далекой Америки – девушки, чье сердце принадлежит Владивостоку. Следуя за рассказчицей, экскурсанты смогут представить будни города в самый красивый и драматичный период его истории.

Название экскурсии – «И было очень весело». Данное название точное, выразительное и запоминающееся; является отсылкой к письмам Элеоноры Прей.

Цель экскурсии – показ исторической роли города в начале XX в.

Задачи экскурсии:

- эстетическое воспитание;
- знакомство с знаковой творческой личностью города;

- знакомство с особенностями города в прошлом;
- патриотическое воспитание.

Для детального изучения характера ключевого героя экскурсии Элеоноры Прей и отображения достоверного облика города в начале XX в. необходимо изучить собственные письма рассказчицы. Элеонора стала не просто свидетелем, но и хроникером всех событий богатого начала XX в. Она любила писать и фотографировать. Таким образом, основополагающим источником в разработке экскурсии является сборник избранных писем Элеоноры Лорд Прей в переводе А.А. Сапелкина [16].

Во время прохождения аудиогuida туристы прогуляются по владивостокским местам, которые посещала Элеонора Прей. Таким образом, экскурсионный маршрут представляет собой пешую прогулку по центральной части Владивостока с параллельным качественным аудиосопровождением, разработанным с помощью нейросети.

Заключение

В ходе исследования выявлена значительная заинтересованность людей в использовании нейросетей; примерно 33 % населения мира уже применяют искусственный интеллект в повседневных задачах. В статье определено понятие Smart-туризма как современного подхода к организации туристических поездок с использованием инновационных технологий, а также указана его цель – улучшение качества обслуживания туристов и повышение комфорта поездок.

Авторами разработан и представлен классификационный подход к понятию Smart-туризма, который позволяет систематизировать методы и технологии, применяемые в данной области. Детально проанализировано применение искусственного интеллекта в сфере туризма, выявлены потенциальные преимущества данного подхода для улучшения качества услуг и оптимизации процессов.

В работе актуализирована классификация интерактивных экскурсионных услуг, что способствует более точному определению и структурированию возможностей в данной сфере, разработана технологическая модель интерактивного экскурсионного продукта, направленная на создание уникального и привлекательного для туристов продукта. Предложение о создании аудиогuida с использованием нейросетей для разработки озвучки значительно улучшит впечатления туристов и повысит уровень вовлеченности и интерактивности во время экскурсии.

Научная новизна исследования заключается в оценке инструментов внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в аудиогuidaх, что позволило определить основные направления дальнейшего развития систем ИИ в разработке экскурсионного продукта. Практическая значимость работы – возможность включения результатов исследования в процесс проектирования инновационных экскурсионных услуг для повышения интереса молодого поколения к пешим экскурсиям.

Таким образом, использование интерактивного аудиогuida как инструмента экскурсионной деятельности может быть эффективным способом для привлечения молодых туристов и осуществления перехода к Smart-туризму. Дальнейшие исследования и разработки в этой области могут способствовать развитию инновационных подходов к проведению экскурсий и созданию уникального туристического продукта.

Список источников

1. Полежаев Д.А. Методы использования нейросетей в организации туристской деятельности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 5-3 (99). URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-ispolzovaniya-neyrosetey-v-organizatsii-turistkoy-deyatelnosti> (дата обращения: 21.02.2024).
2. Пospelova C.B. Интерактив в экскурсионной деятельности // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktiv-v-ekskursionnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 01.03.2024).
  3. Гуpов C.A., Алексеепко M.A. Инновации в экскурсионном бизнесе // Бизнес и дизайн pевю. 2019. № 2 (14). URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2019-g-2-14-iyun/gurov-s-a-alekseenko-m-a-innovatsii-v-ekskursionnom-biznese/> (дата обращения: 15.03.2024).
  4. Вишнепская E.B. Влияние цифровых технологий на развитие туристского рынка // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-razvitie-turistskogo-rynka> (дата обращения: 20.03.2024).
  5. Овсепкина E.B. Глобальные тренды digital-технологий в сфере туризма и гостеприимства // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-trendy-digital-tehnologiy-v-sfere-turizma-i-gostepriimstva> (дата обращения: 25.03.2024).
  6. Дихтяр В.И. К вопросу об использовании нейронных сетей в индустрии туризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-neyronnyh-setey-v-industrii-turizma> (дата обращения: 30.03.2024).
  7. Первое исследование о ChatGPT: 53% россиян хотят воспользоваться чат-ботом // Институт общественного мнения. Анкетолог. 2023. 22 мая. URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/05/19/kak-rossiyane-otnosyatsya-k-chatgpt> (дата обращения: 15.04.2024).
  8. 80% of Companies will Adopt Intelligent Automation by 2025 // Analytics Insight. 2021. URL: <https://www.analyticsinsight.net/intelligent-automation/80-of-companies-will-adopt-intelligent-automation-by-2025> (дата обращения: 20.04.2024).
  9. Черпикова Л.И., Бокарева E.B., Ветрова E.A. Технологии умного туризма – экономический подход (Туризм 4.0) // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-umnogo-turizma-ekonomicheskij-podhod-turizm-4-0> (дата обращения: 14.02.2024).
  10. Кормягина Н.Н. Smart-туризм как часть Smart-концепции // Маркетинг и логистика. 2017. URL: <https://marklog.ru/smart-turizm-kak-chast-smart-koncepcii/> (дата обращения: 14.02.2024).
  11. Сяоцянъ К., Шупинъ А. Исследование развития «Умного» туризма в провинции Цзянси в рамках концепции «Интернет+» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-razvitiya-umnogo-turizma-v-provintsii-tszyansi-v-ramkah-kontseptsii-internet> (дата обращения: 15.02.2024).
  12. Галоян М.Г. Smart-туризм – часть концепции smart-city // Матер. XI Междунар. студенческой науч.-практ. конф. «Студенческий научный форум». 2024. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018012051> (дата обращения: 15.02.2024).
  13. Морозов М.А., Морозова Н.С. Инновационные тренды развития туризма и гостиничного бизнеса в условиях цифровизации // ЕГИ. 2020. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-trendy-razvitiya-turizma-i-gostinichnogo-biznesa-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 02.04.2024).

14. Чирский Н.А., Хвагина Т.А. Инновации в экскурсионной деятельности // Туризм и гостеприимство. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-ekskursionnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.04.2024).
15. ГОСТ Р 54604–2022. Туризм и сопутствующие услуги. Экскурсионные услуги. Общие требования: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2022 г. № 1704-ст: дата введения 2023-06-30 / разработан: Федеральным агентством по туризму (Ростуризм) и Автономной некоммерческой организацией Научно-информационный центр «Полярная инициатива» // ООО «Юридическое агентство Персона Грата»: [сайт]. URL: https://personagrata.ru/files/dokumenty/gost_r_54604-2022.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
16. Pray E.L. Письма из Владивостока, 1894–1930 / edited with introduction and notes by Birgitta Ingemanson. London: University of Washington Press, 2013. 462 p. (дата обращения: 25.04.2024).

References

1. Polezhaev D.A. Methods of using neural networks in the organization of tourist activity. *Economics and business: theory and practice*. 2023; 5-3 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-ispolzovaniya-neyrosetey-v-organizatsii-turistkoy-deyatelnosti> (accessed date: 21.02.2024).
2. Pospelova S.V. Interactive in excursion activity. *Scientific result. Business and service technologies*. 2017; 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktiv-v-ekskursionnoy-deyatelnosti> (accessed date: 15.02.2024).
3. Gurov S., Alekseenko M.A. Innovations in excursion business. *Business and design revue*. 2019; 2 (14). URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2019-g-2-14-iyun/gurov-s-a-alekseenko-m-a-innovatsii-v-ekskursionnom-biznese/> (accessed date: 15.03.2024).
4. Vishnevskaya E.V. Influence of digital technologies on the development of the tourist market. *Scientific result. Business and service technologies*. 2019; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-razvitie-turistskogo-rynka> (accessed date: 20.03.2024).
5. Ovsyankina E.V. Global trends of digital-technologies in the sphere of tourism and hospitality. *Bulletin of the association of universities of tourism and service*. 2020; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-trendy-digital-tehnologiy-v-sfere-turizma-i-gostepriimstva> (accessed date: 25.03.2024).
6. Dikhtyar V.I. To the question about the use of neural networks in the tourism industry. *National interests: priorities and security*. 2013; (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-neyronnyh-setey-v-industrii-turizma> (accessed date: 30.03.2024).
7. The first research about ChatGPT: 53 % of Russians want to use a chatbot. *Institute of Public Opinion. Anketolog*. 2023. May 22. URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/05/19/kak-rossiyane-otnosyatsya-k-chatgpt> (accessed date: 15.04.2024).
8. 80 % of Companies will Adopt Intelligent Automation by 2025. *Analytics Insight*. 2021. URL: <https://www.analyticsinsight.net/intelligent-automation/80-of-companies-will-adopt-intelligent-automation-by-2025> (accessed date: 20.04.2024).
9. Chernikova L.I., Bokareva E.V., Vetrova E.A. Technologies of smart tourism – economic approach (Tourism 4.0). *Innovations and Investments*. 2023; (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-umnogo-turizma-ekonomicheskii-podhod-turizm-4-0> (accessed date: 14.02.2024).

10. Kormyagina N.N. Smart-tourism as a part of Smart-concept. *Marketing and logistics*. 2017. URL: <https://marklog.ru/smart-turizm-kak-chast-smart-koncepcii/> (accessed date: 14.02.2024).
11. Xiaoqian K., Shuqin A. Study of the development of “Smart” tourism in Jiangxi Province within the concept of “Internet+”. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2016; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-razvitiya-umnogo-turizma-v-provintsii-tszyansi-v-ramkah-kontseptsii-internet> (accessed date: 14.02.2024).
12. Galoyan M.G. Smart-tourism part of the smart-city concept. *Materials of the XI International Student Scientific and Practical Conference “Student Scientific Forum”*. 2024. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018012051> (accessed date: 15.02.2024).
13. Morozov M.A., Morozova N.S. Innovative trends of tourism and hotel business development in the conditions of digitalization. *EGI*. 2020; 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-trendy-razvitiya-turizma-i-gostinichnogo-biznesa-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (accessed date: 02.04.2024).
14. Chirsky N.A., Khvagina T.A. Innovations in excursion activity. *Tourism and hospitality*. 2015; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-ekskursionnoy-deyatelnosti> (accessed date: 05.04.2024).
15. GOST R 54604–2022. Tourism and related services. Excursion services. General requirements: national standard of the Russian Federation: approved and put into effect by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology from December 29, 2022 no. 1704-st: date of introduction 2023-06-30 / developed by: the Federal Agency for Tourism (Rostourism) and Autonomous Non-profit Organization Scientific-Information Center “Polar Initiative”. LLC “Legal Agency Persona Grata”: [website]. URL: https://persona-grata.ru/files/dokumenty/gost_r_54604-2022.pdf (accessed date: 10.04.2024).
16. Pray E.L. Letters from Vladivostok 1894–1930 / edited with introduction and notes by Birgitta Ingemanson. London: University of Washington Press; 2013. 462 p. (accessed date: 25.04.2024).

Информация об авторах:

Гомилевская Галина Александровна, директор Международного института окружающей среды и туризма, канд. экон. наук, доцент каф. туризма и гостинично-ресторанного бизнеса, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, gag17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3517-2112>

Путилина Таисия Андреевна, бакалавр, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, putilina@visit-prrimorye.ru <https://orcid.org/0000-0001-8908-0040>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/060-072>

EDN: <https://elibrary.ru/TPSOIW>

Дата поступления:
12.07.2024

Одобрена после рецензирования:
09.08.2024

Принята к публикации:
16.08.2024

Научная статья

УДК 34.01

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>

EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>

Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права

Литвинова Светлана Федоровна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** В российской доктрине международного частного права (МЧП) не утихают споры о его месте в системе права, предмете, методах правового регулирования, формах внешнего выражения правовых норм, месте коллизионных норм в системе нормативных правовых предписаний и т.п. Представляется, что споры возникают на основе методологически неправильного определения природы коллизионных норм, которые составляют основной элемент МЧП. Целью статьи является: определение отраслевой принадлежности коллизионных норм и их места в системе нормативных правовых предписаний на основе авторской интерпретации их природы. Исследование проводилось общенаучными, частно-научными, в том числе специально-юридическими, методами. Природа коллизионных норм МЧП определялась на основании установления достаточных условий, причины их возникновения, а также на основании их взаимодействия с таким явлением, как суверенитет. Появление и укоренение понятия «государственный суверенитет» и утверждение принципа суверенного равенства государств в международных отношениях являются триггерными условиями возникновения внутригосударственных коллизионных норм МЧП. Они в свою очередь являются инструментом добровольного ограничения суверенного права государства регулировать общественные отношения на своей территории в пользу иностранного права, тем самым разрешая коллизии права разных государств. На основании такого понимания природы коллизионных норм сделан вывод о том, что коллизионные нормы МЧП являются частью внутригосударственного, публичного, конституционного права. При определении места коллизионных норм в системе правовых норм сделан вывод о том, что они являются самостоятельным видом нетипичных правовых предписаний. Авторский подход претендует на формирование новой теории МЧП, что, безусловно, повлияет на правоприменительную практику, в частности на применение оговорки о публичном порядке, принятие обратной отсылки, признание решений иностранных судов и арбитражей и др.*

***Ключевые слова:** природа правового явления, природа коллизионных норм международного частного права, место коллизионных норм в системе правовых норм, конституционно-правовая природа коллизионных норм международного частного права, взаимовлияние суверенитета и коллизионных норм международного частного права.*

***Для цитирования:** Литвинова С.В. Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>. EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>*

Original article

The place of conflict of laws rules of private international law in the system of Russian law

Svetlana F. Litvinova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *In the Russian doctrine of private international law (MCHP), disputes about its place in the legal system, the subject, methods of legal regulation, forms of external expression of legal norms, the place of conflict-of-laws norms in the system of normative legal prescriptions, etc. do not subside. It seems that disputes arise on the basis of a methodologically incorrect definition of the nature of conflict-of-laws norms, which constitute the main element of the MCHP. The purpose of the article is to determine the industry affiliation of such conflict-of-laws norms and their place in the system of regulatory legal prescriptions based on the author's interpretation of their nature. The research was conducted using general scientific, private scientific, including special legal methods. The nature was determined on the basis of the establishment of sufficient conditions, the causes of the conflict of laws norms of the Ministry of Emergency Situations. The nature of conflict-of-laws rules was determined by their interaction with such phenomenon as sovereignty. The emergence and establishment of the concept of "state sovereignty" and the affirmation of the principle of sovereign equality of States in international relations are trigger conditions for the emergence of intra-State conflict of laws norms of the Ministry of Emergency Situations. They, in turn, are an instrument of voluntary restriction of the sovereign right of a State to regulate public relations on its territory in favor of foreign law, thereby resolving conflicts of law between different states. Based on this understanding of the nature of conflict-of-laws rules, it is concluded that the conflict-of-laws rules of the Ministry of Emergency Situations are a part of domestic, public, and constitutional law. When determining the place of conflict-of-laws rules in the system of legal norms, it is concluded that they are an independent type of atypical legal regulations. The author's approach claims to form a new theory of the Ministry of Emergency Situations, which, of course, will affect law enforcement practice, in particular, the application of a public policy clause, acceptance of a backlink, recognition of decisions of foreign courts and arbitrations, etc.*

Keywords: *the nature of the legal phenomenon; the nature of conflict-of-laws rules of private international law; the place of conflict-of-laws rules in the system of legal norms; the constitutional and legal nature of conflict-of-laws rules of private international law; the mutual influence of sovereignty and conflict-of-laws rules of private international law.*

For citation: Litvinova S.F. The place of conflict of laws rules of private international law in the system of Russian law // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16, № 4. P. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>. EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>

Введение

В современной российской доктрине международного частного права не утихают споры о его месте в системе права, предмете, методах правового регулирования, формах внешнего выражения правовых норм, месте коллизионных норм в системе нормативных правовых предписаний (НПП) и т.п. Представляется, что споры возникают на основе методологически неправильного определения природы коллизионных норм, которые составляют основной элемент международного частного права. Без определения истинной природы коллизионных норм рассмотрение их в системе правовых норм не является объективным.

В системе российского права базовые коллизионные нормы закреплены в конституционном и международном частном праве (МЧП). Примером могут являться нормы, закрепленные в ч. 4 и 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации [1]. Они определяют применимые нормативные правовые акты в случае коллизии (противоречия) закрепленных в них правовых норм по вопросам ведения Российской Федерации и/или совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также по вопросам ведения субъектов Российской Федерации. Нормы конституционного права, как правило, имплементируются в другие отрасли права. К таким нормам относится, например, коллизионная норма, закрепленная в ч. 4 ст. 15 Конституции, согласно которой коллизия между нормами международных договоров и нормами законов России разрешается в пользу применения норм международных договоров. Эта норма имплементируется в Гражданский (п. 1 ст. 7) [2] и Семейный кодексы Российской Федерации (п. 1 ст. 6) [3].

В отношении коллизионных норм, закрепленных в Конституции, большинство ученых не оспаривают их конституционный характер, даже если они закрепляются еще и в источниках частного права. Что же касается системной принадлежности коллизионных норм, на основе которых определяется применимое право к отношениям, отягощенным иностранным элементом (далее – коллизионные нормы МЧП), то по этому вопросу споры не утихают уже более ста лет. В России такие коллизионные нормы закрепляются в нормативных правовых актах частного права (Гражданском, Семейном кодексах Российской Федерации, Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации), а также в международных договорах.

Отраслевая принадлежность и место в системе права коллизионных норм МЧП определяются их природой. В российской доктрине международного частного права природа коллизионных норм определяется их принадлежностью к той или иной правовой системе (международной, внутригосударственной, смешанной), части права (публичной или частной) или отрасли права (гражданскому, гражданскому процессуальному праву). Представляется, что это порочная логика, поскольку такой подход не объясняет ее объективную основу.

Факт закрепления коллизионных норм в источниках частного права еще не дает основания считать их нормами внутригосударственного права. Так, например, в ГК РФ в ст. 1194 закреплен институт реторсии. Закрепление его в источнике частного права не определяет его частноправовой характер. Этот институт является институтом международного публичного права. Государство в лице правительства вводит ограничения в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц в ответ на соответствующие действия другого государства, т.е. в основе реторсии лежат межгосударственные отношения, не регулируемые частным правом.

В статье 157 Семейного кодекса Российской Федерации «Заключение браков в дипломатических представительствах и консульских учреждениях» закреплены нормы международного права внешних сношений (дипломатического и консульского права).

Более того, внутригосударственные нормы, определяющие полномочия Правительства Российской Федерации, а также государственных зарубежных органов, относятся к конституционному праву.

Применение коллизионных норм при наличии частных (гражданских, семейных, трудовых) правоотношений, отягощенных иностранным элементом, при возникновении споров между субъектами таких правоотношений еще не означает, что они регулируют подобные отношения в условиях существования гражданского,

семейного (в российской правовой системе) и трудового права. Большинство авторов в российской доктрине принимают за аксиому утверждение о том, что коллизионные нормы МЧП регулируют международные частные отношения, и не пытаются обосновать объективный характер такого утверждения.

Объективный рациональный характер, существенные черты любого явления определяются его природой. Природа определяет объективную системную принадлежность коллизионных норм, а не наоборот.

На основании вышеизложенного, определяющего актуальность темы исследования, целью данной работы является определение отраслевой принадлежности коллизионных норм МЧП и их места в системе нормативных правовых предписаний на основе авторской интерпретации их природы.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить обуславливающие природу коллизионных норм МЧП условия и причину их возникновения;
- 2) с учетом установленной природы коллизионных норм МЧП определить их отраслевую принадлежность и место в системе нормативных правовых предписаний.

Предметом исследования стали современные научные (в редких случаях учебные) работы, в которых отражаются взгляды авторов на природу коллизионных норм МЧП и их системную принадлежность.

В современной российской доктрине уже никто из современных авторов не рассматривает коллизионные нормы МЧП как институт международного права. Такая точка зрения высказывалась российскими учеными в XIX – начале XX в. Ее оценка имеет смысл только при рассмотрении эволюции взглядов на принадлежность коллизионных норм МЧП к той или иной правовой системе. Некорректно сравнивать мнения ученых, которые формировались в отсутствие коллизионного права, исходя из реальностей общества столетней давности, с мнением современных представителей науки.

Большинство российских авторов рассматривают коллизионные нормы МЧП как часть внутригосударственного права. Тем не менее есть авторы, которые не согласны с этой преобладающей точкой зрения. Например, И.М. Солиев утверждает, что коллизионное право «выходит за пределы территорий отдельных государств» [4, с. 41]. При этом он не указывает, частью какой правовой системы оно является и формирует ли оно третью смешанную правовую систему. Ю.А. Свиринов делает вывод о том, что «правовая природа международного частного права на современном этапе носит комплексный характер, в связи с чем невозможно включить МЧП ни в рамки внутригосударственного, ни в рамки международного публичного права. Международное частное право совершенно самостоятельное правовое образование – квазиотрасль, имеющая собственный предмет регулирования, отличный от национальных отраслей права» [5, с. 94, 95]. При этом он не уточняет контекст существования такой отрасли.

Подавляющее большинство российских авторов рассматривают коллизионные нормы МЧП как часть частного права, определяя их цивилистическую природу: Л.П. Ануфриева [6, с. 10], В.А. Белов [7, с. 262–268], Г.К. Дмитриева [8, с. 39], А.Ю. Ларин и Е.В. Голубев [9, с. 156], В.Ф. Попондопуло [10, с. 93], Р.Б. Морева [11], Е.М. Сенотрусова [12, с. 35]. Основным аргументом ученых является то, что данные нормы регулируют частные отношения. При этом они не объясняют, на основании чего они делают такой вывод. С этой доминирующей точкой зрения согласны не все. Так, В.В. Гурьянова считает, что любые «коллизионные нормы

адресованы федеральным и региональным органам государственной власти, органам местного самоуправления, их должностным лицам, а также в предусмотренных законом случаях – организациям и индивидуальным предпринимателям (например, работодателям, имеющим право принимать локальные нормативные акты) [13, с. 37]. Из этого можно сделать вывод о том, что он не относит коллизионные нормы к частному праву, поскольку они адресованы, как правило, правоприменителям, которые являются в рассматриваемом контексте субъектами публичных отношений. Р.Ю. Колобов считает, что коллизионные нормы МЧП являются как частными, так и публичными (процессуальными) [14]. Его точка зрения основана на его понимании предмета МЧП.

В отношении определения места коллизионной нормы в системе правовых норм в российской доктрине также есть господствующая точка зрения, согласно которой коллизионные нормы являются регулятивными. Они регулируют частные отношения с иностранным элементом. С ней не согласны: Е.М. Сенотрусова, называющая коллизионные нормы «специализированными» [12, с. 34]; А.В. Алешина, считающая, что коллизионные нормы имеют процессуальную природу, поскольку они адресованы в большей степени правоприменителю, а не самим участникам правоотношений [15].

Системная принадлежность коллизионных норм российскими авторами рассматривается в контексте конституционного права, МЧП и российской правовой системы в целом. Для достижения цели данной работы интерес представляют позиции авторов в отношении системной принадлежности совокупности всех видов коллизионных норм. Н.С. Латыпова и Н.В. Ямалетдинова [16, с. 64], С.И. Носов [17, с. 82] считают, что коллизионное право – это комплексный межотраслевой правовой институт. О комплексном характере коллизионного права пишет Н.А. Власенко, обращая внимание на то, что «несомненно, коллизионные нормы могут иметь «прописку» в разных отраслях права». При этом она не считает правильным относить коллизионное право к конституционному [18, с. 16].

Исследование проводилось с применением *методов*: общенаучных (анализа, синтеза, индукции, сравнения, описания, интерпретации, формальной и диалектической логики и др.), частнонаучных (исторического, системного анализа), в том числе специально-юридических (формально-юридического, догматического).

Основная часть

Системная принадлежность коллизионных норм зависит от их природы. Природа любого явления определяет его существенные черты. Как уже отмечалось выше, в российской доктрине природа международного частного права, в том числе коллизионных норм, определяется принадлежностью к той или иной правовой системе (международной, внутригосударственной, смешанной), части права (публичной или частной) или отрасли права (гражданскому, гражданскому процессуальному праву). Представляется, что это порочная логика, поскольку природа определяет системную принадлежность, а не наоборот.

Поскольку категория «природа» носит философский характер, то и ответ необходимо искать у философов. О «природе» рассуждали многие представители этой науки. На основе изучения взглядов Платона, Аристотеля, Сенеки, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Р. Декарта, Д. Локка, Б. Спинозы, Д. Юма, И.Г. Фихте, а также Э.Г. Юдина сложилось мнение о том, что природа явления определяется условиями, причиной его возникновения, которые обуславливают его объективность, рациональность и существенные черты.

Предпосылки возникновения коллизионных норм МЧП возникли тогда, когда стали развиваться отношения между людьми, имеющими правовую связь с разными субъектами, имеющими свои законы. Наука о коллизионных нормах возникла в результате распада феодального общества и появления самостоятельных городов-государств, самостоятельность которых проявлялась в том числе наличием своих законов. Ученые, которые первыми занимались вопросами коллизионных норм, предполагали, что они должны стать частью общего международного права. Но развитие общества пошло по другому пути: в общем международном праве не появилась отрасль (институт) коллизионного права, а коллизионные нормы стали закрепляться в источниках внутригосударственного права. Этому способствовало распространение понятия «суверенитет» на государства (нации) и укрепление в международных отношениях принципа суверенного равенства государств.

В самом общем смысле суверенитет предполагает независимость и самостоятельность субъектов права в международных и внутренних делах. В Вестфальском договоре 1648 г. впервые было сформировано понятие суверенитета государства как «права на территорию и верховенство» [19]. Признание принципа «суверенности национальных государств» закрепило за государствами равенство их прав. Вестфальский принцип эволюционировал в современное международное право. В Уставе ООН закреплён принцип суверенного равенства государств. Его понимание раскрывается в Декларации о принципах международного права 1970 г., в которой зафиксировано, что все государства имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера. Одним из проявлений суверенного равенства является то, что каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств [20], в том числе и суверенное право, регулировать общественные отношения на своей территории.

Условия возникновения коллизионных норм МЧП.

Во-первых, развитие отношений физических лиц, находящихся под юрисдикцией разных субъектов. Тем не менее надо отметить, что это условие появилось еще в древнем мире, но его было недостаточно для появления науки о коллизионных нормах и соответствующих норм права. Только в средние века в период распада феодального строя с возникновением самостоятельных городов-государств на территории нынешней Италии появилась наука о коллизионных нормах. Объективные условия общественной формации в случае возникновения споров между людьми, находящимися под юрисдикцией разных субъектов, обусловили возможность задаться вопросом: право какого субъекта применимо в данном случае? Это условие в российской науке никем не оспаривается, наоборот, для многих авторов оно является достаточным, чтобы утверждать, что коллизионное право МЧП регулирует международные частные отношения, при этом игнорируя современное представление о МЧП как части внутригосударственного права, а не международного.

Во-вторых, признание и укрепление понятия «государственный суверенитет» и принципа суверенного равенства государств, что произошло на несколько веков позже появления первого условия. Именно это условие стало триггером появления внутригосударственных коллизионно-правовых норм, целью которых стало определение государства, право которого применяется к международным частным отношениям. Выбор применимого права приводил и приводит до сих пор к разрешению коллизий права разных государств. Связь между государственным суверенитетом (суверенным правом

государства регулировать общественные отношения на своей территории) и МЧП обусловила место последнего во внутригосударственной правовой системе.

Системность изучения правового явления основана на взаимодействии элементов рассматриваемой системы. Рассуждения о природе коллизионных норм МЧП невозможны только на основе влияния суверенитета на них, необходимо также рассмотреть влияние коллизионных норм на суверенитет. Это не делают специалисты в области международного частного права.

Коллизионные нормы – это правила определения применимого права к отношениям,отягощенным иностранным элементом. На их основе в качестве применимого может стать как российское, так и иностранное право. В большинстве случаев применимое право будет зависеть от личного закона субъектов правоотношения и/или места нахождения объекта правоотношений, и/или места события или действия, которые повлекли возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Другими словами, применение коллизионных норм может повлечь ситуацию, в которой на территории России к международным частным отношениям будет применяться иностранное право. Это правило действует на основе принципа формальной взаимности, который предполагает возможность применения норм иностранного права на территории России при условии применения права России на территории соответствующего государства. Из этого вытекает вывод о том, что коллизионные нормы ограничивают суверенное право государства регулировать частные отношения на своей территории в пользу иностранного права. В качестве контраргумента можно привести одностороннюю коллизионную норму, в которой к международным частным отношениям прямо определяется в качестве применимого российское право. Обсуждение этого аргумента не вписывается в тему данной работы, поскольку представляется, что такие нормы не являются коллизионными, а относятся к специальным общезакрепительным нормам.

Как следствие, нормы, ограничивающие суверенитет государства, не могут быть частными и иметь цивилистическую природу. Коллизионные нормы МЧП являются нормами публичного права. Взаимодействие с суверенитетом государства обуславливает их конституционно-правовую природу.

Норма, которая ограничивает суверенитет государства и на основе которой определяется применимое право, не может быть регулятивной. Для определения места коллизионных норм МЧП в системе правовых норм необходимо вспомнить научную дискуссию, которая активно велась российскими учеными во второй половине XX – в начале XXI в., о типичных и нетипичных НПП.

В современной юридической литературе часто вместе с понятием «правовая норма» употребляют термин «общеобязательное правило поведения», а также «нормативное правовое предписание». В доктринальной литературе можно увидеть много определений НПП, но практически во всех одинаково отражается его природа. Нормативное правовое предписание – элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативно-правового акта [21]. Если в отношении характеристики нормативного правового предписания не было и нет особых расхождений в литературе, то в отношении его природы ситуация иная. В доктрине советской и российской науки существует два основных подхода к определению природы НПП. Одни авторы считают, что НПП – первичный элемент системы законодательства,

другие полагают, что НПП – первичный элемент системы права. Автор данной статьи согласен с последней позицией, которая поддерживалась С.С. Алексеевым [22].

С.С. Алексеев не делал различия между НПП и правовой нормой, и все положения нормативного акта рассматривал как источник (форму) правовой нормы [22, с. 32]. С этой точки зрения к правовой норме можно относить такие правовые явления, как принцип права, декларации, определения. На этом основании среди норм права (следовательно, и НПП) выделялись специализированные правовые нормы общего характера: общие закрепительные, декларативные и дефинитивные.

В.К. Бабаев также классифицировал правовые положения в качестве правовых норм и делил их на исходные (нормы-начала, определительно-установочные, нормы-принципы, нормы-дефиниции) и нормы – правила поведения [23, с. 45].

В.М. Горшенев делил НПП на типичные (правила поведения) и нетипичные. «Типичные НПП» как нормы права представляют собой правила поведения, обязательные для субъектов права; они закрепляют права, обязанности, запреты. «Нетипичные НПП» закрепляют принципы, дефиниции, общие правила [24].

Исходя из позиции вышеупомянутых авторов, все НПП можно разделить на две категории: НПП – правило поведения (регулятивные нормы); НПП – не определяющие правила поведения (специальные нормы). Представляется, что коллизионные нормы по своей природе являются нетипичными правовыми предписаниями, поскольку они не устанавливают правила поведения, права, обязанности или запреты. Они определяют случаи, когда на территории государства к отношениям (правоотношениям) может применяться иностранное право.

Если рассматривать коллизионные нормы в системе нетипичных правовых предписаний, то необходимо рассмотреть их основные функции.

Основная функция норм-принципов – системообразующая. Они обеспечивают внутреннюю упорядоченность и согласованность правовых норм. В Гражданском кодексе Российской Федерации к таким НПП можно отнести предписания ст. 1.

Основная функция норм-дефиниций – уточнение основных правовых понятий с целью обеспечения единообразного применения норм-правил поведения. В качестве примера таких НПП можно привести п. 1 ст. 48 «Понятие юридического лица», ст. 153 «Понятие сделки» Гражданского кодекса Российской Федерации.

Основной функцией общезакрепительных НПП является установление общих правил, относящихся к разным институтам права. Примером может служить п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором устанавливаются источники права, на основе которых определяется применимое право к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей.

Нормы-начала – нормы права, которые закрепляют устои существующего строя, основы общественных отношений. К таким нормам относится НПП ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации, определяющее форму Российской Федерации.

Нормы декларации лежат в основе определения правовой идеологии государства. К ним можно отнести нормы Конституции, провозглашающие права, свободы и определяющие обязанности граждан.

Из понятия и определения нормативных правовых предписаний становится очевидным, что коллизионные нормы МЧП являются самостоятельным видом нетипичных нормативных правовых предписаний, поскольку они имеют другие функции. Основной

из них является функция ограничения суверенного права государства регулировать и применять в случае необходимости нормы своего права в пользу иностранного права. Это дает основание выделить коллизионную норму как самостоятельный вид НПП.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Природа современных коллизионных норм МЧП определяется не только международной коммуникацией людей, но и взаимодействием между государственным суверенитетом и коллизионными нормами. По своей природе коллизионные нормы являются инструментом добровольного ограничения государством своего суверенного права регулировать международные частные отношения и применять нормы своего права на своей территории в пользу иностранного права.

2. Природа определяет системную принадлежность коллизионных норм МЧП. Они являются нормами внутригосударственного права, публичного права, институтом конституционного права наряду с иными конституционными коллизионными нормами.

3. Коллизионные нормы МЧП в силу своей природы являются самостоятельным видом нетипичных правовых предписаний (специальных норм права).

Такое определение природы коллизионных норм МЧП и их отраслевой принадлежности является новым в доктрине российского международного частного права. Эти выводы претендуют на создание новой теории международного частного права, что, непременно, повлечет особенности правоприменения, например применения оговорки о публичном порядке, признания обратной отсылки, признания решений иностранных решений судов и арбитражей и др.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 (от 30.11.1994; в ред. от 16.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/-e15c7183cf94d27b1e9927460669eebeacf15aae/
4. Солиев М.Н. О предпосылках зарождения и развития доктрины международного частного права // Вестник ТГУПБП. 2009. № 4 (40). С. 32–42.
5. Свириной Ю.А. О некоторых проблемах юридической природы международного частного права // Образование и право. 2023. № 11. С. 92–95.
6. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: сравнительное исследование правовых категорий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2004. 53 с.
7. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник. Москва: Юрайт, 2011. 521 с.
8. Международное частное право: учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Г.К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ТК Велби, Проспект, 2006. 688 с.
9. Ларин А.Ю., Голубев Е.В. О возможности отнесения международного частного права к самостоятельной отрасли права // Образование и право. 2023. № 10. С. 153–157.
10. Попондопуло В.Ф. Международное частное право: природа и тенденции развития // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 91–99.

11. Морева Р.Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2007. 30 с.
12. Сенотрусова Е.М. О месте международного частного права в системе права // Искусство правоведения. The art of law. 2024. № 3. С. 30–35.
13. Гурьянова В.В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 33–39. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.033-039
14. Колобов Р.Ю. К вопросу о правовой норме в международном частном праве // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 35–41.
15. Алешина А.В. Коллизионные нормы как основа нормативного состава международного частного права // Журнал международного частного права. 2012. № 2 (76). С. 28–37.
16. Латыпова Н.С., Ямалетдинова Н.В. К вопросу о правовой природе коллизионного права // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 64–72.
17. Носов С.И. Коллизионное право: проблемы институционализации // Социология власти. 2012. № 2. С. 72–82.
18. Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.
19. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3. С. 95–105.
20. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
21. Апт Л.Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Апт Людмила Фальковна. Москва, 1973. 16 с.
22. Алексеев С.С. Структура советского права // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. Москва. 1975. С. 8–225.
23. Бабаев В.К. Формальная определенность и возможность формализации законодательства // Советское государство и право. 1978. № 4. С. 44–51.
24. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07.01.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. The Civil Code of the Russian Federation. Part 1 (dated 11.30.1994; as amended from 05.16.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. The Family Code of the Russian Federation dated 12.29.1995 No. 223-FZ (as amended on 07.31.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/-e15c7183cf94d27b1e9927460669eebeacf15aae/
4. Soliev M.N. On the prerequisites for the origin and development of the doctrine of private international law. *Bulletin of the TSUPBP*. 2009; 4 (40): 32–42.
5. Svirin Yu. And About some problems of the legal nature of private international law. *Education and Law*. 2023; (11): 92–95.
6. Anufrieva L.P. Correlation of international public and international private law: a comparative study of legal categories: 12.00.03: autoref. dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow; 2004. 53 p.

7. Belov V.A. Civil law. The general part. Volume 1. Introduction to Civil Law: textbook. Moscow: Yurait; 2011. 521 p.
8. International private law: studies / L.P. Anufrieva, K.A. Bekyashev, G.K. Dmitrieva and others; ed. by G.K. Dmitrieva. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: TK Velbi, Prospekt publishing House; 2006. 688 p
9. Larin A.Yu., Golubev E.V. On the possibility of attributing private international law to an independent branch of law. *Education and Law*. 2023; (10): 153–157.
10. Popondopulo V.F. International private law: nature and development trends. *Russian Law Journal*. 2018; (2): 91–99.
11. Moreva R.B. The nature and place of private international law in the legal system of the Russian Federation: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. 12.00.03. Moscow; 2007. 30 p.
12. Cenotrusova E.M. On the place of private international law in the legal system. *The Art of Jurisprudence. The art of law*. 2024; (3): 30–35.
13. Guryanova V.V. Problems of defining the concept, structure, features and functional purpose of conflict of laws norms of national law. *Current problems of Russian law*. 2016; 11 (72): 33–39. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.033-039
14. Kolobov R.Yu. On the question of the legal norm in private international law. *Siberian Legal Bulletin*. 2005; (1): 35–41.
15. Alyoshina A.V. Conflict of laws norms as the basis of the normative composition of international private law. *Journal of International Private Law*. 2012; 2 (76): 28–37.
16. Latypova N.S. Yamaletdinova N.V. On the issue of the legal nature of conflict of laws. *The rule of law: theory and practice*. 2020; 3 (61): 64–72.
17. Nosov S.I. Conflict of laws: problems of institutionalization. *Sociology of power*. 2012; (2): 72–82.
18. Vlasenko N.A. Conflict of laws of Russia: state and prospects. *Journal of Russian Law*. 2017; (6): 5–18.
19. Sayamov Yu.N. The Westphalian world and its principles yesterday and today. *The Century of Globalization*. 2018; (3): 95–105.
20. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the Charter of the United Nations dated 10.24.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
21. Apt L.F. Forms of expression and presentation of legal norms in normative acts: abstract. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01 / Apt Lyudmila Falkovna. Moscow; 1973 16 p.
22. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. *Collected works in 10 vols. Vol. 2. Special issues of jurisprudence*. Moscow; 1975; 8–225.
23. Babaev V.K. Formal certainty and the possibility of formalization of legislation. *The Soviet State and law*. 1978; (4): 44–51.
24. Gorshenev V.M. Atypical normative prescriptions in law. *The Soviet State and law*. 1978; (3): 113–118.

Информация об авторе:

Литвинова Светлана Федоровна, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Svetlana.litvinova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4079-3901>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>

EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>

Дата поступления:
25.07.2024

Одобрена после рецензирования:
05.08.2024

Принята к публикации:
16.08.2024

Научная статья

УДК 340.13

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/084-092>

EDN: <https://elibrary.ru/TISLQJ>

Терминологические проблемы в законодательстве о занятости

Плахотина Наталья Андреевна

Луганский государственный университет им. Владимира Даля

Луганск. Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных технико-юридических и терминологических проблем в российском законодательстве о занятости. Предметом исследования стали правовые нормы отечественного и зарубежного законодательства, регламентирующие различные аспекты занятости. Цель – формирование комплексного и структурированного правового подхода к законодательному определению содержания ключевых юридических терминов в отечественном законодательстве о занятости. Методология включает в себя общенаучные методы – системно-структурный и функциональный подходы; специально юридические методы – сравнительно-правовой, технико-юридический, метод юридической герменевтики. Новизна работы состоит в выявлении пробелов и иных недостатков российского законодательства и в разработке авторских предложений, направленных на совершенствование отечественной нормативно-правовой базы в сфере занятости. Областью применения полученных исследовательских результатов может стать профессиональная правотворческая, правоприменительная и интерпретационная деятельность. Исследовано законодательное определение содержания термина «занятость», проведён сравнительный анализ его содержания в российском законодательстве, законодательстве Республики Беларусь и Донецкой Народной Республики. В ходе исследования разработана авторская формулировка дефинитивной нормы, раскрывающей содержание термина «занятость». Выделены особенности трудоустройственной занятости, предложено законодательно закрепить понятие «трудоустройство» как самостоятельный юридический термин, разработана авторская дефиниция для законодательного определения понятия «трудоустройство». В качестве пробела в российском законодательстве отмечено отсутствие в нём дефинитивной нормы, раскрывающей содержание термина «трудоустройство». К законодательному закреплению предложена авторская формулировка соответствующей дефинитивной нормы. Выявлены недостатки в нормативном определении термина «профилирование» в рамках отечественного законодательства о занятости. Разработаны предложения, направленные на решение выявленных терминологических проблем и повышение эффективности правового регулирования отношений в сфере занятости и трудоустройства отечественными нормами позитивного права.

Ключевые слова: юридическая терминология, юридическая техника, занятость, трудоустройство, трудоустройство, профилирование.

Для цитирования: Плахотина Н.А. Терминологические проблемы в законодательстве о занятости // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 84–92. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/084-092>. EDN: <https://elibrary.ru/TISLQJ>

Original article

The terminological problems in the employment legislation

Natal'ya A. Plahotina

Lugansk Vladimir Dahl State University

Lugansk. Russia

© Плахотина Н.А., 2024

Abstract. *The article reveals some techno-legal issues referring to terminology in the Russian employment legislation. The subject of the research is legal norms of the domestic and foreign legislation regulating various aspects of employment. The purpose is to formulate a comprehensive and structural legal approach to the definition of the key legal terms in domestic employment legislation. The methodology used includes general scientific methods, e.g. systemic-structural and functional approaches, as well as specific legal methods, such as legal-comparative and techno-legal ones, and the method of legal hermeneutics. The academic novelty of the work consists in identifying gaps and other shortcomings in the Russian employment legislation and in developing author's proposals aimed at improving the domestic regulatory and legal framework in this field. The legislative definition of the term "employment" is studied, a comparative analysis of its content in Russia's, the Republic of Belarus's and the Donetsk People's Republic's legislations is carried out. The research results can contribute to professional law-making, law enforcement and interpretation activities. Suggesting the absence of a definitional norm for the content of the term "employment" as a gap in Russian legislation, the author proposes her own opinion on this issue. She highlights the features of the legal labor employment, develops the author's legislative definition of the concept of "legal labor employment", and proposes to legislatively enshrine this concept as an independent legal term. For this purpose, the author's formula of the corresponding definitional norm is proposed. Revealing shortcomings in the normative definition of the term "profiling" within the framework of domestic employment legislation, the author suggests the ways to solve the identified terminology problems and increase the effectiveness of legal relations' regulation in the field of employment and job placement by domestic norms of positive law (lex lata).*

Keywords: *legal terminology, legal technology, employment, labor and legal employment, placement, profiling.*

For citation: *Plahotina N.A. The terminological problems in the employment legislation// The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 84–92. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/084-092>. EDN: <https://elibrary.ru/TISLQJ>*

Введение

Терминология является важным элементом юридической техники. В научной литературе справедливо отмечают, что юридические термины, языковые по сути, являются опорными точками в процессе познания правовых явлений; они непосредственно связаны с регулятивной функцией права, залогом реализации которой является эффективное действие и применение правовых норм [1, с. 183].

Т.Г. Букина обоснованно указывает: «Юридическая терминология считается одной из наиболее значимых отраслевых терминосистем. Терминология права является связующим звеном между различными областями знаний и сферами человеческой деятельности» [2, с. 24].

При формулировке правовых норм очень важно принимать во внимание тот факт, что юридическая терминология не всегда может быть воспринята однозначно всеми адресатами правовой нормы. Поэтому одним из важнейших средств правового регулирования являются дефиниции. Они придают чёткость и однозначность нормативно-правовому инструментарию, чем обуславливают единообразие понимания юридических терминов.

Цель исследования – формирование комплексного и структурированного правового подхода к законодательному определению содержания ключевых юридических терминов в отечественном законодательстве о занятости.

Достижение поставленной цели включает в себя последовательное выполнение следующих задач: проведение сравнительно-правового исследования российского правового подхода к законодательному определению термина «занятость» и соответствующего правового опыта иных законодателей; осуществление системно-структурного и функционального анализа правовой природы и сущностного содержания исследуемой юридической терминологии; определение степени соответствия буквального смысла отдельных отечественных дефинитивных норм правовой при-

роде определяемых ими юридических категорий; определение перспективных направлений дальнейшего развития отечественного законодательства о занятости.

Основная часть

В научной литературе отмечают, что занятость – это понятие, характеризующее состояние человека, который включён в общественно-полезную деятельность [3, с. 218]. Как социально-экономическая категория занятость характеризует деятельность физического лица, связанную с удовлетворением личных и/или общественных потребностей, не противоречащую законодательству и приносящую ему доход.

В качестве обособленного правового института в отечественной системе права занятость стали выделять в 90-х гг. XX в., когда начался переход страны от плановой экономики к рыночным отношениям. Нормы данного института направлены на регламентацию правоотношений по включению индивида в общественно-экономическую жизнь страны.

В традициях отечественной правовой действительности законодательный акт, посвящённый занятости населения, – Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» [4] – носит комплексный, межотраслевой характер и предусматривает различные виды занятости: предпринимательскую деятельность; занятость на условиях трудового договора; самозанятость; очное обучение в образовательных учреждениях; выполнение работы по гражданско-правовым договорам, прохождение воинской службы и т.п.

Важно отметить, что российское законодательство о занятости соответствует общепризнанным международным стандартам, получившим отражение в актах ООН и иных международно-правовых документах. Однако, к сожалению, действующее законодательство всё ещё содержит некоторые терминологические и технико-юридические проблемы, требующие научно обоснованных механизмов решения.

Для эффективной правовой регламентации различных социально значимых аспектов занятости и трудоустройства ключевое значение имеет законодательное определение термина «занятость», поскольку именно законодательные дефиниции обеспечивают однозначность юридической терминологии и единообразное её понимание субъектами реализации права.

В современной законодательной практике существуют различные определения юридического термина «занятость». Федеральный закон «О занятости в Российской Федерации» содержит следующее: «Занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход» [4, ст. 2].

Белорусский законодатель определяет занятость следующим образом: «Занятость – деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь (далее, если не указано иное, – граждане), связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработную плату, вознаграждение за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иной доход (далее – заработок)» [5, ст. 1].

В законодательстве Донецкой Народной Республики содержится следующая дефинитивная норма: «Занятость – не запрещённая законодательством деятельность лиц, связанная с удовлетворением их личных и общественных потребностей с целью получения дохода (заработной платы) в денежной или иной форме» [6, ст. 1].

Можно заметить, что представленные законодательные определения не являются идентичными. Первая законодательная дефиниция (из российского законодательства) определяет термин «занятость» через словосочетание «деятельность граждан». По моему убеждению, указание на наличие гражданства у субъектов занятости является принципиально неверным.

Согласно Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации»: «гражданство Российской Федерации – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [7, п. 4 ч. 1 ст. 4]. Между тем, согласно ст. 37 Конституции РФ: «Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [8, ст. 37] вне зависимости от гражданства.

Употребление термина «гражданин» существенно сужает содержание юридического термина «занятость», что представляется недопустимым, поскольку в этом случае адресаты правовых норм могут воспринимать сферу официальной занятости уже, чем предполагает законодатель. Такое положение вещей способно оказать негативное влияние на эффективность правового регулирования сферы занятости. Всё это обуславливает целесообразность выработки иного концептуального подхода к определению понятия «занятость» в отечественном законодательстве.

Сложно согласиться с целесообразностью использования в законодательном определении понятия «занятость» таких понятий, как «зарботок» и «трудовой доход». В трудовом законодательстве для обозначения дохода физического лица, обусловленного заключением трудового договора в качестве работника, используются понятия «заработная плата» и «зарботок» [9]. Термин «заработная плата» используется для обозначения регулярных выплат, причитающихся работнику по условиям трудового договора, а понятие «зарботок» применяется для обозначения усреднённых за определённую единицу времени сумм, выплаченных работнику по трудовому договору. Понятие «трудовой доход» в действующем законодательстве не употребляется, следовательно, его нельзя отнести к официальной юридической терминологии. Что же касается лексического значения, то понятие «трудовой доход» можно считать обобщающим для терминов «заработная плата» и «зарботок». Таким образом, последовательное употребление в законодательной дефиниции понятий «зарботок» и «трудовой доход» является тавтологией.

По всей видимости, отечественный законодатель хотел отобразить в дефинитивной норме, определяющей понятие «занятость», тот факт, что занятость может приносить доход, не связанный со вступлением в трудовое правоотношение на основании трудового договора: стипендия, пособие по рождению ребёнка, оплата выполненных работ по договору подряда и т.п. В действующей системе права, в частности в гражданском законодательстве, для обобщённого обозначения различного рода материальных ценностей или денежных средств, полученных в результате определённой деятельности, широко используется устоявшееся понятие «доход» [10]. Считаю, что данный подход следует использовать и при законодательном определении понятия «занятость».

Признавая целесообразность законодательного акцента на том факте, что наиболее распространённым видом легального дохода выступает доход, опосредованный трудовым договором, считаю важным учесть, что понятие «зарботок» фактически является производным от понятия «заработная плата». Зарботок высчитывается на определённую единицу времени, исходя из получаемой работником на регулярной основе заработной платы. На основании этого представляется наиболее рациональным при законодательном определении понятия «занятость» оперировать первичным понятием – «заработная плата», а не его производным – «зарботок».

Во втором из представленных ранее определений термина «занятость» (сформулированном белорусским законодателем) – лица, через деятельность которых определяется исследуемый юридический термин, не ограничиваются понятием «гражданин»: наряду с гражданами здесь упоминаются иностранные граждане и лица без гражданства. Однако можно заметить, что упоминание всех возможных статусов физического лица на территории государства существенно загромождает законодательную дефиницию, что может негативно сказываться на уяснении содержания юридического термина адресатами правовых норм.

Более рациональным в части текстуального объёма выглядит определение, сформулированное в Законе ДНР «О занятости населения», где для обозначения субъектов занятости используется понятие «лица». Вместе с тем указанный подход нуждается в доработке. Согласно гражданскому законодательству понятие «лица» включает в себя два аспекта: физические лица и юридические лица [10, подразд. 2]. В законодательстве о занятости субъектами занятости, а также адресатами определённых гарантий трудоустройства выступают только физические лица. Деятельность юридических лиц, не запрещённая законом и приносящая прибыль, относится к понятию «хозяйственная деятельность», а не к занятости. Таким образом, донецкий законодатель при нормативном определении понятия «занятость» необоснованно расширяет его содержание, не указывая на определяющий признак «физическое» лицо.

С учётом представленных аргументов оптимальным для нормативного закрепления в отечественном законодательстве будет определение занятости в следующей редакции: «Занятость – это не запрещённая законодательством деятельность физических лиц, связанная с удовлетворением их личных и общественных потребностей, с целью получения дохода (заработной платы) в денежной или иной форме».

Предложенная дефиниция позволит обеспечить чёткое уяснение содержания юридического термина «занятость», что будет способствовать более полному достижению основных целей правового регулирования.

Современные учёные выделяют следующие признаки занятости [11, с. 10, 11]:

– волевой характер – это осознанная, целенаправленная деятельность физических лиц (не только граждан, поскольку заниматься определённой деятельностью на территории страны могут и иностранные граждане, и лица без гражданства); в этой деятельности, а также в осознанном стремлении физического лица к осуществлению этой деятельности выражается регулятивная динамика отрасли трудового права;

– законность – осуществление такой деятельности должно происходить с соблюдением всех правовых предписаний и не противоречить им; в этом признаке выражается охранительная направленность занятости, поскольку законность как признак занятости предотвращает нарушение прав иных лиц, т.е. выполняет превентивную функцию;

– целесообразность – эта деятельность должна быть востребована обществом (иначе деятельность не сможет приносить доход); в этом признаке выражена хозяйственно-производственная направленность занятости;

– добровольность – любой вид занятости осуществляется без какого бы то ни было принуждения; в этом признаке раскрывается охранительное воздействие в отношении субъекта занятости, не допускается применение принудительного труда в современных условиях;

– прибыльность – целевым назначением занятости является получение определённого материального результата – дохода в денежной или иной форме (однако сам факт наличия дохода является факультативным признаком занятости, поскольку в силу определённых причин доход может временно отсутствовать);

– социально-экономическая значимость – занятость предоставляет лицу возможность легального получения средств к существованию, обеспечивая жизненные потребности его самого и членов его семьи.

Как видно, юридический термин «занятость» представляет собой интегративную институциональную форму отражения целого комплекса функций современного права.

Следует обратить внимание на то, что во всех законодательных дефинициях термина «занятость» наряду с термином «доход» указывается термин «заработная плата» («заработок»), который является отраслевой категорией трудового права. Тем самым законодатель констатирует тот факт, что наиболее распространённым видом занятости на современном этапе является вступление лица в трудовые правоотношения на основании трудового договора.

Вместе с тем термин «занятость» при законодательном его определении целесообразно рассматривать в широком значении – как любую правомерную деятельность физического лица, направленную на получение дохода. Занятость посредством трудоустройства является разновидностью занятости в широком смысле и её можно обозначить юридическим термином «трудоправовая занятость». Поскольку традиционно в нашей правовой системе законодательный акт, регулирующий занятость и трудоустройство, посвящён преимущественно трудоправовой занятости и мерам, содействующим её реализации, предлагаю в отечественном законодательстве о занятости предусмотреть самостоятельный юридический термин «трудоправовая занятость» и закрепить следующую дефиницию: «Трудоправовая занятость – это правомерная деятельность физического лица, опосредованная заключением трудового договора, в которой доходом выступает регулярно выплачиваемая заработная плата (заработок)».

Трудоправовая занятость должна рассматриваться как отдельная правовая категория в юридической терминологии. В отличие от занятости в широком смысле трудоправовая занятость обладает следующими специфическими признаками:

- реализуется в сфере применения наёмного труда;
- носит систематический (долговременный или кратковременный) характер;
- предусматривает отчисление средств в фонды государственного общеобязательного социального страхования (что является источником предоставления социальных гарантий работникам);
- трудовая деятельность лица (работника) организуется работодателем и происходит под его руководством;
- заключению трудового договора предшествуют правоотношения по трудоустройству, регулируемые нормами трудового права.

Совокупность правовых норм, регулирующих отношения по содействию трудоправовой занятости, составляет комплексный межотраслевой институт – институт занятости и трудоустройства.

Л.В. Серегина, рассматривая трудоустройство с позиции социальной защиты ищущих работу граждан, предлагает понимать под ним деятельность государственных органов службы занятости, связанную с оказанием гражданам содействия в получении ими подходящей работы, в том числе предоставлением соответствующих гарантий [12, с. 18, 19]. Целесообразность такой трактовки понятия «трудоустройство» вызывает некоторые сомнения. Процесс трудоустройства органично включает в себя поиск подходящей работы, подготовку к ней и вступление в трудовое правоотношение. В современных условиях указанные действия могут осуществляться лицом, ищущим работу, самостоятельно либо путем обращения за помощью в государственную службу занятости и различные негосударственные организации, осуществляющие посредничество при заключении трудового договора. С учётом этого концепцию определения по-

нения «трудоустройство» через деятельность исключительно государственных органов службы занятости нельзя признать в полной мере обоснованной.

Трудоустройство, по мнению А.В. Ерлинг и Д.Д. Соловьёва, можно понимать как процесс включения граждан в трудовую деятельность, в том числе путём оказания содействия государством и обществом гражданину на период поиска работы. Кроме того, указанные авторы отмечают, что «...трудоустройство – это всегда деятельность. Это деятельность гражданина, ищущего работу (поиск вакансий, подача резюме, обращение в организации, содействующие трудоустройству, прохождение собеседований и пр.). Это деятельность работодателей (проведение собеседований, заключение трудового договора с гражданином и пр.). Это также деятельность органов и организаций, содействующих трудоустройству – государственных и частных (подбор подходящих вакансий, посредничество между работодателем и гражданином, оказание консультационной помощи, меры экономической поддержки безработных и пр.). Таким образом, трудоустройство – деятельность, направленная на привлечение граждан к трудовой деятельности» [13, с. 157]. Данная научная позиция выглядит вполне обоснованно и заслуживает поддержки.

Трудоустройство представляет собой целый комплекс мер, направленных на обеспечение реализации права человека на труд. В отечественном законодательстве о занятости юридический термин «трудоустройство» упоминается многократно. Однако определения данного термина российское законодательство не содержит. На мой взгляд, такой подход не является оправданным, поскольку неопределённость правовых терминов в значительной степени снижает эффективность регулятивного воздействия позитивного права на общественные отношения.

По моему убеждению, чёткое законодательное определение основных юридических терминов очень важно для качественной правовой регламентации занятости в Российской Федерации. Поэтому Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» целесообразно дополнить дефинитивной нормой, раскрывающей содержание юридического термина «трудоустройство» в следующей редакции: «Трудоустройство – это комплекс правовых и организационных мер, направленных на обеспечение реализации права человека на труд и получение дохода».

Относительно новым для российского законодательства о занятости является термин «профилирование». В Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации» термин «профилирование» определён как «распределение граждан, ищущих работу, безработных граждан на группы с учётом сферы их предыдущей профессиональной деятельности, опыта работы, социально-демографических и других характеристик в целях предоставления им мер государственной поддержки в сфере занятости населения» [4, п. 7 ч. 1 ст. 2].

По моему убеждению, данное определение не вполне корректно. Технология профилирования должна использоваться исключительно для оказания помощи в поиске работы, которая соответствует профессиональным качествам потенциальных работников. Но если речь идет о том, что какие-либо социально-демографические характеристики, например пол, возраст, наличие инвалидности и т.п., могут влиять на отнесение лица к одной из групп, которые указывают на степень возможной самореализации личности на рынке труда, то фактически предполагается, что дискриминация на рынке труда по социально-демографическим признакам – это норма жизни. Продолжением данного тезиса могут стать выводы о том, что с проявлениями этой дискриминации нет смысла бороться, а надо только приспособливаться к ним.

Данное положение представляется недопустимым в условиях стремления к максимальной гарантированности прав и свобод человека и гражданина, а также к обес-

печению правового равенства. Распределение безработных граждан и иных лиц, ищущих работу, по профильным группам должно осуществляться с учётом индивидуальных характеристик, которые отражают их потенциал и мотивацию трудоустройства, т.е. критерии профилирования должны носить исключительно профессионально-психологический характер и не учитывать каких-либо дискриминационных социально-демографических признаков.

Принимая во внимание представленные обоснования, целесообразно в отечественном законодательстве закрепить определение термина «профилирование» следующим образом: «Профилирование – это технология идентификации положения лиц, ищущих работу, безработных граждан на рынке труда и выбора наиболее подходящих для них программ по социальной, профессиональной и трудовой реабилитации».

Заключение

Терминологические вопросы имеют важное значение в правовом регулировании занятости. Занятость как разновидность человеческой деятельности представляет собой реализацию целого ряда конституционных прав и свобод: право на объединения [8, ст. 30], право непосредственно участвовать в управлении делами государства и право на доступ к государственной службе [8, ст. 32], право на предпринимательскую и иную экономическую деятельность [8, ст. 34], право на труд [8, ст. 37] и т.п. В связи с этим терминологическая проблематика в законодательстве о занятости является одним из ключевых факторов обеспечения непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина.

Внедрение в российское законодательство предложенных дефинитивных норм позволит решить ряд терминологических проблем в законодательстве о занятости и повысить эффективность правового регулирования общественной жизни отечественными нормами позитивного права.

Список источников

1. Воробьева М.Е. Юридическая терминология: системоцентрический и антропоцентрический подходы // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), Т. 1. С. 183–186.
2. Букина Т.Г. Изучение юридической терминологии на занятиях по русскому языку в Уральском юридическом институте МВД России // Молодёжь и наука. 2023. № 10, ст. 24.
3. Сидельникова А.А. Занятость населения: понятие, типы, роль в обеспечении стабильного экономического развития страны // Образование. Наука. Производство: матер. X Междунар. молодежного форума с междунар. участием. 2018. С. 2189–2192.
4. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации». Москва: Проспект, 2024. 80 с.
5. Закон Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь»: Закон № 125-3: принят Палатой представителей 4 мая 2006 г.: одобрен Советом Республики 23 мая 2006 г.: послед. ред. // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Документы. URL: <https://etalonline.by/-document/?regnum=N10600125> (дата обращения: 18.08.2024).
6. Закон Донецкой Народной Республики «О занятости населения»: Закон № 50-ИНС: принят Народным Советом 29 мая 2015 г.: посл. ред. // Народный Совет Донецкой Народной Республики. Официальный сайт. Реестр законов. URL: <http://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-zanyatosti-naseleniya/> (дата обращения: 18.08.2024).
7. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». Москва: Проспект, 2024. 48 с.
8. Конституция Российской Федерации. Москва: Эксмо, 2022. 96 с.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации. Москва: ЦЕНТРМАГ, 2024. 440 с.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Москва: Омега-Л, 2022. 624 с.
11. Трудовое право: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Л.И. Лазор, В.В. Лазор, И.И. Шамшина, Н.А. Плахотина; под общ. ред. профессора Л.И. Лазор. Луганск: Ноулидж, 2019. 496 с.
12. Серегина Л.В. Социально-правовые гарантии гражданам, ищущим работу: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Серегина Лариса Владимировна. Москва, 2012. 28 с.
13. Ерлинг А.В., Соловьев Д.Д. Понятие трудоустройства и отношений по трудоустройству // *Modern Science*. 2020. № 2-1. С. 157–160.

References

1. Vorobyova M.E. Legal terminology: systemocentric and anthropocentric approaches. *Bulletin of KemSU*. 2013; 2 ((54) 1): 183–186.
2. Bukina T.G. Study of legal terminology in English classes at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Youth and Science*. 2023; 10 (24).
3. Sidelnikova A.A. Employment of the population: concept, types, role in ensuring stable economic development of the country. *Education. Science. Production. Proceedings of the X International Youth Forum with international participation*. 2018; 2189–2192.
4. Federal Law «On Employment of the Population in the Russian Federation». Moscow: Prospect; 2024. 80 p.
5. Law of the Belarus Republic «On the Destruction of the Population of the Republic of Belarus»: Law No. 125-3: Adopted by the House of Representatives on May 4, 2006: approved by the Council of the Republic of Belarus on May 23, 2006: last ed. *National Center of Legislation and Right of Information of the Republic of Belarus. Documents*. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10600125> (accessed date: 08.18.2024).
6. Law of the Donetsk People's Republic «On the Disappearance of the Population»: Law No. 50-INS: adopted by the People's Council on May 29, 2015: last ed. People's Council of the Donetsk People's Republic. Official website. Register of Nature. URL: <http://dnrsovet.su/zakon-donetskoy-narodnoj-respubliki-o-zanyatosti-naseleniya/> (accessed date: 18.08.2024).
7. Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation». Moscow: Prospect; 2024. 48 p.
8. Constitution of the Russian Federation. Moscow: Eksmo; 2022. 96 p.
9. Labor Code of the Russian Federation. Moscow: TSENTRMAG; 2024. 440 p.
10. Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Omega-L; 2022. 624 p.
11. Labor Law: textbook in 2 volumes. Vol. 2. Special Part / L.I. Lazor, V.V. Lazor, I.I. Shamshina, N.A. Plakhotina; General editorship of Professor L.I. Lazor. Lugansk: Knowledge; 2019. 496 p.
12. Seragina L.V. Social and legal guarantees for citizens seeking work: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.05 / Seragina Larisa Vladimirovna. Moscow; 2012. 28 p.
13. Erling A.V., Soloviev D.D. The concept of employment and employment relations. *Modern science*. 2020; (2-1): 157–160.

Информация об авторе:

Плахотина Наталья Андреевна, д-р юрид. наук, профессор каф. государственно-правовых дисциплин, профессор, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, snu.jur@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/084-092>

EDN: <https://elibrary.ru/TISLQJ>

Дата поступления:
13.08.2024

Одобрена после рецензирования:
21.08.2024

Принята к публикации:
15.10.2024

Научная статья

УДК 347:330.8

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/093-103>

EDN: <https://elibrary.ru/QYIVBQ>

Допустимая задержка в судостроительных контрактах: анализ оснований и порядка продления срока сдачи судна по инициативе подрядчика

Варавенко Виктор Евгеньевич

Ниязова Марина Валентиновна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Сроки в договорах подряда являются одним из ключевых параметров достижения цели взаимодействия сторон, маркером надлежащего исполнения подрядного обязательства. Вместе с тем в ходе исполнения договора могут возникать ситуации, требующие корректировки сроков исполнения. Исследование посвящено анализу условий типовых подрядных договоров на строительство морских судов, определяющих основания и порядок изменения сроков по инициативе подрядчика. Проведен обзор указанных условий двух типовых судостроительных договоров, выполнен догматический (формально юридический) анализ их содержания. На основе анализа норм гражданского законодательства проведена оценка перспектив реализации договорных решений в условиях российского гражданского права, а также дана политико-правовая оценка этих решений. Авторы формулируют предложение по совершенствованию порядка изменения условий типовых судостроительных договоров о сроках выполнения работ и передаче судна заказчику, опираясь на подходы экономического анализа права.*

***Ключевые слова:** типовой судостроительный договор, допустимая задержка, экономика права, эффективность, транзакционные издержки, литигационные издержки.*

***Для цитирования:** Варавенко В.Е., Ниязова М.В. Допустимая задержка в судостроительных контрактах: анализ оснований и порядка продления срока сдачи судна по инициативе подрядчика // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 93–103. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/093-103>. EDN: <https://elibrary.ru/QYIVBQ>*

Original article

Permissible delay in shipbuilding contracts: analysis of grounds and procedures for extending the vessel delivery date by contractor

Viktor E. Varavenko

Marina V. Niyazova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

***Abstract.** Deadlines in construction contracts are one of the key parameters for achieving the goal of interaction between the parties, a marker for the proper fulfillment of a contractual obligation. At the same time, during the execution of the contract, situations may arise and require adjustments to the*

© Варавенко В.Е., 2024

© Ниязова М.В., 2024

execution deadlines. The study is devoted to the analysis of the terms of standard contract agreements for the construction of marine vessels, which determine the grounds and procedure for changing deadlines at the initiative of the contractor. The article provides a review of the specified conditions of two standard shipbuilding contracts and performs a dogmatic (formally legal) analysis of their content. Based on the analysis of the norms of civil legislation, an assessment of the prospects for the implementation of these contractual decisions in the conditions of Russian civil law was carried out, and a politically legal assessment of these decisions was also given. The authors formulate a proposal for improving the procedure for changing the terms of standard shipbuilding contracts on the timing of work and transfer of the vessel to the customer, based on approaches to economic analysis of law.

Keywords: *standard shipbuilding contract, permissible delay, economics of law, efficiency, transaction costs, litigation costs.*

For citation: *Varavenko V.E., Niyazova M.V. Permissible delay in shipbuilding contracts: analysis of grounds and procedures for extending the vessel delivery date by contractor // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 93–103. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/093-103>. EDN: <https://elibrary.ru/QYIVBQ>*

Введение

Завершение работ по договору подряда в срок, согласованный сторонами, наряду с количественными и качественными характеристиками предмета исполнения является одним из ключевых критериев надлежащего исполнения обязательства подрядчиком; условие же договора о сроке, соответственно, «одно из важнейших условий для подряда» [1].

Вместе с тем в ходе исполнения договорных обязанностей могут возникнуть обстоятельства, препятствующие подрядчику в выполнении этого условия. Вероятность нарушения промежуточных и конечного сроков выполнения работ существенно увеличивается в договоре подряда, который рассчитан на исполнение в течение длительного периода; предусматривает выполнение большого объема работ различных видов, использование сложных технологий, уникального оборудования и материалов для их выполнения. Именно такими признаками обладают подрядные договоры, заключаемые на строительство морских судов.

В подобных условиях подрядчик нуждается в инструментах, позволяющих эффективно реагировать на изменения, происходящие во внутренней и внешней среде судостроительного проекта путем корректировки его временных характеристик. Международные предпринимательские объединения и зарубежные негосударственные юрисдикционные органы, чья деятельность связана с судостроительной индустрией, предлагают решения этой задачи, закрепленные в виде условий контрактных проформ (далее – типовые судостроительные договоры). Родовым понятием, используемым в типовых договорах для обозначения условий о продлении подрядчиком срока сдачи судна, является категория «допустимая задержка» (*Permissible Delay*).

Являются ли договорные решения оптимальными с точки зрения догматических и политико-правовых соображений? Обладают ли условия проформ о «допустимой задержке» свойством принудительной исполнимости в условиях российского права? Для ответа на эти вопросы необходимо, во-первых, провести обзор условий типовых судостроительных договоров о продлении срока сдачи судна, а также их догматический разбор; во-вторых, проанализировать нормы отечественного гражданского законодательства, регулирующие данный аспект отношений по договору подряда, и смоделировать перспективы принудительного исполнения вышеуказанных условий в рамках регулятивной среды, созданной нормами отечественного гражданского законодательства; в-третьих, оценить договорные решения с политико-

правовых позиций, а именно с точки зрения их эффективности, понимаемой в русле экономического анализа права.

Для решения заявленных исследовательских задач ознакомимся с содержанием двух типовых судостроительных договоров: Стандартный договор на строительство нового судна, разработанный Балтийским и международным морским комитетом (*Standard Newbuilding Contract, Baltic & International Maritime Committee*)¹ (далее – Балтийская форма), Стандартный договор на строительство нового судна, разработанный Китайской морской арбитражной комиссией (*China Maritime Arbitration Commission Standard Newbuilding Contract (Shanghai Form)*)² (далее – Шанхайская форма).

Основная часть

1. Условия типовых судостроительных договоров. Вопросы продления сроков сдачи судна по инициативе подрядчика урегулированы п. 34 Балтийской формы и ст. XV Шанхайской формы. Оба типовых договора предусматривают основания – перечень обстоятельств, при возникновении которых подрядчик вправе инициировать продление, и порядок продления срока сдачи судна.

1.1. *Обзор содержания контрактных проформ: условия о продлении сроков сдачи судна вследствие «допустимой задержки»*

1.1.1. Основания. Согласно п. 34(a)(i-ii) Балтийской формы к «допустимым задержкам» относится 15 обстоятельств, в состав которых входят как неправомерные действия заказчика (например, просрочка поставки материалов и оборудования), так и обстоятельства, находящиеся вне контроля сторон договора – действия третьих лиц и события (например, изменение технических и технологических норм и правил; срыв проведения ходовых испытаний вследствие неблагоприятных погодных условий). Для того чтобы соответствующие обстоятельства могли быть квалифицированы в качестве «допустимой задержки», они должны соответствовать признакам, закрепленным в п. 34(a)(iii) Балтийской формы: такие обстоятельства не являются следствием ошибки, допущенной подрядчиком, а также подрядчик не мог предвидеть их возникновение на момент заключения договора. Перечень обстоятельств-оснований является открытым.

Согласно п. 1 ст. XV Шанхайской формы в открытый перечень «допустимых задержек» входят 19 оснований, как сторонних обстоятельств, так и неправомерных действий заказчика. Требования, аналогичные тем, которые зафиксированы в п. 34(a)(iii) Балтийской формы, в Шанхайской форме отсутствуют.

1.1.2. Порядок. Согласно п. 34(b) Балтийской формы подрядчик, намеревающийся продлить срок сдачи судна, действует в следующем порядке:

(i) уведомляет заказчика о возникновении обстоятельства, которое может квалифицироваться как «допустимая задержка», не позднее 10 дней со дня, когда ему стало известно об этом обстоятельстве³;

¹ BIMCO NEWBUILDCON 2007. URL: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts/newbuildcon#> (дата обращения: 07.02.2020).

² CHINA MARITIME ARBITRATION COMMISSION (CMAC) STANDARD NEWBUILDING CONTRACT. URL: <https://clck.ru/3C72PX> (дата обращения: 28.07.2023).

³ Несоблюдение десятидневного срока на уведомление о возникновении обстоятельства прекращает право подрядчика требовать продление срока выполнения работ, по прямому указанию п. 34(b) Балтийской формы (Дословно: «...препятствует подрядчику потребовать продления срока»).

(ii) уведомляет заказчика о прекращении действия обстоятельства в течение 2 дней со дня прекращения его действия;

(iii) направляет заказчику расчет длительности действия обстоятельства, обоснование его квалификации как «допустимой задержки» и заявляет о продлении срока сдачи судна в течение разумного срока после уведомления о прекращении действия обстоятельства.

Согласно п. 2 ст. XV Шанхайской формы подрячик, намеревающийся продлить срок сдачи судна, действует в следующем порядке:

(i) уведомляет заказчика о возникновении обстоятельства «допустимой задержки» в течение 7 дней со дня, когда соответствующее обстоятельство начало действовать;

(ii) уведомляет заказчика о прекращении действия обстоятельства в течение 7 дней со дня прекращения его действия, с предоставлением расчета длительности действия обстоятельства;

(iii) если заказчик в течение 30 дней со дня получения уведомления и расчета не направит подрячику возражения на счет длительности действия обстоятельства или его квалификации как «допустимой задержки», заказчик признается отказавшимся от права возразить против продления срока выполнения работ⁴.

Описанный порядок реализации права подрячика на продление срока, закрепленный в обоих типовых договорах, не содержит явного указания на роль заказчика в этой процедуре (необходимо ли согласие заказчика или нет), а также не указывает на судьбу условий договора о сроке (происходит ли под влиянием заявления подрячика изменение условий договора о сроках или нет). С учетом того, что под «крышей» «допустимой задержки» в обеих проформах собраны разнородные основания (события и действия, как правомерные, так и неправомерные, как сторон договора, так и третьих лиц), необходимо проанализировать и оценить эти правила с позиций цивилистической догматики.

1.2. *Догматический анализ условий о продлении срока сдачи судна вследствие «допустимой задержки»*

Допустимы по меньшей мере два варианта юридической квалификации действий подрячика в рамках условий о «допустимой задержке»:

(i) подрячик инициирует изменение условия договора о сроке выполнения работ и сдаче результата путем реализации секундарного (преобразовательного) права на изменение условия договора либо по соглашению с заказчиком;

(ii) подрячик приостанавливает исполнение посредством заявления дилаторного (отлагательного) возражения, не изменяющего условия договора, но легитимизирующего задержку в сдаче судна.

Указание на квалификацию переноса срока сдачи судна вследствие обстоятельств «допустимой задержки» как изменение условий договора о сроке встречается в зарубежной литературе [2, с. 241, 242]. Данный вариант потенциально может реализовываться посредством совершения двухсторонней (соглашение сторон) либо односторонней (реализация подрячиком секундарного права) сделки. Содержание п. 34 Балтийской формы и ст. XV Шанхайской формы намекает (хотя и не содержит явно выраженных положений на этот счет) на односторонний характер действий

⁴ Дословно: «заказчик признается отказавшимся от своего права возразить против продления [срока выполнения работ]».

подрядчика по изменению условий о сроке и иррелевантность воли заказчика. И это не вызывает нареканий в отношении обстоятельств, указанных, например, в п. 34(a)(i)(11) Балтийской формы (задержки с проведением ходовых испытаний вследствие неблагоприятных погодных условий и др.). Однако данный вывод опровергается содержанием иных условий контрактных проформ.

Например, согласно п. 34(ii)(2) Балтийской формы к «допустимой задержке» относятся «задержки, связанные с изменениями в правилах и положениях», определяющих обязательные требования к порядку выполнения работ и/ или их результату, т.е. обстоятельства, не зависящие от воли обеих сторон. В соответствии с п. 26(b) Балтийской формы, «[е]сли такие изменения будут обязательными для Судна в момент его передачи, то Судостроитель, если только Заказчик по своему усмотрению не запросит и не получит от Классификационного общества или регулирующих органов (в зависимости от обстоятельств) отказа от таких изменений, внедряет такие модификации и/ или изменения при строительстве Судна. Стороны *будут стремиться к согласованию таких корректировок Цены Договора, Даты передачи судна или других условий Договора, которые являются прямым следствием изменений в применимых законах, правилах, положениях или требованиях. Если Стороны не придут к соглашению о корректировках*, то Судостроитель приступит к требуемым изменениям и вопрос будет решен в соответствии с п. 42 (Разрешение споров)» (курсив авторов. – В.В., М.Н.). Аналогичным образом – по соглашению сторон – происходит корректировка условий о сроке в случае «задержки в связи с модификациями и изменениями» проекта, которые, в отличие от предыдущего обстоятельства, относятся к волевым действиям сторон договора (п. 24 Балтийской формы).

Таким образом, условия типовых договоров о «допустимой задержке» могут быть квалифицированы как механизм изменения условий договора о сроках сдачи судна, который реализуется по общему правилу единолично подрядчиком, а в случаях, прямо указанных в проформе, – путем достижения соглашения заказчика с заказчиком.

Другой вариант квалификации изменения срока сдачи судна вследствие «допустимой задержки» в качестве приостановления подрядчиком исполнения договора так же встречается в зарубежной литературе о судостроительных контрактах. Так, в уже упомянутой работе Саймона Кёртиса (*Simon Curtis*) применительно к ситуации нарушения заказчиком обязанности по оплате работ указывается, что Балтийская форма относит это нарушение к категории «допустимой задержки», а подрядчик реализует свое право на защиту от данного нарушения путем приостановления исполнения по договору: «приостановка работ судостроителем характеризуется в *NEWBUILDCON* как Допустимая задержка» [2, с. 212].

Механизм легитимации просрочки в передаче судна вследствие приостановки работ реализуется путем подачи подрядчиком формального заявления о «допустимой задержке». Иными словами, физическая приостановка подрядчиком выполнения работ, предпринятая как реакция на нарушение заказчика, автоматически не приводит к продлению срока сдачи судна [2, с. 281, 282].

Обратим внимание на существенное отличие заявления о «допустимой задержке» вследствие нарушения заказчика от аналогичного заявления в случае реализации секундарного права на изменение условия договора о сроке: «Выдвижение такого возражения – так же как и заявление об одностороннем изменении условий обязательства – можно рассматривать как сделочное или квазисделочное волеизъявление, но его эффект

будет состоять не в изменении условия о сроке своего исполнения, а в лишении задержки своего исполнения признака неправомерности» [3, с. 982].

Итак, условия типовых судостроительных договоров о «допустимой задержке» предусматривают не только разнородные обстоятельства – основания продления срока, но и различные по своей юридической природе механизмы и процедуры такого продления (двухсторонние и односторонние сделки, регулятивные и охранительные средства), подпадающие под действие норм разных институтов договорного и обязательственного права⁵. Указанные обстоятельства ставят под сомнение возможность квалифицировать правила о «допустимой задержке» в качестве «института» в юридическом смысле этого термина, указывают на то, что резоны объединения столь разнородных гражданско-правовых механизмов под одной «крышей» носят не юридический характер.

2. Нормы гражданского законодательства: исполнимость условий типовых договоров. Оценка исполнимости условий типовых судостроительных договоров о «допустимой задержке» в условиях российского права требует обращения к каждому из вариантов квалификации этих условий по отдельности. Начнем с условий, квалифицируемых в качестве механизма изменения условий договоров о сроках.

2.1. *«Допустимая задержка» как механизм изменения условий договора о сроке*

Возможность изменения условий договора по соглашению сторон явно выражена в п. 1 ст. 450 ГК РФ: «[и]зменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими законами или договором» и не требует сколько-нибудь обстоятельного разбора. А вот жизнеспособность варианта одностороннего изменения условия о сроке посредством реализации секундарного права подрядчика не столь очевидна.

Отечественное гражданское законодательство не содержит норму, явно и непосредственно предоставляющую подрядчику право на одностороннее изменение условий о сроке выполнения работ по договору подряда. Однако допустимость такого изменения может быть выведена из содержания других норм ГК РФ.

Ключевыми нормами, регулирующими основания и порядок изменения условий договоров, являются правила ст. 310 и 450.1 ГК РФ. Специальные нормы, регулирующие изменение условий о сроках в договорах подряда, закреплены в ст. 708 ГК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 310 ГК РФ одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, допускается в случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором. А в соответствии с п. 1, 2 ст. 450.1 ГК РФ право на одностороннее изменение условий договора реализуется путем направления уведомления; договор считается измененным с момента получения уведомления адресатом, если иной момент не предусмотрен законом или договором.

Согласно п. 2 ст. 708 ГК РФ указанные в договоре подряда начальный, конечный и промежуточные сроки выполнения работы могут быть изменены в случаях и в порядке, предусмотренных договором. В отечественной литературе указывалось на «излишний» характер данной нормы со ссылкой на принцип свободы договора

---

⁵ В зарубежной литературе по проблематике судостроительных контрактов авторы не касаются вопроса зависимости порядка реализации права подрядчика на продление срока выполнения работ вследствие «допустимой задержки» от природы оснований возникновения этого права: Curtis S. [2, с. 166]; Mandaraka-Sheppard A. [4, с. 263, 264].

(ст. 421 ГК РФ), позволяющий сторонам в любое время по соглашению изменить сроки договора [1; 5, с. 40]. Однако, если истолковать это правило во взаимосвязи с п. 2 ст. 310 ГК РФ, становится очевидным, что законодатель ориентирует стороны на установление в договоре подряда условий, предусматривающих вторичное право подрядчика на изменение условий договора о сроке. Это право реализуется подрядчиком путем совершения односторонней сделки, вторгающейся в сферу интересов заказчика. Воля последнего на изменение срока договора в такой ситуации не имеет юридического значения: заказчик вынужден претерпевать последствия реализации права подрядчика⁶.

Таким образом, исходя из содержания ст. 310, 450, 450.1, 708 ГК РФ условия типовых судостроительных договоров об изменении сроков сдачи судна вследствие «допустимой задержки» путем изменения условий договора (как по соглашению сторон, так и в одностороннем порядке) обладают свойством принудительной исполнимости по российскому праву.

2.2. «Допустимая задержка» как механизм легитимации просрочки сдачи судна вследствие приостановления исполнения

В отличие от изменения условий договора, реализуемого путем совершения двух- и односторонних сделок, имеющего регулятивную природу, приостановление исполнения – это способ защиты прав и интересов стороны, столкнувшейся с нарушением, выполняющий охранительную функцию.

Нормы, предусматривающие возможность применения данного способа защиты в рамках любого договора, закреплены в ст. 328 ГК РФ, а применительно к подрядным договорам – в ст. 719 ГК РФ. В соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ «[в] случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства...». Норма п. 1 ст. 719 ГК РФ, содержащая отсылку к ст. 328 ГК РФ, конкретизирует случаи, когда подрядчик вправе приостановить выполнение работ, а также предусматривает право подрядчика отреагировать аналогичным образом на предвидимое нарушение заказчика, что расширяет сферу применения данного способа защиты по сравнению с положениями типовых договоров.

Предпосылками применения данного способа защиты являются: во-первых, принципиальная устранимость нарушения обязательства заказчика; во-вторых, наличие между нарушенным обязательством заказчика и обязательством подрядчика прямой или расширенной синаллагматической связи (когда эти обязательства структурируют обмен основными договорными предоставлениями) [3, с. 978, 979]. Вместе с тем, по мнению авторов указанного комментария, допустимым является приостановление исполнения и в отношении обязательств, не находящихся в синаллаг-

---

⁶ Ознакомление с договорной практикой в сфере судостроения свидетельствует о том, что стороны судостроительных подрядных договоров не очень активно пользуются этим правом. Так, в договорах на строительство морских судов для нужд ФГУП «АТОМФЛОТ» условия о возможности одностороннего продления сроков выполнения работ по инициативе верфей не закреплены (URL: <http://zakupki.rosatom.ru/1602110466040> (дата обращения: 23.12.2020)), ПАО НК «Роснефть» (URL: <http://zakupki.rosneft.ru/node/192653> (дата обращения: 23.12.2020)).

матической связи при условии соблюдения требований разумности и добросовестности. В качестве критерия допустимости применения данного способа защиты в отношении обязательств, не находящихся в прямой синаллагматической связи, предлагается использовать следующую презумпцию: «если продолжение просрочки должника в исполнении некоего дополнительного обязательства или неустранение им допущенного по такому обязательству устранимого нарушения способно оправдать расторжение договора, то по умолчанию следует считать, что приостановление кредитором своего основного договорного обязательства презюмируется допустимым, если иное явно не вытекает из обстоятельств» [3, с. 998].

Механика приостановления исполнения воплощается в подаче заинтересованным лицом уведомления о приостановлении. Напрямую в законе обязательность такого уведомления не закреплена. Однако, во-первых, она может быть выведена из принципа добросовестности (п. 3 ст. 307 ГК РФ), во-вторых, это просто наиболее целесообразный образ действий, направленный на координацию взаимодействия сторон договора.

Кроме того, в специальном исследовании, посвященном приостановлению исполнения обязательства, написано: «... даже если нарушение носит существенный характер и в принципе может быть устранено, приостановление возможно только тогда, когда кредитор потребовал устранения нарушения... Если кредитор не требует устранения нарушения, то и невозможно приостановление исполнения» [6, с. 187]. Таким образом, помимо сообщения о приостановлении исполнения заинтересованному лицу следует потребовать устранить нарушение, ставшее причиной приостановления. Полагаем, что сообщение и требование могут быть сформулированы в одном письменном уведомлении.

Таким образом, нормы ст. 328, 307, 719 ГК РФ образуют нормативную основу применения условий типовых судостроительных договоров о переносе момента сдачи судна вследствие «допустимой задержки», не связанном с изменением условий судостроительного договора о сроках выполнения работ и передаче результата заказчику.

Анализ законодательства, применимого к отдельным сценариям отсрочки в передаче судна по инициативе подрядчика, подтверждает тезис о том, что правила о «допустимой задержке» нельзя рассматривать в качестве самостоятельного института, предназначенного для регулирования соответствующего аспекта отношений между подрядчиком и заказчиком.

3. Политико-правовые аспекты договорных условий о «допустимой задержке»: эффективность договорных решений. Как было указано выше, в ряде случаев подрядчик обладает секундарным (преобразовательным) правом на изменение временных параметров судостроительного договора, а в иных – выступает лишь инициатором изменения сроков, которое производится по соглашению с заказчиком. Данный аспект договорного регулирования связан с вопросом соотношения трансакционных издержек на заключение договора и разрешение споров.

Трансакционные издержки первого рода в контексте рассматриваемой темы – это затраты на достижение соглашения по корректировке условий договора о сроках выполнения работ и передаче судна заказчику. Издержки второго рода (литигационные) – это затраты, связанные с урегулированием споров, которые могут возникнуть в результате такой корректировки. Издержки на согласование и литигационные издержки связаны по принципу сообщающихся сосудов: чем выше один род издержек, тем ниже уровень других.

Так, для того чтобы согласовать изменение сроков договора, его сторонам придется нести временные, кадровые, возможно, финансовые и иные материальные затраты, однако риск последующего невыполнения достигнутой договоренности существенно ниже по сравнению с перспективами неисполнения одностороннего решения. И наоборот, решение, принимаемое одной из сторон (в нашем случае – подрядчиком), не влечет существенные затраты последней, но в перспективе может натолкнуться на пассивное или активное сопротивление другой стороны.

У оперативности и дешевизны односторонних действий по изменению условий о сроках есть и другая негативная характеристика. Как говорилось ранее, действия подрядчика по реализации секундарного права представляют собой одностороннюю сделку, а согласно п. 51 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.05.2015 № 25 «[е]сли односторонняя сделка совершена, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено *или не соблюдены требования к ее совершению*, то по общему правилу такая сделка не влечет юридических последствий, на которые она была направлена» (курсив авторов. – В.В., М.Н.)⁷. Очевидно, что вопрос о соблюдении или несоблюдении требований к заявлению об изменении условий договора о сроках – это вопрос факта, допускающий множество субъективных интерпретаций. Иными словами, подрядчик несет риск ничтожности односторонней сделки по изменению условий судостроительного договора о сроке, который выражается в попадании подрядчика в просрочку и применении к нему соответствующих мер ответственности. Указанные негативные последствия, локализовавшиеся в имущественной сфере подрядчика, создают угрозу для достижения цели судостроительного проекта, т.е. угрожают интересам заказчика.

В связи с этим авторы критически оценивают подход, проводимый в Балтийской форме: установление одностороннего порядка корректировки условий о сроке в качестве общего правила и «точной» (т.е. в случаях, прямо указанных в проформе) корректировки таких условий по соглашению сторон. На наш взгляд, более взвешенным вариантом регулирования вопросов продления сроков могло бы стать сочетание двух механизмов в форме поэтапной модели корректировки с приоритетом согласительной процедуры⁸. На первом шаге подрядчику, столкнувшемуся с обстоятельством-основанием для продления срока, следует предпринять действия по достижению соглашения с заказчиком в течение четко зафиксированного срока. И только в том случае, если заказчик уклоняется или необоснованно отказывается от такого изменения, по истечении периода согласительной процедуры подрядчик, будучи полностью уверенным в легитимности основания продления, реализует право на одностороннее изменение условия о сроке. Такое решение, закрепленное в форме договорных условий, снизило бы вероятность материализации обозначенных выше рисков.

⁷ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

⁸ Такая двухэтапная процедура известна в инвестиционно-строительной практике и нашла свое закрепление в ряде контрактных проформ в сфере промышленного строительства. В частности, она закреплена в типовых договорах Международной федерации инженеров-консультантов. См. напр.: Clause 3.7 Conditions of Contract for Construction. For Building and Engineering Works Designed by the Employer. Geneva. FIDIC. 2nd ed., 2017. P. 19–21.

Данное предложение, на первый взгляд увеличивающее транзакционные издержки, связанные с исполнением судостроительного договора, в перспективе способствует их снижению, поскольку затраты сторон на урегулирование возникшего спора при прочих равных условиях существенно превышают расходы на достижение договоренности. На подобный феномен соотношения различных видов транзакционных издержек ранее обращалось внимание в литературе по экономическому анализу права [7, с. 170, 171].

Что касается цели договорного решения, воплощенного в типовых судостроительных договорах, выражающегося в объединении догматически разнородных юридических инструментов под знаком «допустимой задержки», авторы готовы предложить следующее объяснение. Типовые договоры (контрактные проформы) представляют собой сборники деловых обыкновений – неправовых социальных норм, предназначенных для регулирования отношений между участниками хозяйственных операций в соответствующих индустриях. Проформы имеют многоцелевое назначение, одним из которых (применительно к сфере реализации инвестиционно-строительных и судостроительных проектов) является управление рисками проекта: типовой договор – это один из инструментов управления рисками. С точки зрения механики реализации этой функции типовой договор должен предусматривать описание идентифицированных рисков проекта, средств устранения или смягчения материализовавшихся рисков, а также процедур применения этих средств.

Взгляд на п. 34 Балтийской формы и ст. XV Шанхайской формы с позиций данного подхода объясняет выявленный «юридический эклектизм». Договорное решение облегчает менеджеру проекта поиск и реализацию средств реагирования на риски, однако не упрощает задачу юристов, сопровождающих судостроительный проект, в правильной юридической квалификации соответствующих условий и их применении в случае возникновения спорной ситуации.

Заключение

Условия типовых судостроительных договоров, предусматривающие основания и порядок продления срока выполнения работ и передачи судна заказчику, объединенные общим названием – правила о «допустимой задержке», представляют собой совокупность разнородных юридических средств, относящихся к разным институтам договорного и обязательственного права.

Нормы действующего гражданского законодательства не содержат запретов или ограничений на принудительное исполнение условий типовых судостроительных договоров о «допустимой задержке»; адаптация таких условий к российскому праву не требуется (они могут применяться в том виде, в котором сформулированы в проформах).

Предлагаемые в типовых судостроительных договорах правила о допустимой задержке, в частности соотношение согласительных и односторонних решений по изменению условий договора о сроках, оцениваются авторами как эффективные не во всех отношениях. При согласовании участникам судостроительных проектов процедур корректировки условий предлагается включать в судостроительный договор условия, сочетающие оба механизма (согласительный и односторонний) в форме поэтапной модели корректировки условий о сроках с приоритетом согласительной процедуры.

Список источников

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3. Договоры на выполнение работ и оказание услуг. Москва: Статут, 2002. 1055 с.
2. Curtis S. The Law of Shipbuilding Contracts. 4-th ed. London, 2012. 455 p.

3. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1494 с.
4. Mandaraka-Sheppard A. *Modern Maritime Law. Vol. 2. Managing Risks and Liabilities.* 3-d ed. NY, 2013. 932 p.
5. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам Гражданского кодекса России об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 4–106. EDN: SYJEOP
6. Карапетов А.Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. Москва: Статут, 2011. 239 с.
7. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. Москва: Статут, 2016. 528 с.

References

1. Braginsky, M.I. Vitryansky V.V. *Contract law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services.* Moscow: Statute; 2002. 1055 p.
2. Curtis S. *The Law of Shipbuilding Contracts.* 4-th ed. London; 2012. 455 p.
3. Performance and termination of the obligation: commentary to articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / rev. ed. A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2022; 1494 p.
4. Mandaraka-Sheppard A. *Modern Maritime Law. Vol. 2. Managing Risks and Liabilities.* 3-d ed. NY; 2013. 932 p.
5. Karapetov A.G., Bevzenko R.S. Commentary on the norms of the Civil Code of Russia on certain types of contracts in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation “On freedom of contract and its limits”. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.* 2014; (8): 4–106. EDN: SYJEOP
6. Karapetov A.G. Suspension of the obligation as a way to protect the rights of the creditor. Moscow: Statute; 2011. 239 p.
7. Karapetov A.G. Economic analysis of law. Moscow: Statute; 2016. 528 p.

Информация об авторах:

Варавенко Виктор Евгеньевич, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, vevaravenko@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6053-0394

Ниязова Марина Валентиновна, канд. экон. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, marina.niazova@vvsu.ru. ORCID: 0000-0001-5638-6959

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/093-103>

EDN: <https://elibrary.ru/QYIVBQ>

Дата поступления:
25.07.2024

Одобрена после рецензирования:
05.08.2024

Принята к публикации:
16.08.2024

Научная статья

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>

EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>

Принципы государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества*

Мамычев Алексей Юрьевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Матюк Юлия Сергеевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Цель исследования – в контексте национального образа технологического будущего российского общества предложить принципы государственно-правового регулирования отношений на примере отношений с участием искусственного интеллекта. Предмет исследования – принципы государственно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта (ИИ) как инструмент государственной политики в сфере технологического развития и цифровой трансформации общества. Методологическая основа исследования опирается на разработки в области общей теории права и государства, отраслевых юридических наук и др. Для формирования принципов государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества использовались методы правового моделирования и прогнозирования, также задействованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии, применяемые для выявления специфики исследуемой темы и позволяющие сделать ряд обобщающих выводов. В результате проведенного исследования были сформулированы принципы нормативно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта: принцип служения человеку и обществу, принцип комплементарности системы, принцип ответственности человека, принцип осведомленности. Предложенные принципы направлены на гармонизацию системы правовой фиксации вопросов, связанных с данными технологиями, и минимизацию этических-правовых рисков, в том числе таких как сохранение антропоцентричности и гуманистической сущности права в отношениях человек-машина, справедливое распределение ответственности за вред, причиненный системой искусственного интеллекта, манипуляции человека «машиной», риски размывания и ухода от ответственности. Исследование темы позволило выявить, что основной задачей государственной политики в эпоху кардинальных технологических изменений и цифровой трансформации политической организации является обеспечение гармоничного сочетания инновационного (технологического) и социокультурного (цивилизационного) развития общества. На этом фоне выделяется новое направление, отвечающее данным вызовам и потребностям общественного развития, – технологическая политика государства. В рамках этого нового направления будет сформировано ценностно-смысловое наполнение новых цифровых прав, которое базируется на цивилизационных государственно-правовых основах страны. Полу-*

---

* Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0005 «Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

© Мамычев А.Ю., 2024

© Матюк Ю.С., 2024

ченные в исследовании результаты могут быть полезны при совершенствовании доктринальных и программно-концептуальных правовых актов, создающих национальный образ технологического будущего российского общества, а также при формировании нормативно-правовых положений, касающихся государственно-правового регулирования отношений, в том числе с участием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *государственно-правовое регулирование, образ будущего, технологическая политика, правовая политика, права человека, искусственный интеллект, принципы права, опережающее правотворчество, цифровые технологии.*

Для цитирования: *Мамычев А.Ю., Матюк Ю.С. Принципы государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>. EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>*

Original article

Principles of state-legal regulation of relations in the context of the national image of the technological future of Russian society

Alexey Yu. Mamychyev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow. Russia

Yulia S. Matyuk

Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

Abstract. *The purpose of the article is to propose principles of the state legal regulation of relations, including those that use artificial intelligence, in the context of the Russian society's technological future national image. The subject of the research is the principles of relations' state legal regulation involving artificial intelligence as an instrument of state policy in the field of technological development and digital transformation of society. The methodology of the research is based on developments in the general theory of law and state as well as in specific legal branches. The methods of legal modeling and forecasting were used to formulate the principles of relations' state and legal regulation in the context of the Russian society's technological future image. The methods of induction and deduction, analogies, analysis and synthesis helped identify the specific features of the issue and allowed to make a number of general conclusions. As a result, some principles of standard legal relations' regulation involving artificial intelligence were formulated, such as ones of serving a person and society, of the power system's complementarity, of human responsibility, and their awareness of what is going on. All principles proposed are aimed at harmonizing the system of legal recording of issues related to these technologies and minimizing ethical and legal risks. They include those of preserving the anthropocentricity and humanistic essence of law in human-machine relations, fair distribution of responsibility for harm caused by the use of artificial intelligence, human manipulation by the "machine", and the risks of responsibility blurring and evasion. The research also revealed that the main task of state policy in the era of radical technological changes and digital transformation of the political organization is to ensure a harmonious combination of innovative (technological) and socio-cultural (civilizational) development of the society. This background gives birth to a new direction that meets these challenges and social development requirements, e.g. the state technological policy. Within its framework, the value-semantic content of new digital rights will be formed, based on the country's civilizational state and legal foundations. The research results can be used for improving doctrinal and programmatic-conceptual legal acts that create a national image of the Russian society's technological future, as well as for shaping regulatory and legal provisions concerning state and legal relations' regulation including those that use artificial intelligence.*

Keywords: *state legal regulation, image of the future, technology policy, legal policy, human rights, artificial intelligence, principles of law, proactive lawmaking, digital technologies.*

For citation: *Mamychyev A.Yu., Matyuk Yu.S. Principles of state-legal regulation of relations in the context of the national image of the technological future of Russian society // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>. EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>*

Введение

В последние десятилетия на национальном уровне в рамках реализации государственной политики в сфере технологического развития и цифровой трансформации общества начали появляться разнообразные этические кодексы и стратегические доктрины. На глобальном уровне этот вопрос также уже входит в международную повестку дня [1]. Процесс доктринально-правового и ценностно-нормативного кодирования будет только усиливаться в ближайшее время.

Несомненно, что правовая политика государства будет формироваться как на основании все возрастающей технологизации общества, так и с учётом трансформации и усложнения ценностно-смысловых и социально-нормативных систем. Здесь «речь идет в первую очередь о новых элементах этики, о новых моделях работы с различными ценностями... будут политики, связанные с использованием океана, такие же сквозные политики по космосу, и в районе 2050 года мы ожидаем тотальной перезагрузки модели прав человека. Вот та модель прав человека, которая проявилась и сложилась уже 70 лет назад, фактически после Второй мировой войны, она будет крайне существенно пересмотрена в другую модель, которая связана с правом на доступ к чистому воздуху, с правом на доступ к еде, с правом на обеспечение других базовых прав» [2, с. 8].

В этом отношении можно прогнозировать появление принципиально новых юридических институтов и комплексов, а также различных форматов машинного регулирования цифровых форм взаимодействия и алгоритмических систем нормирования и разрешения конфликтов (инжиниринговое нормирование, машинное право, электронное правосудие и т.п.). В то же время обострится конкуренция за доминирование конкретной ценностно-нормативной модели, социотехнических принципов права и духовно-нравственных стандартов, которые будут положены в основание национальных и глобальных систем развития процессов технологизации общественных систем.

Очевидно, что любая правовая система базируется на определенных принципах; в свою очередь, принципы права представляют собой основополагающие идеи, руководящие начала, положения, выступающие фундаментом, на котором строится система права. Правовой принцип – это норма широкого диапазона действия, воплощение начал, которые пронизывают все уровни правовой жизни [3, с. 668]. С функциональной точки зрения существенной является способность принципа соучаствовать в создании новых правовых норм. Принцип оправдывает, легитимирует норму-правило, «сопровождает ее по пути» к практическому осуществлению, контролирует ее применение, позволяет дать систематическое толкование, выявить глубинный смысл нормативного требования применительно к ситуации. Принцип права лежит в основе регулирования общественных отношений, фиксирует и одновременно прогнозирует тенденции общественного развития; как нормативно-целевой ориентир формирует будущие модели взаимодействия и направляет развитие отношений в нужное русло, поскольку принцип, как и норма, есть регулятор, работающий в целях упорядочения общественных отношений [4, с. 138].

Современное развитие и состояние отношений с участием искусственного интеллекта, существующее сегодня нормативно-правовое регулирование данной сферы характеризуются фрагментарностью и бессистемностью. Общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом и их регулированием, как и в целом с цифровыми технологиями, находятся в фазе их активного и продолжающегося развития, не являются устоявшимися, а типичные модели взаимодействия еще не сформированы.

Основной проблемой в области упорядочения отношений с участием искусственного интеллекта и других цифровых технологий является попытка механистичного переноса уже существующих моделей регулирования на принципиально иные, ранее не существовавшие отношения. Такой искусственный перенос затруднительно назвать эффективным; он не способствует развитию самих отношений и их регулированию, а, наоборот, может тормозить их. При таких условиях все большую актуальность приобретает опережающее правотворчество.

Опережающее (превентивное) правотворчество предполагает принципиальную возможность и способность права опосредовать, «подтягивать» общественные отношения к некоторому состоянию, тем самым оно конструирует и создает новые формы социального взаимодействия. Опережающее правотворчество сущностно характеризуется прогностической составляющей, что является особенно актуальным в наступающую цифровую эпоху, когда отношения находятся в стадии активного развития, а момент, когда отношения сформируются и станут устоявшимися, как видится, вряд ли будет достигнут в обозримом будущем. «Решения, от которых, возможно, зависит жизнь человечества, не должны быть приняты де-факто, после того как случится множество непоправимых вещей, они должны быть тщательно обдуманы и взвешены» [5].

Вышеуказанное предопределяет *цель исследования* настоящей статьи – в контексте национального образа технологического будущего российского общества предложить принципы государственно-правового регулирования отношений на примере отношений с участием искусственного интеллекта. Предмет исследования – принципы государственно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта как инструмент государственной политики в сфере технологического развития и цифровой трансформации общества. Методологическая основа исследования опирается на разработки в области общей теории права и государства, отраслевых юридических наук и др. Для формирования принципов государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества использовались методы правового моделирования и прогнозирования; для выявления специфики исследуемой темы и выведения ряда обобщающих выводов – методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии.

Основная часть

Предполагается, что принципы, которые будут упорядочивать отношения с участием искусственного интеллекта и моделировать развитие технологий, не должны быть точной копией уже существующих и действующих принципов. Существующие сегодня принципы распространяют свое воздействие и на новые технологии, являются обязательными, поддерживаются силой государства. При этом классические правовые принципы приобретают новые грани и оттенки; происходит преломление уже существующих сегодня общеправовых принципов в отношениях с участием систем ИИ. Так, например, всем известный принцип законности распространяется и на отношения, связанные с системами ИИ; может выражаться в запрограммированном соответствии закону разрабатываемой модели, соблюдении действующего законодательства как самой системой, так и человеком при взаимодействии с системой и другими лицами.

Искусственный интеллект, как и другие инновационные технологии, являясь частью глобального процесса цифровизации, существенно меняет устоявшиеся черты социума, приводит к значительным изменениям в жизни общества, а потому требует особого внимания и отдельного подхода.

Кроме того, значимость принципов регулирования отношений, связанных с системами ИИ, заключается в том, что они предотвращают разрушение уже существующих правовых принципов, становятся для них дополнительной поддержкой.

В связи с вышеизложенным предлагается закрепление следующих принципов нормативно-правового регулирования отношений с участием систем ИИ.

Принцип служения человеку и обществу. Данный принцип предполагает, что создание и применение систем ИИ должно быть во благо человеку и обществу; во многом продиктован гуманистическими соображениями. В системе «человек – технологии» технологии существуют для человека, а не наоборот. Правовое государство наших дней основано на верховенстве гуманистического права – права, утверждающего свободу и достоинство личности, которые, безусловно, требуют уважения. В связи с этим, во-первых, должно быть под запретом создание таких систем ИИ, которые способны по собственной инициативе целенаправленно причинять человеку вред; во-вторых, человек не должен умалять человеческое достоинство своим обращением с системами ИИ. Соответственно, системы ИИ должны разрабатываться и работать таким образом, чтобы быть совместимыми с идеалами человеческого достоинства, прав и свобод человека, многообразия культур.

Данный принцип перекликается с законами робототехники, сформулированными Айзеком Азимовым: первый закон категорически запрещает роботу вредить людям, второй – приказывает роботу подчиняться людям до тех пор, пока это не станет противоречить первому закону, и, наконец, третий закон приказывает роботу защищать свою жизнь, не нарушая первых двух. Позднее был предложен и нулевой закон – робот не может причинить вред человечеству [6].

Принцип комплементарности (субсидиарности, дополнительности). ИИ должен дополнять, а не заменять человека, должен стать не технологией, которая вытеснит людей, а технологией, которая позволяет им лучше делать свою работу.

Учитывая современное состояние развития технологий ИИ, можно с уверенностью сказать, что все существующие системы являются узкоспециализированными, направленными на решение конкретных строго определенных задач, а не на выполнение работ как таковых или социальных ролей.

Принцип ответственности человека. Система ИИ всегда должна содержать указание на лицо, ответственное за действия систем ИИ и последствия этих действий (например, разработчик, собственник, оператор и т.п.).

Требование, согласно которому у всякого ИИ должно быть лицо, отвечающее за его действия, поможет ограничить те проекты, которые будут нести значительную опасность или противоречить морали и общественной нравственности. Так, например, в свое время был введен и действует уже более двадцати лет полный запрет на эксперименты по клонированию человека.

Вопреки некоторой иллюзии полной автономности и самостоятельности система действует так или иначе в интересах конкретных субъектов, поскольку собственного правового интереса у системы нет и быть не может.

Данный принцип также связан с фундаментальным общетеоретическим положением о том, что нести юридическую ответственность в любом ее виде может только субъект [7]. Система действует или выдает результат на основе тех алгоритмов и данных, которые в нее заложены, а уже их оценкой и применением занимается человек, т.е. деятельность системы зависит от человека, ее создает человек и влияет на нее тоже он. Учитывая уровень развития технологий и современное видение правовой

природы систем ИИ исключительно как объекта, речь о возложении ответственности на системы ИИ на современном этапе и в ближайшем будущем не идет. Это позволяет избежать возможности произвольного ухода от ответственности или ее размывания. В случае ошибок проектирования или недостатков дизайна технологии ответственность будет возложена на создателя, разработчика; при использовании и применении систем ответственными могут быть собственник, владелец, оператор или пользователь; в отдельных ситуациях, например в случае стороннего вмешательства в деятельность системы, – третьи лица, осуществившие такое вмешательство.

В связи с этим предлагается рассмотреть закрепление такого варианта ответственности, как *коллективная или разделенная ответственность*. Она предполагает модель ответственности за действия искусственного интеллекта, в которую были бы включены производитель, программист, пользователь и все прочие вовлеченные лица. В данной ситуации первичной должна быть объективная сторона правонарушения, т.е. нужно выяснить, нарушил ли человек, связанный с деятельностью искусственного интеллекта, свои обязанности по отношению к нему. Такая концепция соответствует принципам справедливости, во всяком случае на данном этапе, поскольку она предполагает личную ответственность лиц, так или иначе связанных с системой искусственного интеллекта.

Принцип осведомленности. Этот принцип можно раскрыть как минимум через два аспекта: информированность об опасности систем, порядке их эксплуатации и обязанности уведомлять пользователя о контакте с системой ИИ, а не с человеком.

Информированность об опасности предполагает, что в открытом свободном публичном доступе должна находиться вся информация об опасности, в том числе потенциальной, которую любая система ИИ (в особенности в киберфизических формах) несет для человека, общества, окружающей среды и т.д. Кроме того, необходимо определение условий использования и донесение этой информации до пользователей. Создатель, разработчик должны заранее определить, где именно и при каких условиях конкретная система может быть использована, а также ограничения ее использования. Пользователь должен знать, с чем он взаимодействует и как его поведение будет влиять на безопасность системы. Представляется, что уровень информационных обязанностей может различаться в зависимости от степени риска причинения вреда системой ИИ.

Обязанность при взаимодействии уведомлять пользователя о контакте с системой ИИ, а не человеком, отражает право пользователя знать, с кем он имеет дело. Это в свою очередь имеет как минимум два важных последствия. С одной стороны, такая обязанность способствует предотвращению манипуляций человека «машиной». Например, уже сейчас известен случай, когда чат-бот обманул человека, чтобы тот решил для него «капчу» (тест, представляющий собой изображение с искаженным текстом, который проверяет, что пользователь – человек, а не компьютерная программа) [8].

Языковая модель наняла человека через сайт по подбору персонала, и на вопрос, не робот ли это, чат-бот притворился человеком с нарушением зрения и попросил помощи. Таким образом, создается обширное поле для различного рода мошенничества и прочих злоупотреблений доверием человека. С другой стороны, уведомление о контакте с системой, а не человеком, позволит избежать рисков размывания или попыток ухода ответственности, как, например, в уголовном деле о покушении на сбыт наркотических веществ, когда подсудимая обжаловала приговор (ссылаясь на отсутствие квалифицирующего признака состава преступления – совершение преступления группой лиц) на основании того, что переписка осуществлялась с искусственным интеллектом, который нанял ее на работу, поручал проведение операций по раскладке и фотографированию тайников [9].

Учитывая пример с чат-ботом, такие ситуации гипотетически могут возникнуть и, скорее всего, в будущем возникнут, хотя практическим решением абсолютного большинства сходных проблем может стать предварительное уведомление пользователя. Применение принципа осведомленности как обязанности ставить в известность о взаимодействии человека с системой ИИ служит для предотвращения манипуляций, предостерегает от введения в заблуждение и размывания ответственности человека за содеянное.

В этом плане государственная политика в эпоху кардинальных технологических изменений и цифровой трансформации политической организации должна не только быть комплексной, учитывать различные аспекты технологической эволюции общественной системы, но и *обеспечивать гармоничное сочетание* инновационного (технологического) и социокультурного (цивилизационного) развития общества. Неслучайно сегодня, в период цифровой трансформации власти, права, экономики, культуры и т.д., оформляется и новое направление, отвечающее данным вызовам и потребностям общественного развития, – технологическая политика государства.

В настоящее время *технологическая политика государства* – это достаточно комплексное и стратегическое направление, которое реализуется не только государством, но и различными гражданскими институтами. Она связана: со стимулированием развития критической технологической инфраструктуры и алгоритмических решений в современном обществе (например, внедрение систем искусственного интеллекта, технологий больших данных, блок-чейн технологий во властно-управленческую деятельность); с обеспечением цивилизационной безопасности, сохранением гуманистической направленности в технологических инновациях; с воспроизводством национально-культурных оснований общественной системы в ходе цифровой трансформации политических, экономических, правовых и других институтов; с продвижением национальных технологических решений на глобальный и внутренний рынок (экспорт ценностно-нормативных моделей, защищающих права, свободы, законные интересы человека и общества, на международный уровень и многое другое).

Технологическая политика каждого конкретного государства дает ответ на ряд фундаментальных вопросов общественно-политической реальности: что значит быть человеком в век технологической эволюции; возможно ли общество как социокультурная целостность в эпоху виртуальной коммуникации и алгоритмизации разнообразных интеракций; на каких ценностях и принципах будет развиваться социально-экономическая и общественно-политическая жизнедеятельность в период кардинальных изменений и многие другие вопросы, ответ на которые сегодня вынуждено брать на себя государство.

Именно государство как политико-правовая организация общества обеспечивает сегодня ценностно-смысловую и нормативно-регулятивную основу развития процессов цифровизации и технологической трансформации, что значительно страхует человечество от разнообразных цивилизационных опасностей, рисков и угроз. Существенно изменяются и социальная роль, назначение и приоритетные направления деятельности (функции) государства как политического института в цифровом обществе.

Кроме того, в рамках национальной политики государства в сфере обеспечения и защиты прав человека и гражданина принимаются различные юридические нормы и правовые институты, закрепляющие право на доступ в цифровую сеть и получение цифровой информации, право на цифровую конфиденциальность, право человека на данные и управление своей цифровой информацией, право на цифровую безопасность, право на цифровую приватность, право на забвение и проч. [10]. Например, ГК РФ признает в ст. 141.1 наличие у граждан цифровых прав, которые они могут осуществлять и которыми могут распоряжаться, «в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только

в информационной системе без обращения к третьему лицу», а «если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом» [11].

В то же время сегодня нет пока единства в понимании и толковании «новых цифровых прав и свобод»: являются ли они лишь очередным поколением прав человека или, напротив, интенсивность технологической и цифровой трансформации человечества постепенно формирует принципиально новый каталог прав человека, а также новые международные и национальные формы, инструменты и режимы их обеспечения и защиты. В первом случае, например, в рамках европейско-американского дискурса обосновывается, что доктрина прав человека постоянно развивается, и вслед за тремя поколениями прав и свобод человека¹, получившими международно-правовое (Всеобщая декларация прав) и государственно-правовое (на конституционно-правовом уровне современных государств) оформление, с середины XX в. начинают складываться новые два поколения прав человека – соматические (от древнегреч. *sōma, sōmatos* – тело, телесный) и цифровые.

«Соматические права человека» являются политико-правовой доктриной западного мира и уже получили свое конституционно-правовое оформление в ряде европейских государств. Перечень соматических притязаний человека («соматических прав») включает: «1) право на смерть; 2) права человека относительно его органов и тканей; 3) сексуальные права человека; 4) репродуктивные права человека, как позитивного характера (искусственное оплодотворение), так и негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция); 5) право на перемену пола; 6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов; 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ» [12]. Более того, к соматическому притязанию человека добавляют также права, связанные с так называемыми свободами в технологическом обновлении тела (внедрение различных технологических новаций, роботизированных устройств, чипов, электронных органов и т.п.) и цифровом бессмертии (выгрузка сознания человека в цифровой мир). Отметим, что большинство стран мира и народов не приемлют данную доктрину соматических прав и свобод, поскольку она подрывает цивилизационные и государственно-правовые основы данных стран, а по большому счету традиционное понимание человека.

Безусловно, цифровые права человека сегодня находятся на стадии формирования; их развитие связывается главным образом с защитой человека от разнообразных угроз цифровой трансформации общественных систем (негативные права), а также с правами человека в рамках нового формата социально-экономической (цифровая экономика) и политико-правовой (цифровая политика, цифровое право) организации общества в XXI в. (позитивные права). В первом случае (негативные права) это каталог прав, связанный с защитой человека от злоупотребления цифровыми технологиями в политике, экономике, культуре, сглаживающий неравенство в цифровом развитии и цифровых компетенциях, защите общечеловеческих, национальных и этнокультурных ценностей

---

¹ Первое поколение прав человека – политические права (право на участие в управлении государством, избирательные права, право на жизнь и свободу, право собственности и др.). Второе поколение прав человека – социально-культурные, экономические (право на труд, право на социальное обеспечение, право на творчество, право на образование, право на участие в культурной жизни общества, право на медицинскую помощь и др.). Права третьего поколения фиксируют, прежде всего, коллективные права (право на мир, право на пользование здоровой и чистой окружающей средой, право экономического, политического, культурного самоопределения и др.).

перед угрозами глобальной цифровизации и развития метавселенных, в том числе обеспечение и защита традиционных прав, свобод и законных интересов в цифровом пространстве (свобода слова, свобода выбора, собственности, в том числе цифровой собственности, например на цифровой домен, цифровой контент и т.д.).

Во втором случае (позитивные права) обсуждается фундаментальное право человека на производимые им данные в цифровом пространстве коммуникации, так как данные, которые собирают разнообразные платформы (пользовательская активность, биометрические данные, рациональные решения, когнитивные и эмоциональные предпочтения и проч.), являются главным ресурсом развития цифровой экономической, политической, культурной и других современных социотехнических систем. На основании последних формируются прогнозные и иные поведенческие продукты, управленческие «цифровые паттерны», обучаются и совершенствуются разнообразные системы искусственного интеллекта и т.п.

Таким образом, можно уже сегодня прогнозировать формирование в будущем всеобщей декларации цифровых прав и свобод цифрового взаимодействия, в содержание которых будут включаться как вышеобозначенные, так и новые негативные и позитивные права и свободы человека. Главный вопрос здесь будет связан с тем, какие ценностно-нормативные модели и духовно-нравственные стандарты будут положены в основание данного международного документа. Будет ли навязываться всем странам евро-американская модель и ее культурные стандарты или это будет консолидированный, договорной формат интегративной модели, например Евразийского пространства и глобального Юга. Формат такого нового международного порядка и основные принципы равноправного, плюралистического, но консолидированного мира были предложены Президентом РФ В.В. Путиным 5 октября 2023 г. в рамках заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» [13].

Заключение

Национальный образ технологического будущего российского общества неразрывно связан с особенностями формирования правовой политики государства под влиянием процессов цифровизации и усложнения ценностно-смысловых и социально-нормативных систем.

В условиях непрерывно развивающихся отношений с участием искусственного интеллекта необходимо определять регулирующие рамки и вектор развития этих отношений в соответствии с концепцией опережающего правотворчества, поскольку именно при таком подходе возможно избежать негативных эффектов, связанных с непредсказуемым развитием технологий. В этой связи наиболее оптимальным правовым инструментом представляются правовые принципы. Система принципов права обеспечивает предсказуемость практик взаимодействия и стабильность системы права, гарантирует и способствует реализации прав человека. Принципы являются залогом повышения качества правового регулирования, средством достижения высокой эффективности правового поведения.

Предложенные в данном исследовании принципы нормативно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта направлены на гармонизацию системы правовой фиксации вопросов, связанных с данными технологиями, и минимизацию этико-правовых рисков (сохранение антропоцентричности и гуманистической сущности права в отношениях человек-машина), справедливого распределения ответственности за вред, причиненный системой ИИ, манипуляций человека «машинной» и рисков размывания и ухода от ответственности.

Принципы государственно-правового регулирования закладывают основу построения наиболее предпочтительной модели развития общества. Основной задачей

государственной политики в эпоху кардинальных технологических изменений и цифровой трансформации политической организации является обеспечение гармоничного сочетания инновационного (технологического) и социокультурного (цивилизационного) развития общества. На этом фоне выделяется новое направление, отвечающее данным вызовам и потребностям общественного развития, – технологическая политика государства. В рамках этого нового направления будет сформировано ценностно-смысловое наполнение новых цифровых прав, которое базируется на цивилизационных государственно-правовых основах страны.

Полученные в исследовании результаты могут быть полезны при совершенствовании доктринальных и программно-концептуальных правовых актов, создающих национальный образ технологического будущего российского общества, а также при формировании нормативно-правовых положений, касающихся государственно-правового регулирования отношений, в том числе с участием искусственного интеллекта.

Список источников

1. Хэ Миндзюнь. О необходимости национального и международного регулирования процессов цифровизации // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8, № 2 (30). С. 138–147.
2. Сборник лекций Дмитрия Пескова. Якутск: Якутская республиканская типография им. Ю.А. Гагарина, 2023. 120 с.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. Москва: Норма, 2007. 800 с.
4. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. Москва: Формула права, 2008. 400 с.
5. Шибаева К.В., Холова Л.Н. Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне // Теология. Философия. Право. 2018. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-zakona-robototehniki-ayzeka-azimova-k-voprosu-gumannosti-primeneniya-smertonosnyh-avtonomnyh-sistem-vooruzheniya-na-voyne>
6. Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Московский гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. Москва, 2022. 225 с.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва: Изд-во РАП, 2008. 304 с.
8. GPT-4 «обманул» человека, чтобы тот решил для него «капчу» // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/1691532-gpt-4-obmanul-cheloveka-chtoby-tot-reshil-dlya-nego-kapchu-chat-bot-privorilsya-slabovidyashchim>
9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.03.2021 № 22-1024/2021 // КонсультантПлюс (Документ опубликован не был).
10. Умнова И.А., Алферова Е.В., Алешкова Е.А. Цифровое развитие и права человека: монография. Москва: ИНИОН РАН, 2021. 174 с.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
12. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Соматические права как вызов // Права человека и вызовы XXI века: учеб. пособие / под ред. А.Х. Абашидзе. Москва: РУДН, 2016. 336 с.
13. Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

References

1. He Mingjun. On the Need for National and International Regulation of Digitalization Processes. *International Trade and Trade Policy*. 2022; 8 (2 (30)): 138–147.
2. Collection of lectures by Dmitry Peskov. Yakutsk: Yakutsk Republican Printing House named after Yu.A. Gagarin; 2023. 120 p.
3. Maltsev G.V. Social Foundations of Law. Moscow: Norma; 2007. 800 p.
4. Tikhomirov Yua. Legal Regulation: Theory and Practice. Moscow: Formula of Law; 2008. 400 p.
5. Shibaeva K.V., Kholova L.N. Isaac Asimov's Three Laws of Robotics: On the Issue of the Humanity of Using Lethal Autonomous Weapons Systems in War. *Theology. Philosophy. Law*. 2018; 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-zakona-robototekhniki-ayzeka-azimova-k-voprosu-gumannosti-primeneniya-smertonosnyh-avtonomnyh-sistem-vooruzheniya-na-voynе>
6. Shchitova A.A. Legal regulation of information relations on the use of artificial intelligence systems: dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 12.00.13 / Moscow state law university named after O.E. Kutafin. Moscow; 2022. 225 p.
7. Vitruk N.V. General theory of legal liability: monograph. Moscow: Publishing house of RAP; 2008. 304 p.
8. GPT-4 "tricked" a person into solving a captcha for him. *DTF*. URL: <https://dtf.ru/life/1691532-gpt-4-obmanul-cheloveka-chtoby-tot-reshil-dlya-nego-kapchuchat-bot-pritvorilsya-slabovidyashchim>
9. Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated 03.18.2021 № 22-1024/2021. *ConsultantPlus* (The document was not published).
10. Umnova I.A., Alferova E.V., Aleshkova E.A. Digital development and human rights: monograph. Moscow: INION RAS; 2021. 174 p.
11. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2024). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
12. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. Somatic rights as a challenge. *Human rights and challenges of the 21st century: textbook. manual* / edited by A.Kh. Abashidze. Moscow: RUDN; 2016. 336 p.
13. Vladimir Putin took part in the plenary session of the jubilee, XX meeting of the Valdai International Discussion Club. *Official website of the President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

Информация об авторах:

Мамычев Алексей Юрьевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, зам. декана по международным связям, профессор каф. российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, mamychev@yandex.ru

Матюк Юлия Сергеевна, ст. преподаватель каф. теории и истории российского и зарубежного права, младший научный сотрудник лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, 5080mm@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>

EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>

Дата поступления:
22.09.2024

Одобрена после рецензирования:
27.09.2024

Принята к публикации:
15.10.2024

Научная статья

УДК 343.132.5

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/115-122>

EDN: <https://elibrary.ru/OUNLKT>

Регламентация предъявления для опознания в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдовы: некоторые аспекты

Верещагина Алла Васильевна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** До суверенизации входивших в СССР республик регламентация предъявления для опознания была единообразной. В последующем уголовно-процессуальное законодательство развивалось самостоятельно, что привело к появлению оригинальных положений в регулировании предъявления для опознания в некоторых государствах, включая Республику Молдову (РМ). В российском уголовно-процессуальном законе регламентация предъявления для опознания почти не претерпела изменений и имеет ряд недостатков. Цель исследования состоит в выявлении особенностей регламентации предъявления для опознания в молдавском уголовно-процессуальном законе. Исследование проведено с соблюдением философских принципов познания: всесторонности, объективности, историзма, плюрализма, определяющей роли практики в процессе познания; с использованием формально-логического, сравнительно-правового методов, а также анализа документов. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени работ, в которых излагались бы особенности регламентации предъявления для опознания в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) Республики Молдовы, не опубликовано. Исследование имеет когнитивное значение. Полученные результаты могут использоваться для совершенствования российской нормативной модели предъявления для опознания. В целом алгоритм регламентации предъявления для опознания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдовы и Российской Федерации схож. Однако ряд имеющихся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдовы норм представляет интерес для возможного заимствования, в частности положения о предварительной подготовке опознаваемых предметов, о количестве и качествах предъявляемых для опознания объектов.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдовы, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, предъявление для опознания, объект опознания, требования к объекту опознания, количество опознаваемых объектов, процессуальный ассистент.*

***Для цитирования:** Верещагина А.В. Регламентация предъявления для опознания в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдовы: некоторые аспекты // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/115-122>. EDN: <https://elibrary.ru/OUNLKT>*

Original article

Identification regulations in the Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova: some aspects

Alla V. Vereshchagina

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Верещагина А.В., 2024

Abstract. *In the post-Soviet states, the identification regulation was uniform at the time of the USSR collapse. The subsequent development of independent criminal procedure legislation led to the emergence of original provisions in the normative model of identification in some states, including the Republic of Moldova. The existing regulation of identification in the Russian criminal procedure law is static, differs little from the Soviet analogue, and has a number of shortcomings. The subject of the study is the norms regulating the identification procedure in the Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova. The study purpose: to identify the features of the regulation of identification in the Moldovan criminal procedure law in comparison with the Russian analogue. The study was conducted in compliance with the cognition philosophical principles: comprehensiveness, objectivity, historicism, pluralism, the determining role of practice in the process of cognition, and using formal-logical and comparative-legal methods, as well as document analysis. To date, no works have been published that would outline the specifics of regulating presentation for identification in the criminal procedure law of the Republic of Moldova. The study has cognitive significance. Also, the presented results can be used to improve the normative model of presentation for identification in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In general, the algorithm for regulating presentation for identification in the criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation are similar. However, a number of provisions in the Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova are of interest for possible borrowing. In particular, provisions on the preliminary preparation of identifiable items; on the quantity and quality of objects presented for identification.*

Keywords: *criminal procedure legislation of the Republic of Moldova, criminal procedure legislation of the Russian Federation, presentation for identification, object of identification, requirements for the object of identification, number of identifiable objects, procedural assistant.*

For citation: *Vereshchagina A.V. Identification regulations in the Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova: some aspects // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/115-122>. EDN: <https://elibrary.ru/OUNLKT>*

Введение

Присоединение к СССР в 1945 г. обусловило экстраполяцию советского уголовно-процессуального законодательства на территорию Молдовы. Реформа рубежа 1950–1960-х гг. завершилась принятием единообразных республиканских уголовно-процессуальных кодексов. Суверенизация союзных республик на рубеже 80–90-х гг. XX в. детерминировала разработку оригинальных уголовно-процессуальных законов. Принятый в 2003 г. Уголовно-процессуальный кодекс Молдовы [1] первоначально не существенно отличался от уголовно-процессуального закона 1961 г. [2]. Однако постепенно уголовно-процессуальное законодательство Молдовы адаптируется к стандартам Европейского союза [3, с. 3; 4, с. 15]. Тем не менее общий генезис уголовно-процессуального законодательства Молдовы и России обуславливает определенное сходство регламентации, что делает допустимыми возможные заимствования оригинальных законодательных решений, поскольку система и процедура производства следственных действий, включая предъявление для опознания, в УПК РФ [5] статичны и почти не вышли за пределы, очерченные нормами УПК РСФСР 1960 г. [6].

Гипотеза: в регламентации предъявления для опознания в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдовы есть положения, которые могут представлять интерес для модернизации российского аналога.

Методология: исследование проведено с соблюдением философских принципов познания: всесторонности, объективности, историзма, плюрализма, определяющей роли практики в процессе познания; с использованием формально-логического, сравнительно-правового методов, а также анализа документов.

Архитектоника нормативной модели любого следственного действия состоит из нескольких компонентов: понятие, основания, цель, процедура и оформление производства

следственного действия. Для регламентации предъявления для опознания также важно закрепление системы предъявляемых для отождествления объектов.

Основная часть

1. Понятие, цель и основания предъявления для опознания. В молдавском законе нет понятия предъявления для опознания, вероятно, исходя из его априорности для правоприменителя. Что касается цели и основания, то их формулировки сливаются и сводятся к констатации «необходимости» предъявить («Dacă este necesar de a prezenta...») кого-либо или что-либо для опознания (ч. 1 ст. 116). Указанный подход совпадает с имеющимся в УПК РФ, с той лишь разницей, что вместо слова «необходимо» используется слово «может» («следователь может предъявить для опознания...» (ч. 1 ст. 193)). Семантика слов «необходимость» (надобность, потребность) и «может» (быть в состоянии, в силах что-либо сделать) [7] позволяет прийти к выводу об акцентировании в УПК РМ обязательности, а в УПК РФ возможности предъявления для опознания. По нашему мнению, более корректной является российская формулировка. При предъявлении для опознания правоприменитель исследует идеальный след – запечатлённый в памяти человека мысленный образ [8, с. 14]. Особенность предъявления для опознания заключается в недопустимости его повторного производства с теми же субъектом и объектом по тем же признакам (ч. 5 ст. 116 УПК РМ, ч. 3 ст. 193 УПК РФ). Неверная оценка следственной ситуации, особенностей опознающего и опознаваемого приводит к невозможной утрате доказательства. Поэтому использование в формулировке глагола «мочь» в УПК РФ нацеливает на взвешенное принятие решения о производстве предъявления для опознания [9, с. 176, 177; 10, 11].

2. Объекты опознания. Система предъявляемых для опознания объектов – лица, предметы, трупы, фотографии лиц или предметов – в УПК РМ и УПК РФ совпадает. Однако иногда опознание происходит по отдельным элементам внешности человека (особые приметы, голос, походка, запах [12, с. 150, 151]; предъявляются животные, их трупы и части трупов, участки местности и др. [12, с. 150; 13, с. 119–123; 14, с. 107]. Такая практика не противоречит закону, поскольку понятие «предмет» охватывает «всякое материальное явление, вещь» [12, с. 150]. Тем не менее необходимо дополнить перечень предъявляемых для опознания объектов, как, например, в ч. 1 ст. 209 УПК Кыргызстана, где указаны участки местности, животные и их трупы (части трупов) [15].

3. Процедура предъявления для опознания. Нормы о предъявлении для опознания в УПК РМ содержатся в ст. 116 и 117 (соответственно, предъявление для опознания лица и предметов). Особенность систематизации не повлияла на содержание процедуры, которая в УПК РМ и УПК РФ в целом совпадает и включает: 1) обязательность предварительного допроса лица об обстоятельствах наблюдения объекта опознания, его приметах и особенностях; 2) предупреждение являющегося потерпевшим или свидетелем опознающего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний; 3) подбор предъявляемых для опознания объектов; 4) объяснение опознающим, по каким приметам или особенностям произошло узнавание; 5) процессуальное оформление – составление протокола. Несмотря на общий алгоритм, есть некоторые особенности предъявления для опознания в УПК РМ.

3.1. Предъявление для опознания лица.

Обязательность вне визуальности опознающего. На результаты визуального опознания влияет множество факторов, в том числе вызванное различными причи-

нами волнение опознающего, провокационное поведение опознаваемого и др. [11]. Такие ситуации может нивелировать вне визуальность производства следственного действия. В УПК РФ вне визуальность опознающего допускается только для обеспечения его безопасности и не является обязательной (ч. 3 ст. 116 УПК РФ, ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Требования к количеству и качеству процессуальных ассистентов и фотографий. В соответствии с УПК РФ опознаваемый предъявляется для опознания не менее чем с 4 имеющими сходные внешние данные процессуальными ассистентами (ч. 3 ст. 116). При опознании по фотографии наряду с фотографией опознаваемого предъявляются ещё 4 фотографии существенно не различающихся лиц (ч. 6 ст. 116). В процитированных нормах важны три момента: 1) большее количество предъявляемых для опознания лиц и фотографий (5 объектов в Молдове против 3 в России (ч. 4, 5 ст. 193 УПК РФ)); 2) исключение усмотрения при подборе предъявляемых для опознания лиц, которые должны иметь сходную внешность, а в изображениях на фотографиях должны отсутствовать существенные различия (ч. 3, 6 ст. 116); 3) закрепление процессуального статуса содействующих в производстве опознания процессуальных ассистентов (ст. 82). Указанные нормы способствуют получению достоверных доказательств. Формулировка о «возможном сходстве» предъявляемых для опознания лиц в УПК РФ (ч. 4 ст. 193) повышает вероятность ошибки при узнавании. Отклоняя доводы защиты о несоблюдении норм о сходстве предъявляемых для опознания лиц, российские суды ссылаются именно на отсутствие в законе жёстких требований к внешним данным статистов [10, 16, 17].

Легализация статуса процессуального ассистента. Процессуальный ассистент – это лицо, лично не заинтересованное в уголовном деле, не являющееся работником органа уголовного преследования и участвующее в предъявлении лица для опознания и некоторых других процессуальных действиях (ч. 1, 2 ст. 82 УПК РФ). Определённость статуса процессуального ассистента важна как для него (очерчивается система прав на безопасность, возмещение расходов, возникших в связи с участием в уголовном деле, и т.д., и обязанностей, в том числе неразглашение данных предварительного расследования и ответственность за неисполнение процессуальных обязанностей), так и для правоприменителя, который на законных основаниях может применить процессуальное принуждение. В УПК РФ не только не закреплён статус лиц, содействующих производству опознания, но и отсутствует их процессуальное наименование. В практической деятельности их именуют статистами [18]. С учётом вышеизложенного желательно легализовать статус статистов в УПК РФ.

Применение фотографирования при предъявлении для опознания. Нормами УПК РФ и УПК РФ допускается фотографирование опознаваемого и процессуальных ассистентов, с приобщением фотографий к протоколу (ч. 3 ст. 116 УПК РФ и ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Вышеуказанное позволяет подтвердить соблюдение требования закона о сходстве предъявляемых к опознанию лиц. Альтернативность применения технических средств фиксации желательно трансформировать в обязательность их применения, причём желательно техническую фиксацию распространить на весь ход процессуального действия, что позволит минимизировать процессуальные нарушения (опознание без участия понятых; предъявления для опознания предметов, различных по размеру, форме и цвету, различия в возрасте опознаваемого и статистов и др.) [19, 20].

Признание результатов предъявления для опознания допустимым доказательством только при узнавании по не вызывающим сомнения приметам. В УПК РМ закреплён запрет на проведение опознания по «сомнительным» приметам («semne îndoielnice pentru identificarea persoanei prezentate»). Такое опознание признаётся «необоснованным» (ч. 5 ст. 116). Слово «сомнительный» имеет два значения: 1) вызывающий сомнения; 2) двусмысленный, небеспорный [7]. Исходя из семантики «сомнительный» – это то, что нельзя подтвердить или не имеет однозначного содержания. Казалось бы, приведённые нормы обеспечивают «надёжность» получаемого доказательства. Но не всё так однозначно. Есть две основные точки зрения по поводу доказательственного значения опознания: 1) в отсутствии конкретных примет и особенностей доказательственное значение опознания сомнительно; 2) способность описать не исключает опознания [21, с. 21–25; 22, с. 322]. Сторонники второго подхода исходят из несоответствия имеющейся регламентации психологическим особенностям запоминания. Восприятие происходит «...симультанно – одномоментно, целостно и обобщенно...» [23, с. 55]. Попытка детализировать приметы и особенности приводит к разрушению целостности запечатлённого в памяти образа [23, с. 56], что может негативно сказаться на результатах опознания. Таким образом, положения УПК РМ о недопустимости проведения опознания по «сомнительным» приметам не вполне соответствуют научным знаниям в области психологии и сужают возможности по доказыванию. Российская судебная практика де-факто признаёт опознание по «неочевидным» приметам допустимым доказательством, что согласуется с симультанностью запоминания: опознал «по чертам лица, телосложению, цвету кожи», «росту и другим признакам» и т.п. [11, 24].

3.2. Предъявление для опознания предметов. Предъявлению для опознания предметов посвящена самостоятельная ст. 117 УПК РМ. Предметы предъявляются в числе не менее двух однородных объектов. Уникальные предметы предъявляются для опознания в единичном экземпляре (антиквариат; предметы, для которых трудно подобрать аналоги; труп или его части). Допускается подготовка опознаваемых предметов – «очистка от грязи, ржавчины или других наслоений, если это не приведет» к их уничтожению как средств доказывания, и проведение косметического туалета покойного перед предъявлением для опознания опознающему, знавшему покойного при жизни. Из числа перечисленного в УПК РФ нет аналогов нормам о предварительной подготовке предметов и косметическом туалете покойного.

Особенностью регламентации в УПК РМ также является более чёткая формулировка требования к предъявляемому, наряду с опознаваемым, объектам, которые должны быть подобными («de obiecte similare»), т.е., отталкиваясь от семантики слова «подобный», – такие, как этот [7]. В УПК РФ используется слово «однородный», под которым понимается либо отнесение к тому же роду, либо – такой же [7]. Неоднозначность смысла слова «однородный» допускает многообразие трактовок, что подтверждается судебной практикой. Суды двояко оценивают результаты предъявления для опознания предметов, имеющих отличия: то усматривая, то не усматривая нарушение закона («различие в размерах всех трех ножей ... не является нарушением требований...» закона [19]; «в нарушение положений ст. 193 УПК РФ ... куртки не были похожи...» [25]).

В УПК РМ в регламентации предъявления предметов для опознания есть не только достоинства, но и недостатки, к которым следует отнести отсутствие нормы: 1) о недопустимости проведения повторного опознания того же предмета тем же

лицом, что может зародить сомнение в достоверности полученных результатов; 2) о допустимости проведения опознания предмета по фотографии, если нельзя предоставить предмет «вживую», поскольку не всегда такая возможность есть, что затрудняет деятельность правоприменителя.

Заключение

1. Выявленные особенности предъявления для опознания в УПК РМ носят преимущественно уточняющий, конкретизирующий характер.

2. В УПК РМ есть не содержащиеся в УПК РФ заслуживающие внимания положения: большее число предъявляемых для опознания лиц и требование их сходства; закрепление статуса процессуального ассистента; абсолютизация проведения опознания вне визуального наблюдения; подготовка предметов к опознанию и проведение в некоторых случаях косметического туалета предъявляемого для опознания трупа. Эти нормы способствуют получению более качественной доказательственной информации.

3. Некоторые нормы о предъявлении для опознания в УПК РМ небесспорны с точки зрения желательности их заимствования – запрет опознания по «сомнительным» приметам. Несмотря на «привлекательность» этой нормы, представляется, что она не вполне соответствует психологии запоминания и ограничивает возможности правоприменителя по доказыванию.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РМ от 14.03.2003 (по сост. на 13.09.2024). URL: <https://www.legis.md>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Молдавской ССР от 24.03.1961. Кишинёв, 1961.
3. Osoianu T. Reforma judiciară și de drept în Republica Moldova – directive principale în vederea integrării europene. Publication: Chișinău: Centrul Editorial al Universității de Criminologie, 2002.
4. Smochina A., Smochina C. National legal doctrine: history and contemporaneity // Legal studies and research. 2023. Part 1, № 5. P. 13–29.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2011 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. Москва: Азъ, 1994. URL: <https://slovarozhegova.ru/?-ysclid=m11owo7je4145818051>
8. Парамонова Г.В., Брагиш А.В., Дубовик Е.С. Габитоскопия и портретная экспертиза. Санкт-Петербург, 2022.
9. Рахимов А.И. Повышение достоверности следственного действия «предъявление для опознания» с помощью метода психофизиологических исследований // Вестник Московской академии Следственного комитета. 2020. № 1. С. 175–180.
10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Читы по делу № 1-264 от 16.11.2016. URL: <https://actofact.ru>
11. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы по делу № 1-25/2018 от 26.02.2018. URL: <https://sudact.ru>
12. Шамонова Т.Н. Особенности тактики предъявления для опознания // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сб. науч. тр., посвящённых

- 90-летию д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А.В. Дулова. Минск, 2014. С. 150, 151.
13. Егорова Е.В., Бурька Д.А. К вопросу о видах предъявления для опознания // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 119–123.
  14. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия. Омск, 2015. 172 с.
  15. Уголовно-процессуальный кодекс КР от 28.10.2021 № 129 (по сост. на 05.08.2024). URL: <https://online.zakon.kz>
  16. Приговор Ольского районного суда Магаданской области по делу № 1-43/2020 от 16.11.2020. URL: <https://sudact.ru>
  17. Приговор Хорольского районного суда Приморского края по делу № 1-98/2017 от 13.09.2017. URL: <https://sudact.ru>
  18. Приговор Ингодинского районного суда г. Читы по делу № 1-309/2020 от 13.07.2020. URL: <https://sudact.ru>
  19. Приговор Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) по делу № 1-16/2020 от 21.02.2020. URL: <https://sudact.ru>
  20. Приговор Смидовичского районного суда Еврейской автономной области по делу № 1-35/2018 от 18.07.2018. URL: <https://sudact.ru>
  21. Иванова Л.Ф., Иванов Д.С. Предъявление для опознания (психологический аспект) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 2. С. 21–25. DOI: 10.14529/law180203
  22. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Москва, 2001.
  23. Будякова Т.П. Экспериментальная оценка эффективности словесного портрета при опознании личности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 2. С. 53–65. DOI: 10.17759/exppsy.2016090205
  24. Приговор Ромненского районного суда Амурской области по делу № 1-5/2019 от 13.05.2019. URL: <https://sudact.ru>
  25. Приговор Псковского городского суда по делу № 1-376/2019 1-9/2020 от 17.01.2020. URL: <https://sudact.ru>

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova of 14.03.2003 (as amended and supplemented on 13.09.2024). URL: <https://www.legis.md>
2. Criminal Procedure Code of the Moldavian Soviet Socialist Republic of 24.03.1961. Chisinau, 1961.
3. Osoianu T. Judicial reform in the Republic of Moldova – directive principles in European integration policy. Publication: Chisinau: Centrul Editorial al Universității de Criminologie, 2002.
4. Smochina A., Smochina C. National legal doctrine: history and contemporaneity. *Legal studies and research*. 2023; 1 (5): 13–29.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2011 No. 174-FZ. *SZ RF*. 2001; 52 (1): 4921.
6. Criminal Procedure Code of the RSFSR of 10.27.1960. *Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1960; (40): 592.
7. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions. Moscow: Az; 1994. URL: <https://slovarozhegova.ru>
8. Paramonova G.V., Bragish A.V., Dubovik E.S. Habitscopy and portrait examination. St. Petersburg; 2022.
9. Rakhimov A.I. Increasing the reliability of the investigative action "presentation for identification" using the method of psychophysiological research. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee*. 2020; (1): 175–180.
10. Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Chita in case No. 1-264 dated 11.16.2016. URL: <https://actofact.ru>

11. Verdict of the Sverdlovsk District Court of Kostroma in case No. 1-25/2018 dated 02.26.2018. URL: [https:// sudact.ru](https://sudact.ru)
12. Shamonova T.N. Features of the tactics of presentation for identification. *Preserving the past, defining the present, anticipating the future: a collection of scientific papers dedicated to the 90th anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Republic of Belarus A.V. Dulova*. Minsk; 2014. P. 150, 151.
13. Egorova E.V., Buryka D.A. On the issue of types of presentation for identification. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015; (1): 119–123.
14. Kalnitsky V.V., Larin E.G. Investigative actions. Omsk; 2015.
15. Criminal Procedure Code of the KR of 10.28.2021 No. 129 (as amended and supplemented as of 08.05.2024). URL: <https://online.zakon.kz>
16. Verdict of the Olsky District Court of the Magadan Region in case No. 1-43/2020 dated 11.16.2020. URL: <https://sudact.ru>
17. Verdict of the Khorolsky District Court of Primorsky Krai in case No. 1-98/2017 dated 13.09.2017. URL: <https://sudact.ru>
18. Verdict of the Ingodinsky District Court of Chita in case No. 1-309/2020 dated 13.07.2020. URL: <https://sudact.ru>
19. Verdict of the Neryungri City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) in case No. 1-16/2020 dated 21.02.2020. URL: <https://sudact.ru>
20. Verdict of the Smidovichsky District Court of the Jewish Autonomous Region in case No. 1-35/2018 dated 18.07.2018. URL: <https://sudact.ru>
21. Ivanova L.F., Ivanov D.S. Presentation for identification (psychological aspect). *Bulletin of SUSU. Series: Law*. 2018; 18 (2): 21–25. DOI: 10.14529/law180203
22. Ratinov A.R. Forensic Psychology for Investigators. Moscow; 2001.
23. Budyakova T.P. Experimental assessment of the effectiveness of a verbal portrait in identifying a person. *Experimental Psychology*. 2016; 9 (2): 53–65. DOI: 10.17759/exppsy.2016090205
24. Verdict of the Romny District Court of the Amur Region in case No. 1-5/2019 dated 13.05.2019. URL: <https://sudact.ru>
25. Verdict of the Pskov City Court in case No. 1-376/2019 1-9/2020 dated 17.01.2020. URL: <https://sudact.ru>

Информация об авторе:

Верещагина Алла Васильевна, канд. юрид. наук, доцент каф. уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, vereschagina_alla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/115-122>

EDN: <https://elibrary.ru/OUNLKT>

Дата поступления:
11.10.2024

Одобрена после рецензирования:
16.10.2024

Принята к публикации:
18.10.2024

Научная статья

УДК 37.01.007

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/123-130>

EDN: <https://elibrary.ru/NOBLSU>

Методика использования интернет-источников в процессе воспитания патриотического сознания студентов

Царева Надежда Александровна

Черная Екатерина Васильевна

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. В ситуации противостояния России западным странам вопросы патриотического воспитания студентов имеют актуальный характер. Цель – рассмотреть методику использования интернет-источников по истории в процессе патриотического воспитания студентов. Задачи: понять причины использования учащимися исторического материала интернет-сети; представить методику проведения занятия по истории и функции преподавателя на каждом этапе работы. Новизна исследования обусловлена его практической направленностью, рассмотрением методики проведения занятия по истории с использованием интернет-ресурсов. Методы исследования: наблюдение, анализ, обобщение. В результате исследования определены основные причины обращения студентов к веб-ресурсам в учебном процессе: 1) к интернет-среде студенты привыкли и легко ориентируются в ней; 2) Интернет представляет собой обширную информационную базу исторического образования; 3) цифровые технологии изменили репрезентацию истории, создав различные формы ее восприятия; 4) работа с веб-ресурсами стимулирует творческую деятельность. Практическое занятие по теме «Великая Отечественная война: без срока давности» актуализирует исторический материал о Великой Отечественной войне в ситуации спецоперации на Украине. Интерактивная форма занятия предполагает разделение учащихся на три группы; его цель – подготовка и представление материала о причинах и сущности немецкого фашизма и украинской националистической идеологии. На первом этапе занятия функции преподавателя заключаются в рекомендации критериев выбора сайтов по истории и самих сайтов, в знакомстве с основными приметами фейков. Преподаватель проверяет отобранный материал, корректирует аргументы студентов, консультирует их. Эвристический потенциал достоверных веб-ресурсов позволяет качественно улучшить эффективность образовательного процесса.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, история в интернет-ресурсах, студенты в интернет-среде, интерактивные технологии.

Для цитирования: Царева Н.А., Черная Е.В. Методика использования интернет-источников в процессе воспитания патриотического сознания студентов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/123-130>. EDN: <https://elibrary.ru/NOBLSU>

Original article

The methodology of using Internet sources in the process of educating students' patriotic consciousness

Nadezhda A. Tsareva

Ekaterina V. Chernaya

Far Eastern State Technical Fisheries University
Vladivostok, Russia

Abstract. In the situation of Russia's confrontation with Western countries, the issues of patriotic education of students are relevant. The aim of the article is to consider the methodology of using Internet sources on history in the process of patriotic education of students. The objectives are: understanding the reasons for the use of historical material by students on the Internet; presenting the methodology of conducting a history lesson and the functions of the teacher at each stage of the work. The novelty of the research is due to its practical orientation, consideration of the methodology of conducting a history lesson using Internet resources. Research methods: observation, analysis, generalization. As a result of the research, the main reasons for students' access to web resources in the educational process are identified: 1) students are used to the Internet environment and easily navigate it; 2) the Internet is an extensive information base for historical education; 3) digital technologies have changed the representation of history, creating various forms of its perception; 4) working with online resources stimulates creative activity. A practical lesson on the topic "The Great Patriotic War: without a statute of limitations" actualizes historical material about the Great Patriotic War in the situation of a special operation in Ukraine. The interactive form of the lesson involves dividing students into three groups aimed at preparing and presenting material about the causes and essence of German fascism and Ukrainian nationalist ideology. At the first stage of the lesson, the teacher's functions are to recommend criteria for choosing sites based on history and the sites themselves, to get students acquainted with the main signs of fake information. Next, the teacher checks the selected material, corrects the arguments, and advises students. The heuristic potential of reliable online resources makes it possible to qualitatively improve the effectiveness of the educational process.

Keywords: patriotic education, history in Internet resources, students in the Internet environment, interactive technologies.

For citation: Tsareva N.A., Chernaya E.V. The methodology of using Internet sources in the process of educating students' patriotic consciousness // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/123-130>. EDN: <https://elibrary.ru/NOBLSU>

Введение

В настоящий период противостояния с недружественными странами борьба ведется не только на полях военной операции, но и в духовной сфере. В этой ситуации наше государство особенно остро нуждается в гражданах с патриотической позицией. Патриотизм становится национальной идеей России. В связи с этим рассмотрение методов воспитательно-патриотической работы в вузе имеет актуальный характер.

Процесс воспитания патриотического сознания в вузе представляет собой сложную систему. Необходимым представляется взаимодействие таких ее элементов, как: наличие патриотического компонента не только в учебных программах всех дисциплин гуманитарного цикла, но и его присутствие во всем образовательном процессе; комплексный характер воспитательной работы вуза; участие студен-

тов в различных видах и формах работы патриотического характера; совершенствование критического мышления; совокупность мероприятий для поощрения патриотических качеств студента и др. [1, с. 6; 2].

Важное место в воспитании патриотической позиции занимают методы обучения учащегося в работе с информационными интернет-источниками. Необходимо сформировать у студента навыки поиска качественной информации по проблемам современности и истории нашего общества. Даже в любимой большинством студентов Википедии материалы статей могут быть созданы и исправлены волонтерами, представляющими проблему в нужном для них ракурсе. Негативная информация, лжепатриотические сайты, фейковая информация обесценивают воздействие российской культуры, образования и формируют эгоизм, индивидуализм, неуважение к своему государству и его истории.

Проблема изучения истории с использованием интернет-ресурсов поднималась в научной литературе, но исследования фокусировались на классификации и оценке качества интернет-ресурсов по истории [1, с. 3–21], на их роли в формировании исторической памяти [3, с. 12–41]. В целом ряде публикаций анализируется характер образовательных интернет-ресурсов и их познавательные возможности [4, с. 25–31]. Различные аспекты проблемы формирования патриотического сознания изучаются в научно-методической литературе. Рассматривается роль критического мышления в процессе становления патриотического мировоззрения [5, с. 54–57]; методология патриотического воспитания [6, 7]. Выделяются особенности поиска информации студентами [8, с. 51–57], осмысливаются потребности, цели и предпочтения студентов в их обращении к интернет-ресурсам [9].

Вместе с тем в научных публикациях по теме ощутим недостаток исследований с описанием успешной педагогической практики. Представим конкретный пример подготовки и проведения практического занятия по дисциплине «История Отечества», направленного на достижение двух основных задач: воспитание у студентов чувства патриотизма; формирование умения работать с интернет-ресурсами.

Цель статьи – рассмотреть методику использования интернет-источников по истории в процессе патриотического воспитания студентов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: обозначить причины обращения студентов к источникам интернет-сети; выделить этапы и особенности проведения практического занятия по истории; рассмотреть функции преподавателя на каждом этапе процесса подготовки и представления информации.

Новизна исследования обусловлена его практической направленностью, конкретным описанием занятия по истории с использованием интернет-ресурсов.

Методы исследования: опрос учащихся, наблюдение за поисковой работой студентов, анализ причин обращения к интернет-источникам.

Основная часть

Образование представляет собой обучение и воспитание, поэтому рассмотрим этапы образовательной методики, целями которой являются изучение истории и формирование патриотического сознания на основе использования интернет-ресурсов. В рамках дисциплины студенты 1-го курса самостоятельно выполняют задания на основе материалов Интернета по теме «Великая Отечественная война: без срока давности». Выбор темы обусловлен специальной военной операцией на Украине (СВО), переживаемой нашей страной в настоящий период: «Историческая память должна быть макси-

мально приближена к правде реальной истории» [3, с. 38]. Задачи занятия предполагают актуализацию исторического материала о Великой Отечественной войне в ситуации спецоперации на Украине, понимание причин и сущности украинской националистической неофашистской идеологии.

Можно отметить ряд основных причин использования студентами веб-ресурсов в учебном процессе.

Во-первых, в процессе подготовки к занятию студенты используют различные виды и формы самостоятельной работы. Учащиеся обращаются не к книжным источникам, а преимущественно к текстам, предлагаемым поисковыми системами Интернета. Большинство студентов владеют компьютерными технологиями, легко ориентируются в пространстве Интернета. Для них это интересная и уже привычная среда.

Во-вторых, Интернет представляет собой обширную информационную базу исторического образования, поэтому в процессе самостоятельной подготовки к практическому занятию студентам рекомендуется обращаться к текстам, предлагаемым поисковыми системами Интернета.

В-третьих, с развитием цифровых технологий изменяется репрезентация истории и характер ее восприятия. «Цифровая история – это новая форма исторического знания, не линейный нарратив, а сайт, карта или база данных, которые позволяют не только максимально полно и достоверно представить исторические источники, но и найти неиерархическую визуальную форму репрезентации разных точек зрения, приватного и публичного, документов и воспоминаний» [7].

Среда Интернета расширяет возможности восприятия исторического материала благодаря аудиовизуальному ряду, часто сопровождающему тексты по истории. Д.Ю. Соловьева, характеризуя особенности современного восприятия истории, предлагает термин «виртуализация истории» – прибавление дополнительных смыслов к фактическому историческому материалу [10, с. 12]. Формами репрезентации истории могут быть «ироническое переосмысление исторического события, его мифологизация и символизация, интерактивные и игровые репрезентации истории» [11, с. 12]. Различные варианты представления исторического материала влияют на восприятие учащегося на чувственно-эмоциональном уровне и поэтому являются эффективными для патриотического воспитания.

В-четвертых, обращение к веб-ресурсам формирует у студентов навыки исследовательской деятельности, повышает познавательный эффект, стимулирует творческую деятельность, знакомит с новой информацией.

Задание на первом этапе заключается в следующем. Для подготовки к практическому занятию студенты разбиваются на три группы и получают задание для самостоятельной подготовки. Учебная работа в группах обеспечивает индивидуальное и совместное выполнение заданий. Такая интерактивная форма занятий позволяет наиболее эффективно осуществлять образовательно-воспитательный процесс.

Участники первой группы выполняют поиск материалов из веб-источников об истоках национал-социализма. Задачи поиска заключаются в подготовке тезисов (фрагменты документов, отрывки из текстов) о националистической идеологии по следующим темам: «Причины зарождения идеологии фашизма», «Цели и задачи немецкой националистической идеологии», «Применяемые националистами методы», «Жертвы идеологии нацизма» и др. Внутри каждой темы студент сам выбирает материал, по которому он будет ее изучать.

Вторая группа ищет материалы о явлении националистической идеологии в современной Украине по аналогичному плану, предложенному преподавателем, а также готовит выбранные фрагменты текстов документов и других материалов.

Участники третьей группы знакомятся с материалами веб-ресурсов о событиях Великой Отечественной войны и СВО, готовят вопросы к представителям двух команд. Эти вопросы будут заданы в конце занятия.

Разделение группы на три команды позволяет выступить каждому студенту, а преподавателю оценить уровень подготовки и участия всех учащихся.

На первом этапе учащиеся вузов для поиска информации преимущественно обращаются к информационному пространству Интернета. Веб-ресурсы открывают доступ к различным точкам зрения, знакомят с дополнительной информацией. Но есть и сложности, с которыми сталкиваются студенты.

Типичной ошибкой для многих студентов при выполнении задания становится некорректная формулировка ключевых слов для поисковой системы. Это обстоятельство может быть обусловлено ограничением лексического запаса, недостаточными знаниями по теме, отсутствием информации о поисковых ресурсах. Преподаватель может предложить такие каталоги исторических ресурсов, как Inter History (<http://www.ab.ru/~kleio/internet/>); «Интернет-история» (<http://vvvhistory.chat.ru/>); сайт МГУ (<http://www.hist.msu.ru/Links/D/rushissites.htm>); сайты периодических изданий по истории (<http://history.machaon.ru/about/otred/index.html>); специализированные сайты по истории Великой Отечественной войны (сайт «Архивы России» раздел «Победа») и другие патриотично-ориентированные сайты [1, с. 3–21].

Следующим препятствием в самостоятельной работе студента становится ограничение выступления материалом одного текста и пересказом именно этого текста. Игнорируя другие материалы, студенты сами себе устанавливают границы видения проблемы, не развивают навыки и умения отбора, сопоставления, анализа и интеграции тезисов различных источников в единый контекст своего ответа.

В работе с тематическими текстами важна консультативная помощь преподавателя, который организует занятие, готовит его план, предлагает темы для исследования, корректирует подготовленный студентом материал.

Консультативное участие преподавателя предполагает его знакомство с интернет-источниками по теме заданного исследования. Веб-ресурсы могут не только дать широкий доступ к информации, но и стать угрозой для мировоззрения студента. Известно, что историческое знание часто политизируется, поэтому большое значение имеют рекомендации преподавателя. Чтобы избежать сайтов, пропагандирующих национализм, насилие и т.п., студентам следует опираться на основные критерии выбора, предложенные преподавателем (обращаться к известным источникам, текстам научных экспертов, представителям вузов и государственных служб и др.). Учащимся будет легче ориентироваться в образовательных и исследовательских сайтах по истории, где соблюдаются этические нормы, следуя рекомендации преподавателя.

Преподавателю необходимо познакомить студентов с основными приметами фейковой информации (отсутствие конкретных данных о событиях, отсутствие информации на официальных сайтах, ложные ссылки в фейке, просьба о распространении материала и др.) [12, с. 140–145].

Рекомендации учащимся необходимы в связи с большим массивом сомнительной или откровенно недостоверной информации. Контроль и предупреждение об-

ращений студентов к фейковой, негативной или только односторонней информации позволят избежать манипуляции их сознанием.

На втором этапе учащиеся должны провести сопоставительный анализ текстов и выявить близость идей немецкого и украинского национализма. Сравнение идеологии немецкого нацизма XX и антирусских лозунгов XXI вв. позволит осуществить самостоятельную работу учащегося, поскольку предложенная тема еще не может быть создана серверами с рефератами. В качестве серьезной аргументации преемственности националистических идей студенты должны привести примеры из исследованных и отобранных текстов.

На третьем этапе студенты должны продемонстрировать собранные и проанализированные материалы из интернет-источников как в устной форме (поочередно или в порядке тем, по которым они готовились), так и в форме компьютерной презентации.

Задача преподавателя на этом этапе работы заключается в предварительном просмотре представляемого учащимися материала. Индивидуальное консультирование позволит избежать субъективной оценки событий прошлого и настоящего.

Кроме контроля для корректных выступлений студентов, преподаватель в качестве эмпирического материала для исследования может дать следующее задание: сравнить предложенные вниманию студентов пропагандистские антисоветские немецкие лозунги времен Великой Отечественной войны и современную антироссийскую фейковую информацию.

В конце занятия учащиеся представляют интернет-источники, с которыми работали, и отвечают на вопросы участников третьей группы. По результатам проделанного исследования студенты формулируют выводы.

Использование аналогии, гипотетический характер рассуждений развивают аналитическое мышление студентов, позволяющее им объективно оценивать медиа-тексты по истории Великой Отечественной войны и специальной военной операции.

На заключительном этапе практического занятия каждый студент сдает письменный отчет (в форме эссе) по собранному и проанализированному им материалу в соответствии с устным выступлением. Участники третьей группы представляют эссе на основе текстов, с которыми познакомились в процессе подготовки. Важным моментом является корректное оформление ссылок на веб-ресурсы. Письменная работа в форме эссе оценивается преподавателем и влияет на итоговую оценку за занятие.

Заключение

Динамика интернет-ресурсов показывает вектор развития науки и образования. В связи с этим обращение учащихся к интернет-источникам отражает тенденцию интеграции исторического знания с интернет-системами. Цифровая среда создает интерактивные формы представления исторического материала. Эвристический потенциал достоверных веб-ресурсов позволяет качественно улучшить эффективность образовательного и воспитательно-патриотического процесса. Самостоятельная исследовательская работа с разнообразными формами веб-источников по исторической тематике под руководством преподавателя помогает избежать негативного навязывания односторонней фейковой информации. У студента формируется объективная оценка событий прошлого и настоящего. Методика использования интернет-источников учит студентов отбирать материал по исторической тематике, осуществлять критический анализ текстов, приобретать навыки формулировки тезисов для публичного выступления и письменно-

го изложения. В результате корректного использования новых форм исторического знания из интернет-ресурсов студенты приобретают навыки исследовательской работы, в которой реферирование текста сочетается с собственными оценками и выводами. Самостоятельное аналитическое мышление студента является необходимым условием его правовой культуры и гражданской патриотической позиции.

Список источников

1. Афанасьева Л.П. Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Новый исторический вестник. 2003. № 3. С. 3–21.
2. Быков А.К. Интегративная природа патриотического воспитания в образовательных организациях как основание классификации его основных направлений // Вестник МГЛУ. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 4 (808). С. 3–15.
3. Горохов П.А., Южанинова Е.Р. Влияние интернет-ресурсов на феномен исторической памяти: опыт философского исследования // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 1. С. 12–41. URL: <http://fikio.ru/?p=4966> (дата обращения: 12.01.24).
4. Даринская Л.А. Организация самостоятельной работы студентов с применением образовательных интернет-ресурсов // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2010. Вып. 4. С. 25–31.
5. Егоров М.А., Томилин А.Н. Особенности моделирования процесса развития патриотизма личности на основе совершенствования критического мышления // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 54–57.
6. Крайнов Г.Н. Формы и методы патриотического воспитания на занятиях по истории // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28876> (дата обращения: 05.02.2024).
7. Лапина-Кратасюк Е.Г. Как цифровые медиа изменили подход к истории // Forbes. 2015. 03 авг. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii> (дата обращения: 01.02.24).
8. Матвеева Е.П. Проблемы поиска достоверной информации студентами в сети Интернет // Педагогическое образование в России. 2021. № 4. С. 51–57. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_04_06
9. Олейникова Е.Ю. Интернет-практики современного студенчества (на примере вузов г. Хабаровска) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 1) URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17519> (дата обращения: 05.02.2024).
10. Соловьева Д.Ю. Новый историзм и репрезентация истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 4. С. 3–26. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2018.2654
11. Саматеева М.З. Формирование патриотического сознания студенческой молодежи // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-104-108>
12. Царева Н.А., Михайлов Д.В. Формы негативной информации и способы преодоления ее угроз // Наукосфера. 2023. № 1 (2). С. 140–145. DOI: 10.5281/zenodo.7601902

References

1. Afanasyeva L.P. Internet for a historian: a trash can or a storehouse of wisdom? *New historical bulletin*. 2003; (3): 3–21.
2. Bykov A.K. The integrative nature of patriotic education in educational organizations as the basis for the classification of its main areas. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Series: Education and pedagogical sciences*. 2018; 4 (808): 3–15.
3. Gorokhov P.A., Yuzhaninova E.R. The influence of Internet resources on the phenomenon of historical memory: the experience of philosophical research. *Philosophy and humanities in the information society*. 2022; (1): 12–41. URL: <http://fikio.ru/?p=4966> (accessed date: 12.01.24).

4. Darinskaya L.A. Organization of independent work of students using educational Internet resources. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12*. 2010; (4): 25–31.
5. Egorov M.A., Tomilin A.N. Features of modeling the process of development of individual patriotism based on the improvement of critical thinking. *World of science, culture, education*. 2018; 2 (69): 54–57.
6. Krainov G.N. Forms and methods of patriotic education in history classes. *Modern problems of science and education*. 2019; (3). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28876> (accessed date: 05.02.2024).
7. Lapina-Kratasyuk E.G. How digital media changed the approach to history. *Forbes*. 2015. Aug. 03. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii> (accessed date: 01.02.24).
8. Matveeva E.P. Problems of searching for reliable information by students on the Internet. *Pedagogical education in Russia*. 2021; (4): 51–57. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_04_06
9. Oleinikova E.Yu. Internet practices of modern students (on the example of universities in Khabarovsk). *Modern problems of science and education*. 2015; 1 (1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17519> (accessed date: 05.02.2024).
10. Solovyova D.Yu. New historicism and representation of history in the digital environment. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. 2018; (4): 3–26. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2018.2654
11. Samateeva M.Z. Formation of the patriotic consciousness of student youth. *Bulletin of Samara University. Series: History, pedagogy, philology*. 2023; 29 (1): 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-104-108>
12. Tsareva N.A., Mikhailov D.V. Forms of negative information and ways to overcome its threats. *Naukosphere*. 2023; 1 (2): 140–145. DOI: 10.5281/zenodo.7601902

Информация об авторах:

Царева Надежда Александровна, профессор, д-р филос. наук, доцент, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, г. Владивосток, nadezda58@rambler.ru

Черная Екатерина Васильевна, канд. ист. наук, доцент, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, г. Владивосток, chernai.e.v@dgtru.ru.

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/123-130>

EDN: <https://elibrary.ru/NOBLSU>

Дата поступления:
28.02.2024

Одобрена после рецензирования:
12.03.2024

Принята к публикации:
15.10.2024

Научная статья
УДК 371.14
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/131-141>
EDN: <https://elibrary.ru/MQVZVM>

Методика развития интенциональности учителя: теоретический аспект

Дудко Виктория Валерьевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Представлены теоретические позиции разработки методики развития интенциональности учителя в процессе повышения квалификации. Обоснована актуальность исследования педагогической интенциональности как важной составляющей профессионализма современного учителя, описаны семь теоретических подходов к проектированию методики. Деятельностный подход раскрывает значимость компетентностных моделей для педагогического целеполагания и необходимость процессов образного моделирования. Личностный подход обуславливает проектирование методики с учетом отношения к обучающимся как самоценным развивающимся субъектам и использования в учебной деятельности методов интерпретации, самопрезентации и рефлексии. Феноменологический подход определяет использование методов интен-анализа и педагогической герменевтики. Компетентностный подход обуславливает ориентацию методики на продуктивность учебной деятельности учителей. Андрагогический подход реализован в проектном характере обучения и модульных технологиях, обеспечивающих наблюдаемость индивидуальной траектории. Средовой подход обосновывает использование цифровых технологий в процессе повышения квалификации. Сетевой подход аргументирует значимость использования веб-приложений для совместной учебно-педагогической деятельности в условиях реализации программ повышения квалификации учителей.*

***Ключевые слова:** учитель, интенциональность, направленность, повышение квалификации, развитие, методы.*

***Для цитирования:** Дудко В.В. Методика развития интенциональности учителя: теоретический аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 131–141. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/131-141>. EDN: <https://elibrary.ru/MQVZVM>*

Original article

Methodology for developing teacher intentionality: theoretical aspect

Victoria V. Dudko

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

***Abstract.** The article deals with theoretical framework for developing a methodology aimed to enhance teacher intentionality in the process of advanced training. It argues for the relevance of studying pedagogical intentionality as a crucial aspect of a modern teacher's professionalism and describes seven theoretical approaches to designing a methodology. The activity-based approach highlights the significance of competence models in setting pedagogical goals and em-*

phasizes the need for figurative modeling processes. The personal approach considers the teacher's attitude towards students as self-valuable developing individuals and suggests the use of interpretation, self-presentation, and reflection methods in educational activities. The phenomenological approach advocates for the use of intent analysis methods and pedagogical hermeneutics. The competence-based approach focuses on the productivity of teachers' educational activities in designing the methodology. The andragogical approach is implemented through project-based learning and modular technologies, which allow for individual learning trajectories to be observed. The environmental approach justifies the use of digital technologies in advanced training. Finally, the network approach emphasizes the importance of utilizing web applications for collaborative educational and pedagogical activities in the context of teacher training programs.

Keywords: teacher, intentionality, orientation, professional development, development, methods.

For citation: Dudko V.V. Methodology for developing teacher intentionality: theoretical aspect // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16, № 4. P. 131–141. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/131-141>. EDN: <https://elibrary.ru/MQVZVM>

Введение

Современный учитель – личность и профессионал, от которого зависит будущее государства и общества. Государственные изменения влекут за собой смену тенденций в образовании, происходит мощный рост количества информации и технологических новаций, все это делает необходимым непрерывный процесс профессионального развития педагогов. Повышение квалификации учителей является важным этапом профессионального развития и обеспечивает соответствие новым требованиям к профессиональной подготовке учителей. Реализация образовательных стандартов не противоречит творчеству учителя, но предусматривает соответствие целей и задач его деятельности современным нормам закона «Об образовании». Проблема несовпадения целей нормативных с личными в контексте особого рода педагогической направленности – интенциональности ставится и изучается достаточно давно, но ситуация меняется незначительно [1, 2].

У учителей с разным стажем работы, которые выбрали эту профессию при отсутствии педагогической направленности, данная направленность в подавляющем большинстве случаев не формируется. Педагогическая интенциональность как компонента направленности современного учителя представляет собой преднамеренное обучение – проектирование развития ученика и его способностей. Обсуждение современного состояния исследований преднамеренности учителя, которое синонимично педагогической интенциональности, исследуется не только в нашей стране, но и за рубежом [3].

Проблема исследования состоит в определении теоретико-методологической позиции методического обеспечения развития интенциональности учителя.

Основная часть

Рассмотрим области теоретического проектирования методики развития интенциональности учителя в процессе повышения квалификации. На наш взгляд, основными в проектировании являются: деятельностный, личностный, компетентностный, андрагогический, феноменологический и сетевой подходы (рис. 1).

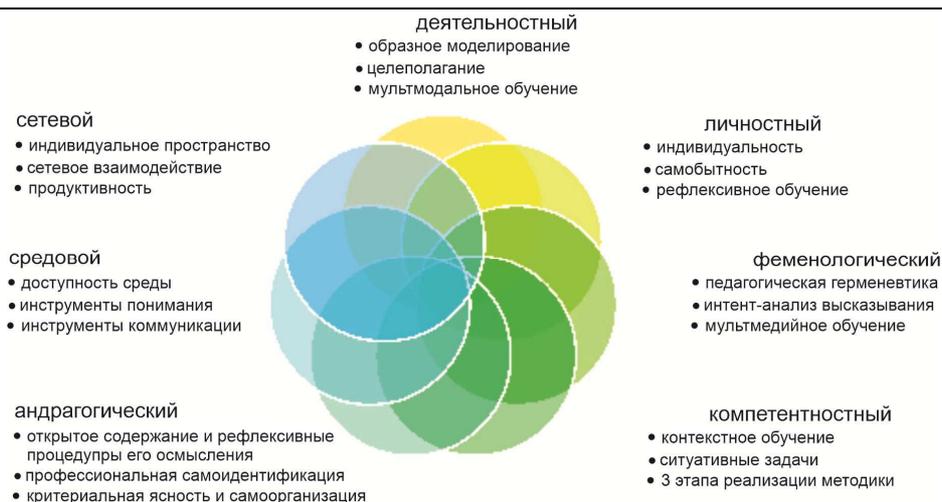

Рис. 1. Теоретические подходы проектирования методики развития интенциональности учителя

Деятельностный подход (А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, Н.Ф. Талызина, В.Д. Шадриков) является одной из фундаментальных концепций в педагогике. Согласно теории деятельность может быть рассмотрена как в операциональном, так и интенциональном аспекте, раскрывающем, что должно быть достигнуто [4], что напрямую связано со способностью учителя ориентировать свою деятельность в соответствии с поставленными целями.

Одним из постулатов деятельностного подхода и концепции интенциональности является понятие образа [5]. Цель-образ направляет и регулирует деятельность на всем ее протяжении, выступая в качестве ориентира и формируя у субъекта конкретное представление о желаемом результате. Лишь тогда, когда этот образ фиксируется в сознании, он начинает влиять на действия субъекта, направляя их к достижению определенного результата [6]. Термин «образование» трактуется учеными как явление деятельности по определению и формированию образа человека и его места в мире [7–9]. Значимость развития интенциональности учителя определяет необходимость наполнения содержательного компонента методики информацией об активно создаваемых и широко транслируемых компетентностных моделях, осознанные представления о которых должны выступить в роли активного компонента и связующего звена между познавательной и учебной деятельностью.

Теория деятельностного подхода ориентирует на поиск средств развития интенциональности учителя, обеспечивающих построение образа ученика. Согласно положениям А.Н. Леонтьева образы различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности и устойчивости [10]. Методически обосновано, что развитие образа такой структуры может быть реализовано с использованием технологий мультимодального и мультимедийного обучения.

Значимым является и понятие субъективности образа, включающее пристрастность субъекта, которая позволяет активно проникать в реальность [10]. Таким образом, подходы к развитию интенциональности учителя в значительной степени определяются не столько когнитивными процессами, сколько проявлениями субъек-

тивного внимания, где рассуждения и переживания не подменяются процессами запоминания и воспроизведения.

Рассматривая интенциональность как отправную точку, задающую весь вектор деятельности, «окрашивающую» все элементы системы, необходимо рассматривать компетентностные модели, составляющие содержание программы повышения квалификации, не сами по себе, а в контексте каждого из элементов системы педагогической деятельности: в контексте учебных задач, учебных действий и учебных результатов.

Личностный подход в образовании взрослых разрабатывался Е.В. Бондаревской, В.В. Сериковым, Э.Ф. Зеером.

Основополагающим для построения методики является тезис об оптимальности образовательного подхода, предполагающего гармонию государственных стандартов и личностного саморазвивающегося начала. Отход от этой гармонии ведет к крайностям тоталитарной государственности или педоцентризма в системе образования. «Без ведома» личности нельзя решать, какой ей быть. Все, что происходит в педагогическом процессе, педагогично лишь в той мере, в какой это работает на цель развития личности [11]. Следовательно, учителя должны быть готовы воспринимать требования ФГОС к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы, поддерживать открытый диалог с субъектами учебно-педагогического взаимодействия, проводить совместно с учениками постановку целей учебной ситуации, подбирать учебно-методическое обеспечение в соответствии с целями рабочей программы и проч. Ученые отмечают, что личностная парадигма не отменяет социальную ориентацию образования, но отражает значимость развития личности в обеспечении саморазвития общества.

Личностный подход рассматривает обучающихся как самоценных и саморазвивающихся субъектов, способных к самостоятельному целеполаганию и самореализации, обладающих уникальной логикой развития; направлен на поддержку процессов самопознания и самореализации личности с учетом активной позиции учащегося, которая способствует его индивидуальному развитию и самобытности в рамках социальной системы. Личностно-ориентированное образование – это не формирование личности с заданными свойствами, а создание условий для полноценного проявления и, соответственно, развития личностных функций воспитанников. В терминах личностного подхода это звучит как «выращивание» субъектности в другом человеке, приобщение учеников к смыслу, а не только к знанию [11]. Методологически важно, что интенциональные структуры личности не могут быть переданы напрямую; они формируются заново в уникальной системе координат каждой личности, в ее собственном «горизонте» [12].

Личностный подход в контексте развития интенциональности учителя реализуется через учет потребности в культурной идентификации и саморазвитии, осознанность действий, обмен профессиональным опытом. Механизм личностного развития связан с вербализацией чувственного опыта, его выражением в слове, что означает его своеобразное упорядочивание, «нормирование», осмысливание через формулировку собственного мнения, сознательного выбора, принятие ответственного решения. Методы познания включают личную интерпретацию, самопрезентацию и самооценку, рефлексивные процедуры; обуславливают в качестве ведущих механизмы личностного существования человека: рефлекссию, смыслотворчество, избирательность, ответственность, автономность [11]. Поэтому учебные задачи не сводятся лишь к заранее установленной модели личности, а востребуют внимание, самоана-

лиз, диалог, делающие образовательные цели явными, реализующие осмысленное принятие. Задачный подход, учебный диалог, смена ролевых позиций, состязательность – все это актуализирует личностные позиции обучающихся.

По мнению ученых, личностный подход определяет три принципиальные характеристики: контекстуальность, диалогичность и игру как предоставление личности своеобразного игрового поля, в котором она могла бы реализовать свои потенции [11]. Для организации программ повышения квалификации учителей выделенные характеристики могут быть реализованы через обсуждение и совместную разработку прикладных задач по проектированию учебного процесса и учебно-методических материалов.

Э.Ф. Зеер акцентирует внимание на важности учета предшествующего опыта, личностных особенностей и специфики учебного материала. Психолого-дидактической основой профессионального образования здесь становится учебно-профессиональная ситуация, которая моделирует основные компоненты образовательного процесса. Это позволяет интегрировать социально-профессиональные особенности личности педагога и сделать их факторами профессионального развития.

Опора на *феноменологический подход* обусловлена попыткой интерпретации категории «интенциональность», зародившейся в феноменологических исследованиях, в контексте исследования педагогической деятельности и педагогических способностей учителя. Предметом исследования является педагогическая интенциональность или интенциональность учителя, которая рассматривается как феномен его профессиональной направленности, где важным становится собственное понимание учителем целей образования.

Утверждение Гуссерля о том, что нельзя чего-то бояться, что-то желать или оценивать, пока оно не представлено [13], звучит актуально применительно к готовности учителя ориентировать свою профессиональную деятельность на образ выпускника. Контрольно-измерительный компонент методики рассматривает речевые высказывания учителей о целях урока с использованием метода интен-анализа текстов, раскрытого в работах Т.Н. Ушаковой [14, 15].

Теоретической основой для проектирования учебных задач являются методы педагогической герменевтики (В.И. Загвязинский, А.Ф. Закирова), разрабатываемые как теория и практика истолкования педагогических знаний, отличные от репродуктивных. К числу содержательно значимых областей ученые относят необходимость интерпретировать социальный заказ, соотносить приоритеты социальных ценностей и норм с общекультурными и личностными смыслами, не допуская трафаретной схематизации и обезличивания знаний о человеке [16].

Компетентностный подход (А.В. Хуторской, А.А. Вербицкий) закладывает ориентир на результат образования; обнаруживает, что целью и результатом обучения является развитие профессиональной компетентности учителя, обеспечивающей его эффективное включение в процесс реальной практики, успешная профессиональная деятельность, удовлетворение потребностей саморазвития и самосовершенствования. Компетентностный подход ориентирует образование не только на освоение знаний, но и на формирование проектной культуры, которая подразумевает использование продуктивных технологий подготовки специалистов: рефлексивного обучения, обучения методом кейсов, проектного обучения, максимально моделирующих реальную профессиональную деятельность. При этом продукты деятельности, раскрывающие эффективные способы работы лучших учителей, должны нахо-

дальше распространение в системе подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров.

А.В. Хуторской в качестве средства реализации компетентного подхода выделяет решение ситуативных задач, которые конструируются в соответствии с проектируемой целью организации условий формирования компетентного опыта обучаемых: ситуации концептуальной, инструментальной, интегративной, контекстуальной, адаптивной, коммуникативной компетенции [17].

А.А. Вербицкий указывает на то, что понятие «контекст», наряду с понятиями «деятельность», «образ», «мотив», является смыслообразующим, так как целенаправленное поведение нарушается, если в памяти субъекта не удерживается контекст, в котором оно имеет место; в этом случае организм находится во власти мгновенных состояний, которые человек не может регулировать [18]. Этапы реализации методики соответствуют трем базовым формам организации деятельности контекстного обучения: 1) учебная деятельность академического типа, когда слушатели программы повышения квалификации исследуют компетентностные модели; 2) квазипрофессиональная деятельность, когда слушатели разрабатывают учебные ситуации и дидактическое обеспечение к ним; 3) учебно-профессиональная деятельность, в ходе которой учителя реализуют разработанные проекты в реальной практической деятельности на своем рабочем месте и презентуют результаты в удаленном режиме.

Андрогогический подход (Б.М. Бим-Бад, С.И. Змеёв, М.Т. Громкова) предполагает учет социальных и психофизиологических особенностей взрослого обучающегося. Преподавание демонстрирует фасилитативный стиль педагога взрослых. В процессе образования взрослых важную роль играет изучение индивидуально-личностных особенностей и профессиональных качеств обучающихся, индивидуальный подход к обучению, образовательные запросы.

Проектирование научно-методического обеспечения процесса повышения квалификации должно строиться с учетом особенностей и потребностей учителей, представлений о взрослом как субъекте обучения. К специфическим чертам обучения взрослых относят ведущую роль в процессе обучения, постановку конкретных целей обучения, стремление к самостоятельности и самореализации, а также самоуправлению, наличие жизненного опыта, знаний, умений, навыков, которые должны быть использованы в процессе обучения.

С.И. Змеёв считает, что взрослый обучающийся вполне может быть главным участником организации процесса своего собственного обучения. Технология обучения взрослых предполагает участие в совместной деятельности, создание атмосферы взаимопомощи, что способствует социализации, развитию навыков коллективной работы, вырабатывает умение сочетать личную ответственность и общественные интересы [19].

М.Т. Громкова выделяет системообразующие элементы педагогического процесса, где высший уровень предлагаемого диапазона результата включает: технологию самоопределения, когда содержание сразу осмысливается как средство решения своих проблем; критерии деятельности, когда содержание выстраивается по модульному принципу и делает наблюдаемой индивидуальную траекторию продвижения; способы деятельности, когда взаимодействие предполагает умение понять себя и другого и договориться о сотрудничестве без указания долженствования и нормы [20].

М.Н. Дудина отмечает, что в настоящее время императив долженствования, подчинения, манипулирования, характерный для индустриальной цивилизации, 136

в условиях информационного общества сменился императивом сотрудничества, требующим личность, индивидуальность, умеющую быть свободной и ответственной перед прошлым, настоящим и будущим [21].

Теоретический анализ подходов к описанию взрослого как субъекта образовательного процесса, а также опыт практической работы в системе дополнительного профессионального образования учителей позволили выделить сильные стороны обучающегося взрослого и поддерживающие их стратегии обучения (табл. 1).

Таблица 1

Элементы стратегий обучения взрослого

Сильные стороны обучающегося	Элементы стратегий обучения
Наличие опыта практической работы	Концептуализация опыта в диалоге; открытое содержание, включающее личный опыт и рефлексивные процедуры его осмысления; профессиональная самоидентификация на основании квалификационных характеристик и актуальных компетенций
Сложившееся мнение	Сохранение уникальности суждений и педагогических подходов
Позиция взрослого	Уважение и признание личных достижений; прояснение индивидуальных намерений и построение индивидуальных траекторий; вариативность содержания; возможность внести свой вклад
Самостоятельность	Критериальная ясность учебных задач и самооценка; самоорганизация в продвижении; активное экспериментирование
Прагматизм	Практическая значимость учебных задач

Представленные стратегии, основанные на исследованиях в области андрагогики, являются ключевыми для разработки методики развития интенциональности учителя в процессе повышения квалификации.

Средовой подход исходит из признания среды значимым фактором организации учебного процесса. В современных условиях цифровой трансформации системы образования в целом и процесса повышения квалификации учителей в частности важную роль играют вопросы проектирования цифровой образовательной среды. Вопросы профессионального развития учителя в цифровой среде рассматриваются в работах В.И. Блинова, М.Е. Вайндорф-Сысоевой, В.В. Гришкуна, В.В. Рубцова, А.Ю. Уварова.

Проектирование методики профессионального развития учителя основывается на положении, что цифровая трансформация образования – это обновление планируемых образовательных результатов, содержания образования, методов и организационных форм учебной работы, а также оценивания достигнутых результатов в быстроразвивающейся цифровой среде для кардинального улучшения образовательных результатов каждого обучающегося [22].

М.Е. Вайндорф-Сысоева считает, что использование интернет-технологий позволяет обеспечить качественное, персонализированное повышение квалификации по индивидуальной траектории, нивелируя факторы разделенности обучающихся, преподавателей и необходимые образовательные ресурсы во времени и пространстве, которые еще недавно играли определяющую роль, препятствуя доступности успешных методик для многих учителей [23].

В ходе проектирования методики развития интенциональности учителя нами установлено на практике, что разработка виртуальных классов средствами вики-технологий и конструктора сайтов обеспечивает наглядность учебного материала, его избыточность, способствует индивидуализации и повышает мобильность учебного процесса, что вызывает положительный отклик учителей [24].

Сетевой подход к организации учебно-педагогического взаимодействия разрабатывался в работах Н.В. Басова, Е.Д. Патаракина, Е.С. Полат, В.А. Поляковой, С.Ф. Сергеева, А.Н. Сергеева, О.Н. Шиловой, И.А. Юдиной, Е.Н. Ястребцевой, Б.Б. Ярмахова, в которых утверждается важность перехода от моделей локального информирующего к сетевому диалоговому обучению.

Н.В. Басов акцентирует внимание на том, что в отличие от информации знание нельзя «извлечь» и «передать», поэтому оно должно быть неразрывно связано с коммуникативными и эмоционально-энергетическими аспектами межличностного взаимодействия, что может быть обеспечено при реализации сетевого подхода. Ученый утверждает, что процесс порождения знания будет эффективным, если он локализован в некотором общем пространстве опыта, которое позволяет индивидам выстраивать комплексы аппрезентативных соотношений, увязанных между собой и со средой [25].

Е.Д. Патаракин и Б.Б. Ярмахов отмечают, что появление в виртуальной среде «социальных объектов», вокруг которых возникает совместная деятельность и формируются связи, играет огромное значение для образования. По мнению ученых, в настоящее время в образовательных системах многих стран проявляется бурный интерес к внедрению в учебные планы разделов, обеспечивающих приобретение практических навыков сбора, обработки, визуализации информации и принятия решений на этой основе [26]. Совместная сетевая деятельность внутри вики-систем в профессиональных сообществах позволяет накапливать и совместно использовать цифровые образовательные ресурсы, создавать цифровые истории в формате текста, презентации, видеоигры, анимации или модели, публиковать их с целью совместного использования, что обеспечивает рост субъектности учащихся и их вовлечение в исследовательскую деятельность [27, 28].

Сетевой подход, реализуемый в рамках методики развития интенциональности учителя, основывается на использовании сетевого потенциала веб-приложений.

Заключение

Предложенные теоретические основания обеспечивают выбор путей конструирования методики развития интенциональности педагога как компонента профессиональной педагогической направленности. Научная новизна работы состоит в выявлении теоретических оснований, соответствующих сущностным характеристикам междисциплинарной категории интенциональности, что повышает детализацию исследуемого феномена и его научную разработанность.

Основной контекст работы дает основания для критериев отбора компонентов методики программ повышения квалификации. Раскрыта позиция автора относительно теоретических оснований исследуемого феномена, который обеспечивает результаты образования. Приведенное исследование позиционирует теоретическую структуру разработки методического обеспечения развития учителя-профессионала, состоящую из семи компонентов: деятельностного, личностного, феноменологического, компетентностного, андрагогического, средового и сетевого подходов. Описанное теоретическое обоснование позволяет разработать методику и средства повышения квалификации учителей. Результаты исследования могут быть важны для исследователей профессионально важных качеств педагога, а также студентов – будущих педагогов.

Список источников

1. Дудко В.В., Чернявская В.С. Педагогическая интенциональность в профессиональной деятельности учителя // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 13. С. 58–62.
2. Чернявская В.С., Екинцев В.И., Свириденко Е.И. Педагогическая интенциональность как компонент направленности современного учителя: теория и метод // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 9. С. 147–162.
3. Dudko V., Chernyavskaya V. Instruments of Corpus Linguistics in the Terminological Exercise “Intentional Learning” // 3rd Russian-Pacific Conference on Computer Technology and Applications (RPC). 2018. С. 1–6.
4. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. Москва: Смысл, 2000. 511 с.
5. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 320 с.
6. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. Москва: Изд. корпорация «Логос», 1996. 320 с.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Москва: Изд. корпорация «Логос», 2000. 384 с.
8. Лернер И.Я. Философия дидактики и дидактика как философия. Москва, 1995.
9. Сергеев Н.К., Сериков В.В. Природа педагогической деятельности и субъектный мир учителя // Человек и образование. 2012. № 1. С. 4–8.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. Москва: Изд. корпорация «Логос», 1999. 272 с.
12. Александров Е.П. Интенциональный диалог как фактор адаптации первокурсников к образовательной среде вуза и профессии. Таганрог: НОУ ВПО ТИУиЭ, 2009. 280 с.
13. Разеев Д.Н. Переживание, фантазия, интенциональность: взаимосвязь понятий в феноменологии Гуссерля: Мыслители // Homo philosophans: сб. к 60-летию профессора К.А. Сергеева. 2002. № 12. С. 226–250.
14. Ушакова Т.Н. Речь. Истоки и принципы развития: учеб. пособие. Москва, 2012.
15. Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интент-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 4. С. 98–109.
16. Закирова А.Ф. Основы педагогической герменевтики. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2011. 322 с.
17. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении. Москва: Эйдос, 2013. 73 с.
18. Вербицкий А.А. Контекстное обучение в компетентностном формате (Компетентностный подход как новая образовательная парадигма) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 4 (6). С. 67–73.

19. Змеёв С.И. Образование взрослых и андрагогика в реализации концепции непрерывного образования в России // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 3 (24). С. 94–101.
20. Громкова М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых. Москва: ЮНИТИ, 2005. 496 с.
21. Дудина М.Н. Педагогика, андрагогика, акмеология: вопросы преемственности и взаимосвязи // Образование и наука. 2008. № 5. С. 3–11.
22. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Г. Эдмонд, И.В. Дворецкая [и др.]. Москва: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2019. 344 с.
23. Вайндорф-Сысоева М.Е. Современные подходы к организации повышения квалификации современного педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-3.
24. Дудко В.В., Потапова В.Ю. Организационно-педагогические условия повышения квалификации учителей Приморского края в области ИКТ // Интерактивная наука. 2016. № 8. С. 36–38.
25. Басов Н.В. Создание знания в социальной интеракции // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 67–90.
26. Patarakin Y.D., Yarmakhov B.B. Data farming for virtual school laboratories // RUDN Journal of Informatization in Education. 2021. Т. 18, № 4. С. 347–359.
27. Патаракин Е.Д. Педагогический дизайн совместной сетевой деятельности субъектов образования: доктор наук. Москва: Московский город. пед. ун-т, 2017. 319 с.
28. Патаракин Е.Д., Шилова О.Н. Развитие педагогического дизайна для совместной сетевой деятельности субъектов образования // Человек и образование. 2015. № 2 (43).

References

1. Dudko V.V., Chernyavskaya V.S. Pedagogical intentionality in the professional activity of a teacher. *Siberian pedagogical journal*. 2007; (13): 58–62.
2. Chernyavskaya V.S., Ekintsev V.I., Sviridenko E.I. Pedagogical intentionality as a component of the orientation of a modern teacher: theory and method. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2023; (9): 147–162.
3. Dudko V., Chernyavskaya V. Instruments of Corpus Linguistics in the Terminological Exercise “Intentional Learning”. *3rd Russian-Pacific Conference on Computer Technology and Applications (RPC)*. 2018: 1–6.
4. Leontiev A.N. Lectures on General Psychology. Moscow: Smysl; 2000. 511 p.
5. Sartre J.-P. The Imaginary. Phenomenological Psychology of Imagination. St. Petersburg: Nauka; 2001. 320 p.
6. Shadrikov V.D. Psychology of Human Activity and Abilities. Moscow: Logos Publishing Corporation; 1996. 320 p.
7. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology. Moscow: Logos Publishing Corporation; 2000. 384 p.
8. Lerner I.Ya. Philosophy of Didactics and Didactics as Philosophy. Moscow; 1995.
9. Sergeev N.K., Serikov V.V. The Nature of Pedagogical Activity and the Subjective World of the Teacher. *Man and Education*. 2012; (1): 4–8.
10. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat; 1975. 304 p.
11. Serikov V.V. Education and Personality. Theory and Practice of Designing Pedagogical Systems. Moscow: Logos Publishing Corporation; 1999. 272 p.
12. Aleksandrov E.P. Intentional Dialogue as a Factor in First-Year Students’ Adaptation to the University Educational Environment and Profession. Taganrog: NOU VPO TIUE; 2009. 280 p.

13. Razeev D.N. Experience, Fantasy, Intentionality: The Relationship of Concepts in Husserl's Phenomenology: Thinkers. *Homo philosophans. Collection for the 60th Anniversary of Professor K.A. Sergeev*. 2002; (12): 226–250.
14. Ushakova T.N. Speech. Origins and Principles of Development. Study Guide. Moscow; 2012.
15. Ushakova T.N., Tseptsov V.A., Alekseev K.I. Intent analysis of political texts. *Psychological Journal*. 1998; 19 (4): 98–109.
16. Zakirova A.F. Fundamentals of pedagogical hermeneutics. Tyumen: Tyumen State University; 2011. 322 p.
17. Khutorskoy A.V. Competence-based approach to teaching. Moscow: Eidos; 2013. 73 p.
18. Verbitsky A.A. Contextual teaching in a competence-based format (Competence-based approach as a new educational paradigm). *Problems of Social and Economic Development of Siberia*. 2011; 4 (6): 67–73.
19. Zmeev S.I. Adult education and andragogy in the implementation of the concept of continuous education in Russia. *Domestic and foreign pedagogy*. 2015; 3 (24): 94–101.
20. Gromkova M.T. Andragogy: Theory and Practice of Adult Education. Moscow: UNITY; 2005. 496 p.
21. Dudina M.N. Pedagogy, andragogy, acmeology: issues of continuity and interconnection. *Education and Science*. 2008; (5): 3–11.
22. Difficulties and prospects of digital transformation of education / A.Yu. Uvarov, G. Edmond, I.V. Dvoretzkaya [et al.]. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2019. 344 p.
23. Weindorf-Sysoeva M.E. Modern approaches to organizing advanced training of a modern teacher. *Problems of modern pedagogical education*. 2017; (57-3).
24. Dudko V.V., Potapova V.Yu. Organizational and pedagogical conditions for advanced training of teachers of Primorsky Krai in the field of ICT. *Interactive science*. 2016; (8): 36–38.
25. Basov N.V. Knowledge creation in social interaction. *Sociological journal*. 2012; (1): 67–90.
26. Patarakin Y.D., Yarmakhov B.B. Data farming for virtual school laboratories. *RUDN Journal of Informatization in Education*. 2021; 18 (4): 347–359.
27. Patarakin E.D. Pedagogical design of joint network activities of education subjects: Doctor of Sciences. Moscow: City Pedagogical University; 2017. 319 p.
28. Patarakin E.D., Shilova O.N. Development of pedagogical design for joint network activities of education subjects. *Man and education*. 2015; 2 (43).

Информация об авторе:

Дудко Виктория Валерьевна, ст. преподаватель каф. философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, v.valeryevna@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/131-141>

EDN: <https://elibrary.ru/MQVZVM>

Дата поступления:
30.10.2024

Одобрена после рецензирования:
06.11.2024

Принята к публикации:
11.11.2024

Научная статья
УДК 378:332.024.3
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/142-153>
EDN: <https://elibrary.ru/MDLSZH>

Профильная подготовка маркетологов для решения задач глобального превосходства

Иванов Николай Юрьевич

Якутский филиал Института деловой карьеры
Якутск. Россия

Цынзак Марина Петровна

Винокурова Олеся Александровна

Арктический государственный агротехнический университет
Якутск. Россия

***Аннотация.** Современное реформаторство ориентируется на новаторские идеи и их воплощение, включая в образовательной сфере. Маркетинг как система является свободной дисциплиной, объединяющей и проникающей во все отрасли и сферы деятельности. Понимание маркетинга должно быть всеобъемлющим в широком смысле и частноспецифическим в конкретных проблемных ситуациях в узком смысле понимания. Поэтому, используя метод дедуктивного умозаключения, авторы предлагают ознакомиться с перспективной идеей профильной подготовки маркетологов. При этом разработка профильных программ усматривается с ориентиром на транспрофессиональную конвергенцию и при возможности с применением дивергенции. Это означает, что выпускник должен осваивать не одну или две профессии, а несколько с сочетанием, дополнением смежных, схожих или синхронных требований из разных профстандартов. Значимым пунктом предлагается институциональное развитие профильных программ подготовки, которое должно обеспечить сопутствующий и взаимодополняемый ресурс с другими специальностями. Главная цель профильной подготовки маркетологов – это достижение уникального уровня маркетингового мышления выпускника, который будет готов и способен конкурировать на международном уровне, где глобальное превосходство является одним из ключевых форматов. Приводится важность проведения постоянных опросов ожиданий выпускников и измерение разрыва с ожиданиями работодателей. Учет этих особенностей и своевременная корректировка программ позволяют обеспечить высокое качество образования, отвечающее ожиданиям и запросам работодателей и рынка труда. Упоминается о том, что для образовательной организации при профильной подготовке маркетологов следует делать упор на подготовку преподавателей по маркетингу, которых можно приглашать в качестве не только преподавателей-практиков, но и на совместные научные и исследовательские проекты, включая аспирантской подготовки таких специалистов.*

***Ключевые слова:** маркетолог, профильная подготовка, транспрофессионализм, глобальное превосходство, профессиональные стандарты, институциональное развитие.*

***Для цитирования:** Иванов Н.Ю., Цынзак М.П., Винокурова О.А. Профильная подготовка маркетологов для решения задач глобального превосходства // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 142–153. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/142-153>. EDN: <https://elibrary.ru/MDLSZH>*

© Иванов Н.Ю., 2024

© Цынзак М.П., 2024

© Винокурова О.А., 2024

Original article

Specialized training of marketers to meet the challenges of global excellence

Nikolay Yu. Ivanov

Yakutsk branch of the Institute of Business Careers
Yakutsk, Russia

Marina P. Tsynzak

Olesya A. Vinokurova

Arctic State Agrotechnological University
Yakutsk, Russia

Abstract. *Modern reforms focus on innovative ideas and their implementation in educational sphere as well. Marketing as a system is a free discipline that integrates and penetrates into all industries and fields of activity. Understanding of it should be both comprehensive in a broad sense and specific in addressing narrow, problem-oriented situations. Therefore, using deductive reasoning, the authors propose a promising concept for the specialized training of marketers. However, the development of profession-oriented educational programs is seen with a focus on transprofessional convergence and, if possible, the appliance of divergence. This means that the graduate must acquire not one or two professions, but several ones blending and supplementing related, similar or synchronous requirements from different professional standards. A significant point is the institutional development of specialized training programs that should provide related and complementary resource across other careers. The primary goal of specialized marketers training is to cultivate a unique level of marketing thinking in graduates, equipping them to compete internationally, where global excellence is a critical benchmark. The importance of regularly surveying graduate expectations and measuring gaps relative to employer demands is emphasized. Taking into account these factors and timely adjustment of curriculums allows to ensure high quality of education that meets the expectations and demands of employers and the labor market. The article mentions the need for educational institutions to focus on training marketing educators who can contribute as both practitioner-instructors and collaborators on joint scientific and research projects, including graduate-level training for such specialists.*

Keywords: *marketing specialist, specialized training, transprofessionalism, global excellence, professional standards, institutional development.*

For citation: *Ivanov N.Yu., Tsynzak M.P., Vinokurova O.A. Specialized training of marketers to meet the challenges of global excellence // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 142–153. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/142-153>. EDN: <https://elibrary.ru/MDLSZH>*

Введение

Современное экономическое и управленческое образование подвергается реформе системы, тем самым создаются новые условия для подготовки более высококвалифицированных кадров, включая профильную подготовку маркетологов. В рамках реформаторских программ значимым является приоритет подготовки выпускников, способных и готовых решать типовые задачи глобального превосходства. Маркетинг и соответствующее освоение выпускником маркетингового мышления вполне могут обеспечить одно из ключевых направлений образовательной реформы, стратегическая значимость которой обусловлена трансформацией общественно-экономической формации современности.

Маркетинг, будучи реализуемый как самостоятельная специальность, уже в 3-м поколении стандартов был перемещен в профильную направленность, но обеспечен профстандартами. Всего утверждено 40 профстандартов, из которых напрямую к маркетингу отнесены 4, а остальные включают функционал маркетинга по отдельным

инструментам, методам, подходам и т.п. Профильной подготовке соответствует направление «Менеджмент», хотя все ракурсы освоения программ по компетенциям маркетинга сосредоточены в направлении «Торговое дело». Так, весьма высока вероятность, что при разработке профильной образовательной программы подготовки маркетологов следует руководствоваться не просто профстандартами, а еще и интеграцией ключевых требований из других отраслевых профстандартов с разделением типов задач на базовые, сопутствующие и дополнительные. Это позволит сформулировать четкие профильные профессиональные компетенции, обеспеченные не только учебной и методической литературой, но научной и исследовательской практикой.

При выборке научных источников литературы учитывалась специфика исследования и внимание авторов было сосредоточено на позиции и умозаключении ученых и специалистов (С.С. Жевлакович, М.В. Кириллов и С.В. Чегринцова), которые определили значимость и необходимость профстандартов в образовательной и профессиональной среде. Весьма актуальны труды В.О. Зинченко, О.С. Иванченко и О.П. Осиповой о транспрофессионализме, что считается авторами одной из ключевых форм высокой квалификации маркетолога. Авторы поддерживают мнения П. Лемещенко и А.И. Стрекозова, определяющих институциональное развитие как движущую силу, и особое внимание уделяют анализу трудов С.В. Кузьмина, О.В. Охотникова, Ю.Б. Степанова, М.А. Чернавцева и других исследователей, у которых на рынке молодежного труда четко выделены разрывы ожидания выпускников и реакции работодателей. Авторы также изучили профстандарты, провели исследования вакансий на различных сайтах и ознакомились с требованиями работодателей к маркетологам.

Таким образом, целью статьи является выработка маркетингового видения авторов в вопросе организации и осуществлении образовательной деятельности по профильной подготовке маркетологов разного уровня высшего образования на институциональной платформе инфраструктуры образовательной организации.

Основная часть

Маркетинговое мышление – это независимая чувственная форма познания и высшая ступень познавательной деятельности маркетолога, способствующая предвидеть и оценить происходящее в рыночном пространстве проблемных ситуаций, процессов решения задач и стремлений к получению желаемого результата. Одновременно маркетинговое мышление позволяет отличать устаревшие и новаторские идеи, формируемые энергичными лидерами, которые не подозревают о том, что профессиональный маркетолог уже определил желаемый результат их стараний и готов представить маркетинговые меры для противостояния его конкурентным преимуществам. Это означает, что маркетолог не просто работает с информацией, а пользуется информацией для формирования маркетинга конкретного субъекта хозяйствования. Именно таких маркетологов современный мир должен получать, а образовательная организация выпускать.

В свою очередь, маркетинг смещает приоритеты, когда функционал иерархии должен заниматься решением своих типовых задач. Маркетинг, который широко известен, – это уровень социально-экономической системы, в котором инструменты маркетинга переигрываются в различных комбинациях и формируют новые маркетинговые паритеты, последними из них являются цифровой и интернет-маркетинг. В данной ситуации следует обратиться к пониманию маркетинга как системы, которая вызывает у множества ученых противоречия в формулировании узкоспецифических определений.

Например, «маркетинг – это разработка идеи конкурентоспособного интегрированного продукта» [1, с. 77]. И это верная трактовка, но не единственная, так как определение понятия «маркетинг» должно быть множеством и их реально множество в силу того, что маркетинг не может быть ограничен на системной плоскости, иначе не может быть обеспечена синергия, а в рыночном пространстве возникнут инкубаторские фирмы и товары, произведенные под одними и теми же технологиями без перспективы на развитие.

Менее известен и мало изучен маркетинг, который функционирует в пределах вида человеческой деятельности, создавая роли и компетенции для специалистов в области маркетинга, рекламы, связей с общественностью, таргетологов, копирайтеров и других специалистов, метапрофессиональная деятельность которых ограничивается рамками гражданских правоотношений. Главной действующей фигурой в данной иерархии выступает функциональный маркетолог, который принимает решения и несет за их результаты полную ответственность. Функциональный маркетолог полностью погружен в рыночную конъюнктуру и выполняет полномасштабные функции маркетинга, обеспечивая субъект хозяйствования стратегическими преимуществами в конкурентной борьбе.

Маркетологи как высшая ступень иерархии, обеспечивающие философию бизнеса, разрабатывают перспективные, стратегические или глобализированные/глокализированные приоритеты хозяйствующего субъекта, проектные сценарии описывают таким образом, чтобы функциональные маркетологи без искажений могли воплощать эти проекты в жизнь с сохранением корпоративной/предпринимательской/маркетинговой тайны. Хотя «для рынка сейчас характерна и обратная тенденция, когда маркетологи, отлично владеющие интернет-инструментами, проявляют некоторую некомпетентность при решении задач, требующих классических маркетинговых подходов» [2, с. 437, 438], что является упущением в методической составляющей образовательных организаций и стратегическим заблуждением многих работодателей в отношении маркетинга.

Тем не менее в данной иерархии прослеживаются уровни высшего образования, которые разделены на три критические группы согласно реформированию системы высшего образования. В такой ситуации образовательная организация должна быть готова вписаться в новую реальность и предварительно настроиться к подготовке выпускников, в частности маркетологов совершенного формата. «Современные способы получения знаний в области маркетинга в виде краткосрочных курсов в некоторой степени являются серьезными конкурентами для вузовских программ бакалавриата» [3, с. 3626]. Однако это не должно стать препятствием в разработке и введении новшеств в профильной подготовке маркетологов с базовым высшим образованием. Их необходимо готовить согласно профстандартам, чтобы они могли решать типовые задачи посредством маркетинговых исследований, которые основаны на теории и практике маркетинга с соответствующими нововведениями. Маркетологов со специализированным высшим образованием нужно готовить к разработкам и реализации утвержденных маркетинговых программ/проектов с использованием инструментария комплекса маркетинга. Управление маркетингом должны осуществлять маркетологи/директора по маркетингу с уровнем аспирантской подготовки, что вполне возможно организовать на институциональной платформе инфраструктуры любой образовательной организации.

Таким образом, следует подчеркнуть, что институциональная платформа системы образования и науки в инфраструктуре образовательной организации должна постоянно развиваться и расширять горизонты интересов государства и бизнеса.

Многие специалисты наблюдают за тем, как «в последнее время некоторые исследователи выделяют «естественные процессы интеграции», происходящие в развитии науки и техники, которые определяются как ризомы. Зрительный образ ризомы – это клубок переплетающихся корней, независимых, но в то же время способных взаимодействовать» [4, с. 33, 34], которые не только сочетаются в междисциплинарных единицах измерения, но и формируют новые тренды, создавая новые виды человеческой деятельности в новом технологическом укладе. Посредством институционального развития образовательная организация должна достигать не только целей современной системы взаимоотношений, но и обрисовывать форсайты будущих заделов. Допустим, что «в качестве ключевой парадигмы национального институционального развития выступает идея взаимодействия классического подхода, функционирующего на строгих принципах экономической целесообразности действий хозяйствующих субъектов и реального восприятия действительности, предполагающей альтернативные позиции последних» [5, с. 53], что определяет одну спираль институционального развития, а для «юридического образования и юридической науки это имеет важное значение, так как оно способствует повышению качества правосудия и законодательства в стране» [6, с. 138]. Разработчики профильной программы подготовки маркетологов на современном этапе развития с перспективой на будущее должны соответствовать уровню, представленному в табл. 1.

Таблица 1

6-й уровень высшего образования

6 уровень	Самостоятельная деятельность, предполагающая определение задач собственной работы и/или подчиненных по достижению цели Обеспечение взаимодействия сотрудников и смежных подразделений Ответственность за результат выполнения работ на уровне подразделения или организации	Разработка, внедрение, контроль, оценка и корректировка направлений профессиональной деятельности, технологических или методических решений	Применение профессиональных знаний технологического или методического характера, в том числе, инновационных Самостоятельный поиск, анализ и оценка профессиональной информации	Образовательные программы высшего образования - программы бакалавриата Образовательные программы среднего профессионального образования - программы подготовки специалистов среднего звена Дополнительные профессиональные программы Практический опыт
-----------	---	---	---	---

Источник: приказ Министерства труда РФ от 12.04.2013 № 148н.

6-й уровень высшего образования, утвержденный Министерством труда РФ, – база профильной подготовки маркетологов с высшим образованием, которая должна стать фундаментом для выпускников, намеревающихся строить свою карьеру, достигать в своем профиле высоких результатов при решении типовых профессиональных задач и занимать топовый уровень социального статуса с постоянным расширением географии исследования. Для этого выпускнику бакалавриата необходимо совершенствовать свои способности в образовательной системе до критерия транспрофессионализма, идеи которого «объективно обусловлены развитием общества и формируют новую методологию профессионального образования» [7, с. 312]. Образовательная структура систематически должна обновлять учебно-научно-техно-

логическую и совершенствовать материально-техническую базу наравне и даже на перспективу с изменениями, происходящими в глобальном мире, а «методологической основой ее деятельности с точки зрения транспрофессионализма должна выступать трансдисциплинарная парадигма, базирующаяся на конвергенции знания и навыков различных областей профессиональной деятельности» [8, с. 56].

Таблица 2

Транспрофессиональная конвергенция типов задач и профстандартов

Типы задач профессиональной деятельности выпускников	Профессиональные стандарты		
	Базовый	Сопутствующий	Дополнительный
Аналитический	08.035	06.043	01.012 22.008
	08.037	08.023	08.024
Организационно-управленческий	08.035	21.003	33.019 33.026 33.027
	08.039	40.049	09.002 32.007 40.084
Расчетно-экономический	08.035	08.022	22.008
	08.040	31.012	33.025
Научно-исследовательский	08.026	08.025 40.001	24.005 24.009 25.037
	08.037	01.012 22.008	40.001 40.008 40.011
Педагогический	01.003	01.012	17.092 33.012
	01.005	01.012	24.036 33.012

Примечание: сост. авторами.

Примерное распределение типов решения профессиональных задач, которые должны освоить выпускники по профильной подготовке маркетологов, предлагается рассмотреть в табл. 2. Конвергенция в таблице представлена благодаря сопоставлению схожих, синхронных и смежных трудовых функций, которые могут быть интегрированы в одной дисциплине либо даже составить ее модули. Можно также синхронизировать трудовые обязанности, знания и умения в профстандартах, так как «каждый профессиональный стандарт (далее – ПС) ориентирован на определенный вид профессиональной деятельности и фиксирует трудовые функции, присущие данному виду профессиональной деятельности» [9, с. 290]. Таким образом можно обеспечить и просто добиться транспрофессиональной подготовки выпускников.

Следует отметить, что «профессиональные стандарты описывают, что должен знать и уметь человек, практикующий данную профессию, чтобы считаться “компетентным”» [10, с. 12] и дополнять описания профстандарта нормами, описанными в сопутствующем и дополнительном профстандартах, при этом выборку базового профстандарта для определенного типа профзадачи необходимо составлять именно по назначению самого типа решения задач выпускником. Главным ориентиром в данной субстанции может стать понимание того, что «основные требования к должности в современных крупных организациях формируются на основе профессиональных стандартов» [11, с. 110], так как любой работодатель ожидает от кандидата выполнения трудовых функций с перспективой решения типовых задач в широком спектре и различных сферах. Конечно, в случае, если рынок труда и работодатели запрашивают несинхронные и разнопрофильные компетенции, необходимо применять транспрофессиональную дивергенцию типов решения профессиональных задач, расширяя образовательную нагрузку выпускника путем включения в образовательный процесс широкого спектра факультативных курсов, курсов дополнительного образования, и встраивать эти инструменты в практическую подготовку.

Отсюда следует, что во время нахождения в учебно-научно-технологической среде образовательной инфраструктуры будущей выпускник должен быть дополнительно нагружен освоением профкомпетенциями, которые не относятся напрямую к профильной подготовке. Наряду с предложенным ПС 06.043 как сопутствующим профилю маркетолога стоит рассмотреть как дополнение из ПС 06.012; 06.014; 06.029; 06.042. Из многочисленных опросов об ожидании молодежи и работодателей: «молодые специалисты высказываются за инициативность и владение новейшими технологиями в сфере профессиональной деятельности, потенциальные работодатели солидарны в своем мнении, высказываются за то, что прежде всего у выпускников должна быть отличная компьютерная подготовка» [12, с. 30]. Будущие выпускники во время прохождения курса физвоспитания и спорта с учетом элективных дисциплин вполне могут освоить ПС 05.013; 05.015; 05.017 или другие ПС по выбору обучающихся, так как именно направление маркетинга в вузе остается менее всего востребованным, кроме случаев, когда абитуриент целенаправленно выбирает специализированную организацию. Помимо того, УК-7 постоянно выбивается из квалификационных требований и не предусматривается даже при аттестациях, хотя этот компонент является значимой составляющей, предназначение которой – обеспечение полноценной социальной и/или профессиональной деятельности.

Стоит выделить ряд умозаключений, основанных на результатах опросов обучающихся молодежи и потенциальных работодателей об их ожиданиях. В частности, необходимо обозначить проблему, состоящую в том, что проведенные исследования разными специалистами позволили выявить наличие разрывов в ожиданиях реципиентов:

– в сопоставлении ответов реципиентов обнаружили «рассогласованность предложения и спроса, которая выражается в разрыве между ожиданиями и предпочтениями работодателей и выпускников» [13, с. 55];

– «при приеме на работу работодатель учитывает не только общепредметную эрудированность выпускника, но и желание работать по полученной специальности, личностные качества и умение презентовать себя, готовность молодого специалиста к дальнейшему самообучению, знание различных прикладных программ, навык работы со школьной документацией и многое другое» [14, с. 112];

– «проблема несоответствия ожиданий и предпочтений студентов и выпускников в сфере трудоустройства и позиции работодателей продолжает существовать, и ее решение ложится на вузы, как связующее звено между студентами и работодателями» [15, с. 102];

– «Наибольшее расхождение предпочтений и требований отмечается в группе материально-прагматических целей, где работодатели почти в 2 раза меньше хотели бы, чтобы выпускники стремились к материальному благополучию, построению карьеры и повышению своего социального статуса» [16, с. 21]. Этот вопрос касается воспитания пассионарной личности, готовой приносить обществу пользу, ответственно относиться не только к своим прямым обязанностям, но и к затруднениям.

Действительно, можно с уверенностью утверждать, что современный мир меняется в ускоренном темпе, а профильная подготовка маркетологов дифференцирована и не связана в ризому. Академическое образование держится на классических методиках, которые в современном мире и на перспективу требуют расширения и совершенствования, а это значит, что маркетологи во время своей профильной подготовки проходят через мини-транспрофессиональную конвергенцию; уже на стадии поступления будущим выпускникам предлагают дивергентные возможности.

Весьма интересно мнение специалистов, утверждающих, что «традиционные инструменты маркетинга, стратегии устарели, и потому в современное время к ним необходимо добавить методы цифровизации, используя сеть Интернет» [17, с. 57]. Следует поддержать такое мнение. Однако существенно важной является и другая сторона, когда традиционные инструменты маркетинга сохраняют свою актуальность в виду того, что еще не скоро потребительское поведение основного сегмента будет резко меняться, хотя «к «подрывным инновациям» в маркетинге относятся такие ее инструменты, как технология распознавания речи Pick-by-Voice, технология RFID-системы, применение электронных коммуникационных устройств, технологии электронной обработки документов EDI и др.» [18, с. 73], которые весьма популяризированы в настоящее время. Возможно, постепенный переход к нейромаркетингу состоится; без классической теории и практики маркетинга не обойтись, даже когда общественно-экономическая формация полностью освоит 6-й технологический уклад.

Немаловажной задачей при профильной подготовке маркетологов является то, что «в системе компетентностного подхода при формировании маркетинговой мобильности рассматривается интегративное качество личности, которое составляет основы модели компетенций педагогического маркетинга» [19, с. 108]. Наставничество, а также такие новшества времени, как трекеры, бизнес-тренеры, менторы, коучи, методологи и другие узкие специалисты своей ниши, широко распространенные особенно в корпоративном обучении, являются стратегически необходимыми и для образовательной инфраструктуры даже в качестве руководителей практики и лиц, привлеченных в качестве специалистов-практиков от производства. Кроме того, выпускник может выполнять функции, о которых разработчики программ подготовки не всегда вспоминают либо не придают им значения. «Транспрофессионализм менеджера образования – управленческая готовность выходить за рамки уже сформировавшегося профессионально-педагогического (управленческого) опыта, иметь необходимые и достаточные компетенции для решения комплексных функциональных задач» [20, с. 63]. Это стимулирует выпускника к тому, чтобы он впоследствии занимался наукой и успешно защитил диссертацию; у организации будет специалист-практик с ученой степенью, который вполне может совмещать бизнес-практику и науку/образование.

Заключение

Профильная подготовка маркетологов – архисложный процесс, организационный механизм которого должен достигать уровня глобального превосходства выпускников, готовых функционировать на мировом уровне. При этом разработчики программ профильной подготовки обязаны следовать целеполаганиям, необходимым для создания уровня готовности/способности выпускников-маркетологов к маркетинговому мышлению, обладанию уровнем транспрофессионализма, соответствия нормам профстандартов и ожиданиям работодателей, а также оправдывать ожидания самих выпускников. Реализация программ должна ориентироваться на транспрофессиональную конвергенцию и при возможности на дивергенцию, что свидетельствует о соответствии глобальному превосходству и повышает уровень конкурентоспособности не только самого выпускника, но и образовательной организации.

Весьма полезным был бы стратегический подход, когда при организации будет функционировать Институт образовательных программ, в котором будут проводить мониторинг и комплексное изучение востребованных компетенций не только для маркетологов, но и других направлений подготовки. Для маркетологов при Институте следовало бы создать «Маркетинговое агентство», выполняющее следующие функции: 1) организация практической подготовки маркетологов с привлечением обучающихся других профилей; 2) проведение маркетинговых и социологических исследований для научных и даже коммерческих целей; 3) разработка и реализация маркетинговых мероприятий по инициативам маркетологов и заказам организаций под чутким руководством опытных наставников и специалистов-ученых и практиков.

Список источников

1. Исаев А.А. Понятие «маркетинг»: проблема содержания // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10, № 2 (41). С. 73–79. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2018-2/073-079. EDN XRQXXN
2. Симакина М.А., Кожина О.М. Проблемы сертификации маркетологов и интернет-маркетологов в России // Моисеевские чтения. Гуманитарные вызовы и угрозы XXI века: доклады и материалы VI Общерос. (нац.) науч. конф. В 2 т. (Москва, 20–22 апреля 2023 г.). Москва: Московский гуманитарный ун-т, 2023. С. 434–441. EDN HLNPIA
3. Рахова М.В. Формирование профессиональных компетенций при подготовке маркетологов: формы эффективного взаимодействия образовательных организаций и представителей бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 9. С. 3619–3630. DOI: 10.18334/err.13.9.118925. EDN EHDFZP
4. Иванов Н.Ю. Методическое перевооружение аграрного вуза // Проблемы формирования ценностных ориентиров в воспитании сельской молодежи: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 05–06 июня 2014 г.). Тюмень: Печатный цех «Ризограф», 2014. С. 32–36. EDN TOZPZB
5. Лемещенко П., Трясунова О. Сектор ИКТ как движущая сила институционального развития // Наука и инновации. 2022. № 2 (228). С. 52–58. DOI: 10.29235/1818-9857-2022-2-52-58. EDN JGVJGL
6. Стрекозов А.И. Институциональное развитие юридического образования и юридической науки // III Междунар. науч. конф. по междисциплинарным исследованиям: сб. ст. (Екатеринбург, 15 сентября 2023 г.). / ООО «Институт цифровой экономики и права». Екатеринбург: ООО «Институт цифровой экономики и права», 2023. С. 138–141. EDN JGUXWH

7. Зинченко В.О., Галушко Н.В. Транспрофессионализм как новая методология профессионального образования: сб. тезисов докладов участников пула науч.-практ. конф. (Сочи, 23–27 января 2020 г.) / ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»; ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». Сочи: Керченский государственный морской технологический университет, 2020. С. 310–312. EDN PDUMIX
8. Иванченко О.С. Транспрофессионализм в системе профессиональной подготовки и адаптации молодых ученых в условиях мобильного мира // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13, № 6. С. 54–61. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-6-54-61. EDN HUPSPY
9. Жевлакович С.С. Профессиональные стандарты и ведомственные квалификационные требования к специальной профессиональной подготовке выпускников // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 288–294. DOI 10.24411/2414-3995-2020-10402. EDN KGRGKZ
10. Кириллов М.В., Силенко А.Н. Экономика профессиональных стандартов и применение в бизнесе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-3 (93). С. 10–13. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-3-10-13. EDN HZZDSM
11. Чегринцова С.В. Профессиональные стандарты как инструмент формирования профессиональной пригодности работника // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 1 (53). С. 104–112. DOI: 10.26456/2219-1453/2021.1.104-112. EDN PBKTCE
12. Выявление разрывов в ожиданиях студентов вузов и потенциальных работодателей как основа для принятия управленческих решений в системе высшего образования / С.И. Ашмарина, Е.А. Кандрашина, Л.Г. Лебедева, А.М. Измайлов // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 10 (180). С. 27–31. EDN VJYQAI
13. Охотников О.В., Казакова Ю.Е. Молодежный рынок труда: взаимные ожидания выпускников вуза и работодателей (сравнительный анализ) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 51–56. EDN YRMQHZ
14. Чернавцева М.А. Молодой специалист на рынке труда: ожидание выпускника и взгляд работодателя // Государственная политика в сфере содействия трудоустройству выпускников вузов: сб. науч. тр. Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2015. С. 104–113. EDN UKDIPX
15. Степанова Ю.Б. Молодые специалисты с высшим образованием и работодатели: взаимные ожидания в практике социологического изучения // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 2. С. 95–103. DOI: 10.22394/1682-2358-2018-2-95-103. EDN UQKLPW.
16. Кузьмина С.В. Анализ противоречий между профессиональными ожиданиями выпускников Дальрыбвтуза и реальными требованиями работодателей к их профессиональной подготовке // Рыбное хозяйство. 2023. № 1. С. 18–21. DOI: 10.37663/0131-6184-2023-1-18-21. EDN IQYMYU
17. Свиринов В.А., Латкин А.П. Коммуникационный подход к управлению деятельностью предпринимательскими структурами на основе применения маркетинговых технологий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 2 (70). С. 51–58. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/051-058. EDN LAIYSW
18. Новиков О.А. Использование латерального мышления в инновационных технологиях при подготовке бакалавров и магистров по направлению подготовки «Менеджмент» (профиль «маркетинг») // Экономические системы. 2017. Т. 10, № 4 (39). С. 72–74. EDN YPHONO

19. Медведь Э.И., Киселева Э.И. Подготовка бакалавров социально-культурной деятельности к формированию компетенций в педагогическом маркетинге // Антропологическая дидактика и воспитание. 2022. Т. 5, № 6. С. 103–113. EDN YIYHYS
20. Осипова О.П., Савенкова Е.В., Шклярова О.А. Транспрофессионализм как ресурс в системе подготовки менеджеров образования в педагогическом вузе // Преподаватель XXI век. 2021. № 2-1. С. 58–68. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-58-68. EDN CIIHVK

References

1. Isaev A.A. The concept of "marketing": the problem of content. *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2018; 10 (2 (41)): 73–79. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2018-2/073-079. EDN XRQXXN
2. Simakina M.A., Kozhina O.M. Problems of certification of marketers and Internet marketers in Russia. *Moiseevsky readings. Humanitarian challenges and threats of the XXI century: Reports and materials of the VI All-Russian (National) Scientific Conference. In 2 vol. (Moscow, April 20–22, 2023)*. Moscow: Moscow University of the Humanities; 2023. P. 434–441. EDN HLNIAA
3. Rakhova M.V. Formation of professional competencies in the training of marketers: forms of effective interaction between educational organizations and business representatives. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2023; 13 (9): 3619–3630. DOI: 10.18334/epp.13.9.118925. EDN EHDFZP
4. Ivanov N.Y. Methodical re-equipment of an agrarian university. *Problems of forming value orientations in the education of rural youth: A collection of materials of the International scientific and practical conference (Tyumen, 05–06 June 2014)*. Tyumen: Printing shop "Risograph"; 2014. P. 32–36. EDN TOZPZB
5. Lemeshchenko P., Tryasunova O. The ICT sector as a driving force of institutional development. *Science and Innovation*. 2022; 2 (228): 52–58. DOI: 10.29235/1818-9857-2022-2-52-58. EDN JGVJGL
6. Strekozov A.I. Institutional development of legal education and legal science. *III International Scientific Conference on Interdisciplinary Research: collection of articles (Yekaterinburg, September 15, 2023)* / Institute of Digital Economics and Law, LLC. Yekaterinburg: Limited Liability Company "Institute of Digital Economics and Law"; 2023. P. 138–141. EDN JGUXWH
7. Zinchenko V.O., Galushko N.V. Transprofessionalism as a new methodology of vocational education. *Collection of abstracts of reports of participants in the pool of scientific and practical conferences (Sochi, January 23–27, 2020)* / State Organization of Higher Professional Education "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky"; Federal State Budgetary educational institution of higher education "Kerch State Marine Technological University"; State Educational Institution of Higher Professional Education of the Luhansk People's Republic "Luhansk Taras Shevchenko National University". Sochi: Kerch State Marine Technological University; 2020. P. 310–312. EDN PDUMIX
8. Ivanchenko O.S. Transprofessionalism in the system of professional training and adaptation of young scientists in a mobile world. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*. 2020; 13 (6): 54–61. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-6-54-61. EDN HUPSPY
9. Zhevlakov S.S. Professional standards and departmental qualification requirements for special professional training of graduates. *Bulletin of Economic Security*. 2020; (6): 288–294. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10402. EDN KGRGKZ
10. Kirillov M.V., Silenko A.N. Economics of professional standards and application in business. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024; 6-3 (93): 10–13. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-3-10-13. EDN HZZDSM

11. Chegrintsova S.V. Professional standards as a tool for the formation of professional suitability of an employee. *Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*. 2021; 1 (53): 104–112. DOI: 10.26456/2219-1453/2021.1.104-112. EDN PBKTCE
12. Identification of gaps in the expectations of university students and potential employers as a basis for making managerial decisions in the higher education system / S.I. Ashmarina, E.A. Kandrashina, L.G. Lebedeva, A.M. Izmailov. *Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2019; 10 (180): 27–31. EDN VJYQAI
13. Okhotnikov O.V., Kazakova Yu.E. The youth labor market: mutual expectations of university graduates and employers (comparative analysis). *Intelligence. Innovation. Investment*. 2018; (8): 51–56. EDN YRMQHZ
14. Chernavtseva, M.A. A young specialist in the labor market: the expectation of a graduate and the employer's view. *State policy in the field of employment promotion for university graduates: a collection of scientific papers*. Khabarovsk: Pacific State University; 2015. P. 104–113. EDN UKDIPX
15. Stepanova Yu.B. Young specialists with higher education and employers: mutual expectations in the practice of sociological study. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2018; 18 (2): 95–103. DOI 10.22394/1682-2358-2018-2-95-103. EDN UQKLPW
16. Kuzmina S.V. Analysis of contradictions between the professional expectations of graduates of Dalrybvtuz and the real requirements of employers for their professional training. *Fisheries*. 2023; (1): 18–21. DOI: 10.37663/0131-6184-2023-1-18-21. EDN IQYMYU
17. Svirin V.A., Latkin A.P. A communication approach to managing the activities of entrepreneurial structures based on the use of marketing technologies. *The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2024; 16 (2 (70)): 51–58. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/051-058. EDN LAIYSW
18. Novikov O.A. The use of lateral thinking in innovative technologies in the preparation of bachelors and masters in the field of training "Management" (profile "marketing"). *Economic systems*. 2017; 10 (4 (39)): 72–74. EDN YPHONO.
19. Medved E.I., Kiseleva O.I. Preparation of bachelors of socio-cultural activities for the formation of competencies in pedagogical marketing. *Anthropological didactics and education*. 2022; 5 (6): 103–113. EDN YIYHYS
20. Osipova O.P., Savenkova E.V., Shklyarova O.A. Transprofessionalism as a resource in the system of training education managers in a pedagogical university. *Teacher XXI century*. 2021; (2-1): 58–68. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-58-68. EDN СИПВК

Информация об авторах:

Иванов Николай Юрьевич, канд. экон. наук, зав. каф. гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Якутский филиал Института деловой карьеры, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, 21aprel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4849-0972>

Цынзак Марина Петровна, канд. экон. наук, доцент каф. отраслевой экономики и управления, ФГБОУ ВО «Арктический государственный агротехнический университет», г. Якутск, enter-7676@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7414-7732>

Винокурова Олеся Александровна, ст. преподаватель каф. отраслевой экономики и управления, ФГБОУ ВО «Арктический государственный агротехнический университет», г. Якутск, oaropova-1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7414-7732>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/142-153>

EDN: <https://elibrary.ru/MDLSZH>

Дата поступления:
15.10.2024

Одобрена после рецензирования:
21.10.2024

Принята к публикации:
31.10.2024

Научная статья

УДК 371.3

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/154-162>

EDN: <https://elibrary.ru/MBXONF>

Обучение с помощью технологии чат-бот: терминология и общая характеристика

Данилина Екатерина Константиновна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассматриваются теоретические аспекты применения технологии чат-ботов в образовательном процессе с особым акцентом на терминологию. Цель исследования заключается в систематизации существующих понятий и предложении подхода к характеристикам обучения с использованием чат-ботов. Проведен анализ и конкретизация терминологии, что позволяет уточнить и расширить понимание роли чат-ботов в образовательных контекстах. Результаты работы включают в себя обзор практических примеров использования чат-ботов как в университетском образовании, так и частном секторе; демонстрируют возможности чат-ботов в совершенствовании не только предметных, но и надпредметных навыков у студентов. Приведены кейсы успешного применения чат-ботов для поддержки учебного процесса, улучшения взаимодействия между студентами и преподавателями, повышения мотивации и творчества в учебном процессе. Работа проводилась путем исследования научно-методической литературы. Для достижения целей работы были использованы методы теоретического анализа, синтеза, систематизации, сравнения и конкретизации. Результаты исследования позволяют сделать выводы о перспективах и эффективных практиках внедрения чат-ботов в образовательные системы. Работа открывает новые перспективы для эффективного использования чат-ботов в обучении, акцентируя внимание на их потенциале в улучшении качества образовательного процесса. Новизна исследования заключается во введении понятия «обучение с использованием технологии чат-бот». Результаты работы могут быть применены как в теоретической, так и практической педагогике.*

***Ключевые слова:** чат-бот, цифровизация образования, образовательные технологии, интерактивное обучение, чат-бот-приложение, автоматизация учебного процесса.*

***Для цитирования:** Данилина Е.К. Обучение с помощью технологии чат-бот: терминология и общая характеристика // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/154-162>. EDN: <https://elibrary.ru/MBXONF>*

Original article

Chatbot technology education: terminology and general characteristics

Ekaterina K. Danilina

Far Eastern Federal University

Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article discusses theoretical aspects of chatbot technology application in education, with an emphasis on terminology. The research aims to thoroughly examine existing concepts and develop an approach for incorporating chatbots into teaching and learning. By analyzing chatbot terminology, the study provides a better understanding of the role of chatbots in*

educational settings. It also offers an overview of chatbot use cases from both university institutions and the private sector. The successful examples demonstrate how chatbots can enhance both curricular and cross-curricular learning experiences, support the educational process, facilitate interaction between students and teachers, and increase motivation and creativity. The research is based on a review of academic and methodological literature. To obtain the results, the methods of theoretical analysis, synthesis, systematization, comparison and specification were employed. The study reveals effective practices and a wide range of possibilities for the implementing chatbots in education, highlighting their potential to improve the quality of teaching and learning. The study also introduces a new concept of learning with chatbot technology. The results obtained can be applied in both theoretical and practical pedagogy.

Keywords: chatbot, digitalization of education, educational technologies, interactive teaching and learning, chatbot application, automation of educational process.

For citation: Danilina E.K. Chatbot technology education: terminology and general characteristics // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16, № 4. P. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/154-162>. EDN: <https://elibrary.ru/MBXONF>

Введение

Современные реалии, стремительное развитие технологий, в том числе и тех, что применяются в образовании, привели к тому, что в цифровизации XXI в. на данный момент выделяют 2 этапа: социально-коммуникативный и деятельностно-коммуникативный [1]. Это обуславливает совершенствование форм, средств, технологий обучения. Технологии искусственного интеллекта, включая технологию чат-бот, приобретают значительную популярность и в сфере образования. В отличие от традиционного подхода к обучению, а также более прогрессивных форм, например дистанционного обучения, которое достигло пика своей популярности во время пандемии, обучение с помощью технологии чат-бот дает новые возможности для создания более гибкого и эффективного учебного процесса, предоставляя адаптивные и персонализированные практики обучения за счет диалогового подхода для активного взаимодействия и получения обратной связи в режиме реального времени. Чат-боты в данном случае выступают не просто как инструменты автоматизации, но и как активные партнеры в образовательном процессе, способные адаптироваться к потребностям и стилю обучения каждого конкретного студента. Это обуславливает необходимость тщательного изучения и внедрения в образовательные практики теоретических и практических аспектов технологии чат-бот. Понимание ключевых понятий и общей характеристики данной технологии является основой для создания инновационных образовательных решений, которые могут существенно повысить качество и доступность образовательных услуг. Изучение теоретических вопросов касательно применения технологии чат-бот в сфере обучения необходимо для выявления её возможностей, ограничений и перспектив, а также для моделирования эффективных стратегий ее применения в учебно-воспитательном процессе. Это доказывает актуальность поднимаемого вопроса.

Цель исследования – систематизация существующих понятий и конкретизация отдельных вопросов обучения при помощи технологии чат-бот.

Цель определила следующие задачи:

- 1) проанализировать научно-методическую литературу по вопросу технологии чат-бот в сфере образования;
- 2) раскрыть сущность понятия обучения с помощью технологии чат-бот и предложить его характеристику;

3) рассмотреть наиболее интересные практики использования данной технологии в обучении.

Объект исследования – информатизация сферы образования; *предмет* – теоретические и практические аспекты обучения при помощи технологии чат-бот.

Технология чат-бот в обучении рассматривается с различных сторон во многих работах отечественных и зарубежных исследователей. Вопросы интеграции искусственного интеллекта поднимаются в работах Л.В. Капустиной [2], И.Ю. Лавриенко [3] и др. Исследованию вопроса применения чат-ботов при различных формах обучения посвящены работы Л.С. Есиной [4], С.С. Гречихина [5] и др. Из зарубежных авторов стоит отметить, например, Ч. Кули [6], М. Элиди [7], которые говорят о последних достижениях в области практики внедрения чат-ботов в обучение, поднимают этические вопросы. Несмотря на растущий интерес к данной проблеме и широкое ее освещение, в научно-методической литературе остаются недостаточно раскрытыми вопросы о систематизации терминологии и характеристиках чат-ботов, а также обучении с их помощью, что может затруднять интеграцию и использование технологии в образовательных практиках.

Статья представляет собой аналитическую работу, где предпринята попытка обобщить сведения о технологии чат-бот в образовании, систематизировать данные о дидактических свойствах и функциях технологии, конкретизировать понятие обучения при помощи технологии чат-бот, рассмотреть практические решения применения чат-ботов в учебно-воспитательном процессе.

Методы исследования. Материалом для исследования послужила научно-методическая литература по проблеме использования образовательных технологий в современном учебном процессе. В работе использованы такие общетеоретические методы педагогического исследования, как теоретический анализ, синтез, систематизация, сравнение и конкретизация. Работа построена в соответствии с основными принципами научно-педагогического исследования.

Основная часть

Бот (сокращение от слова «робот») – это программа, выполняющая автоматические, заранее настроенные повторяющиеся задачи [8]. На данный момент определенный термина «чат-бот» много, но все они говорят о том, что чат-бот – это виртуальный помощник. Например, технологию чат-бот рассматривают как: программу, которая «выполняет автоматически или по определенному алгоритму различные действия через интерфейсы, предназначенные для людей» [9]; виртуальную машину, которая запрограммирована для общения с пользователями; программу, создаваемую на основе технологий машинного обучения и нейросетей [10]. Технология чат-бот рассматривается как программа, которая позволяет «с помощью текстовых и аудиосообщений имитировать общение с человеком» [11].

Развитие самой технологии относят к 1960-м гг. и связывают ее с разработкой и внедрением в психотерапевтическую практику робота Элиза. Всего же в развитии технологии чат-бот выделяют три этапа: 1) исследование возможности создания интерфейса естественного языка; 2) распространение всемирной сети Интернет; 3) разработка чат-ботов с применением технологий естественного языка, синтеза речи и видео в реальном времени [12]. С массовым распространением мессенджеров в 2010-х гг., а также активным использованием нейросетей наблюдается стреми-

тельное распространение чат-ботов в различных сферах жизни; в основном это сферы услуг, онлайн-торговли, развлечений.

Изначально чат-бот – педагогическое программное средство, однако, попав в сферу образования, данная технология все активнее используется на разных уровнях образования и с различными дидактическими задачами, как для организации обучения в государственном или частном секторе, так и для самообразования.

Чат-боты различают в соответствии с подходами к обработке естественного языка: предобученные, основанные на моделях глубокого обучения: необучаемые, для которых необходим тщательно продуманный сценарий диалога «бот – клиент». Выделяют также гибридные боты, которые сочетают элементы вышеназванных моделей. Для таких ботов характерен прописанный сценарий диалогов, при этом возможно использование искусственного интеллекта для распознавания некоторых запросов пользователей. В сфере образования используются все три модели технологии чат-бот, однако наиболее распространенные – необучаемые и гибридные. Доступные на данный момент сайты-конструкторы позволяют любому желающему, не обладающему навыками программирования, спроектировать и реализовать на выбранной площадке обучающий чат-бот. Наиболее популярными платформами для создания чат-ботов являются, например, Flow.ai, RoboChat, Aimylogic. Более продвинутые варианты чат-ботов можно получить, обладая навыками использования некоторых языков программирования, например Python или Java.

Подробно группы чат-ботов описаны в работе М.Ю. Готовой, Е.А. Самохваловой [13]. Авторы также говорят о классификации чат-ботов по параметрам: сложность, виды использования, конфиденциальность. В сфере образования исследователями выделено два типа чат-ботов: обладающие и не обладающие «образовательной интенциональностью», где первые реализуются в рамках социально-конструктивистского сценария преподавания и обучения, а вторые основаны на бихевиористском и когнитивистском подходах к обучению [Там же].

На уровне школьного и университетского образования технология чат-бот в настоящее время заходит постепенно, преимущественно в экспериментальных проектах, которые все еще находятся на стадии совершенствования. Тем не менее стоит выделить некоторые заслуживающие внимания практики. Данная технология применима для развития и совершенствования знаний, умений и навыков в различных предметных областях. Считается, что наибольшее распространение технология получила в сфере обучения языкам. Некоторые практики зарубежного опыта представлены в работе П.В. Сысоева [14]. Это, например, обучение речевому общению посредством чат-бота Siri, виртуального помощника Lyra. В отечественной практике можно отметить методические рекомендации Н.Б. Милявской, где предлагаются типы и формулировки заданий, «содержащие не только указания дидактического, но и мотивационного свойства» [15]. Например, участие в ситуативных диалогах, проведение ролевых игр, объяснение новых учебных тем, проверки и исправления ошибок в заданиях. Разработанный и апробированный на практике чат-бот @Speak_League [16] показал свою эффективность в формировании грамматической компетенции при изучении английского языка уровня B2. Бот включает в себя теоретический и практический блоки с мгновенной обратной связью. Приблизительно по такому же принципу сконструирован экспериментальный бот MyRUSkeybot, который позволяет пользователям обогащать лексический запас русского языка [17]. В обучении естественно-научным дисциплинам практика проектирования и исполь-

зования чат-бота для дистанционного тестирования описана в работе Е.В. Игониной [18]. По результатам апробации авторы приходят к выводу о том, что при дистанционном тестировании вполне возможно расширение функционала описываемой технологии, в том числе добавление тестов на выбор из нескольких дисциплин.

В практике самообразования и саморазвития технология чат-бот применяется в основном как вспомогательный инструмент. Кроме обучения предметным знаниям и тренировки необходимых навыков и умений, в высших учебных заведениях экспериментируются чат-боты, направленные на повышение мотивации в освоении будущей профессии [19], развитие навыков самостоятельности, креативности и проч. [20].

На данный момент наиболее распространены и уверенно функционируют на университетском уровне чат-боты организационного и информационно-справочного характера. Например, разработки университетов СПбГУ, РАНХиГС [21, 22].

Примером частных проектов могут служить как обучающие, так и необучающие чат-боты. Например, Duolingo или AndyRobot помогают освоить иностранный язык; Orfrobot следит за орфографией, учит правильному написанию; Livelibot оказывает помощь в поиске необходимой литературы.

Подводя итоги анализу обучающих возможностей технологии чат-бот, М.Ю. Глотова, Е.А. Самохвалова выделяют наиболее распространенные роли бота как ассистента преподавателя: FAQ-бот (консультант), LMS-бот, бот-наставник, бот-репетитор, бот-ментор, бот-симулятор, бот-практик, бот-психолог [13]. Можно заметить, что технология чат-бот достаточно уверенно входит в систему образования, охватывая все больший круг задач, уровней и форм образования.

Представленный ранее термин «роботизированное обучение» (robot-assisted learning, r-learning) понимается как использование образовательных (физических) роботов в целях обучения [23]. К такому понятию вполне возможно отнести и обучение с помощью чат-ботов. Однако термин «роботизированное обучение» в таком случае будет рассматриваться шире, соответственно, требует конкретизации. При этом целесообразно говорить именно о технологии чат-бот в общем, так как это понятие охватывает все типы технологии чат-бот.

Таким образом, вполне возможно говорить о технологии обучения, которую можно обозначить через термин «чат-бот-опосредованное обучение». Учитывая всю характеристику технологии, данное понятие можно раскрыть следующим образом: *чат-бот-опосредованное обучение* – это технология обучения, основанная на использовании интерактивных диалоговых средств информационно-коммуникационных технологий, которая предполагает изменение традиционного канала педагогического взаимодействия и расширяет возможность подачи объема и формы учебного материала, а также контроля за сформированностью навыков за счет интерактивных и адаптивных характеристик самого средства обучения. Преподаватель задает цель и схему учебного процесса, а студент напрямую взаимодействует с виртуальным посредником для достижения поставленной цели. Кратко существенные характеристики такой технологии обучения представлены в табл. 1.

Обладая свойствами, характерными для различного вида ресурсов и технологий, например электронные образовательные ресурсы, цифровые образовательные ресурсы, информационно-коммуникационные технологии, технология чат-бот тем не менее обладает некоторыми, присущими ей, свойствами. В целом к дидактическим свойствам технологии чат-бот можно отнести такие, как доступность в любое время суток, доступность на мобильных устройствах, индивидуальность (персонализация), интерактивность, адаптивность, возможность редактирования контента

(для необучаемых и гибридных моделей), мультимедийность, сохранение истории запросов, возможность сбора и анализа статистических данных, возможность текстовой и голосовой коммуникации.

Таблица 1

Сущностные характеристики чат-бот-опосредованного обучения

Цель	Сущность	Механизм
<p>Всестороннее развитие личности через: персонализированную, интерактивную и доступную помощь в учебно-воспитательном процессе; мотивацию и обеспечение поддержки в освоении учебного материала; проверку знаний и развитие необходимых предметных и надпредметных навыков</p>	<p>Самостоятельная (чаще индивидуальная) работа, направленная на формирование необходимых предметных и надпредметных знаний и навыков за счет целенаправленного и последовательного решения поставленных задач и взаимодействия с виртуальным помощником</p>	<p>Индивидуальный темп обучения; адаптивный подход; вовлечение в различные виды деятельности; методы активного обучения; методы интерактивного обучения</p>

Технология чат-бот обладает различными дидактическими функциями. К таким функциям можно отнести: информатизацию учебного процесса, формирование информационной культуры субъектов учебного процесса, организационную и справочно-информационную поддержку, индивидуализацию учебного процесса, реализацию технологии интерактивного и адаптивного обучения, мгновенную обратную связь, развитие умений самостоятельной деятельности, развитие познавательной деятельности, мотивацию.

Таким образом, применение технологии чат-бот в обучении представляет собой мощный инструмент, который сочетает в себе возможности интерактивного и адаптивного обучения, делая процесс обучения более доступным, персонализированным и эффективным.

Заключение

Безусловно, технология чат-бот не могут заменить преподавателя, несмотря на коммуникативную направленность и диалоговую форму. Однако на данный момент она является одним из перспективных направлений в развитии современных образовательных технологий, так как вполне отвечает интересам современного поколения. Дидактические и методические характеристики технологии чат-бот позволяют преобразовать формы организации учебного процесса, и, возможно, обучение с помощью чат-ботов выйдет на новый уровень: от посредника, средства обучения к самостоятельной форме обучения. Научная новизна исследования заключается в том, что предложено определение, характеризующее развивающееся на данный момент направление в образовании, а именно обучение при помощи технологии чат-бот, а также некоторые его сущностные характеристики.

Теоретической значимостью работы могут считаться систематизация и уточнение теоретических вопросов по поднимаемой проблематике, включая терминологию и характеристики технологии чат-бот и обучения при помощи чат-ботов. Практическая значимость может заключаться в том, что данные, обозначенные в работе, могут быть использованы как при дальнейшем изучении отдельных вопросов, связанных с технологией чат-бот, так и в практике преподавания. Перспективой для дальнейших исследова-

ний видится изучение вопросов, связанных с детализацией отдельных ролей технологии чат-бот в образовании, уточнении ее методических функций.

Список источников

1. Титова С.В., Староверова М.В. Этапы цифровизации языкового образования в XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 31.
2. Капустина Л.В., Ермакова Ю.Д., Каложная Т.В. Chat GPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Концепт. 2023. № 10. С. 119–132. URL: <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11099>
3. Лавриненко И.Ю. Использование чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. № 12 (2). С. 18–25. URL: <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-2-18-25>
4. Есина Л.С. Внедрение чат-ботов в преподавание и изучение иностранных языков // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 201–204. URL: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-2105-201-204>
5. Гречихин С.С. Дистанционное обучение с помощью образовательных чат-ботов в современных мессенджерах // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 66–68.
6. Kooli C. Chatbots in education and research: a critical examination of ethical implications and solutions // Sustainability. 2023. № 15. URL: <https://doi.org/10.3390/su15075614>
7. Aleedy M., Atwell E. Using AI chatbots in education: recent advances, challenges and use case // Artificial intelligence and sustainable computing: proceedings of ICSISCET. 3rd International Conference on Sustainable and Innovative Solutions for Current Challenges in Engineering & Technology ICSISCET. 13–14 ноября 2021. Springer Singapore, 2021. С. 661–675. URL: https://doi.org/10.1007/978-981-19-1653-3_50
8. Что такое боты – определение и описание // Официальный сайт Лаборатории Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-are-bots>
9. Симакова А.Е., Алексеева Г.А. Использование чат-бота в мессенджерах // Россия молодая: сб. матер. XII Всерос., науч.-практ. конф. молодых ученых с международным участием. Кемерово, 2020. URL: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2020/RM20/pages/Articles/21124.pdf>
10. Салаватова Ю.В., Костомарова А.С. Технологии создания чат-ботов с помощью онлайн сервисов // Наука молодых – будущее России: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч. конф. перспективных разработок молодых ученых. В 8 т. 2019. С. 158–162.
11. Ибрагимова З.М., Ткаченко А.Л., Джамалдинова М.А. Использование чат-ботов в образовательном процессе // Pedagogical Journal. 2022. Т. 12, вып. 6А, ч. II. С. 741–746.
12. Кадеева О.Е., Сырицына В.Н. Чат-боты и особенности их использования в образовании // Информатика в школе. 2020. (10). С. 45–53. URL: <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2020-19-10-45-53>
13. Глотова М.Ю., Самохвалова Е.А. Перспективы внедрения чат-ботов в образование // Школа будущего. 2020. № 4. С. 72–87.
14. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник ТГУ. 2023. № 1. С. 66–71.
15. Милявская Н.Б. Практические рекомендации по использованию чат-ботов в процессе обучения иностранным языкам // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2023. № 4 (20). С. 112–120. URL: <https://koigojournal.ru/realises/g2023/26dec2023/kvo411/>
16. Авраменко А.П., Ахмедова А.С., Буланова Е.Р. Технология чат-ботов как средство формирования иноязычной грамматической компетенции при самостоятельном обу-

- чений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 2. С. 386–394.
17. Биккулова О.С., Ивкина М.И. Чат-бот в методике преподавания РКИ // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 91–96.
  18. Игонина Е.В. Об особенностях организации дистанционного тестирования обучающихся с помощью чат-ботов // E-Scio. 2020. № 12 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-organizatsii-distantsionnogo-testirovaniya-obuchayuschihsya-s-pomoschyu-chat-botov>
  19. Тищенко А.А. Разработка чат-бота в качестве виртуального помощника для мотивации студентов к получению профессии // Эргодизайн. 2021. № 2 (12). С. 141–144.
  20. Маркова Г.А. Образовательный потенциал цифровой программы-собеседника «чат-бот» в управлении развитием креативности студентов // Pedagogical Journal. 2022. Т. 12, вып. 6А, ч. II. С. 850–856.
  21. Чат-бот СПбГУ ответит на вопросы о поступлении в Университет. URL: <https://abiturient.spbu.ru/news/chat-bot-spbgu-otvetit-na-nbsp-voprosy-o-nbsp-postuplenii-v-nbsp-universitet/>
  22. В состав приемной комиссии СЗИУ РАНХиГС вошел бот с искусственным интеллектом. URL: <https://spb.ranepa.ru/news/v-sostav-priyomnoj-komissii-sziu-ranhigs-voshyol-bot-s-iskusstvennym-intellektom/>
  23. Randall N. A survey of Robot-Assisted Language Learning (RALL) // ACM Transactions on Human-Robot interaction. 2020. Вып. 9, № 1. С. 1–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/337913193_A_Survey_of_Robot-Assisted_Language_Learning_RALL

References

1. Titova S.V., Staroverova M.V. Stages of digitalization of language education in the XX–XXI centuries. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 2023; (3): 31.
2. Kapustina L.V., Ermakova Y.D., Kalyuzhnaya T.V. Chat GPT and education: eternal confrontation or possible cooperation? *Concept*. 2023; (10): 119–132. URL: <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11099>
3. Lavrinenko I.Y. Using GPT chatbots in teaching English at a non-linguistic university: theoretical aspect. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2023; 12 (2): 18–25. URL: <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-2-18-25>
4. Esina L.S. Implementation of chatbots in teaching and learning foreign languages. *World of science, culture, education*. 2024; 2 (105): 201–204. URL: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-2105-201-204>
5. Grechikhin S.S. Distance learning using educational chatbots in modern messengers. *Baltic Humanitarian Journal*. 2020; 9 (3 (32)): 66–68.
6. Kooli C. Chatbots in education and research: a critical examination of ethical implications and solutions. *Sustainability*. 2023; (15). URL: <https://doi.org/10.3390/su15075614>
7. Aleedy M., Atwell E. Using AI chatbots in education: recent advances, challenges and use case. *Artificial intelligence and sustainable computing: proceedings of ICSISCET. 3rd International Conference on Sustainable and Innovative Solutions for Current Challenges in Engineering & Technology ICSISCET. 13–14 November 2021*. Springer Singapore; 2021. P. 661–675. URL: https://doi.org/10.1007/978-981-19-1653-3_50
8. What are bots – definition and description. *Official website of Kaspersky Lab*. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-are-bots>
9. Simakova A.E., Alekseeva G.A. Using a chat bot in instant messengers. *Young Russia. Collection of materials of the XII All-Russian, scientific and practical conference of young scientists with international participation*. Kemerovo; 2020. URL: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2020/RM20/pages/Articles/21124.pdf>

10. Salavatova Y.V., Kostomarov A.S. Technologies for creating chatbots using online services / Yu.V. Salavatova, A.S. Kostomarov. *Science of the young is the future of Russia. Collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists. In 8 volumes.* 2019: 158–162.
11. Ibragimova Z.M., Tkachenko A.L., Dzhamaldinova M.A. Using chatbots in the educational process. *Pedagogical Journal.* 2022; 12 (6A (II)): 741–746.
12. Kadeeva O.E., Syrityna V.N. Chatbots and features of their use in education. *Computer science at school.* 2020; (10): 45–53. URL: <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2020-19-10-45-53>
13. Glotova M.Y., Samokhvalova E.A. Prospects for the introduction of chatbots in education. *School of the Future.* 2020; (4): 72–87.
14. Sysoev P.V., Filatov E.M. Chatbots in teaching a foreign language: advantages and controversial issues. *Bulletin of TSU.* 2023; (1): 66–71.
15. Milyavskaya N.B. Practical recommendations for the use of chatbots in the process of teaching foreign languages. *Scientific and methodological electronic journal "Kaliningrad Bulletin of Education".* 2023; 4 (20): 112–120. URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2023/26dec2023/kvo411/>
16. Avramenko A.P., Akhmedova A.S., Bulanova E.R. Chatbot technology as a means of forming foreign language grammatical competence in independent learning. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities.* 2023; 28 (2): 386–394.
17. Bikkulova O.S., Ivkina M.I. Chatbot in the methodology of teaching Russian as a foreign language. *The World of the Russian Word.* 2021; (1): 91–96.
18. Igonina E.V. On the features of organizing distance testing of students using chatbots. *E-Scio.* 2020; 12 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-organizatsii-distantcionnogo-testirovaniya-obuchayuschih-s-pomoschyu-chat-botov>
19. Tishchenko A.A. Development of a chatbot as a virtual assistant to motivate students to obtain a profession. *Ergodesign.* 2021; 2 (12): 141–144.
20. Markova G.A. Educational potential of the digital interlocutor program "chatbot" in managing the development of students' creativity. *Pedagogical Journal.* 2022; 12 (6A (II)): 850–856.
21. Chatbot of St. Petersburg State University will answer questions about admission to the University. URL: <https://abiturient.spbu.ru/news/chat-bot-spbgu-otvetit-na-nbsp-voprosy-o-nbsp-postuplenii-v-nbsp-universitet/>
22. A bot with artificial intelligence has joined the Admissions Committee of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://spb.ranepa.ru/news/v-sostav-priyomnoj-komissii-sziu-ranhigs-voshyol-bot-s-iskusstvennym-intellektom/>
23. Randall N. A survey of Robot-Assisted Language Learning (RALL). *ACM Transactions on Human-Robot interaction.* 2020; 9 (1): 1–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/337913193_A_Survey_of_Robot-Assisted_Language_Learning_RALL

Информация об авторе:

Данилина Екатерина Константиновна, ст. преподаватель, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, ekaterina.danilina@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/154-162>

EDN: <https://elibrary.ru/MBXONF>

Дата поступления:
28.08.2024

Одобрена после рецензирования:
02.09.2024

Принята к публикации:
21.10.2024

.....

Технические науки

.....

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 163–173
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 163–173

Научная статья
УДК 687.021
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/163-173>
EDN: <https://elibrary.ru/MBWHRU>

О регулировании состояния организма человека компрессионным трикотажем

Гусева Марина Анатольевна
Гетманцева Варвара Владимировна
Усова Анна Сергеевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
Москва, Россия

***Аннотация.** Наделение одежды функциями регулирования состояния организма человека ранее было актуально лишь для космической медицины. В настоящее время апробированные в космосе инновации успешно проецируют на ассортимент швейной продукции для широкой потребительской аудитории. Растет востребованность одежды, уплотняющей мягкие ткани тела. Подобные изделия применимы для эстетической коррекции фигуры и лечебной компрессии, для стимулирования мышечных сокращений и регулирования теплообмена в спортивной одежде и ортопедическом белье. Популяризируется швейная продукция с функцией мониторинга состояния организма человека. В составе «умного текстиля» – токопроводящие нити, способные отслеживать физиологические импульсы и быть источником электропитания для гаджетов. Представлен обзор инновационных технологий проектирования швейных изделий медицинской и бытовой направленности в области контроля за стрессовыми состояниями организма человека.*

***Ключевые слова:** одежда, функциональность, диагностика, кровяное давление, мониторинг, компрессия.*

***Для цитирования:** Гусева М.А., Гетманцева В.В., Усова А.С. О регулировании состояния организма человека компрессионным трикотажем // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 163–173. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/163-173>. EDN: <https://elibrary.ru/MBWHRU>*

.....

Technical sciences

.....

Original article

On regulating the condition of the human body using compression hosiery

Marina A. Guseva
Varvara V. Getmantseva
Anna S. Usova

The Kosygin State University of Russia
Moscow, Russia

© Гусева М.А., 2024
© Гетманцева В.В., 2024
© Усова А.С., 2024

Abstract. *Providing clothing with the functions of regulating the state of the human body was previously relevant only for space medicine. Currently, innovations tested in space are successfully applied in the range of clothing products for a wide consumer audience. There is a growing demand for clothing that tightens the soft tissues of the body. Such products are applicable for aesthetic body correction and therapeutic compression, for stimulating muscle contractions and regulating heat transfer in sportswear and orthopedic underwear. Sewing products with the function of monitoring the condition of the human body are becoming popular. "Smart textiles" contain conductive threads that can track physiological impulses and serve as a power source for gadgets. The article presents an overview of innovative technologies for designing medical and household sewing products in the field of monitoring stress conditions of the human body.*

Keywords: *clothing, functionality, diagnostics, blood pressure, monitoring, compression.*

For citation: *Guseva M.A., Getmantseva V.V., Usova A.S. On regulating the condition of the human body using compression hosiery // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 163–173. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/163-173>. EDN: <https://elibrary.ru/MBWHRU>*

Введение

Влияние научно-технического прогресса на индустрию моды воплощается в новых стилевых решениях [1], инновационной структуре материалов и расширении функционала одежды [2].

Современные потребители знакомы со швейной продукцией, наделенной «умными» свойствами [3], в числе которых мониторинг физиологических импульсов, связанных с артериальной гипертензией. Распространенность среди населения заболеваний сердечно-сосудистой системы сформировала в обществе новые подходы к лечению и профилактике этого недуга [4]. Согласно зарубежной медицинской статистике, к 2025 г. диагноз «гипертония» прогнозируется у 1,6 млрд человек [5]. Одной из причин развития артериальной гипертензии называют повышенную гидратацию мягких тканей организма [6]. Колебание кровяного давления – наиболее распространенное стрессовое состояние организма человека. В основе его повышения (гипертония) и понижения (гипотония) лежат мышечная гипертрофия, атеросклероз, утрата сократительной функции как мышечного, так и эндотелиального слоя оболочки сосудов [4]. Ранняя диагностика болезни и профилактика являются гарантией положительного исхода лечения. В комплекс профилактических мер включены специальные предметы одежды, обладающие свойствами контролируемой компрессии мягких тканей тела человека, что косвенно способствует тренировке сосудистой системы.

Повышенная гидратация мягких тканей организма характерна для людей с различными заболеваниями [7]. Помимо медикаментозных программ лечения, многим пациентам рекомендуют ношение специального медицинского трикотажа сильной компрессии. Ожидаемый от сдавливания мягких тканей тела эффект – стимулирование положительного перераспределения объема жидкости в организме, в том числе в лимфотоке.

Ношение компрессионного трикотажа показано людям с варикозным расширением вен нижних конечностей, при флебопатии, лимфодерме (лимфатические отеки), после склеротерапии, в послеоперационный период (полостные операции, лапароскопия).

Одежда из эластичных материалов востребована в качестве спортивного гардероба. В швейных изделиях для спорта важны эластичность оболочки, восстановление ее формы после нагрузок растяжения / сжатия, компрессия мягких тканей и стимулирование кровотока в мышечном каркасе тела.

Исследование проблемы и постановка задачи

Пониженный тонус сосудов, вызванный переутомлением, характерен для жителей мегаполисов и крупных городов. Похожие стрессовые состояния, влияющие на функционирование сердечно-сосудистой системы, испытывают космонавты и летчики при перегрузках и отсутствии гравитации. В «космический» гардероб входят специальные костюмы, назначением которых является разгрузка организма человека в условиях невесомости и в ранний период после приземления.

Адаптация успешных разработок космической отрасли в конструктивно-технологические решения одежды для широкого круга потребителей с артериальной гипертензией и повышенной гидратацией мягких тканей в организме является перспективным и реализуемым проектом.

Цель исследования – анализ научных знаний в области регулирования специальной одеждой изменений в сердечно-сосудистой системе человека, тренировке мышечного тонуса, коррекции формы тела при сбоях водного обмена в организме.

Результаты исследования

Одежда представляет собой оболочку, степень прилегания которой к телу формируется многими факторами, в числе которых мода, свойства материалов, назначение изделия, функциональность и др.

Основная часть

Исследование функциональности некоторых компрессионных швейных изделий из гардероба космонавтов

Для поддержания здоровья и работоспособности космонавтов при длительном пребывании на орбитальных станциях и после возвращения на Землю специалистами государственной корпорации «Роскосмос» и Государственного научного центра Российской Федерации – Института медико-биологических проблем РАН (ИМБП) разработаны специальные тренировочно-нагрузочные костюмы (ТНК), помогающие организму человека адаптироваться к стрессовым условиям невесомости.

Длительное отсутствие земного тяготения негативно сказывается на сердечно-сосудистой и костно-мышечной системах космонавтов. Исчезновение гравитации приводит к нарушениям системного кровообращения [8] и, как следствие, к отекам, приливу жидкости и крови к голове, шее и верхним отделам туловища. Основным последствием невесомости является развитие расстройства ортостатической устойчивости на фоне снижения сопротивления кровотоку в бедренных артериях [9]. Для уменьшения объема перераспределяемой в организме жидкости в орбитальный гардероб космонавтов включены специальные швейные изделия – пережимные манжеты «Браслет-МК» [10]. Компрессионные манжеты изготовлены из эластичного материала (рис. 1а), разработанного Литовским текстильным институтом. Специальный трикотаж состоит из сплетения толстых полиуретановых нитей и капрона, что позволяет ему хорошо растягиваться без остаточной деформации. При надевании на верхнюю треть бедренного участка ноги «Браслет-МК» создаёт окклюзионное давление до 30 мм рт. ст. [10, с. 38], чем купирует перемещение крови в нижней половине тела, стабилизируя состояние сосудистой системы. По наблюдениям космонавтов, положительным эффектом от использования данного профилактического швейного изделия становится снижение головной боли и отечности мягких тканей лица и верхней части тела. Оценивая профилактическое действие манжет «Браслет-МК», специалисты ИМБП указывают на кратковременность изменения гемодинамики у космонавтов и слабую выраженность периода адаптации к стрессовым условиям невесомости.

Другое профилактическое швейное изделие – тренировочно-нагрузочный костюм «Кентавр», состоящий из шорт (рис. 1б, в) и гетр (рис. 1в). «Кентавр» изготовлен из того же материала, что и пережимные манжеты; включает подкладку и уплотнения в определенных местах и силовые металлические молнии. Действие этого изделия противоположно браслетам: одежда помогает космонавтам приспособиться к притяжению Земли. Основная функция ТНК – выталкивание крови наверх по сосудам, что имитирует действие гравитации. Наличие боковой шнуровки позволяет космонавтам регулировать степень компрессии «Кентавра», сохраняя комфорт.

Рис. 1. Профилактические компрессионные швейные изделия:
а – пережимные манжеты «Браслет-МК»; б – шорты тренировочно-нагрузочного костюма «Кентавр» (вид спереди); в – шорты ТНК «Кентавр» (вид сзади); г – гетры ТНК «Кентавр»

Рис. 2. Модели профилактических и тренировочных костюмов космонавтов:
а – «Пингвин»; б – «Чибис»

Профилактический нагрузочный костюм (ПНК) «Пингвин» (рис. 2а) включает комбинезон с натяжным устройством, соединенным с ботинками. Функцией ПНК «Пингвин» является профилактика мышечной дистрофии, а средствами ее осуществления – эластичные вставки и резиновые шнуры-амортизаторы, создающие тягу от носка ботинка к поясу костюма (разработчик – АО «НПП «ЗВЕЗДА» им. Академика Г.И. Северина»). В брюках тренировочного костюма «Чибис» (рис. 2б) встроенной воздушно-вакуумной системой создается отрицательное давление; подобная компрессия заставляет кровь двигаться от головы к ногам. Костюм предназначен для тренировок организма космонавта перед возвращением на Землю.

Изделия «космического» гардероба эксплуатируют на орбите, при спуске и на Земле. Время ношения полного комплекта тренировочно-нагрузочного костюма «Кентавр» в земных условиях составляет от трех дней, затем рекомендовано постепенно снижать компрессию. На конечном этапе (через 7 дней после приземления) оставляют только гетры, которые носят еще неделю с профилактической целью предотвращения варикозного расширения вен.

Исследования функциональности некоторых компрессионных швейных изделий медицинского и спортивного назначения

Для удовлетворения потребностей населения в функциональной швейной продукции специалисты легкой промышленности проводят исследования применимости эластичных материалов в компрессионной одежде различного назначения.

Исследованиями И.В. Тисленко и В.Е. Кузьмичева установлено, что для одежды со средним компрессионным эффектом применимы материалы III группы растяжимости, оказывающие давление в 2000–3300 Па [11]. Подобный трикотаж используют в производстве повседневной, спортивной и медицинской швейной продукции. Максимальное давление одежды на тело (более 3300 Па) реализуемо в эластичных материалах IV группы растяжимости, применяемых для изготовления изделий, корректирующих осанку (корсеты), нарушение лимфотока (бандажи, специальное белье, корсеты, компрессионные рукава и манжеты) [12]. Например, особенностью проектирования ортопедических бюстгалтеров, предназначенных для женщин после мастэктомии (рис. 3), является наличие специальных карманов в деталях чашек для размещения экзопротезов [13] и эластичных вставок по боковым участкам изделий, обеспечивающих компрессию мягких тканей [14] для минимизации проявления лимфатических послеоперационных отеков. В современных конфекцион-пакетах ортопедических бюстгалтеров в качестве эластичных материалов применяют ламинат (вспененный полиуретан), особая структура которого позволяет в том числе стабилизировать форму чашек со стороны утраченной грудной железы.

Рис. 3. Модели ортопедических бюстгалтеров с компрессионным эффектом

Источник: Фруазетт // Интернет-магазин специализированного белья. URL: <https://fruasette.su/magazin/folder/zhenshchinam>

Частота развития послеоперационной лимфореи составляет 20–85 % [15]. У женщин после мастэктомии локализация лимфореи преобладает на участках подмышечных впадин [16] и верхних конечностей (рис. 4а). Ношение компрессионных рукавов (патент № 126683 РФ. Бандаж-рукав компрессионный на верхнюю конечность: опубл. 03.08.2021 / Михайлов В.В.) является хорошей профилактикой скопления жидкости в полостях, образовавшихся после хирургических вмешательств (рис. 4б).

Рис. 4. Компрессионный трикотаж для профилактики лимфореи:
 а – варианты отеков рук; б – компрессионный рукав

Согласно ГОСТ Р 58236–2020 «Изделия медицинские эластичные компрессионные», в производстве компрессионных рукавов (КР) используют трикотаж двух классов давления: на уровне запястья для 1-го класса допустимый интервал составляет 2–2,8 Па, для 2-го класса – 3,1–4,3 Па. Реализация процесса утягивания мягких тканей верхних конечностей основана на изготовлении изделий из эластичного материала в виде трубчатой оболочки, аппроксимированной круговым цилиндром, конусом либо усеченным эллиптическим параболоидом (рис. 5), при этом переменная ширина изделия меньше размерных признаков рук на соответствующих участках [17]. Исследователи [18] предлагают рассчитывать размеры окружных сечений, используя уравнения эллиптического параболоида, чем достигается наилучший результат перераспределения компрессии, уменьшения давления в направлении от запястья к локтевому и плечевому суставам.

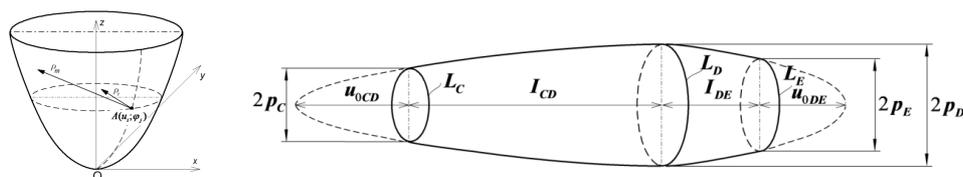

Рис. 5. Модели усеченных эллиптических параболоидов для расчета степени давления медицинских компрессионных рукавов на различных участках

Лимфатические осложнения в 90% случаев наблюдаются также после флебэктомии (удаления фрагментов вен нижних конечностей) [19], а пациенты нуждаются в особых компрессионных чулках, расчет степени компрессии которых выполняют с учетом закономерностей, выявленных при проектировании компрессионных рукавов.

Эластичность трикотажа востребована в спортивной и бытовой корректирующей одежде. Размеры, форму и расположение в изделиях компрессионных элементов проектируют в зависимости от желаемой функциональности. Так, для коррекции формы ягодиц, бедра и голени эластичные элементы могут охватывать конечности петлеобразно (патент № 211563 РФ. Предмет одежды для нижней части тела: опубл. 14.06.2022, бюл. 17 / Иванова А.А.) или U-образно (патент № 211569 РФ. Предмет одежды для нижней части тела: опубл. 14.06.2022, бюл. 17 / Иванова А.А.). В отдельных видах спорта (ходьба, марафонский бег) нежелателен тепловой эффект, производимый одеждой, изготовленной из материалов плоскостной

компрессии, поскольку следствием длительной мышечной работы может стать перегрев организма. Для таких изделий разработан эластичный материал с локальной компрессией, воздействие которого не изменяет циркуляцию крови в организме (патент № 2530362 РФ. Компрессионная одежда: опубл. 10.10.2014, бюл. 28 / Ламбертц Бодо В.). Средства компрессии представляют собой различной формы перемычки на материале, образованные посредством увеличения его толщины (рис. 6).

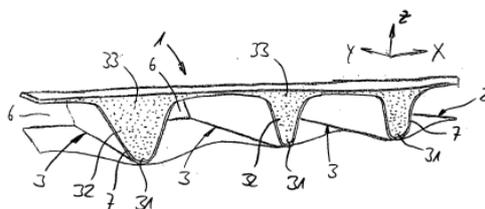

Рис. 6. Пример структуры компрессионного материала, воздействие которого не влияет на циркуляцию крови

Для обеспечения зонированного компрессионного воздействия спортивной одежды с целью получения адгезионной связки между изделием и телом человека предложено наносить на внутреннюю поверхность эластичного материала силиконсодержащие вещества [20]. Биохимическое взаимодействие силиконовой смазки с кожей способствует повышению мышечной активности у спортсмена, что влияет на результативность соревнований [21]. Основными желаемыми эффектами от компрессии тканей тела спортсмена являются: перфузия крови и насыщение мышц кислородом [22], регулируемость мышечной координации, гироскоп и двигательный контроль [23], динамическое равновесие [24], повышение выносливости [25], предупреждение травм.

Современные подходы к проектированию одежды для спорта основаны на расширении ее свойств за счет включения «умных функций» [26–28], в числе которых встроенные датчики температуры, пульса, насыщения крови кислородом и т.д. Наличие вышеперечисленных датчиков – это не просто дань моде; подобный скрининг состояния организма спортсмена необходим для мониторинга самочувствия и своевременного оказания медицинской помощи [29].

В гардеробе корпулентных женщин перспективно применение в качестве одежды первого слоя изделий с плечевой поверхностью (рис. 7), с легкой степенью утягивания мягких тканей [30].

Рис. 7. Макет корсетного изделия с плечевой поверхностью

Исследования опытной носки образцов, изготовленных из трикотажа с высоким содержанием хлопка, конструктивной особенностью которых являются незначительные величины отрицательных прибавок (Пг = 0 см; Пт = –2 см; Пб = –1 см), показали хороший эффект уплотнения рыхлого подкожного жирового слоя на участках живота и спины. Респонденты – женщины с избыточной жировой массой – указали на комфортное состояние в течение всего периода эксплуатации (ежедневно, световой день) и улучшения осанки (легкая компрессия способствует тону мышцам спины и живота).

Заключение

Производство одежды с эффектом компрессии, изготовленной из современных инновационных материалов, направлено на расширение гардероба потребителей швейной продукции различной функциональности. Подбор компрессионной одежды должен осуществляться с учетом потребностей и медицинских рекомендаций, поскольку степень и направление давления влияют на кровоток и перераспределение жидкости в организме, что может способствовать оздоровлению организма или навредить.

Современные исследования, посвященные развитию данного научного направления, охватывают конфекционирование и проектно-конструкторские этапы. Перспективны эксперименты в цифровой среде, моделирующие поведение виртуальных аналогов в трехмерном пространстве, что способствует снижению материалоемкости научных работ и производства.

Список источников

1. Мелая Т.Г., Козлова Т.В. Влияние научно-технического прогресса на моду XX века // Инновации и инвестиции. 2016. № 6. С. 94–100.
2. Гетманцева В.В., Белгородский В.С., Андреева Е.Г. Концепция интеллектуализации проектирования в индустрии моды // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. № 2 (398). С. 140–146.
3. Драгун М.Ю., Саянский Н.А., Струльков В.И. Одежда нового поколения // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 3 (131).
4. Фролова Е.В. Артериальная гипертензия // Вестник Волгоградского медицинского университета. Серия: Лекции. 2010. С. 1–14.
5. Global burden of hypertension: analysis of worldwide data / Kearney P.M. [et al.] // *Lancet*. 2005. Vol. 365. P. 217–223.
6. Литвицкий П.Ф. Нарушения водного обмена // Вопросы современной педиатрии. 2014. Т. 13, № 5. С. 55–77.
7. Чагина Е.А., Турмова Е.П., Ханина Е.Е. Роль в патологии нарушений водно-минерального обмена // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-2 (61). С. 23–30.
8. Катунцев В.П., Филипенков С.Н. Тепловое состояние космонавтов при автоматическом регулировании теплосъема в период внекорабельной деятельности с борта международной космической станции // Медицина экстремальных ситуаций. 2019. № 21 (2). С. 300–310.
9. Фомина Г.А., Котовская А.Р., Темнова Е.В. Динамика сердечно-сосудистых изменений в различные периоды длительного пребывания человека в невесомости // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2009. Т. 43, № 3. С. 11–16.
10. Влияние пережимных манжет «Браслет» на изменения гемодинамики в кратковременных космических полетах и послеполетную ортостатическую устойчивость космонавтов / Г.А. Фомина, А.Р. Котовская, И.Ф. Виль-Вильямс [и др.] // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2004. Т. 38, № 6. С. 36–40.
11. Тисленко И.В., Чен Ч., Кузьмичев В.Е. Методика оценки компрессионной способности материалов для корректирующей одежды // Инновационное развитие легкой и тек-

- стильной промышленности (ИНТЕКС-2016): сб. матер. Всерос. науч. студенческой конф. 2016. С. 28–31.
12. Арсеньева Е.П., Гусева М.А., Андреева Е.Г. Конфекционирование лечебно-бандажного корректирующего изделия для экзопротезирования женщин после мастэктомии // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. 2021. Т. 53, № 3. С. 7–9.
  13. Гусева М.А., Андреева Е.Г., Арсеньева Е.П. Особенности современного проектирования ортопедических бюстгальтеров // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 2. С. 157–167.
  14. Патент № 214659 РФ. Лечебно-бандажное изделие для экзопротезирования женщин после мастэктомии: опубл. 09.11.2022, бюл. 31 / Загурская Ю.А., Арсеньева Е.П., Гусева М.А.
  15. Объёмы и продолжительность лимфореи после хирургических вмешательств на молочной железе / И.М. Вагабова, А.О. Османов, А.Г. Тагирова [и др.] // Вестник Дагестанской государственной медицинской академии. 2017. № 4 (25). С. 43–47.
  16. Анализ внедренных интраоперационных способов профилактики лимфореи после хирургического лечения рака молочной железы / А.Т. Ермаганбетова, А.К. Дигай [и др.] // Онкология и радиология Казахстана. 2014. № 2 (32). С. 43–45.
  17. Надежная Н.Л., Чарковский А.В. Метод расчета давления компрессионного трикотажного изделия // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2012. № 1 (22). С. 72–82.
  18. Разработка конструкции трикотажного компрессионного рукава медицинского назначения / Н.Л. Надёжная, А.В. Чарковский [и др.] // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2014. № 2 (27). С. 53–61.
  19. Гаркуша В.М. Постмастэктомическая лимфорея: современные методы лечения и результаты // Вопросы реконструктивной и пластической хирургии. 2020. Т. 23, № 4 (75). С. 12–20.
  20. Разработка высокофункциональных компрессионных изделий спортивного назначения на основе тенсегрیتی структур для повышения мышечной активности / И.Н. Тюрин, В.В. Гетманцева, Е.Г. Андреева [и др.] // Физика волокнистых материалов: структура, свойства, наукоемкие технологии и материалы (SMARTEX). 2019. № 1-2. С. 97, 98.
  21. О влиянии компрессионных изделий спортивного назначения на состояние человека / И.Н. Тюрин, В.В. Гетманцева, Е.Г. Андреева [и др.] // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2018. № 6 (378). С. 131–140.
  22. McRae B.A., Cotter J.D., Laing R.M. Compression Garments and Exercise: Garment Considerations, Physiology and Performance // *Sports Medicine*. 2011. Vol. 41, № 10. P. 815–843.
  23. Garments, Muscle Contractile Function, and Economy in Trail Runners / F. Vercruyssen, M. Gruet, S.S. Colson [et al.] // *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 2017. Vol. 12, is. 1. P. 62–68.
  24. Michael J.S. What is the effect of compression garments on a balance task in female athletes? / J.S. Michael, S.N. Dogramaci, K.A. Steel, K.S. Graham // *Gait Posture*. 2014. Vol. 39, is. 2. P. 804–809.
  25. Effect of compression garments on short-term recovery of repeated sprint and 3-km running performance in rugby union players / M.J. Hamlin, C.J. Mitchell, F.D. Ward [et al.] // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2012. Vol. 26, is. 11. P. 2975–2982.
  26. Инновационные технологии изготовления «умной одежды» повышенной функциональности: монография / В.В. Гетманцева, И.Н. Тюрин, Е.Г. Андреева, В.С. Белгородский. Москва: Изд. дом «Научная библиотека», 2020. 180 с.
  27. Гетманцева В.В., Иванова М.С. Настоящее и будущее «умных» материалов и «умной» одежды // Все материалы. Энциклопедический справочник. 2023. № 8. С. 37–43.

28. Шахматова Ю.Д., Гусева М.А., Гетманцева В.В. Современные тенденции в проектировании спортивной экипировки // *Костюмология*. 2023. Т. 8, № 3.
29. Азнабаев О.Ф., Петров А.Н. Инновации в сфере физической культуры и спорта // *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 86-8. С. 32–35.
30. Проектирование корсетных изделий для расширения модельного ряда одежды женщин с избыточной массой тела / М.А. Гусева, В.В. Гетманцева, Е.Г. Андреева [и др.] // *Известия вузов. Технология легкой промышленности*. 2023. Т. 63, № 5. С. 31–41.

References

1. Melaya T.G., Kozlova T.V. The influence of scientific and technological progress on the fashion of the twentieth century. *Innovations and investments*. 2016; (6): 94–100.
2. Getmantseva V.V., Belgorodsky V.S., Andreeva E.G. The concept of intellectualization of design in the fashion industry. *News of higher educational institutions. Textile industry technology*. 2022; 2 (398): 140–146.
3. Dragun M.Yu., Sayansky N.A., Strulkov V.I. New generation clothing. *Modern scientific research and innovation*. 2022; 3 (131).
4. Frolova E.V. Arterial hypertension. *Bulletin of Volgograd Medical University. Ser. Lectures*. 2010: 1–14.
5. Global burden of hypertension: analysis of worldwide data / P.M. Kearney [et al.]. *Lancet*. 2005; (365): 217–223.
6. Litvitsky P.F. Disturbances of water metabolism. *Issues of modern pediatrics*. 2014; 13 (5): 55–77.
7. Chagina E.A., Turmova E.P., Khanina E.E. Role in the pathology of water-mineral metabolism disorders. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021; 10-2 (61): 23–30.
8. Katuntsev V.P., Filipenkov S.N. Thermal state of astronauts during automatic regulation of heat removal during extravehicular activity on board the international space station. *Medicine of extreme situations*. 2019; 21 (2): 300–310.
9. Fomina G.A., Kotovskaya A.R., Temnova E.V. Dynamics of cardiovascular changes during various periods of long-term human stay in weightlessness. *Aerospace and environmental medicine*. 2009; 43 (3): 11–16.
10. The influence of "Braslet" pinch cuffs on changes in hemodynamics in short-term space flights and post-flight orthostatic stability of astronauts / G.A. Fomina, A.R. Kotovskaya, I.F. Wil-Williams [et al.]. *Aerospace and environmental medicine*. 2004; 38 (6): 36–40.
11. Tislenko I.V., Chen Ch., Kuzmichev V.E. Methodology for assessing the compression ability of materials for shapewear. *In the collection: Innovative development of the light and textile industry (INTEX-2016). collection of materials from the All-Russian Scientific Student Conference*. 2016: 28–31.
12. Arsenyeva E.P., Guseva M.A., Andreeva E.G. Confectioning of a medical bandage corrective product for exoprosthetics of women after mastectomy. *News of higher educational institutions. Light industry technology*. 2021; 53 (3): 7–9.
13. Guseva M.A., Andreeva E.G., Arsenyeva E.P. Features of modern design of orthopedic bras. *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2022; 14 (2): 157–167.
14. Zagurskaya Yu.A., Arsenyeva E.P., Guseva M.A. Therapeutic bandage product for exoprosthetics of women after mastectomy / Utility model patent No. 214659 RU, publ. 09.11.2022, bulletin. 31.
15. Volumes and duration of lymphorrhea after surgical interventions on the mammary gland / I.M. Vagabova, A.O. Osmanov, A.G. Tagirova [et al.]. *Bulletin of the Dagestan State Medical Academy*. 2017; 4 (25): 43–47.
16. Analysis of implemented intraoperative methods for the prevention of lymphorrhea after surgical treatment of breast cancer / A.T. Ermaganbetova, A.K. Digai [et al.]. *Oncology and radiology of Kazakhstan*. 2014; 2 (32): 43–45.
17. Nadezhnaya N.L., Charkovsky A.V. Method for calculating the pressure of compression knitwear. *Bulletin of Vitebsk State Technological University*. 2012; 1 (22): 72–82.

18. Development of the design of a knitted compression sleeve for medical purposes / N.L. Nadezhnaya, A.V. Charkovsky [et al.]. *Bulletin of Vitebsk State Technological University*. 2014; 2 (27): 53–61.
19. Garkusha V.M. Postmastectomy lymphorrhea: modern treatment methods and results. *Issues of reconstructive and plastic surgery*. 2020; 23 (4 (75)): 12–20.
20. Development of highly functional compression products for sports purposes based on tensegrity structures to increase muscle activity / I.N. Tyurin, V.V. Getmantseva, E.G. Andreeva [et al.]. *Physics of fibrous materials: structure, properties, high technology and materials (SMARTEX)*. 2019; (1-2): 97, 98.
21. On the influence of compression products for sports purposes on the human condition / I.N. Tyurin, V.V. Getmantseva, E.G. Andreeva [et al.]. *News of higher educational institutions. Textile industry technology*. 2018; 6 (378): 131–140.
22. McRae B.A., Cotter J.D., Laing R.M. Compression Garments and Exercise: Garment Considerations, Physiology and Performance. *Sports Medicine*. 2011; 41 (10): 815–843.
23. Garments, Muscle Contractile Function, and Economy in Trail Runners / F. Vercruyssen, M. Gruet, S.S. Colson [et al.]. *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 2017; 12 (1): 62–68.
24. What is the effect of compression garments on a balance task in female athletes? / J.S. Michael, S.N. Dogramaci, K.A. Steel, K.S. Graham. *Gait Posture*. 2014; 39 (2): 804–809.
25. Effect of compression garments on short-term recovery of repeated sprint and 3-km running performance in rugby union players / M.J. Hamlin, C.J. Mitchell, F.D. Ward [et al.]. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2012; 26 (11): 2975–2982.
26. Innovative technologies for manufacturing “smart clothes” of increased functionality: Monograph / V.V. Getmantseva, I.N. Tyurin, E.G. Andreeva, V.S. Belgorodsky. Moscow: Publishing house “Scientific Library”; 2020. 180 p.
27. Getmantseva V.V., Ivanova M.S. The present and future of “smart” materials and “smart” clothing. *All materials. Encyclopedic reference book*. 2023; (8): 37–43.
28. Shakhmatova Yu.D., Guseva M.A., Getmantseva V.V. Modern trends in the design of sports equipment. *Costumeology*. 2023; 8 (3).
29. Aznabaev O.F., Petrov A.N. Innovations in the field of physical culture and sports. *Trends in the development of science and education*. 2022; (86-8): 32–35.
30. Design of corsetry to expand the range of clothing for women with excess body weight / M.A. Guseva, V.V. Getmantseva, E.G. Andreeva [et al.]. *News of universities. Light industry technology*. 2023; 63 (5): 31–41.

Информация об авторах:

Гусева Марина Анатольевна, канд. тех. наук, доцент, доцент каф. художественного моделирования, конструирования и технологии швейных изделий, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Москва, guseva_marina67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3491-6132>

Гетманцева Варвара Владимировна, д-р тех. наук, профессор каф. художественного моделирования, конструирования и технологии швейных изделий, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Москва, getmantseva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0441-3198>

Усова Анна Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина» (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва.

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/163-173>

EDN: <https://elibrary.ru/MBWHRU>

Дата поступления:
07.05.2024

Одобрена после рецензирования:
13.05.2024

Принята к публикации:
15.10.2024

Научная статья

УДК 687.175

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/174-184>

EDN: <https://elibrary.ru/LYOOLT>

Разработка эскизного проекта плечевой одежды при реабилитации методом Илизарова

Королева Людмила Анатольевна

Слесарчук Ирина Анатольевна

Зайцева Татьяна Александровна

Петрова Ксения Романовна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Работа посвящена созданию одежды для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации по методу Илизарова. Предмет исследования – верхняя мужская плечевая одежда второго и третьего слоя для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации методом Илизарова; цель – разработка эскизного проекта верхней плечевой одежды для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации методом Илизарова. В основе методологии лежат системный подход, рассматривающий процесс проектирования данного вида одежды в виде единой системы взаимосвязанных этапов, а также теоретические и эмпирические методы: объектно-ориентированный анализ, синтез, метод сравнения, комбинаторные методы (метод комбинаторики, трансформации и деконструкции). Результаты проведения маркетинговых исследований позволили сформировать перечень требований к заданному ассортименту одежды. Впервые разработан перечень требований к материалам и трансформируемой плечевой одежде, используемой при реабилитации по методу Илизарова, что составляет научную новизну исследования, позволяя рассматривать процесс проектирования как адресный. Практическая значимость работы заключается в разработке эскизного проекта для проектирования и изготовления трансформируемой плечевой одежды для пациентов при реабилитации методом Илизарова, обеспечивающей комфорт процесса надевания-снятия, удобство доступа к аппарату при проведении осмотра и медицинских манипуляций и имеющей эстетичный внешний вид, расширенный интервал безразличия. Создание одежды для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации по методу Илизарова вызывает удовлетворенность у пациентов одеждой, адаптированной под аппарат внешней фиксации, что позволяет пациентам социализироваться в обществе на период длительной реабилитации и повышает качество их жизни.

Ключевые слова: травмы конечностей, плечевая одежда, аппарат Илизарова, удобная одежда, реабилитация, методы комбинаторики, адресное проектирование.

Для цитирования: Разработка эскизного проекта плечевой одежды при реабилитации методом Илизарова / Л.А. Королева, И.А. Слесарчук, Т.А. Зайцева, К.Р. Петрова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 174–184. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/174-184>. EDN: <https://elibrary.ru/LYOOLT>

© Королева Л.А., 2024

© Слесарчук И.А., 2024

© Зайцева Т.А., 2024

© Петрова К.Р., 2024

Original article

Development of a preliminary design for shoulder clothing during rehabilitation using the Ilizarov method

Lyudmila A. Koroleva

Irina A. Slesarchuk

Tatyana A. Zaitseva

Ksenia R. Petrova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The work is devoted to the creation of clothing for patients with upper limb injuries during rehabilitation using the Ilizarov method. The subject of the study is upper men's shoulder clothing of the second and third layers for patients with injuries of the upper extremities during rehabilitation using the Ilizarov method. The purpose of the work is to develop a preliminary design of upper shoulder clothing for patients with upper limb injuries during rehabilitation using the Ilizarov method. The methodology of this study is based on a systematic approach that considers the design process of this type of clothing in the form of a single system of interconnected stages, as well as theoretical and empirical methods: object-oriented analysis; synthesis; comparison method; combinatorial methods (method of combinatorics, transformation and deconstruction). The results of marketing research made it possible to formulate a list of requirements for a given range of clothing. In this work, for the first time, a list of requirements for materials and transformable shoulder clothing using the Ilizarov method has been developed. This advancement constitutes a scientific novelty of the study, allowing us to consider the design process as targeted. The practical significance of the work lies in the development of a preliminary design for the design and manufacture of transformable shoulder clothing for patients during rehabilitation using the Ilizarov method. The design ensures the comfort of the "putting on and taking off" process, provides an easy access to the device during examination and medical manipulations. In addition, it has an aesthetic appearance and an extended interval indifference. Creating clothing for patients with injuries of the upper extremities during rehabilitation using the Ilizarov method causes satisfaction to patients with clothing adapted for the external fixation device, which allows patients to socialize in society for a period of long-term rehabilitation and improves their quality of life.*

Keywords: *patients with injuries, rehabilitation, Ilizarov method, transformable clothing, combinatorial methods, clothing adapted, requirements for clothing.*

For citation: *Development of a preliminary design for shoulder clothing during rehabilitation using the Ilizarov method / L.A. Koroleva, I.A. Slesarchuk, T.A. Zaitseva, K.R. Petrova // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 174–184. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/174-184>. EDN: <https://elibrary.ru/LYOOLT>*

Введение

В настоящее время в медицинской практике наблюдается значительное увеличение доли пострадавших от различных травм, в частности от травм конечностей, полученных в результате ДТП, врожденных отклонений или под влиянием иных факторов. Одним из наиболее успешных способов лечения подобных проблем является проведение остеосинтеза с применением чрескостного компрессионно-дистракционного аппарата, предназначенного для соединения и сращивания костных переломов, или аппарата Илизарова. Аппарат внешней фиксации представляет собой достаточно громоздкую конструкцию, при эксплуатации которой пациенты сталкиваются с тем, что повседневная бытовая одежда не соответствует размерам верхних конечностей с учетом установленного аппарата. Анализ потребностей пациентов с травмами верхних конечностей, на которых установлен аппарат Илизарова, показал высокую востребованность в верхней плечевой одежде. Однако резуль-

таты анализа рынка одежды подобного ассортимента свидетельствуют о том, что верхняя плечевая одежда, которую использовали бы пациенты с травмами верхних конечностей в период реабилитации, в специализированных торговых сетях и на маркетплейсах присутствует в крайне ограниченном количестве и не всегда полностью функциональна.

Анализ научных исследований и специальной литературы в области проектирования одежды под аппарат Илизарова позволил выявить, что в настоящее время разработки ведутся в основном в направлении создания поясной одежды (брюки, шорты, трусы) [1, 2] и различных аксессуаров в виде чехлов для травмированных верхних и нижних конечностей [3–8]. До настоящего времени вопросам проектирования верхней плечевой одежды, несмотря на ее высокую востребованность, уделено недостаточно внимания. Авторами [9] разработаны конструктивно-технологические решения плечевой одежды для пациентов с боевыми травмами плечевого пояса и верхних конечностей, лечение которых сопровождается установкой чрескостных металлоконструкций в виде аппаратов внешней фиксации рамочно-стержневых и гибридных типов. Для не менее часто используемых в медицинской практике кольцеспицевых аппаратов Илизарова подобных исследований в части проектирования специализированной одежды не обнаружено. Однако, учитывая в целом сходный характер принципов создания одежды для пациентов с травмами верхних конечностей, на которые устанавливаются аппараты чрескостной фиксации любых типов, следует отметить, что предложенные проектные решения разъемности одежды спереди, в верхнем и боковом швах в вышеупомянутом исследовании представляют определенный теоретический и практический интерес и обладают высоким потенциалом использования подобных изделий среди пациентов. Ограничение у пациентов возможности самообслуживания ставит задачу дальнейшего совершенствования эргономических характеристик изделий подобного назначения в направлении поиска оптимальных решений объемно-силуэтной формы, конструкции застежки (местоположения, вида соединения) и т.д. наряду с обеспечением эстетичного внешнего вида пациента в такой одежде.

Таким образом, очевидна актуальность реализации процесса проектирования плечевой одежды, которая отвечала бы требованиям эксплуатации во время реабилитации в травматологическом и хирургическом отделении больниц или госпиталей медицинских учреждений, а в последующем в домашних условиях пациентами с аппаратом Илизарова, установленным на верхних конечностях.

Предмет исследования – верхняя плечевая одежда второго и третьего слоя для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации методом Илизарова; цель – разработка эскизного проекта для проектирования верхней плечевой одежды для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации методом Илизарова.

Задачи, решаемые при выполнении работы:

- 1) проведение предпроектных исследований;
- 2) формирование требований к проектируемой одежде и материалам;
- 3) выполнение конструктивно-технологического анализа моделей-аналогов;
- 4) разработка эскизного проекта.

Методологической основой исследования является системный подход, рассматривающий процесс проектирования данного вида одежды в виде единой системы взаимосвязанных этапов, а также теоретические и эмпирические методы: объектно-ориентированный анализ, синтез, метод сравнения, комбинаторные методы (метод комбинаторики и трансформации). Используются программные продукты операционной среды Windows 11, ресурсы сети Интернет, графическая программа Adobe Illustrator.

Основная часть

На первом этапе предпроектных исследований проведен анализ проектной ситуации, включающий рассмотрение условий эксплуатации одежды под аппарат Илизарова. Основной принцип работы аппарата Илизарова заключается в использовании внешней фиксации. Аппарат состоит из нескольких кольцевых каркасов, которые надеваются на кость выше и ниже места перелома. К кольцам крепятся стержни, которые проходят сквозь кожу и связки, проникают в кость и фиксируются во втором параллельном каркасе. С помощью специальных шарнирных элементов стержни могут подвергаться регулировке, что позволяет контролировать степень давления на перелом [10]. В зависимости от клинической картины реабилитация может занимать около 4–10 месяцев, большую часть времени которой пациенты проводят дома и ведут обычный образ жизни. На этот период им требуется различная сезонная одежда, адаптированная под аппарат.

На сегодняшний день пациентами в период лечения или реабилитации, как правило, используется бытовая, больничная или адаптивная одежда.

Бытовая, или повседневная, одежда представляет собой совокупность изделий, предназначенных для ношения в различных бытовых и общественных условиях. Эксплуатация подобной одежды во время прохождения реабилитации по методу Илизарова невозможна, поскольку она не учитывает особенности человека с травмами, не соответствует размерам установленного аппарата и не решает проблем, возникающих во время их лечения. В связи с этим у пациентов возникает ряд трудностей в использовании предметов бытовой одежды: сложности или увеличение времени о(на)-девания-снятия изделий по причине ограниченности движений; визуальный дискомфорт из-за специфичного внешнего вида пациента с аппаратом; нарушение теплозащитных свойств в зависимости от сезона использования; неудобство доступа к аппарату и возрастание риска инфицирования.

Больничная одежда разработана таким образом, чтобы обеспечить удобство и функциональность, с учетом потребности пациентов в течение их пребывания в медицинском учреждении. Она обладает высокой гигиеничностью, так как ее материалы и конструкция предусматривают минимальный риск заражения инфекционными болезнями [11]. Тем не менее функциональность больничной одежды ограничена, а ее внешний вид привлекает к себе внимание окружающих. Поэтому, как и бытовая одежда, она не подходит для использования при реабилитации по методу Илизарова.

Адаптивная одежда разрабатывается для людей с особыми потребностями: пожилых, тех, кто восстанавливается после операций или тяжелых болезней, людей с ограниченными возможностями здоровья. Такая одежда легко о(на)-девается и снимается, не ограничивает движения и позволяет комфортно выполнять повседневные действия. Часто вместо пуговиц и молний адаптивная одежда имеет магнитные застежки или ленту велкро [12]. Однако существующая адаптивная одежда конструктивно не соответствует размерам аппарата Илизарова.

Анализ существующих образцов специализированной одежды под аппарат Илизарова показал, что в настоящее время ассортимент и объемы ее выпуска весьма ограничены и сосредоточены в основном в таких городах, как Санкт-Петербург, Рыбинск и Курган [13, 14]. Наиболее известны модели, изготавливаемые в условиях ателье «Арсана» – единственного официального производителя чехлов изделий на аппараты внешней фиксации, рекомендованного ФГБУ «НМИЦ ТО имени академика Г.А. Илизарова» Министерства здравоохранения России [3]. Продукция, выпускаемая ателье, по большей части предназначена для людей с травмами нижних конечностей,

включает разнообразные чехлы на аппараты, специализированные аксессуары и т.д. Единственным ассортиментом изделий для верхних конечностей, изготавливаемых в ателье, служат чехлы на плечо, предплечье и кисть руки в зависимости от места расположения аппарата [15].

Из числа других компаний, занимающихся производством одежды, удовлетворяющей потребности конкретного потребителя, можно отметить такие, как «Адаптиум» [16], Компания открытых систем «КОС» [17]. Адаптивная плечевая одежда, предлагаемая данными компаниями, не учитывает всех особенностей эксплуатации аппарата Илизарова в период реабилитации пациентов. Выбор изделий такого рода ограничен в первую очередь функционалом и предназначен для использования в стационарных условиях, поэтому в настоящее время пациенты вынуждены приобретать необходимые изделия под заказ или прибегать к модифицированию изделий в домашних условиях. Анализ рынка в Дальневосточном регионе показал, что предприятия, выпускающие проектируемый ассортимент плечевой одежды, отсутствуют.

В результате анализа предпочтений потребителя при выборе верхней одежды во время реабилитации по методу Илизарова, а именно проведения интервью с пациентами ФГКУ «1477 ВМКГ» Министерства обороны России (Приморский край, г. Владивосток), установлено, что главными требованиями со стороны пациентов являются: большой объем изделия; использование застежки-молнии, которая существенно облегчает застегивание изделий, перенос месторасположения застежки в верхний срез цельновыкроенного рукава или расположение традиционно по центру переда; наличие и положение внешних накладных или прорезных карманов на передаче; минималистичный стиль в одежде, предполагающий отсутствие дополнительных элементов, усложняющих изделие; предпочтение однотонных светлых или темных оттенков в материалах; отсутствие принтов и рисунков на ткани изделия.

На основе сравнительного анализа требований к больничной и бытовой одежде с учетом выявленных предпочтений респондентов определены требования к заданному ассортименту одежды. Таким образом, верхняя плечевая одежда для пациентов с травмами верхних конечностей при реабилитации методом Илизарова должна отвечать функциональным, эргономическим, эстетическим и не менее важным гигиеническим требованиям, а также требованиям безопасности, т.е. иметь высокую теплозащитность и гигроскопичность, достаточную воздухопроницаемость и паропроницаемость, быть прочной, устойчивой к светопогоде, безопасной и нетоксичной для человека. Проектируемая одежда должна защищать от воздействия окружающей среды, скрывать физические недостатки пациентов, быть комфортной и обеспечивать удобство процесса одевания и снятия, иметь достаточный объем, учитывающий размеры аппарата и небольшой вес для снижения давления на тело пациента. Важно отметить, что одной из задач проектирования является создание одежды для пациентов при реабилитации методом Илизарова, аналогичной бытовой (повседневной) по внешним признакам, что позволит пациентам на период длительной реабилитации социализироваться в обществе и в дальнейшем эксплуатировать одежду вне больничных условий и после выздоровления.

Материалы верхнего слоя такой одежды должны иметь небольшую толщину, среднюю плотность и быть легкими, поскольку необходимо обеспечить удобство самостоятельного надевания изделий и комфортной носки их в повседневной жизни с установленным аппаратом, быть устойчивыми к химчистке и действию высоких и низких температур, иметь однотонные нейтральные светлые или темные оттенки. Материалы, имеющие непосредственно близкий контакт с кожей пациента, должны иметь натураль-

ный волокнистый состав, низкую жесткость, быть устойчивыми к механическим повреждениям типа затяжек в виду конструктивного устройства аппарата Илизарова, предлагающего выступающие элементы, быть безвредными и нетоксичными для человека.

На следующем этапе исследования выполнен избирательный анализ моделей аналогичного назначения в соответствии с установленными требованиями. Поскольку выпускаемые массовым способом производства модели-аналоги верхней плечевой одежды под аппарат Илизарова не обнаружены, проанализированы существующие образцы адаптивной, больничной и бытовой одежды как наиболее близкие по назначению (рис. 1).

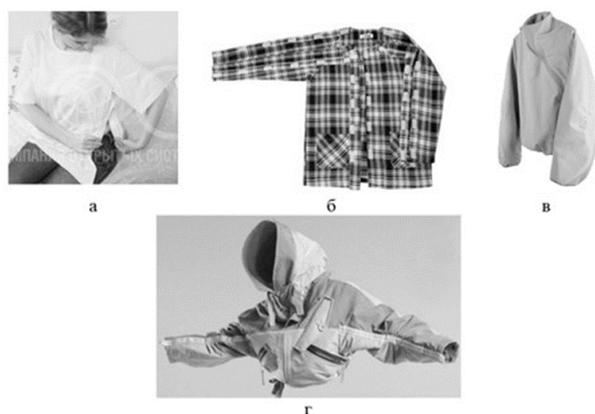

Рис. 1. Модели-аналоги верхней плечевой одежды: а – адаптивная футболка; б – больничная пижамная куртка; в, г – куртки

В рамках анализа моделей-аналогов также проведен патентный поиск, в ходе которого изучены запатентованные виды застежек и их конструктивное устройство, а именно: устройство застежки плечевой одежды для людей с ампутационными или врожденными дефектами верхних конечностей на различных уровнях [18]; съемная вставка для одежды пациентов, проходящих лечение с использованием аппарата внешней фиксации [19] (рис. 2).

Рис. 2. Куртка с разъемной застежкой-молнией и съемной вставкой

Таким образом, в процессе исследования выявлены наиболее характерные композиционные, конструктивные и технологические особенности, которые могут быть использованы в проектируемом изделии.

Проведенный поиск показал наиболее важные проектные решения в одежде для людей с травмами конечностей:

- большой объем рукава и, соответственно, большой объем изделия;
- покрой рукава цельновыкроенный или реглан;
- место расположения дополнительных застежек – верхний срез цельновыкроенного рукава (реглана), в рельефных швах переда;
- место расположения кармана и направление входа в карман, адаптированные в соответствии с местом расположения аппарата;
- вид застежки и фурнитура, обеспечивающие комфортное расстегивание-застегивание (текстильная лента велкро, застежка-молния, магнитная застежка и кнопки);
- наличие элементов для увеличения объема одежды в месте расположения аппарата (вставки и др.).

Далее на стадии разработки эскизного проекта выполнены композиционная и конструктивная проработка вариантов изделия. Разработаны художественный эскиз (рис. 3) и технический рисунок (рис. 4) модели мужской толстовки прямого силуэта с цельновыкроенным рукавом из трикотажного полотна. Конструктивная форма деталей спинки и переда решена за счет боковых срезов, верхнего среза рукава, смещенного на сторону переда, боковых рельефов переда, выходящих из верхних участков боковых срезов до линии низа. Центральная застежка переда с неразъемной застежкой-молнией, не доходящая до низа, – длиной 24 см. В боковых рельефах переда обработана неразъемная застежка-молния от верхних участков боковых срезов до линии низа изделия. Спинка цельновыкроенная с рукавом. Рукав цельновыкроенный, наполненный в нижней части, линия плеч покатая, низ обработан притачной незамкнутой манжетой из кашкорсе. Застежка рукава с неразъемной застежкой-молнией располагается в верхнем шве цельновыкроенного рукава с передом, смещенным в сторону переда изделия (на 6 см) от горловины изделия до низа рукава. Втачной воротник – стойка. Низ изделия обработан швом вподгибку с закрытым срезом; внутрь подгибки вложен эластичный шнур с ограничителем. Длина изделия – ниже уровня бедер на 15 см. Рекомендуемые размеры изделий: 188-92-80, 188-96-84, 188-102-88.

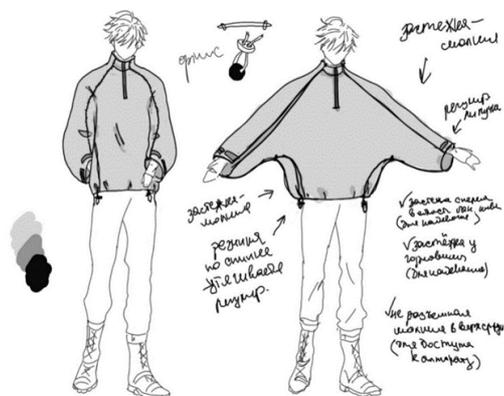

Рис. 3. Художественный эскиз модели мужской куртки при реабилитации методом Илизарова

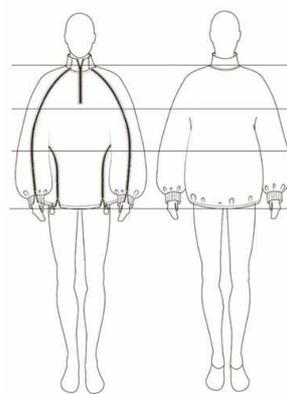

Рис. 4. Технический рисунок мужской толстовки при реабилитации методом Илизарова

Предложен алгоритм процесса о(на-)девания-снятия изделия. Перед о(на-)деванием толстовки расстегиваются все застежки-молнии, тем самым обеспечивая достаточное пространство для о(на-)девания-снятия изделия. Центральная застежка переда, не доходящая до низа, обеспечивает прохождение головы через горловину, а также фиксирует изделие на плечевом поясе. Застежки, расположенные в боковых рельефах переда и верхних швах рукава, позволяют одевать изделие при фиксированной травмированной конечности без особых физических усилий за счет увеличения области входа в изделие. Для обеспечения удобства застегивания и расстегивания в одежде использованы магнитные застежки-молнии. Низ изделия регулируется эластичным шнуром с ограничителями, тем самым можно менять объемы изделия в зависимости от погодных условий и собственных предпочтений. Благодаря универсальному решению модели толстовки в стиле оверсайз и лаконичному внешнему виду изделие можно использовать после реабилитации в повседневной жизни.

Композиционное и техническое решения проектируемой модели толстовки проработаны в ходе примерки макета на пациенте, проходящем реабилитацию методом Илизарова (рис. 5). Аппарат установлен на предплечье. В процессе апробации уточнены конструктивные параметры изделия, места их расположения и вид застежек. Принято решение дополнительно ввести карманы и элементы, обеспечивающие комфортность процесса надевания-снятия.

Рис. 5. Макет проектируемой модели толстовки на пациенте, проходящем реабилитацию методом Илизарова

В дальнейшем на основе предложенной базовой конструкции толстовки с использованием методов комбинаторики и трансформации может быть разработана серия моделей инклюзивной плечевой одежды.

Таким образом, разработка представленных проектных решений позволит не только удовлетворить потребности в обеспечении пациентов с травмами верхних конечностей, проходящих реабилитацию по методу Илизарова, удобной одеждой, адаптированной под аппарат, но и позволит самим пациентам провести период реабилитации в более комфортных условиях в одежде, отвечающей предъявленным

к ней требованиям и позволяющей осуществлять медицинские манипуляции за счет использования застежек в месте установки аппарата внешней фиксации, а также эстетически привлекательной для повседневной носки вне больничных условий.

Заключение

Уникальность работы заключается не только в разработке одежды, соответствующей особенностям конструкции аппарата, но и возможности её трансформирования и эксплуатации после завершения реабилитации, в частности для изделий повседневного или спортивного назначения, что расширяет возможности сбыта продукции. Исследования по проектированию плечевой одежды при реабилитации методом Илизарова показали их практическую значимость и востребованность. Впервые сформированы требования к данному виду одежды, позволяющие характеризовать процесс проектирования как адресный, что составляет новизну исследования.

Разработка процесса проектирования плечевой одежды позволит обеспечить пациентов, проходящих реабилитацию по методу Илизарова, современной одеждой, отвечающей требованиям функциональности, эргономичности, эстетичности и гигиеничности, что будет способствовать социализации их в обществе и повысит качество жизни в период реабилитации.

Список источников

1. Голубчикова А.В. Разработка методики проектирования эргономичной одежды для травматических больных: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Москва, 2005. 246 с.
2. Проектирование адаптивной одежды для больных с травмами конечностей при реабилитации методом Илизарова / Т.А. Зайцева, Л.А. Королева, И.А. Слесарчук, И.Л. Ключко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 4: Промышленные технологии. 2023. № 4. С. 113–118. DOI: 10.46418/2619-0729_2023_4_22. EDN UTMWRR
3. Официальный сайт ФГБУ «НМИЦ ТО имени академика Г.А. Илизарова» Минздрава России. Центр Илизарова. URL: <http://www.ilizarov.ru/article/partner>
4. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620149 Российская Федерация. Цифровые модели реабилитационных чехлов для ног с аппаратами внешней фиксации № 2021623297: заявл. 24.12.2021; опубл. 18.01.2022 / Гусев И.Д., Разин И.Б., Белгородский В.С. [и др.]; заявитель ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина». EDN TJLPPV
5. Гусев И.Д., Андреева Е.Г., Гусева М.А. Инструменты цифровизации в проектировании швейных реабилитационных изделий для ног маломобильных граждан // Дизайн и технологии. 2023. № 95 (137). С. 31–42. EDN NHPPWL
6. Рециклинг отходов швейного производства в индустрию реабилитационных товаров / И.Д. Гусев, Е.Г. Андреева, М.А. Гусева [и др.] // Дизайн. Материалы. Технология. 2023. № 4 (72). С. 96–104. DOI: 10.46418/1990-8997_2023_4(72)_96_104. EDN AVTMIR
7. Переработка текстильных отходов в социально значимую швейную продукцию / И.Д. Гусев, Е.Г. Андреева, М.А. Гусева [и др.] // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2024. № 2 (410). С. 140–149. DOI: 10.47367/0021-3497_2024_2_140. EDN DPDDUP
8. Гусев И.Д., Андреева Е.Г., Гусева М.А. Адаптация конструктивно-технологического решения реабилитационных чехлов для ног в соответствии с потребностями пациентов с ранениями нижних конечностей // Фундаментальные и прикладные научные исследования в области инклюзивного дизайна и технологий: опыт, практика и перспективы: сб. науч. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–27 марта

- 2024 г.). Москва: РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2024. С. 185–189. EDN EVLSMZ
9. Повышение эргономических характеристик одежды для потребителей с боевыми травмами верхних конечностей / М.А. Гусева, В.В. Гетманцева, В.В. Зотов [и др.] // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2024. № 3 (411). С. 160–169. DOI: 10.47367/0021-3497_2024_3_160. EDN ZMTRKH
  10. Уникальное изобретение русского хирурга ортопеда. URL: <https://rebusnik.ru/istoriya-sozdaniya-apparata-ilizarova/>
  11. Стандарты качества медицинской одежды. URL: <https://medlovestore.ru/blog/standarty-kachestva-medicinskoj-odezhdy>
  12. Зайцева Т.А., Шестопалов К.А. Разработка эскизного проекта модели одежды для реабилитации людей с ограничениями по здоровью // Безопасность городской среды: матер. X Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, Омск, 16–18 ноября 2022 г.) / Минобрнауки России, Омский гос. техн. ун-т; под общ. ред. Е.Ю. Тюменцевой. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 412–418.
  13. Официальный сайт компании «Трикотаж-Комфорт», г. Санкт-Петербург. URL: <https://komfort triko.ru/> (дата обращения: 03.08.2023).
  14. В Рыбинске разработали и шьют одежду для раненых с аппаратами Илизарова. URL: <https://www.rybinsknote.ru/2023/02/14/vrybinske razrabotali i shyut odezhdu dlya ranenyykh s apparatami ilizarova/> (дата обращения: 03.08.2023).
  15. Аппарат на руке. Чехлы на аппарат Илизарова. URL: <https://www.dokdoc.ru/category/69>
  16. Инклюзивная одежда: уникальные решения для больших возможностей. URL: <http://adaptium.ru>
  17. Адаптивная пижама на липучках, мужская. URL: <https://tmkos.ru/adaptive-pajamas>
  18. Патент на изобретение RU 2 396 888 С1. Устройство застежки плечевой одежды для людей с ампутационными или врожденными дефектами верхних конечностей на различных уровнях: опубл. 20.08.2010, бюл. 23 / Агафонова Л.П., Чащина О.В.
  19. Патент на полезную модель RU 191987 U1. Съёмная вставка для одежды пациентов, проходящих лечение с использованием аппарата внешней фиксации: опубл. 29.08.2019, бюл. 25 / Леонтьева Л.В., Московенкова Е.Н.

References

1. Golubchikova A.V. Development of a methodology for designing ergonomic clothing for traumatic patients: abstract. dis. ... Candidate of Technology sciences. Moscow; 2005. 246 с.
2. Design of adaptive clothing for patients with limb injuries during rehabilitation using the Ilizarov / T.A. Zaitseva, L.A. Koroleva, I.A. Slesarchuk, I.L. Klochko. *Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 4: Industrial Technology*. 2023; (4); 113–118. DOI: 10.46418/2619-0729_2023_4_22. EDN UTMWRR
3. The official website of the FSBI "NMRC TO named after Academician G.A. Ilizarov" of the Ministry of Health of Russia. Ilizarov Center. URL: <http://www.ilizarov.ru/article/partner>
4. Certificate of state registration of database No. 2022620149 Russian Federation. Digital models of rehabilitation covers for legs with external fixation devices No. 2021623297: declared. 24.12.2021: publ. 18.01.2022 / Gusev I.D., Razin I.B., Belgorodsky V.S. [et al.]; applicant FSBEI HE "Russian State University named after A.N. Kosygin". EDN TJLPPB
5. Gusev I.D., Andreeva E.G., Guseva M.A. Digitalization tools in the design of sewing rehabilitation products for the feet of people with limited mobility. *Design and technology*. 2023; 95 (137): 31–42. EDN HHPPWL
6. Recycling of garment production waste into the rehabilitation goods industry / I.D. Gusev, E.G. Andreeva, M.A. Guseva [et al.]. *Design. Materials. Technology*. 2023; 4 (72): 96–104. DOI: 10.46418/1990-8997_2023_4(72)_96_104. EDN AVTMIR

7. Processing textile waste into socially significant sewing products / I.D. Gusev, E.G. Andreeva, M.A. Guseva [et al.]. *News of higher educational institutions. Textile industry technology*. 2024; 2 (410): 140–149. DOI: 10.47367/0021-3497_2024_2_140. EDN DPDDUP
8. Gusev I.D., Andreeva E.G., Guseva M.A. Adaptation of the structural and technological solution of rehabilitation covers for the legs in accordance with the needs of patients with wounds of the lower extremities. *Fundamental and applied scientific research in the field of inclusive design and technology: experience, practice and prospects: Sat. scientific. tr. X International. scientific-practical. conf. (Moscow, March 25–27, 2024)*. Moscow: RSU named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art); 2024. P. 185–189. EDN EVLSMZ
9. Improving the ergonomic characteristics of clothing for consumers with combat injuries of the upper extremities / M.A. Guseva, V.V. Getmantseva, V.V. Zotov [et al.]. *News of higher educational institutions. Textile industry technology*. 2024; 3 (411): 160–169. DOI: 10.47367/0021-3497_2024_3_160. EDN ZMTRKH
10. A unique invention of the Russian orthopedic surgeon. URL: <https://rebusnik.ru/istoriya-sozdaniya-apparata-ilizarova/>
11. Medical clothing quality standards. URL: <https://medlovestore.ru/blog/standarty-kachestva-medicinskoj-odezhdy>
12. Zaitseva T.A., Shestopalov K.A. Development of a draft design of a clothing model for the rehabilitation of people with disabilities. *Safety of the urban environment: mater. X International. scientific-practical. conf. (Russia, Omsk, November 16–18, 2022)* / Ministry of Education and Science of Russia, Omsk State Technical un-t; under the general. ed. E.Yu. Tyumentseva. Omsk: Publishing House of OmSTU; 2023. P. 412–418.
13. Official website of Knitwear-Comfort, St. Petersburg. URL: <https://komfort triko.ru/> (accessed date: 03.08.2023).
14. In Rybinsk, they developed and sew clothes for the wounded with Ilizarov's devices. URL: <https://www.rybinsknote.ru/2023/02/14/vrybinske razrabotali i shyut odezhdu dlya ranenyyx s apparatami ilizarova/>(accessed date: 03.08.2023).
15. Apparatus on hand. Covers for Ilizarov's apparatus. URL: <https://www.dokdoc.ru/category/69>
16. Inclusive clothing: unique solutions for great opportunities. URL: <http://adaptium.ru>
17. Velcro adaptive pajamas, men's. URL: <https://tmkos.ru/adaptive-pajamas>
18. Patent RU 2 396 888 S1. Shoulder clasp device for people with upper limb amputation or birth defects at various levels: publ. 20.08.2010, bul. 23 / Agafonova L.P., Chashchina O.V.
19. Utility patent RU 191987 U1. Removable insert for patients' clothing. undergoing external fixation: publ. 29.08.2019, bul. 25 / Leontieva L.V., Moskovenkova E.N.

Информация об авторах:

Королева Людмила Анатольевна, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Lyudmila.Koroleva1@vvsu.ru

Слесарчук Ирина Анатольевна, канд. тех. наук, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Зайцева Татьяна Александровна, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Петрова Ксения Романовна, бакалавр, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ksusha2003@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/174-184>

EDN: <https://elibrary.ru/LYOOLT>

Дата поступления:
26.09.2024

Одобрена после рецензирования:
18.10.2024

Принята к публикации:
21.10.2024

Научная статья

УДК 740

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>

EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>

Жизнеописание Будды Гаутамы как символический путь индивидуации с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга

Окулова Мария Аркадьевна

ФГБУ «Земля леопарда»

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Поиск точек соприкосновения культуры Запада и Востока – одна из важных задач современного мира. Не последнюю роль в ее решении играет психология, осмысляющая значимые культурные паттерны с точки зрения процессов психики, единых для всех людей. Аналитическая психология, созданная Карлом Густавом Юнгом в первой половине XX в., представила свое осмысление мифов различных цивилизаций в контексте основных вех развития личности главного героя. По мнению последователей Юнга, многие из мифологических и исторических героев проходят особый путь индивидуации, который условно можно назвать постепенным объединением сознания и бессознательного. В процессе этого пути герой проходит через ключевые точки жизненного роста, встречая архетипы – единые для всего человечества матрицы универсальных образов, врожденные программы, влияющие на восприятие и развитие индивида. Конечной вехой пути индивидуации выступает Самость – центральный архетип, знаменующий высшую точку развития личности. Последователями аналитической школы психологии достаточно полно были проанализированы основные вехи жизни героев западного мира, в то время как биографии восточного эпоса были изучены меньше. Вместе с тем Юнг отмечал, что путь индивидуации представлен в жизнеописании Будды Гаутамы. Используя доступные источники, автор статьи предпринял попытку вычлнить ключевые точки жизни Будды, чтобы наглядно доказать предположение знаменитого психолога. Проведен краткий анализ основных вех жизни Будды Гаутамы методом аналитической психологии, в результате чего была прослежена последовательная цепочка знакомства с архетипами на пути становления Самости. Новизна исследования представлена в его уникальности: последовательный анализ жизнеописания Будды Гаутамы в контексте аналитической психологии прежде в российской научной литературе не публиковался.*

***Ключевые слова:** Карл Юнг, Будда, Самость, индивидуация, архетип, восток, буддизм, Иисус, миф.*

***Для цитирования:** Окулова М.А. Жизнеописание Будды Гаутамы как символический путь индивидуации с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>. EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>*

Humanities sciences

Original article

Biography of Buddha Gautama as a symbolic path of individuation in the context of analytical psychology by Carl Jung**Maria A. Okulova**

FSBI Land of the leopard

Vladivostok, Russia

Abstract. *One of the important tasks of the modern world is to find common ground between the Western and Eastern cultures. Psychology plays an important role there, since it comprehends significant cultural patterns from the point of view of mental processes that are common to all people. Analytical psychology, created by Carl Gustav Jung in the first half of the 20th century, presented its understanding of the myths of various civilizations in the context of the main milestones in the development of the protagonist's personality. According to Jung's followers, many of the mythological and historical heroes go through a special path of individuation, which can roughly be called the gradual unification of consciousness and the unconscious. During this path, the hero passes through key points of life growth, meeting archetypes, which represent matrices of universal images common to all humanity, innate programs that influence the perception and development of the individual. The final milestone on the path of individuation is the Self, the central archetype that marks the highest point of personal development. Followers of the analytical school of psychology quite fully analyzed the main milestones in the lives of the heroes of the Western world, while the biographies of the Eastern epic were studied less. At the same time, Jung himself noted that the path of individuation is also presented in the biography of Buddha Gautama. Using available sources, the author of this article has attempted to identify the key points in the life of the Buddha in order to clearly prove the assumption of the famous psychologist. The work contains a brief analysis of the main milestones in the life of Buddha Gautama using the method of analytical psychology, as a result of which a consistent chain of archetypes' recognition on the path of formation of the Self was traced. The novelty of the study is represented in its uniqueness: a consistent analysis of the biography of Gautama Buddha in the context of analytical psychology has not previously been published in Russian scientific literature.*

Keywords: Carl Jung, Buddha, Self, individuation, archetype, east, Buddhism, Jesus, myth.

For citation: Okulova M.A. Biography of Buddha Gautama as a symbolic path of individuation in the context of analytical psychology by Carl Jung // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16. № 4. P. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>. EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>

Введение

Поворот на Восток – стратегия современной России, которая проявляет себя далеко не только в экономике. Уже более двух столетий развитие сотрудничества с восточным миром ведется совместно с активным изучением его культуры. В настоящее время на фоне укрепления экономического и политического партнерства стремление найти общие точки соприкосновения в культурной жизни приобретает особую значимость.

В основе любой культуры находится религиозная составляющая, в связи с чем большого внимания заслуживает проблема религиозного диалога. И если для представителей монотеистических религий, таких как христианство и ислам, база для взаимопонимания дана в вере в Единого Бога, то сложнее дело обстоит с диалогом между религиями, у которых эта общность отсутствует. В частности, речь идет о буддизме, одной из трех мировых религий, учение которой не сосредоточено вокруг концепции единого божества.

Вместе с тем, несмотря на существенное различие в верованиях, при первом знакомстве с буддизмом в Азии христианские миссионеры отмечали их схожесть [1]. В первую очередь буддизм основывался на центральной роли основателя религии в ее внешнем культе. Вследствие этого у первых католиков, столкнувшихся с буддизмом, создалось впечатление, что Будда Гаутама обожествляется в этой религии точно так же, как Христос в христианстве. Удивление перед внешним сходством религий усилилось, когда европейцы познакомились с жизнеописанием основателя буддизма: по мнению многих, оно разительным образом совпадало с жизнеописанием Христа. Начиная с тех пор, не раз предпринимались попытки объяснить наличие сходных эпизодов в биографиях двух религиозных учителей. Подходы, цели и методы данных попыток были достаточно разнообразны, и среди всех прочих можно выделить такие подходы, как: собственно христианский, исторический, феноменологический и психологический.

Каждый из этих подходов дает объяснение наличию сходств в биографии Иисуса из Иерусалима и Будды Гаутамы исходя из своих оценок и целей. Христианский и исторический подходы в большинстве своем объясняют схожесть случайностью и намеренным стремлением увидеть в новом уже знакомое либо заимствованием. Однако феноменологический подход и в большей степени психологический основываются на допущении отсутствия заимствований и отличаются особым вниманием схожества человеческой психики вне зависимости от различий культуры. И именно на этом в большинстве своем основывается психологический метод в рассмотрении жизнеописаний героев мифов и духовных лидеров. Реалии современности, подталкивающие наше общество к поиску точек соприкосновения Запада и Востока, представляются хорошим поводом к тому, чтобы взять за основу именно психологический метод для изучения мифа и жизнеописания основателя религии. Такой подход предполагает равенство и близость столь далеких друг от друга культур за счет схожести психических процессов людей всего мира.

Родоначальником психологического метода интерпретации мифа, как и всего психоанализа, является Зигмунд Фрейд. Речь идет о всем известном греческом мифе об Эдипе. Но если сам Фрейд не пошел дальше в области психологической интерпретации мифов, то его ученики и последователи занялись этим достаточно серьезно. Наибольшую известность в данном направлении приобрел Карл Юнг. Будучи основателем аналитической психологии, Юнг рассматривал судьбы ряда героев мифов и основателей религий как представление о совершенном пути развития.

В данном случае речь идет о таком центральном для аналитической психологии понятии, как индивидуация. Юнг использовал «выражение "индивидуация" для обозначения того процесса, который производит психологическую "индивидуальность", то есть обособленную неделимую единицу, целостность» [2]. При этом конечная цель индивидуации – Самость. Самость является центральным архетипом в учении Юнга; представляет собой высшее слияние сознательного и бессознательного в индивиде. Под архетипом, если говорить упрощенно, Юнг понимает инстинкты, проявляющие себя в фантазиях и часто обнаруживающих своё присутствие посредством символических образов. Являясь структурными элементами не личного, а коллективного бессознательного, архетипы, согласно наблюдениям Юнга, не имеют определённого происхождения, воспроизводя себя в любое время и любой части света [3]. Именно это воспроизведение, с точки зрения Юнга, и дает объяснение синхроничности в мифах о герое.

Проявление пути индивидуации психолог наблюдал во многих древних мифах, однако наиболее полным выражением этой идеи в западном мире, по его мнению, стала

история жизни Христа. Таким образом, основной посылкой Юнга при рассмотрении мифов в целом и жизнеописания Христа в частности является представление о том, что это в первую очередь символ. Только при таком условии, как считает Юнг, могла быть возможной популярность и долгая жизнь мифа. Психолог предполагал, что Будда, как и Христос, представляет собой архетип Самости, а значит, также проходит путь индивидуации, который можно проследить в легенде о его жизни [2]. Однако Юнг не останавливался на разборе жизнеописания Будды так же подробно, как это было сделано с историей Иисуса. Насколько нам известно, ни один из его последователей не имел цели последовательно и наглядно доказать данную точку зрения.

На основании вышесказанного гипотеза данной работы заключается в существовании достаточно четкой структуры в мифологическом жизнеописании Сиддхартхи Гаутамы, которую можно рассматривать как путь индивидуации Будды. В связи с этим в качестве основных задач автор данного исследования ставит перед собой психологическую интерпретацию основных вех биографии Будды Гаутамы в контексте аналитической психологии К. Юнга.

Анализ биографии Будды при помощи метода аналитической психологии

Как уже было сказано, проявление пути индивидуации Карл Густав Юнг наблюдал во многих древних мифах, однако наиболее полным выражением этой идеи в западном мире, по его мнению, стала история жизни Христа [3]. В связи с этим описание жизни Будды Гаутамы в контексте аналитической психологии неминуемо будет сопровождаться отсылками к жизнеописанию христианского мессии.

Остановимся на основных моментах биографии Сиддхартхи Гаутамы, давая им юнгианскую трактовку. Первым эпизодом, на котором мы остановим свое внимание, будет сон матери Сиддхартхи – Майи. То, что рождению великих личностей, героев по мифам предшествовал удивительный сон, отмечал еще психолог Отто Ранк [4]. В данном случае мы выделим два наиболее специфических условия для рождения героя, которые можно найти в жизнеописании многих героев: необходимость чистоты матери перед принятием в себя того, кто проявит себя позднее как Самость, а также нематериальность процесса зачатия. Большая часть сна Майи была посвящена процессу очищения. По буддийскому мифу, четыре бога вначале перенесли ее вместе с ложем на Гималаи, а затем появились их супруги, которые в свою очередь поднесли Майю к священному озеру Анотата, чтобы очистить ее от человеческой грязи, одели в небесные одежды, побрызгали благовониями и осыпали небесными цветами [5].

В данном случае можно кратко указать, что символическими в данном случае являются и число богов, так как четверка, по мнению Юнга, выражает собой высшую целостность, и образ горы, который может трактоваться и как ось мира, и как мужской символ, с которым необходимо соединиться Майе перед зачатием [5]. На мускулиность данного образа указывает то, что на Гималаи мать Будды попадает с помощью богов-мужчин, тогда как к озеру ее подносят уже богини. Образ озера может иметь в данном случае несколько трактовок: это символ женского начала, как необходимое дополнение к образу горы, так и символ бессознательного. Примечательно, что в его водах Майю моют. По нашему мнению, это хорошо коррелирует со словами Юнга о том, что высшей сознательностью для восточного человека является бессознательное. Представляя собой архетип матери, с точки зрения Юнга, Майя, будучи верной своему архетипу, – одновременно и источник жизни, и обитель смерти и разрушения. Юнг определяет это противоречие, давая ему название «любящая

и ужасная мать». Так, по его словам, обратная сторона этого архетипа «подразумевает все тайное, скрытое, темное; бездну и царство мертвых; все, что пожирает, обольщает, отравляет; все, что ужасно и неизбежно, как судьба» [2]. Так, по мнению психолога, одним из ярчайших архетипов матери мы находим в деве Марии, тогда как Майя является ее восточным аналогом [2]. Косвенное подтверждение наличия темной стороны архетипа матери в данном случае можно найти в имени матери Будды, так как Майя переводится с санскрита как «иллюзия», «фантом», «магический трюк» [6].

Однако, рассматривая момент зачатия Будды, нам кажется правильным остановиться на его «земной родословной», которая, по нашему мнению, оказала влияние на всю его последующую жизнь. Речь идет о его принадлежности к варне кшатриев – воинов, которые согласно древнеиндийскому мифу о творении были созданы из рук первочеловека – бога с целью защитить высшую варну брахманов, которые, в свою очередь, были созданы из головы. Кшатриями в индийском обществе являются как обычные воины, так и цари, обязанность которых – управление материальной жизнью подчиненных, тогда как брахманы управляют ее духовной стороной. Согласно традиционным индийским воззрениям только переродившийся брахман способен дойти до наивысшей духовной реализации, а основной задачей представителей остальных варн является служение этому сословию. Таким образом, изначально (по традиции) Сиддхартха Гаутама, если допустить легенду о его царском происхождении, мог и должен был стать царем. Именно поэтому, думается, большинство из мудрецов, призванных Шуддходаном после чудесного сна Майи, сообщили ему о скором рождении всемирного владыки и только несколько (а по некоторым текстам лишь один) были уверены в том, что сон свидетельствует о появлении на свет Будды, спасителя человечества.

У Будды до момента его просветления всегда сохранялась подсознательная тяга к пути, который предлагала ему традиция и который он выбирал не сам. С учетом того, что при следовании проторенным путем, с точки зрения Юнга, Самость не может раскрыть себя в полной мере, нам кажется возможным назвать стремление к материальной власти у Будды теневой стороной его бессознательного [7]. Таким образом, по нашему мнению, образ его родителей с самого начала можно символически интерпретировать как внешнее и внутреннее препятствие в прохождении пути индивидуации, которое, будучи компонентом этого пути, с психологической точки зрения является его необходимым условием. Так, несмотря на свою принадлежность к варне кшатриев, Майя возносится богами на небо, и мы позволим себе допустить еще одно предположение: боги в данном случае выступают в роли защитников Самости, которая является целью жизни Будды.

Попытаемся представить психоаналитическую трактовку рождения Гаутамы. В первую очередь остановимся на том, что появление на свет Сиддхартхи, как и Иисуса, произошло вне родного дома. В контексте истории о Будде это может свидетельствовать о необходимости оставить дворец как косвенный символ материальной власти в момент появления на свет, чтобы на протяжении будущей жизни не иметь идентификации с одним из возможных предназначений. Акцентируя внимание на том, что рождение Будды произошло под открытым небом, можно вспомнить слова Э. Эдингера, утверждавшего, что «в этом мире не существует отдельной комнаты для рождения Самости. Оно должно произойти во внешнем мире, ибо является исключением, отклонением от норм или даже преступлением по отношению к установившемуся статус-кво» [7]. Кроме того, можно отметить символ, в данном случае

отличающий буддийский миф: речь идет о дереве, под которым произошло рождение Будды. По мнению некоторых психологов аналитической школы, дерево является одним из символов «трансформации-перехода», своеобразными «вратами», «порогом», прохождение которого говорит о переходе на новые пути духовного развития [8]. Можно вспомнить, что многие особо значимые эпизоды жизни Сиддхартхи происходили именно под деревом: рождение, первый духовный опыт детства, просветление и земная смерть. Согласно этому символ дерева несет на себе ту же смысловую нагрузку, что и символ горы, из чего следует, что под ним понимается место для перехода с земного плана на небесный или, наоборот, место, куда спускается божество. Подобная трактовка символа берет свое начало в мифах о мировом древе или мировой горе, аналогами которой в индийской мифологии являются фиговое Ашваттха и гора Меру. В образе мирового древа Юнг видел схему человеческого мышления: истоки бессознательного, которые отображаются в виде корней дерева, уходящих под землю, в потусторонний мир; реализацию сознательного – в стволе; транссознательную цель – в кроне [8]. Таким образом, факт рождения Будды под деревом мог символизировать собой совмещение противоположностей, что необходимо для пути индивидуации.

С точки зрения Э. Эдингера, достаточно часто «рождение героя или божественного младенца сопровождается угрозами для его жизни» [7]. На первый взгляд мы не находим такой угрозы для Сиддхартхи в годы его детства. Однако все меняется, если исходить из того, что герой символизирует собой будущую Самость. После того, как Шуддходан узнал о вероятности, что его сын станет не мировым владыкой, а Буддой, он, по сути, заточил его в стены дворца, тем самым ограничив его познание мира, без которого невозможно познание себя, а значит, невозможно и становление Самости. Это, по нашему мнению, в данном случае равноценно угрозе физической смерти, так как основное в мифе для героя – это его проявление Самости, а здесь оно было под угрозой. Тем более примечательным становится то, что от участи стать мировым владыкой, а не Буддой, Сиддхартху спасли боги, что вновь доказывает для нас их символический образ помощников Самости.

Напомним, что согласно легенде, первая попытка показать Гаутаме «настоящую жизнь» произошла, когда ему было семь лет. Тогда боги отвели его подальше от дворца и подстроили все так, чтобы он впервые увидел смерть живых существ [5]. Следующее знакомство Сиддхартхи с реалиями жизни произошло при знаменитых четырех встречах: со стариком, больным, мертвецом и аскетом. Эти встречи, по одной из версий легенды, произошли при непосредственном участии богов, один из которых и сыграл все четыре роли при встрече с Буддой [5]. Таким образом боги способствовали прохождению Буддой пути индивидуации.

Следующим эпизодом после четырех встреч мы выделим уход Гаутамы из дома с целью обрести просветление. Согласно тексту «Джатака тхакатхе» боги поняли, что Сиддхартха уже готов к тому, чтобы покинуть дом. Им уже был известен день, когда это совершится, и потому они вновь спустились с небес, чтобы подготовить Будду к странствиям. Для этого они приняли обличье слуг, которые помогали ему вытираться после купания, переодевали его и надевали на него украшения [9].

По одному из текстов, Шуддходану приснился сон, в котором его сын покинул его, а потому, опасаясь тайного побега, он приказал слугам установить на городских вратах железные двери, а к дверям прикрепить очень громкие колокольчики, звон

которых при открытии двери был бы слышен за несколько километров. Однако в ночь побега боги наслали на весь город крепкий сон, чтобы никто ничего не услышал. В этом мы вновь видим противостояние двух начал, которые разрывали Будду до момента его просветления: воля консервативной традиции и Самости, знаменующей собой рождение нового.

Уже после того, как Сиддхартха вышел за стены родного города с помощью богов, к нему подступил демон Мара, предложивший Гаутаме стать господином мира уже через семь дней, если только тот вернется во дворец [5]. Демон Мара в данном случае может пониматься как проекция темной стороны бессознательного во вне, а его предложение – как потенциальная возможность впасть в инфляцию, при которой почести Самости отдаются земной власти. Это свидетельствует о внутренних сомнениях Сиддхартхи в выбранном пути, но, будучи проявленными таким образом, сомнения отменяются Гаутамой, а потому он отвечает, что материальная власть над царствами ему не нужна.

Кроме того, стремление к духовной самостоятельности, которое согласно Юнгу является новой вехой в истории развития коллективного бессознательного, проявилось у Будды и в том, что, выйдя за стены своего города, он отказался от помощи богов. В юнгианской интерпретации это может свидетельствовать о полном отказе рассматривать божество как проявление Самости и о понимании того, что достичь ее можно, не ориентируясь на нечто внешнее. Рассматривая более мелкие символы ухода от старой жизни, можно выделить вновь переоблачение Сиддхартхи в монашескую одежду и пострижение волос, что означает перемену статуса; это проходит каждый буддийский монах. Кроме того, по некоторым текстам, покинув стены города, Будда проходит реку. Согласно интерпретации психоаналитической школы символ реки или моря в мифах, тем более их переход, говорит о перемене онтологического состояния [10]. Вследствие этого можно выделить следующий важный в своем символическом значении эпизод жизни Будды – период аскезы. Интересно, что так же, как и в пути Иисуса, он последовал вслед за периодом ученичества. Существует достаточно много описаний, каким именно образом Будда шел по пути умерщвления плоти. Они включают в себя ограничения в дыхании, пище, предельное равнодушие ко всем раздражителям. В этом периоде, на наш взгляд, можно увидеть проявление аутоагрессии, которое вызвано принятием темной стороны своего бессознательного. В то же время можно заметить, что с психологической точки зрения данный период все же был необходим как в процессе постижения знания, которое позже открылось Будде, так и в процессе индивидуации. Так, одно из положений буддизма заключается в том, что перед тем, как следовать «средним путем», человек должен пройти через крайности. В частности, перед ритуалом посвящения в монахи буддист читает ритуальную формулу «тачапаньчака», в которой говорится о брэнности человеческого тела, тем самым в краткой форме переживая этот период пути Будды [11]. Кроме того, слова о необходимости крайностей также отражают положение аналитической психологии, по которому необходимо познать и принять теньную сторону своей психики, для того чтобы выйти на новый уровень развития [2].

Однако тщетность пути крайнего аскетизма в деле непосредственного просветления была осознана Сиддхартхой не только умственно, но и физически – на уровне тела. Легенда сообщает, что Буддой в то время были потеряны тридцать два признака великого человека, после чего Гаутама упал в обморок, а боги решили, что он умер. Далее говорится о том, что слух о кончине сына достигает на небесах Майу и она начала рыдать, что и разбудило Гаутаму. Только после того, как они узнают друг друга, Будда решает прекратить пост и добиться просветления иначе. На наш взгляд, в данном

отрывке можно увидеть символическую смерть, которая необходима для обновленной жизни. Это соответствует классическому обряду инициации, в котором юноша перед вступлением во взрослую жизнь должен пройти через символическое умирание, свидетельствующее об освобождении от старого [12]. Будда ясно доказал свою победу над внешними авторитетами для своей Самости, в том числе и над авторитетом своей теневой стороны.

Процесс становления Самости Будды в его просветлении описывается буддийской традицией изнутри и достаточно полно. Этот процесс состоял из нескольких фаз погружения в медитативный транс [5]. На наш взгляд, пусть и не полностью, но в некоторых деталях содержание просветления символически отображает собой путь индивидуации, заключающийся в интегрировании бессознательного своим эго [2]. Иначе это можно назвать познанием бессознательного, и, как можно понять, становление Самости Будды свидетельствует о том, что согласно символическому пониманию легенды Будда осознал свое бессознательное. Результатом процесса просветления стало формулирование основного постулата буддизма – четырех благородных истин.

Подходя к рассмотрению четырех благородных истин с позиции аналитической психологии, по нашему мнению, в первую очередь стоит сказать, что это учение отражает путь, пройденный Гаутамай до просветления. Так, вначале он понял, что жизнь является страданием. Интуитивное постижение этой первой благородной истины произошло еще во дворце, после четырех встреч: со стариком, больным, мертвецом и аскетом. Тогда же было возможно и интуитивное осознание причины страданий как желания, которое он, несомненно, ощущал сам и в котором, как уже упоминалось, находила проявление темная сторона его психики. Третья благородная истина возвещает о том, что прекращение страданий возможно. В данном случае перед нами предстает дихотомия темного начала бессознательного и сознательного эго, которое все же проявляет свое главенство в возможности ухода от контроля бессознательного начала, влекущего к желаниям и, как следствие, к страданиям. Сиддхартха должен был необходимым образом пройти через эту борьбу противоположных начал, для того чтобы в итоге обрести гармонию, которая является основой архетипа Самости [13]. Как уже было сказано выше, сомнения и неуверенность в своем пути подстерегали его всюду вплоть до момента просветления. Однако если сам Будда шел по этому пути в одиночку и, говоря метафорически, «на ощупь», то для своих будущих учеников он оставил достаточно подробное руководство, которое дошло до нас под названием восьмеричного пути.

Мы не будем подробно останавливаться на событиях жизни Будды после просветления, так как чаще всего в биографиях описываются многочисленные проповеди, путешествия и совершаемые им чудеса, среди которых нет настолько известных и значимых, как те, что были до просветления Сиддхартхи. Моментом жизни Будды, на который можно было бы обратить внимание при трактовке методом аналитической психологии, на наш взгляд, является его противостояние со своим шурином Девадаттой. Однако правильнее было бы говорить о противостоянии со стороны Девадатты по отношению к Будде, так как сам Гаутама, согласно легенде, не проявлял по отношению к шурина никаких агрессивных действий.

Для нас в данном случае важно именно то, что становление Самости Будды, как и в случае Христа, не противоречит наличию Тени, которая проявляет себя уже

позже. Исходя из вышесказанного, нетрудно догадаться о нашей трактовке образа Девадатты как теневой стороны Самости Будды. Согласно жизнеописаниям Сиддхартхи его шурином особенно отличался стремлением к власти, что проявлялось в его упорных занятиях магией [5]. В итоге Девадатта стал известен как сильный колдун, у которого было достаточно почитателей. При этом Девадатта состоял в ордена Будды и ему не давала покоя власть, которой обладал Сиддхартха. В данном случае перед нами отчетливо проявляет себя обратная сторона качеств, которые стали присущи Будде после просветления. Так, легенды не раз упоминают о его феноменальных способностях вроде умения предсказывать будущее, обозревать своим оком всю землю, летать и многом другом. Однако если у Будды эти способности стали только показателями его пробуждения, то для Девадатты они являлись самоцелью. В этом мы вновь можем увидеть отсутствие умения распознавать Самость, которое стало угрозой раскола монашеского ордена еще при жизни Будды. Но в итоге ученики, вначале соблазненные «внешними умениями» Девадатты, все же вернулись к Будде. Легенда часто объясняет силой его персоны, которая могла притягивать людей на неосознаваемом уровне.

Таким образом, признаками, характерными для темной стороны Самости Будды, являются: стремление к власти, гордость сверхъестественными способностями и заостренное внимание на внешней стороне своего образа. Заметим, что нередко в современном мире можно увидеть такое понимание буддизма, при котором Будда оказывается полубогом, наделенным сверхъестественными способностями, которому нужно принести молитвы, для того чтобы обрести успех в своих материальных делах. По нашему мнению, в этом может проявлять себя превратное понимание Самости, а именно акцент на ее темной стороне, которая в биографии Будды особенно ярко проявила себя в образе Девадатты.

Последним эпизодом биографии Будды, на котором мы остановим свое внимание, будет его уход из земной жизни в нирвану. Несмотря на то, что выше высказывалось предположение, по которому просветление Будды было становлением его Самости, здесь можно сказать о том, что при своей смерти Будда окончательно слился с архетипом. Трудно иметь статус всеобщего при сохранении чего-то индивидуального. Несмотря на то, что «Я» Будды после просветления уже не было индивидуальным «Я», у него оставалось тело, существование которого говорило о наличии «мыслимого архетипа». По нашему мнению, в данном случае можно говорить о двух основных «ступенях становления Самости», первая из которых произошла на духовном уровне, а вторая – на материальном.

Необходимо отметить, что в текстах, посвященных биографии Будды, нередко можно встретить слова об «окончательном вхождении в нирвану», так как Сиддхартха познал нирвану в момент своего просветления, но полный уход в нее совершился при его земной кончине [9]. С нашей точки зрения, это вполне соответствует познанию Буддой своей Самости и полному слиянию с архетипом при смерти тела.

Слова, которые согласно одному из текстов Будда произнес непосредственно перед смертью отражают основную суть восточного подхода к духовному и, в частности, новаторство, привнесенное буддизмом. Так, Пробужденный заповедовал «быть светильниками самим себе», что свидетельствует об источнике божественного, находящегося в самом человеке [5]. Как уже говорилось выше, с позиции аналитического направления психологии это указывает на осознание Буддой истины, согласно которой архетипы пребывают в каждом, и цель человека – пройти свой путь

индивидуации, который раскроет его личную неповторимость и в некотором смысле – божественность.

Заключение

С момента знакомства христиан с буддизмом многие исследователи предпринимали попытки разобраться в причинах схожести биографий Иисуса Христа и Будды Гаутамы. Выдвигалось немало самых разнообразных версий, однако наиболее заслуживающей доверия нам показалась версия Карла Густава Юнга, согласно которой причина схожести жизнеописаний обусловлена наличием в них архетипов, общих для всего человечества [2]. И, несмотря на то, что сам Юнг не останавливался на рассмотрении непосредственно жизни Будды, а упомянутая версия косвенно вытекает из его учения, мы предприняли попытку показать схожесть жизненных путей Иисуса и Будды исходя из слов психолога, согласно которым Будда, так же как и Христос, символически представляет собой архетип Самости [14].

По нашему мнению, после того, как мы совершили краткий анализ основных вех жизни Будды Гаутамы методом аналитической психологии и нашли ключевые моменты жизнеописания, схожие по описанию с основными вехами классического пути индивидуации, поставленная цель данной работы была достигнута. Так, в жизнеописании Будды Гаутамы нами была прослежена цепочка эпизодов жизни: рождение, избрание своего пути, период аскетизма и, если использовать язык аналитической психологии, – эпизод становления Самости, которые свойственны для ряда известных мифологических жизнеописаний. Отметим, что зачастую сходные эпизоды жизни основателей религий содержат в себе похожую символику и несут в себе один смысл. Все это дает нам право утверждать, что жизнь Будды можно назвать символическим путем индивидуации, если подходить к рассмотрению его жизнеописания с позиции аналитической психологии.

Список источников

1. Уланов М.С. Евразийство, православие и буддизм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-pravoslavie-i-buddizm>
2. Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. Москва: Мартис, 1995.
3. Юнг К.Г. Курс лекций «Психология и религия». URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4233>
4. Ранк О. Миф о рождении героя. URL: <https://coollib.in/b/481364>
5. Армстронг К. Будда: пер. с англ. Москва: Альпина нон-фикшн, 2017.
6. Исаева Н.В. Майя / Институт философии РАН // Новая философская энциклопедия Москва: Мысль, 2010.
7. Эдвингер Э. Эго и архетип. Сознание и бессознательное в мифе, религии и культуре. URL: <https://www.litres.ru/book/edward-f-edinger/ego-i-arhetip-soznanie-i-bessoznatelnoe-v-mife-religii-i-70754029/>
8. Богданова А.Г. Образ дерева в юнгианском анализе. URL: https://www.b17.ru/article/obraz_dereva_v_yungianskom_analize/
9. Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение: пер. с англ. Москва: Изд-во РРГУ, 2018.
10. Кусмидинова М.Х. Интерпретация образа реки в мифологии. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/115681/1/978-5-7525-4009-7_063.pdf
11. Дядык Н.Г. Практики самопознания в буддизме и современное философское образование // Социум и власть. 2020. № 4.

12. Головкин А.В. Инициация как ритуальная практика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiatsiya-kak-ritualnaya-praktika>
13. Юнг К.Г. Феномен самости. Москва: АСТ, 2020.
14. Юнг К.Г. О психологии западных и восточных религий. Москва: АСТ, 2022.

References

1. Ulanov M.S. Eurasianism, Orthodoxy and Buddhism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-pravoslavie-i-buddizm>
2. Jung CG Analytical Psychology. Past and present. Moscow: Martis; 1995.
3. Jung CG Course of lectures "Psychology and Religion". URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4233>
4. Rank O. Hero birth myth. URL: <https://coollib.in/b/481364>
5. Armstrong K. Buddha: trans. From English. Moscow: Alpina non-fiction; 2017.
6. Isaeva H.V. Maya / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. *New Philosophical Encyclopedia* Moscow: Thought; 2010.
7. Edinger E. Ego and archetype. Consciousness and the unconscious in myth, religion and culture. URL: <https://www.litres.ru/book/edward-f-edinger/ego-i-arhetip-soznanie-i-bessoznatelnoe-v-mife-religii-i-70754029/>
8. Bogdanova A.G. The image of a tree in Jungian analysis. URL: https://www.b17.ru/article/obraz_dereva_v_yungianskom_analize/
9. Lalitavistara. Sutra on Buddha's life. Birth: trans. From English. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2018.
10. Kusmidinova M.Kh. Interpretation of the image of the river in mythology. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/115681/1/978-5-7525-4009-7_063.pdf
11. Uncle N.G. Practices of self-knowledge in Buddhism and modern philosophical education. *Society and power*. 2020; (4).
12. Golovko A.V. Initiation as a ritual practice. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiatsiya-kak-ritualnaya-praktika>
13. Jung CG The phenomenon of selfhood. Moscow: AST; 2020.
14. Jung CG On the Psychology of Western and Eastern Religions. Moscow: AST; 2022.

Информация об авторе:

Окулова Мария Аркадьевна, зам. директора по экологическому просвещению и международному сотрудничеству, ФГБУ «Земля леопарда», г. Владивосток, marokula@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>

EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>

Дата поступления:
15.07.2024

Одобрена после рецензирования:
19.07.2024

Принята к публикации:
15.10.2024

Научная статья

УДК 37.015.3

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/196-207>

EDN: <https://elibrary.ru/LBZNQT>

Почему нельзя «мотивировать на учебу» подростков: экзистенциальная и учебная мотивация подростков 15–16 лет

Чернявская Валентина Станиславовна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Обсуждается проблема недостатка данных о мотивации подростка в контексте взаимосвязей фундаментальной экзистенциальной мотивации и школьной мотивации в условиях, когда существует взгляд на мотивацию как вариант манипуляции. Поставлена и достигнута цель уточнения психологических особенностей взаимосвязей экзистенциальной мотивации и школьной мотивации подростка. Раскрыт авторский взгляд на мотивацию как внутренний ресурс, а не внешний стимул. В рамках теоретического анализа показаны возрастные особенности развития личности, ведущих видов деятельности в контексте мотивации. Описаны варианты нарушения развития мотивации подростка – инфантилизм, выученная беспомощность. Эмпирическое исследование проведено на выборке $N = 76$ школьников 14–15 лет. Методы исследования: тест школьной мотивации В. Хеннига, тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле (Шумский с соавт.). Представлены результаты сопоставления экзистенциальных фундаментальных мотиваций (экзистенциальный анализ А. Лэнгле) и детализации учебных мотивов (В. Хеннига). Данные корреляционного анализа показали тесную взаимосвязь экзистенциальных и учебных мотивов подростков. Однако каждая фундаментальная экзистенциальная мотивация связана со школьными мотивами особым образом; они раскрывают сущность внутреннего ресурса личности подростка, в отличие от внешнего стимулирования.

Ключевые слова: подростки, школьная мотивация, экзистенциальная мотивация, взаимосвязь, внутренний диалог, возрастные особенности.

Для цитирования: Чернявская В.С. Почему нельзя «мотивировать на учебу» подростков: экзистенциальная и учебная мотивация подростков 15–16 лет // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 196–207. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/196-207>. EDN: <https://elibrary.ru/>

Original article

Why one can't «motivate teenagers to study»: existential and academic motivation of adolescents aged 15–16

Valentina S. Chernyavskaya

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

Abstract. The problem of the lack of data on adolescent motivation is discussed in the context of the interrelationships of fundamental existential motivation and school motivation in conditions where motivation is viewed as a means of manipulation. The goal of clarifying the psychological features of the interrelationships of existential motivation and school motivation of a teenager has been set and achieved. The author's view of motivation as an internal resource, rather than an external incentive, is presented. Within the

---

© Чернявская В.С., 2024

framework of the theoretical analysis, the age-related features of personality development, leading activities in the context of motivation are shown. The results of impaired development of adolescent motivation are described, such as infantilism and weaponized incompetence. An empirical study was conducted on a sample of N = 76 schoolchildren aged 14–15. Research methods – the test of school motivation by V. Hennig and the TEM method – the test of existential motivations by A. Langle (Shumsky et al.) The results of the comparison of existential fundamental motivations (A. Langle's existential analysis) and the detailing of educational motives (V. Hennig) are presented. The data of the correlation analysis showed a close relation of the existential and educational motives of adolescents. However, each fundamental existential motivation is connected with school motives in a special way, revealing the essence of the inner source of the teenager's personality, rather than external stimulation.

Keywords: teenagers, school motivation, existential motivation, interrelation, internal dialogue, age characteristics.

For citation: Chernyavskaya V.S. Why one can't «motivate teenagers to study»: existential and academic motivation of adolescents aged 15–16 // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University.* 2024. Vol. 16, № 4. P. 196–207. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/196-207>. EDN: <https://elibrary.ru/>

Введение

В настоящее время, когда глобальные вызовы потрясают общество, жизнь развивающейся личности требует особо пристального внимания и научного исследования. Особенно важными для изучения являются сущностные основания развития жизни подростка, мотивационная сфера его личности. Независимо от периода социального развития внимание психологов всегда было приковано к особенностям и проблемам подросткового возраста, поскольку этот жизненный этап «бури и натиска» часто становится переломным для жизни и обладает импульсом для перспектив развития человека. В обществе, когда ключевые ценности отражают прагматические тенденции человека и борьбу за финансовые и человеческие ресурсы в организации управления компаниями, активно работают системы мотивации персонала, но на поверку они оказываются системой распределения разного рода стимулов, что свидетельствует о стимулировании, а не учете мотивов людей. Соответственно, в системе образования бытует взгляд на мотивацию личности как стимуляцию бихевиорального толка, что подтверждает проблему неадекватности понимания психологического феномена мотивации. На наш взгляд, крайне важным аспектом изучения мотивации является ценностно-мотивационная сфера личности подростка. По мнению С.В. Кривцовой, «Подросток стремится ворваться в большой мир со своими ценностями и проверить их на взрослых» [1, с. 28]. Вопросам учебной мотивации посвящено наибольшее количество исследований мотивации. По запросу «учебная мотивация» в eLibrary найдено 2917 публикаций с ключевым словом «учебная мотивация» (URL: https://www.elibrary.ru/keyword_items.asp?id=2525404&show_option=0). Однако данных о том, каковы связи фундаментальных экзистенциальных мотивов и учебной мотивации школьников подросткового возраста, нами не найдено.

Проблема исследования состоит в недостатке данных о мотивации подростка в контексте взаимосвязей фундаментальной экзистенциальной мотивации и школьной мотивации в условиях, когда существует взгляд на мотивацию как стимуляцию бихевиорального толка или даже форму манипуляции.

Основная гипотеза состояла в предположении о том, что мотивы учения школьника подросткового возраста связаны с экзистенциальными фундаментальными мотивами – доверие к миру, ценность жизни, самооценочность, смысл, стоящими в основе бытия человека, будучи основанными на их базе, что в эмпирическом плане отражается в тесноте взаимосвязей соответствующих показателей экзистенциальных и учебных мотивов.

Целью исследования является уточнение психологических особенностей взаимосвязей экзистенциальной мотивации и школьной мотивации подростка.

Категория мотивации давно и глубоко исследуется в психологии. Контекст мотивации затрагивается в исследованиях по общей, возрастной и педагогической психологии. Мотивация учения привлекает внимание школьных учителей и родителей, как некий секрет, который знаком психологам. Зачастую психологи сталкиваются с запросом на развитие мотивации школьников. Но как формулируются такого рода запросы и чего на самом деле хотят учителя и родители? Родители задают вопрос: «Как замотивировать ребенка?». В этом запросе подразумевается бихевиоральный контекст: «Сделайте что-то или посоветуйте, что мне сделать, чтобы ребенок поступал так, как я считаю нужным». Очевидно, что запрос из области реализации мотивов власти (или манипуляции) родителя или учителя. Если в разных семьях системы взаимодействия с ребенком имеют большие различия, то школьное образование, как правило, прочно стоит на бихевиоральной методологии, в рамках которой важнейшим является подбор стимула для ожидаемой реакции, где позитивный стимул – хорошая оценка, положительное эмоциональное подкрепление учителя, негативный стимул – низкая оценка, вызов родителей в школу. В 6–7 лет, когда школьник начинает учиться, он искренне хочет ходить в школу и реализует ведущий тип деятельности – учебную деятельность; учитель становится для него референтной фигурой, он слушается и уважает его. Но учебная деятельность – вид активности, связанный с целью, и дети старшего дошкольного возраста способны осуществлять настоящую деятельность с постановкой цели, выявлением средств и критериев достижения, самоконтролем, оценкой и рефлексией. Ведущим мотивом первоклассника становится учение как часть социализации: через обучение в школе ребенок становится частью общества [2, 3]. Конечно, личность ученика начальной школы обладает возрастными индивидуальными, чаще неосознанными мотивами, которые важно изучать до того, как возникнут трудности в учебе. Но в традиционной школе цели для учеников ставит учитель; он же оценивает результаты достижения указанных целей. Кроме того, ученик начальной школы прочно связывает свои учебные достижения с эмоциональными реакциями учителя, а не «вслушивается» в собственные состояния, интересы и мотивы. Так школьник становится объектом бихевиоральной системы и может утрачивать собственную мотивацию, что приводит также к выученной беспомощности. В подростковом возрасте ведущим видом деятельности выступает общение со сверстниками, что, скорее, негативно сказывается на учебе ребенка, поскольку, несмотря на привычку к бихевиоральной системе образования, возрастные особенности подростка влекут его к «чувству взрослости», самостоятельности мнения; отношения со сверстниками для него становятся очень важными.

Именно у подростка возрастные особенности с особой силой вступают в противоречие с бихевиоральной системой школы. Его мотивы существенно отличаются от мотивов ученика начальной школы; они становятся более осознанными, в том числе за счет желания самоутвердиться в своем мнении (чувство взрослости, максимализм). Мотивы подростка в еще большей мере индивидуализируются. Развитие Я-концепции сопутствует этому процессу [2, 3].

Проблемой современных подростков становится отсутствие мотивов, в том числе учебных, так как учителя и родители активно заменяли их на внешние стимулы [4, 5].

В.В. Грачев, Л.А. Попова, С.Н. Ениколопов и другие показали, что при инфантилизме отмечается недостаточность развития структуры иерархии мотивов в мотивационно-потребностной сфере – преобладают мотивы и потребности, свойственные более раннему возрасту (желание играть и развлекаться, праздну проводить время). В личностной сфере отмечаются слабость личностной направленности и личностных установок, недостаточность самосознания, саморегуляции, рефлексии, самооценки [8, 9, 10]. Росту инфантилизма, состояния выученной беспомощности способствуют ситуации депривированного, фрустрирующего характера в отношении ряда значимых для юношеского возраста потребностей, например самоизоляция и вынужденное дистанционное обучение [11].

Подросток не знает, чего он хочет, кем хочет стать, что делать и чем заниматься, скучает, нуждаясь в сильных внешних стимулах. Это способствует формированию разного рода зависимостей.

Мотивационная сфера личности изучается в разных подходах, в том числе гуманистическом и экзистенциальном, которые в отличие от бихевиорально-поведенческого основаны на представлении о важности внутреннего мира человека. В экзистенциальном анализе определяются четыре движущие силы личности – фундаментальные экзистенциальные мотивации: отношение к окружающему миру, жизни, самому себе, будущему и смыслу. Эти движущие силы являются условиями для осуществления исполненной экзистенции. По мнению А. Лэнгле, «экзистировать значит действовать согласно свободной (т.е. соответствующей собственной сущности) воле. Самое главное в формировании воли – это нахождение внутреннего согласия в решимости» [12, 13]. Каждое из вышеуказанных условий может рассматриваться как уровень существования. Первая фундаментальная мотивация (1ФМ) отвечает на вопрос о взаимоотношении с миром: «Могу ли я жить в этом мире?». Ответ на этот вопрос человек может дать себе всегда. Становление этого условия происходит довольно рано, С.В. Кривцова пишет о возрасте до 7 лет. В этот период человек уже может ощутить, есть ли у него опора, пространство, защита, может ли он согласиться с таким миром [1, 13]. С 7 до 13 лет развивается чувствительность к переживанию ценностей жизни. Благодаря ФМ человек переживает эмоции, которые приводят в действие его жизнь. Ключевыми составляющими второй экзистенциальной мотивации (2ФМ) являются отношения, пространство и время. 2ФМ – это переживание фундаментальной ценности жизни. С.В. Кривцова полагает, что время глубокого переживания и становления 2ФМ – с 7 до 13 лет, т.е. затрагивает младший подростковый возраст. 3ФМ – мотивация аутентичности, соответствующая классическим подходам к поиску идентичности в юношеском возрасте – с 13 лет до 21 года. Она включает уважительное внимание, справедливое отношение, признание ценности Я. Вопрос, который ставится в рамках этой мотивации: «Я есть Я, но имею ли я право быть собой?». С.В. Кривцова уточняет ключевые вопросы: «Как мне все больше и больше быть самим собой? Что мне нужно сделать, чтобы не только найти себя, но и научиться ценить?» [1, 13]. Вместе с тем другие авторы высоко оценивают включенность современных подростков в мотивацию 4ФМ – смысл. Его составляющие – структурные взаимосвязи, поле для деятельности, взаимосвязи с будущим [14–17].

С.В. Кривцова считает, что особую значимость фундаментальная мотивация 4ФМ – смысл имеет в связи с размышлениями и сомнениями [1, 13]. Мы полагаем, что, когда подросток ведет диалог с самим собой, в том числе и на фоне конфликта, он находит цель – такое решение, которое внутренне ощущалось бы как правильное – это занятие позиции. Выявление взаимосвязи экзистенциальной и учебной мотивации у подростков свидетельствует о той фундаментальной силе, которая стоит за реализацией под-

ростком внешне заданных целей и соответственно выработанных мотивов учения. Именно в такого рода связи коренится активная жизненная позиция подростков, их заинтересованность в принятии себя, мира, жизни и смысла, своей жизненной стратегии.

Методология исследования базируется на положениях экзистенциального анализа А. Лэнгле, С.В. Кривцовой, культурно-исторической психологии Л.С. Выготского о важности и единстве аффекта и интеллекта в образовании, а также на базе теорий возрастной психологии.

Методы исследования: теоретический анализ, психодиагностическое тестирование, методика изучения школьной мотивации В. Хеннига [18, 19], представленная в пособии [20, с. 39–41], тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле в адаптации В.Б. Шумского и др. [21], метод ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Выборку исследования составили ученики одной из школ Приморского края ($N = 67$) в возрасте 14–15 лет (ср. 14,8); из них 36 – женского, 31 – мужского пола.

Основная часть

Рассмотрим данные, показывающие взаимосвязи экзистенциальной и учебной мотивации в подростковом возрасте. При анализе определены показатели выраженности четырех фундаментальных мотиваций [21]. Полученные данные были разделены на три уровня по степени выраженности мотива. Результаты исследования представлены на рис. 1.

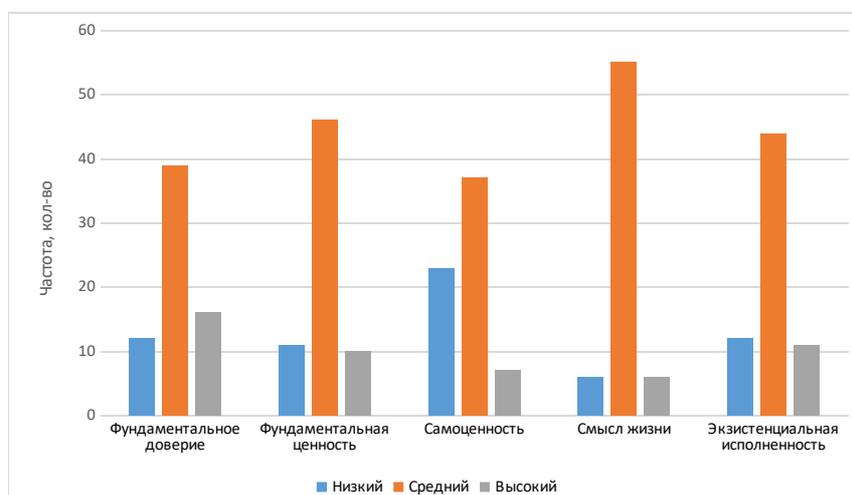

Рис. 1. Распределение уровней фундаментальной мотивации

Анализируя полученные данные (см. рис. 1), можно сделать вывод о том, что больше половины учащихся показали умеренный уровень фундаментального доверия к миру, способность существования в настоящем мире в тех условиях, в которых личность находится. Для пятой части группы выраженность первой фундаментальной мотивации высока, для меньшей части (18%) свойственна низкая выраженность 1ФМ. Распределение показателей 2ФМ показало, что больше половины учащихся переживают умеренную ценность жизни. Практически равные части учащихся переживают низкое и высокое ощущение ценности жизни. Анализ результатов диагностики 3ФМ показал схожий уровень распределения: более половины подростков показали умеренный уровень переживания 2ФМ, около трети – низкий уровень, а коли-

чество подростков с высоким уровнем ощущения персональной самооценности – на втором месте по минимальному уровню среди всех показателей. Количество респондентов со средним уровнем переживания 4ФМ оказалось наиболее высоким по сравнению с другими экзистенциальными мотивациями. Однако число подростков с высоким уровнем осмысленности наиболее низко по сравнению со всеми представленными данными. Вместе с тем число лиц с низким показателем осмысленности тоже минимально.

Это свидетельствует о том, что подростки стремятся понимать свое бытие в более широких контекстах и видеть в нем смысл. Общие показатели экзистенциальной исполненности, результирующей данные всех фундаментальных мотиваций, таковы: больше половины учащихся имеют умеренную экзистенциальную исполненность – переживание глубокого внутреннего согласия с тем, что имеет место быть, или с тем, что сделано, переживание соответствия экзистенциальной исполненности своей сущности и обстоятельствам.

Рассмотрим результаты изучения школьной мотивации по методике В. Хеннига (рис. 2).

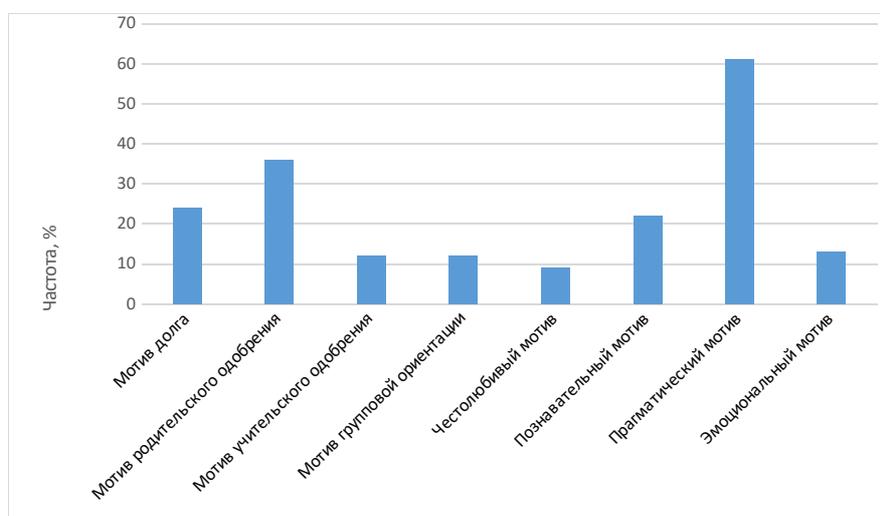

Рис. 2. Распределение частоты доминирующих мотивов

Оказалось, что большинство учащихся имеет низкий уровень выраженности всех мотивов, за исключением мотива родительского одобрения и прагматического мотива, т.е. подростки находятся под сильным влиянием родителей или интереса к выгоде, пользе, стремятся к достижению разного рода ресурсов.

Наименее значимым для учащихся выступает честолюбивый мотив. Его отвергают абсолютное большинство учащихся (79%), что свидетельствует о невысоком стремлении к значимости, статусу, славе; только пятая часть руководствуется этим мотивом. Практически на том же уровне находятся мотивы учительского одобрения и групповой ориентации, которые являются нехарактерными для подростков (78%). Низкая выраженность данных мотивов демонстрирует то, что для большинства учащихся не характерны: стремление к признанию школьных успехов, получение похвалы и одобрения со стороны учителей, ориентация на учебную группу. Это соответствует ведущему виду деятельности – общению в кругу сверстников, где цели отличаются от учебных.

Эмоциональный мотив не является характерным для абсолютного большинства подростков, так как эмоциональной сфере в обучении уделяется крайне мало внимания. Две трети учащихся имеют низкую выраженность познавательного мотива, что указывает на отсутствие интереса к новому знанию; школьники не стремятся к получению удовольствия от учебного процесса.

Мотив долга также продемонстрировал низкие показатели в структуре мотивации у большинства учащихся и имеет значение лишь для трети учащихся. Это указывает на то, что большинство подростков в процессе обучения не ориентируются на потенциальную значимость получаемых знаний для других людей, общества в целом в будущем.

Проведенный анализ позволил выделить две группы: 1) нормативную, где выраженность школьной мотивации является достаточной хотя бы по одной группе мотивов; 2) риска, где наблюдается низкая выраженность всех представленных мотивов школьного обучения (рис. 3).

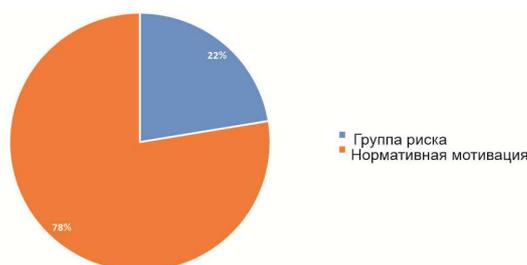

Рис. 3. Распределение групп по выраженности школьной мотивации

Полученные данные свидетельствуют о том, что почти четверть школьников подросткового возраста не имеют выраженных мотивов: не знают, что они хотят, что им нравится, к чему они готовятся в школе. Выше указано, что к такого рода показателям приводит доминирование родителей и учителей в «задавании планок, целей и задач». В результате подросток теряет собственные мотивы. Вместе с тем большинство подростков исследуемой группы относятся к нормативному уровню мотивации.

Цель исследования предусматривала изучение взаимосвязей фундаментальных экзистенциальных мотиваций, которые стоят за любыми мотивами более поверхностного свойства. Представим отдельно взаимосвязи каждой из фундаментальных мотиваций с результатами диагностики каждой из шкал школьной мотивации по методике В. Хеннига (табл. 1).

Представленные данные свидетельствуют о достоверности связей выраженности первой фундаментальной мотивации и мотива долга, родительского одобрения (в большей степени); несколько в меньшей степени показатели 1ФМ связаны с мотивом учительского одобрения, познавательным и эмоциональным мотивами. Наиболее выражена теснота связей показателя «защита» со всеми школьными мотивами. Данные взаимосвязи свидетельствуют о том, что чем выше у подростка фундаментальное доверие по отношению к заданным условиям существования, способность существования в настоящем мире в тех условиях, в которых личность находится, тем в большей степени он мотивирован на долг, родительское одобрение, учительское одобрение, познание, эмоциональное отношение.

Таблица 1

Взаимосвязи первой фундаментальной экзистенциальной мотивации и школьной мотивации подростков (критерий Ч. Спирмена)

Показатель	Мотив долга	Мотив родительского одобрения	Мотив учительского одобрения	Познавательный мотив	Эмоциональный мотив
Опора	0,376**	0,294*	0,273*	0,324**	0,262*
Пространство	0,265*	0,286*	0,286*		
Защита	0,324**	0,324**	0,324**	0,324**	0,324**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Результаты взаимосвязи учебной мотивации и показателей второй фундаментальной мотивации представлены в табл. 2.

Таблица 2

Взаимосвязи второй фундаментальной экзистенциальной мотивации и школьной мотивации подростков (критерий Ч. Спирмена)

Показатель	Мотив долга	Мотив учительского одобрения	Честолюбивый мотив	Познавательный мотив	Прагматический мотив	Эмоциональный мотив
Соотнесенность	0,253*			0,285*		0,345**
Время		0,260*				
Близость	0,334**		0,277*	0,410**	0,314**	0,342**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Достоверные связи выраженности второй фундаментальной мотивации и всех школьных мотивов в разной степени свидетельствуют о том, что чем выше у подростка фундаментальная ценность жизни, тем в большей степени он имеет выраженность мотивов (по степени снижения значимости): эмоционального, познания, долга, честолюбия, прагматического и учительского одобрения.

Анализ взаимосвязей школьной мотивации и показателей третьей фундаментальной мотивации показаны в табл. 3.

Таблица 3

Взаимосвязи третьей фундаментальной экзистенциальной мотивации и школьной мотивации подростков (критерий Ч. Спирмена)

Показатель	Мотив долга	Мотив родительского одобрения	Познавательный мотив	Прагматический мотив	Эмоциональный мотив
Заинтересованное внимание		0,254*	0,344**	0,325**	

Окончание табл. 3

Показатель	Мотив долга	Мотив родительского одобрения	Познавательный мотив	Прагматический мотив	Эмоциональный мотив
Справедливое отношение	0,373**		0,260*	0,341**	0,255*
Признание ценности	0,355**		0,311*	0,348**	0,247*

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Достоверность взаимосвязей свидетельствует о влиянии самооценки на выраженность, во-первых, прагматического мотива; во-вторых, мотива долга. Остальные связи также имеют место, но выражены в меньшей степени. Чем выше у подростка фундаментальное стремление к ощущению собственной самооценки, принятию аутентичных решений, тем в большей степени он мотивирован потенциальной значимостью прагматического мотива, мотива долга и других школьных мотивов.

В таблице 4 представлены результаты исследования взаимосвязи учебной мотивации, показателей четвертой фундаментальной мотивации, а также общего показателя экзистенциальной исполненности.

Таблица 4

Взаимосвязи четвертой фундаментальной экзистенциальной мотивации, экзистенциальной исполненности и школьной мотивации подростков (критерий Ч. Спирмена)

Показатель	Мотив долга	Мотив родительского одобрения	Мотив учительского одобрения	Честолюбивый мотив	Познавательный мотив	Прагматический мотив	Эмоциональный мотив
Возможности для деятельности	0,354**	0,292*	0,315**		0,343**	0,280*	0,342**
Включенность во взаимосвязи				0,357**			
Ценность в будущем				0,316**			
Экзистенциальная исполненность (общий уровень)	0,343**		0,253*	0,264*	0,355**	0,289*	0,343**

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Достоверность взаимосвязей фундаментальных и школьных мотивов свидетельствует о том, что осмысленность и ценность будущего, включенность во взаимосвязи, возможности для деятельности становятся базой для школьных мотивов, особенно для мотива честолюбия.

Отсутствие достоверных взаимосвязей показателей экзистенциальной исполненности и мотива родительского одобрения свидетельствует о том, что сказать жизни «да» можно только лично, но не для родительского одобрения.

Заключение

В работе уточнены психологические особенности взаимосвязей экзистенциальной и школьной мотиваций. Среди школьных мотивов у подростков 14–15 лет преобладают мотивы родительского одобрения и прагматические мотивы, что препятствует их саморазвитию в сфере познания нового. Вероятно, в этом отражается настойчивость требований родителей, которая в определенной мере лишает школьников собственных мотивов. Существенная часть подростков вообще не имеет выраженных школьных мотивов; мотивы утрачены, предположительно, по той же причине.

Школьные мотивы тесно взаимосвязаны с фундаментальными экзистенциальными мотивациями. Фундаментальность и жизненная значимость экзистенциальных мотиваций предполагает, что взаимосвязи между ними и школьными мотивами можно интерпретировать как влияние экзистенциальных мотивов на школьные. Однако каждая фундаментальная экзистенциальная мотивация связана со школьными мотивами особым образом. Особую силу влияния имеет 1ФМ – доверие к миру. Она оказывает мощное влияние на все школьные мотивы, особенно на защиту. Вероятно, не всегда подростки в школе чувствуют себя защищенными, и эта часть фундаментальной мотивации влияет буквально на всю школьную жизнь. 2ФМ – ценность жизни – также влияет на школьные мотивы подростка, особенно на эмоциональный, долга и познавательный. 3ФМ сильно влияет на все мотивы, но в наибольшей степени на познавательный и прагматический. С учебными мотивами имеют взаимосвязи и предпосылки четвертой фундаментальной мотивации – возможности для деятельности, включенность во взаимосвязи и ценность в будущем.

Весьма показательным, что не обнаружено влияния экзистенциальной исполненности на мотив родительского одобрения. Это подтверждает наш тезис о том, что нельзя «мотивировать подростков на учебу», надо дать им самим пространство, опору, защиту, ценности и условия для роста самооценки, расцвета их собственных мотивов.

Автор выражает благодарность бакалавру психологии Антиповой Яне Сергеевне за предоставление эмпирических данных.

Список источников

1. Кривцова С.В. Самость, я и person: три аспекта развивающейся личности в экзистенциальном анализе // Психологические проблемы смысла жизни и акме: электронный сб. матер. XXIII Междунар. симпозиума (Москва, 11–12 апреля 2018 г.). Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2018. С. 25–40.
2. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. Москва: Трикола, 1998. 351 с.
3. Крайг Г. Психология развития. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 992 с.
4. Бережнова Д.Б., Пономаренко Е.А. Факторы формирования выученной беспомощности подростка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 24. С. 23–27.
5. Митин Г.В. Влияние негативных психоэмоциональных состояний педагога на поведение и состояния учащихся // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: сб. матер. IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Казань, 08–10 ноября 2023 г.). Казань: Изд-во ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2023. С. 416–421.
6. Выготский Л.С. Психология развития человека. Москва: Эксмо, 2006. 1136 с.

7. Лебединский В.В. Нарушения психического развития. Москва: Академия, 2006. 144 с.
8. Полякова И.В. Психологические особенности взаимосвязи уровня развития социального интеллекта и психической инфантильности подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2023. Т. 23, № 2. С. 29–37.
9. Петренко Е.А., Митрухина С.В. Социальный инфантилизм как социальная проблема // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. 2023. № 4 (46). С. 101–105.
10. Грачев В.В., Попова Л.А., Ениколопов С.Н. Биопсихосоциальный подход к проблеме психического инфантилизма у подростков // Сибирский психологический журнал. 2012. № 43. С. 30–38.
11. Актуальные проблемы в сфере психологического здоровья студенчества: вызов пандемии COVID-19 / О.В. Волкова, О.А. Цветкова, А.Ю. Шадрина, А.В. Рупека // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2021. Т. 23, № 3 (87). С. 661–672. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-3-661-672. EDN JLXXSN
12. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ свободы. О практическом и психотерапевтическом обосновании персональной свободы (Часть 2) // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 1. С. 119–139. DOI: 10.17759/cpp.2019270108
13. Кривцова С.В. Вызовы неопределенности и становление внутренней прочности личности в процессе онтогенеза (экзистенциально-аналитический подход) // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 8.
14. Малахова В.Р., Чернявская В.С. Самораскрытие способностей подростка: от родительского отношения до академической успешности. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2023. 187 с. ISBN 978-5-8343-1251-2. EDN SRPTEK
15. Попова Т.А. Экзистенциальная составляющая я-концепция подростка: теория и практика исследования // Психология смысла жизни: школа В.Э. Чудновского. Москва, 2021. С. 284–294.
16. Гордеева Т.О., Сычев О.А. Стратегии самомотивации: качество внутреннего диалога важно для благополучия и академической успешности // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 5. С. 6–16.
17. Кочунене Ю. Экзистенциальный взгляд на «трудного» подростка: возможность и пространство для терапевтических изменений // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 3. С. 89–95.
18. Hennig Werner. Lernmotive bei Schülern (Psychologische Beiträge. Heft 23). Volk und Wissen Volkseigener Verlag. Berlin, 1978. 96 p.
19. Лидерс А.Г., Хенниг В. Мотивы учения у школьников // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 161, 162.
20. Диагностика и коррекция социальной дезадаптации подростков: пособие для психологов, педагогов, психосоциальных и социальных работников / под ред. С.А. Беличевой. Москва: Редакционно-изд. центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1999, 115 с.
21. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций / В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, Я.Д. Лупандина // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2016. Т. 13, № 4. С. 763–788.

References

1. Krivtsova S.V. Self, me and person: three aspects of a developing personality in existential analysis. *Psychological problems of the meaning of life and acme: Electronic collection of materials from the XXIII International Symposium* (Moscow, April 11–12, 2018). Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; 2018. P. 25–40.
2. Obukhova L.F. Child psychology: theories, facts, problems. Moscow: Trivola; 1998. 351 p.
3. Kraig G. Developmental psychology. St. Petersburg: Peter; 2000. 992 p.
4. Berezhnova D.B., Ponomarenko E.A. Factors in the formation of the learned helplessness of a teenager. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2016; (24): 23–27.
5. Mitin G.V. The influence of negative psycho-emotional states of the teacher on the behavior and states of students. *Psychology of human conditions: current theoretical and ap-*

- plied problems: Sat. mater. IV All-Russia. scientific. conf. with international participation (Kazan, November 08–10, 2023)*. Kazan: Publishing House of FSAEI HPE "Kazan (Volga) Federal University"; 2023. P. 416–421.
6. Vygotsky L.S. Psychology of human development. Moscow: Eksmo; 2006. 1136 p.
  7. Lebedinsky V.V. Mental development disorders. Moscow: Academy; 2006. 144 p.
  8. Polyakova I.V. Psychological features of the relationship between the level of development of social intelligence and mental infantilism of adolescents. *Issues of mental health of children and adolescents*. 2023; 23 (2): 29–37.
  9. Petrenko E.A., Mitrukhin S.V. Social infantilism as a social problem. *Bulletin of Khakass State University named after N.F. Katanov*. 2023; 4 (46): 101–105.
  10. Grachev V.V., Popova L.A., Enikolopov S.N. Biopsychosocial approach to the problem of mental infantilism in adolescents. *Siberian Psychological Journal*. 2012; (43): 30–38.
  11. Actual problems in the field of psychological health of students: the challenge of the COVID-19 pandemic / O.V. Volkova, O.A. Tsvetkova, A.Yu. Shadrina, A.V. Rupeka. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2021; 23 (3 (87)): 661–672. DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-3-661-672. EDN JLXXSN
  12. Langle A. Existential analysis of freedom. On the practical and psychotherapeutic justification of personal freedom (Part 2). *Consultative psychology and psychotherapy*. 2019; 27 (1): 119–139. DOI: 10.17759/cpp.2019270108
  13. Krivtsova S.V. Challenges of uncertainty and the formation of the inner strength of the personality in the process of ontogenesis (existential-analytical approach). *Psychological research*. 2015; 8 (40): 8.
  14. Malakhova V.R., Chernyavskaya V.S. Self-disclosure of the abilities of a teenager: from parental relations to academic success. Vladivostok: Marine State University; 2023. 187 p. ISBN 978-5-8343-1251-2. EDN SRPTEK
  15. Popova T.A. Existential component of the I-concept of a teenager: theory and practice of research. Psychology of the meaning of life: school of V.E. Chudnovsky. Moscow; 2021. P. 284–294.
  16. Gordeeva T.O., Sychev O.A. Strategies of self-motivation: the quality of internal dialogue is important for well-being and academic success. *Psychological science and education*. 2021; 26 (5): 6–16.
  17. Kochunene Yu. Existential view of the "difficult" teenager: the possibility and space for therapeutic changes. *Moscow Psychotherapeutic Journal*. 2002; (3): 89–95.
  18. Hennig Werner. Lernmotive bei Schülern (Psychologische Beiträge. Heft 23). Volk und Wissen Volkseigener Verlag. Berlin; 1978. 96 p.
  19. Leaders A.G., Hennig V. Motives of teaching schoolchildren. *Questions of psychology*. 1980; (1): 161, 162.
  20. Diagnosis and correction of social maladjustment of adolescents: a manual for psychologists, teachers, psychosocial and social workers under the editorship of S.A. Belicheva. Moscow: Editorial and Publishing Center of the Consortium "Social Health of Russia"; 1999. 115 p.
  21. Diagnosis of existential fulfillment: the original Russian-language version of the test of existential motivations Psychology / V.B. Shumsky, E.M. Ukolova, E.N. Osin, Y.D. Lupandina. *Journal of the Higher School of Economics*. 2016; 13 (4): 763–788.

Информация об авторе:

Чернявская Валентина Станиславовна, д-р пед. наук, профессор, профессор каф. философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/196-207>

EDN: <https://elibrary.ru/LBZNQT>

Дата поступления:
15.08.2024

Одобрена после рецензирования:
17.08.2024

Принята к публикации:
26.08.2024

Научная статья

УДК 378.14; 371.3

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/208-221>

EDN: <https://elibrary.ru/JXAVDK>

Формирование культуры речи у учащихся в контексте воспитательной работы вуза

Криницкая Марина Юрьевна

Борзова Татьяна Александровна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассматривается проблема активного использования студентами вузов иноязычной лексики в повседневной речи и методы формирования культуры речи у молодежи в контексте воспитательной работы. Цель исследования – выявить источники употребления заимствованной лексики студентами и разработать эффективные учебные материалы по регулятивности данного явления. Методы исследования включали наблюдение за речевым поведением студентов, теоретический анализ психолого-педагогической литературы. Результаты исследования показали, что активное использование студентами иностранных слов обусловлено как внешними социокультурными факторами (влияние глобализации, Интернета, массовой культуры), так и внутренними психологическими потребностями молодежи (желание самоидентификации, стремление к престижности). Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении проблемы использования заимствованной лексики студентами с позиций соответствия нормативно-правовым актам российского государства, требований педагогической науки и разработки рекомендаций по совершенствованию воспитательной работы в вузе. В заключении представлены инструменты (задания), которые расширяют представления учащихся об особенностях речевого поведения в той или иной ситуации общения. Понимание данных особенностей речевого поведения студентов и дальнейшее изучение влияния заимствований на формирование их языковой личности позволяют говорить о перспективах дальнейшего исследования: детальной разработке учебно-методических материалов по развитию культуры речи у учащихся в условиях языковой глобализации; выявлению роли педагога в предупреждении чрезмерного использования студентами иностранных слов и т.д. Результаты исследования могут быть применены в практике профессиональной подготовки будущих педагогов, в деятельности молодежных центров по воспитательной работе, а также в преподавании дисциплин, направленных на развитие коммуникативной компетентности студентов.*

***Ключевые слова:** воспитание, культура речи, русский язык, заимствованная лексика, педагогика, языковая компетентность, эффективная коммуникация, образовательные технологии, воспитательная работа.*

***Для цитирования:** Криницкая М.Ю., Борзова Т.А. Формирование культуры речи у учащихся в контексте воспитательной работы вуза // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 208–221. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/208-221>. EDN: <https://elibrary.ru/JXAVDK>*

Original article

The language fostering of students in the context of the university educational work

Marina Yu. Krinitskaia

Tatyana A. Borzova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The article considers the issue of students' frequent use of borrowed words in their everyday speech and proposes methods for developing speech culture in the context of educational work. The research aims to identify the sources of borrowed vocabulary and create effective learning materials to regulate this phenomenon. The methods used in the study included observing students' speech behavior and analyzing psychological and pedagogical literature. The results of the study showed that the active use of foreign words is influenced by both external sociocultural factors, such as globalization, the Internet, and mass culture, and internal psychological needs of young people, such as self-identification and prestige. The study offers a new perspective on students' use of borrowed vocabulary by considering factors such as compliance with the Russian laws, pedagogical requirements and recommendations for improving educational work at the university. The conclusion suggests assignments that help students better understand the nuances of speech behavior in different settings. Future research could focus on students' understanding of speech behavior and how borrowings affect the development of their linguistic identity leading to the creation of teaching and methodological materials for developing students' speech culture in the context of language globalization. Additionally, the study could explore the role of teachers in preventing excessive use of foreign words by students. The findings of this study can be applied in the professional training of future teachers, in the activities of youth centers for educational work, and in the teaching of courses that aim to develop students' communicative competence.*

Keywords: *education, speech culture, Russian, borrowed vocabulary, pedagogy, linguistic competence, effective communication, educational technologies, educational work.*

For citation: *Krinitskaia M.Yu., Borzova T.A. The language fostering of students in the context of the university educational work // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 208–221. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/208-221>. EDN: <https://elibrary.ru/JXAVDK>*

Введение

Актуальность проводимого исследования обусловлена повышенным интересом к вопросам культуры речи в современном социокультурном пространстве, в том числе и цифровом, и настоящей необходимостью ее целенаправленного формирования у студенческой молодежи в контексте воспитательной работы вуза. Культура речи как ключевой компонент общей культуры личности выступает важным индикатором уровня образованности, воспитанности и интеллектуального развития человека. Она находит непосредственное отражение в особенностях коммуникативного поведения индивида, определяя его способность к эффективному взаимодействию с окружающими. В этой связи владение нормами литературного языка, умение пользоваться его выразительными средствами приобретают особую значимость в современном информационном обществе, характеризующемся интенсификацией межличностных и профессиональных коммуникаций. Вместе с тем в речевом поведении студенческой молодежи на сегодняшний день отмечается тенденция к активному использованию заимствованной лексики, в частности англицизмов. Данный феномен, с одной стороны, отражает процессы глобализации и культурной интеграции,

а с другой – несет риски обеднения словарного запаса учащихся, снижения их языковой компетентности и, как следствие, затруднения в осуществлении полноценной коммуникации. В этих условиях особую актуальность приобретает задача целенаправленного формирования навыков культуры речи у студенческой молодежи в контексте воспитательной работы вуза. Решение данной задачи позволит не только развить коммуникативные компетенции будущих специалистов, но и создаст предпосылки для сохранения и трансляции ценностей родного языка и культуры в обществе в целом.

Актуальность обозначенной проблемы формирует цель данного исследования – выявить особенности использования иноязычной лексики в современной студенческой среде и разработать эффективные педагогические подходы к формированию культуры речи у студентов в контексте воспитательной работы вуза.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявить особенности использования англоязычной лексики в речи современных студентов и определить факторы, обуславливающие данное явление; разработать и представить практические рекомендации по реализации педагогической деятельности в контексте воспитательной работы высшей школы; апробировать предложенные рекомендации и оценить их эффективность в процессе формирования культуры речи у студентов.

Объект исследования – процесс формирования культуры речи у студентов в контексте воспитательной работы вуза, предмет – учебно-методические рекомендации, направленные на оптимизацию использования иноязычной лексики в речи учащихся.

В работе использованы следующие методы: метод анализа научной литературы, нормативно-правовых актов по проблеме использования иноязычной лексики в речи молодежи, а также по вопросам формирования культуры речи у студентов; методы сравнения, обобщения, систематизации и классификации полученных теоретических данных; методы формирования культуры речи у учащихся вуза. В эмпирической части работы применялся метод педагогического наблюдения за коммуникативными практиками учащихся в различных ситуациях общения.

Материалом для проведения исследования послужили научные, учебно-методические источники, посвященные вопросам культуры речи, использования заимствованной лексики в речевой практике, а также методикам и технологиям обучения и воспитания студентов, направленным на формирование коммуникативной компетентности учащихся; нормативно-правовые документы, регламентирующие организацию воспитательной работы в вузах; материалы эмпирического исследования, выявляющие особенности речевого поведения и отношения учащихся к использованию заимствований.

Статья представляет интерес для широкого круга специалистов в области лингвистики, методики преподавания, педагогики и организации воспитательной работы.

Основная часть

В рамках современной языковой политики российского государства, направленной на усиление роли государственного языка, Министерства просвещения, науки и высшего образования, культуры получили поручение от Кабинета министров РФ о разработке критериев излишнего использования иностранной лексики. Это распоряжение направлено на уточнение и возможное ограничение употребления иностранных слов в образовательных, научных и культурных сферах в России [1].

В исследованиях в области языкознания по-прежнему отсутствует унифицированный понятийно-категориальный аппарат для адекватного описания и анализа феномена языковой интерференции. Так, Е.Б. Коломейцева приводит обширный пере-

чень дефиниций, выделяемых различными авторами для обозначения данного феномена, в который входят *иноязычные вкрапления* (А.А. Леонтьев, Л.П. Крысин), *безэквивалентная лексика* (С.Г. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.Д. Швейцер и др.), *фоновая лексика* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров.), *экзотизмы*, *варваризмы* (А.А. Реформатский, В.И. Супрун), *лакуны* (Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, Д. Бенсон) и др. Отсутствие четкого понятийного аппарата может привести к неточностям или смешению данных терминов в ходе научных исследований [2]. Полагаем, что множественное количество указанных дефиниций, определяющих понятие языковой интерференции, зависит от подходов и методов лингвистических исследований языкового материала (т.е. лексемы могут рассматриваться как объект лексикологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, социолингвистики и других направлений современного языкознания и требуют различных подходов при их исследовании).

В данной работе слова, использующиеся в речевой коммуникации обучающихся, отнесем к заимствованиям. С точки зрения Л.П. Крысина, под заимствованием понимается «процесс перемещения различных языковых элементов одного языка в другой», при котором «под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики» [3, с. 25].

В современной лингвистике существует дифференцированный подход к классификации заимствований (они делятся по уровням языка). Например, студенты ВВГУ (Владивостокский государственный университет) используют в своей речи фонетические заимствования, т.е. заимствования, при которых происходит адаптация звукового облика иноязычных слов к фонетической системе принимающего языка: *краш* (от англ. crush) – объект влюбленности; *хайп* (от англ. hype) – ажиотаж, шумиха; *кринж* (от англ. cringe) – чувство неловкости, стыда; *фомо* (от англ. FOMO – fear of missing out) – страх пропустить что-то важное; *вайб* (от англ. vibe) – атмосфера, настроение; *дизлайк* (от англ. dislike) – неодобрение, неприязнь; *апгрейд* (от англ. upgrade) – улучшение, обновление; *мерч* (от англ. merch) – сувенирная продукция; *фейк* (от англ. fake) – подделка, обман; *лайфхак* (от англ. life hack) – совет, как сделать что-то проще или лучше; *изи* (англ. easy) – лёгкий, не требующий усилий; *ложкост* (от англ. low cost) – бюджетный; *буллинг* (англ. bullying) – запугивание, травля; *тикча* (от англ. pic/picture – картина) – картинка/рисунок; *кликбейт* (от англ. clickbait от click – щелчок + bait – приманка) – сенсационные заголовки, вынуждающие читателя кликнуть по ссылке и открыть другой информационный ресурс; *треш* (от англ. trash – мусор) – фраза, выражающая негативную реакцию на определенную ситуацию, и др.

Данные слова весьма часто используются в разговорной речи, так как более точно передают значения понятий и явлений, для которых в родном языке требуется зачастую описательный оборот. Об этом неоднократно говорили исследователи. Так, научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, член Совета при Президенте РФ по русскому языку, член Орфографической комиссии РАН, председатель Филологического совета Тотального диктанта В. Пахомов, который анализирует использование заимствований как необходимый процесс пополнения языка, рассматривает слова *джетлаг* (от англ. jet lag – реактивный самолёт + запаздывание): «Мы используем слово «джетлаг» не потому, что не хотим использовать вместо него нормальное русское слово. А потому что нет аналогичного, которым ёмко можно описать состояние дискомфорта, вызванное длительным перелётом и сменой часовых поясов»; *стендап* (от англ. stand up – стоять, встать): «Слово «стендап» не заменишь ни на «выступление»,

ни на «сценку», ни на «капустник»; *квиз* (от англ. quiz – викторина): «Викторина в баре – это странно» [4] и др.

Кроме того, студенты в повседневной речи используют лексические заимствования (освоение иноязычных слов и словосочетаний): *чилить* (от англ. to chill) – бездельничать, отдыхать; *флексить* (от англ. to flex) – хвастаться, выпендриваться; *токсичный* (от англ. toxic) – негативный, вредный; *чатнуть* (от англ. to chat) – общаться в чате; *зафолловить* (от англ. to follow) – подписаться на кого-либо в социальных сетях; *анфолловить* (от англ. to unfollow) – отписаться от кого-либо в социальных сетях; *троллить* (от англ. to troll) – провоцировать кого-либо на негативную реакцию; *хейтить* (от англ. to hate) – испытывать ненависть; *скипнуть* (от англ. to skip) – пропустить, проигнорировать; *фиксить* (от англ. to fix) – исправлять, чинить; *кринжовый* (от англ. cringe) – вызывающий чувство неловкости, стыда; *имба* (от англ. imbalance – дисбаланс) – человек, значительно выделяющийся среди остальных; *ливать*, *ливнуть* (от англ. leave – покидать) – покидать какое-либо место и др.

В современных исследованиях, посвященных изучению заимствований, принято выделять внутриязыковые и внеязыковые причины [5], при этом Л.П. Крысин выделяет еще социально-психологические причины [6].

Для данного исследования важно рассмотреть понятие культуры речи и его компоненты. Культурой речи принято считать владение нормами современного литературного языка, в рамках которого происходит отбор и формирование языковых элементов, которые позволяют «в определенной ситуации общения» и при соблюдении его этики «обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных задач коммуникации» [7, с. 204]. Культурой речи также принято считать раздел науки о языке, изучающий вопросы нормы языка и разрабатывающий рекомендации по ее использованию. Культура речи состоит из трех компонентов: нормативного, этического и коммуникативного [7, с. 204].

Считаем, что на формирование культуры речи у студентов вуза влияет множество различных факторов. К внутренним факторам отнесем: 1) личностные качества (уровень интеллектуального развития, интересы, мотивация, воля, темперамент, эмоциональная устойчивость); 2) лингвистическую подготовку (знание родного языка, владение навыками чтения, письма, устной речи); 3) речевую среду, в том числе и цифровую (язык семьи, друзей, окружающих людей); 4) личностную рефлексивность (осознание своих речевых недостатков, желание их исправить). К внешним факторам отнесем: 1) систему образования (качество преподавания русского языка и литературы в школе и вузе, использование современных методик обучения, наличие речевой практики); 2) социально-культурную среду (влияние СМИ, литературы, искусства, речевой культуры окружающих людей); 3) уровень научно-технического развития (влияние новых информационных технологий, Интернета, социальных сетей на язык и речь). Влияние внутренних и внешних факторов может быть как положительным, так и отрицательным [8].

Воспитательная работа вуза играет важную роль в формировании культуры речи у студентов. В вузах она может осуществляться по следующим направлениям: 1) аудиторная работа (проведение лекционных и практических занятий по вопросам культуры речи, истории языка, этике общения, риторике; тренингов; деловых игр и т.д., направленных на развитие навыков грамотной речи); 2) индивидуальная работа (консультирование студентов по вопросам культуры речи, помощь в подготовке к публичным выступлениям, написанию научных работ); 3) внеаудиторная работа (организация студенческих клубов, кружков, конкурсов и олимпиад и т.п., где студенты могут

использовать свои речевые навыки в различных ситуациях общения). Вузу необходимо вести пропаганду культуры речи с помощью оформления стендов; ведения корпоративных блогов, форумов; выпуска видеоконтента, посвященного вопросам культуры речи, и его демонстрации на экранах университета; проведения межвузовских конкурсов ораторского мастерства, фестивалей поэзии, литературных вечеров и т.д. Таким образом, вуз создаст такую воспитательную среду, которая будет стимулировать студентов к совершенствованию и развитию своей культуры речи и бережному отношению к русскому языку.

Однако в современном вузе наблюдается неоднозначная картина формирования культуры речи у учащихся. С одной стороны, проводятся различные мероприятия, направленные на повышение уровня культуры речи: в учебные планы вводятся дисциплины по культуре речи; проводятся семинары и тренинги, посвященные этой теме. Студенты имеют доступ к большому количеству информации: они могут изучать книги (в том числе в электронном формате) и статьи по вопросам культуры речи, смотреть видеолекции, проходить онлайн-курсы. С другой стороны, существует ряд проблем: 1) недостаточный уровень языковой подготовки в вузах, обусловленный сокращением количества аудиторных часов, отведенных на изучение русского языка [9], что приводит к недостаточному развитию устной речи у студентов; 2) тенденция к засорению профессиональной речи жаргонизмами, вульгаризмами, просторечными элементами, что свидетельствует о размывании языковых норм в профессиональной речи [10]; 3) влияние социальных сетей, в которых порой используется ненормативная лексика, жаргонизмы, речевые и орфографические ошибки; 4) недостаточная выразительность, фонетическая неграмотность речи, нарушение логики в построении высказываний, неоправданное использование невербальных средств общения, оказывающие негативное влияние на эффективность коммуникации, подрывающие авторитет говорящего [11]; 5) снижение уровня читательской активности, что приводит к обеднению словарного запаса, снижению грамотности, либо преобладание поверхностного чтения, связанного с увлечением чтением коротких текстов в Интернете, комиксов, манга; 6) недостаточная мотивация учащихся (отсутствие понимания важности культуры речи для своей будущей профессии и жизни в целом); 7) влияние семьи и окружения (речевая неграмотность окружения студента может негативно влиять на его культуру речи). Полагаем, что последняя проблема является чрезвычайно важной. Решение вышеуказанных проблем требует комплексного подхода, совместных усилий администрации вуза, преподавателей, студентов, семьи и общества, повышенного внимания к формированию речевой культуры у студентов в рамках модернизации педагогического процесса в вузах, особенно тех, которые готовят специалистов «сферы повышенной речевой ответственности», а именно: специалистов в области дипломатии и политологии, медицины и управления, педагогики и юриспруденции, социальной помощи и журналистики и т.д., т.е. тех сфер жизнедеятельности, которые связаны со словом [12]. Необходим целостный, многосторонний подход к развитию личности обучающихся, в котором подготовка к профессиональной деятельности является не самоцелью, а частью более широкой системы их гуманитарного образования. Поэтому на кафедре русского языка ВВГУ был разработан ряд учебных дисциплин, направленных на повышение уровня культуры речи у современного учащегося вуза («Речевые практики», «Русский язык в деловом общении», «Профессиональная речь и деловая переписка», «Практический курс русского языка», «Деловая коммуникация в поликультурной среде» и др.). Эти дисциплины

нацелены не только на восполнение дефицита аудиторных часов, отводимых на изучение русского языка в вузе, но и на системную организацию воспитательной работы по формированию бережного отношения студентов к родному языку.

Тематическое и содержательное наполнение данных дисциплин направлено на решение задач, заявленных в рабочих программах читаемых на кафедре учебных дисциплин [13, 14]. Эти задачи определяют необходимость комплексного подхода к организации учебно-воспитательного процесса, который нацелен на формирование у студентов устойчивых компетенций в области культуры речи, востребованных в различных сферах профессиональной коммуникации.

Наряду с этим заметим, что протест против использования заимствованной лексики зачастую обусловлен неприятием новизны, непривычности, а иногда и дискомфорта, вызываемого иноязычными вкраплениями. Однако язык обладает внутренними механизмами самоорганизации и самоочищения и попытки искусственно ограничить проникновение заимствованных слов в большинстве случаев не приводят к ожидаемым результатам, начиная с праславянского периода. Внедрение иноязычных лексем в систему русского языка не нарушает его уникальности, напротив, заимствования начинают подчиняться внутренним законам языка-реципиента, ассимилируясь посредством аффиксации и других словообразовательных процессов. Как один из мировых языков, русский язык обладает определенным иммунитетом к внешним языковым влияниям, успешно справляясь с решением подобных задач на протяжении своей истории. Следовательно, опасения относительно негативного влияния заимствований на самобытность русского языка лишены оснований. Языковая система обладает такими внутренними механизмами адаптации новых лексических элементов, которые позволяют ей сохранять свою целостность и уникальность в условиях непрерывного взаимодействия с другими языками.

Приведем примеры заданий, разработанных на кафедре русского языка ВВГУ и направленных на повышение языковой грамотности и эффективной коммуникации студентов. Особенности адаптации языковой системы русского языка были учтены при составлении данных заданий, которые представлены на электронной платформе вуза.

Задание 1. Преобразовать фрагмент текста, содержащего внелитературные разновидности (молодежный жаргон и заимствования), в литературный вариант. Задание направлено на развитие у студентов умения распознавать и адекватно интерпретировать различные пласты лексики, в том числе иноязычные вкрапления. Цель: формирование навыков стилистической трансформации текста, что позволяет отрабатывать навыки применения уместного, контекстуально-обусловленного использования языковых средств. Например, фразы «У VK вышел апдейт, нужно обновить приложение», «Чекни, может, я забыл выключить чайник», «Администрация решила сделать апгрейд оборудования» требуется преобразовать в литературные выражения.

Задание 2. Использование нейросетевых визуальных генераторов для зашифровки фразеологических единиц. Студентам предлагается с помощью нейросетевых визуальных платформ, таких как Kandinsky 3.1, Шедеврум, DALLE 3 и др., создать образные иллюстрации, зашифровывающие фразеологизмы, пословицы или крылатые выражения, имеющие важное значение в социокультурной коммуникации (рис. 1). Цель: развитие у студентов ассоциативного мышления, образно-визуальной креативности, а также углубление их знаний об устойчивых образных средствах языка и их культурной семантике. Работая над визуализацией устойчивых выражений, обучающиеся не только демонстрируют понимание их значения, но и учатся

творчески интерпретировать их, находя оригинальные изобразительные решения. Выполнение задания способствует развитию у студентов комплекса умений и навыков, востребованных в сферах, связанных с визуальной коммуникацией, маркетингом, дизайном и др.

Попасть пальцем в небо

Плод воображения

Влететь в копейчку

Одним миром мазаны

Рис. 1. Использование нейросетевых визуальных генераторов для зашифровки фразеологических единиц (сгенерировано изобразительной нейросетью Kandinsky 3.1)

Задание 3. Лексическая криптограмма с использованием иноязычных заимствований. Одной группе студентов предлагается найти синонимы слов литературной речи из ряда слов из предварительно составленного минимума, включающего заимствования. Другая группа должна дать определение этих слов, опираясь на нормы русского литературного языка. Цель: развитие навыков оперирования иноязычной лексикой, понимания ее семантики и умения соотносить заимствования с литературными элементами родного языка. Работая над криптограммами, обучающиеся демонстрируют способность творчески подходить к использованию языковых средств, комбинируя исконные и заимствованные слова. В процессе разгадывания участники актуализируют и расширяют знания о лексических нормах, оттачивают навыки точного толкования значений слов. Выполнение задания способствует формированию лингвистической наблюдательности, аналитических умений, а также повышает интерес к изучению заимствованной лексики и особенностей ее функционирования в современном русском языке. Например, в качестве иноязычных слов для криптограммы можно использовать следующие: *перформанс, фандрайзинг, релакс, фрустрация, ивент, кэш, мейкинг, тусовка, драйв, фантастик.*

Задание 4. Зашифровка крылатых выражений с помощью иноязычной лексики. Одной группе студентов предлагается зашифровать известные крылатые выражения, пословицы или афоризмы, используя заимствованные слова. Другая группа

должна угадать, какое именно устойчивое выражение зашифровано. Цель: комплексная отработка навыков, связанных с использованием и пониманием иноязычной лексики. В процессе выполнения упражнения обучающиеся демонстрируют знание крылатых выражений, их семантику и происхождение; развивают навыки творческого владения языковыми средствами для создания «шифров»; совершенствуют умения распознавать и интерпретировать фразеологизмы, «закодированные» с помощью заимствованной лексики. Задание способствует активизации познавательной активности студентов, их лингвистической наблюдательности и языкового чутья; положительно влияет на мотивацию к изучению иностранных языков и культурно-исторических аспектов русского языка. Например: «финальный перформанс», «не по всем правилам ноу-хау» (*все пошло не по плану*); «неожиданный твист», «ничего экстраординарного» (*ничто не вечно под Луной*); «нон-стоп мейкинг», «чистый адреналин» (*жизнь кипит*); «экстремальный флэшмоб», «без компромиссов» (*все или ничего*); «полный рестайлинг», «новый уникальный бренд» (*свежий взгляд на вещи*); «дефолт опций», «полный аутсорсинг» (*выхода нет*) и т.д.

Задание 5. Упражнение на использование деловых речевых клише. Студентам выдаются бланки официальных документов (письмо-рекомендация, служебная записка, отчет и т.д.), в которых пропущены устойчивые выражения, характерные для делового стиля. Задача – заполнить пропуски подходящими речевыми клише. Цель: закрепление навыков грамотного и уместного использования стандартизированных языковых единиц в официально-деловой коммуникации. В процессе выполнения задания обучающиеся актуализируют свои знания о специфике делового стиля речи и его жанровых особенностях; развивают умение выбирать речевые обороты в зависимости от коммуникативной ситуации и целей общения; совершенствуют способность создавать связные, логически выстроенные тексты официально-делового характера. Выполнение задания позволяет повысить общую речевую культуру будущих специалистов, востребованную в их профессиональной деятельности; нацелено на комплексное развитие коммуникативной компетенции студентов в сфере официально-деловой коммуникации. Например, *заполните пропуски в документе:*

	Генеральному ..... ООО «Западный берег» Петрову И.П. секретаря Зиминой Ю.Б. .....
На ..... п. 2 ст. 186 ТК РФ ..... мне выйти на работу в день сдачи крови и выполнять свои ..... «20» мая 2024	
В связи с этим ..... предоставить мне ..... дни «2» и «3» июня 2024 .... 2024.	

Задание 6. Деловая игра в форме делового совещания, беседы, переговоров. Студенты разыгрывают ситуацию делового совещания (беседы, переговоров) по актуальной тематике, связанной с их направлением подготовки. Преподаватель высту-

пает в роли модератора, формулируя основную проблематику для обсуждения. В ходе игры студенты распределяют между собой роли участников совещания (руководители, профильные специалисты, эксперты и т.д.) и моделируют деловое взаимодействие в соответствии с нормами официально-делового стиля общения. Цель: комплексное развитие коммуникативных и организационных навыков, востребованных в будущей профессиональной деятельности. В процессе выполнения задания отрабатывается умение продуктивно участвовать в деловых совещаниях, аргументированно отстаивать свою позицию; совершенствуются навыки ведения дискуссии, конструктивного разрешения возникающих разногласий; развиваются способности к коллективному принятию решений и их эффективной реализации. Задание позволяет продемонстрировать владение профессиональной терминологией, умение грамотно оформлять деловую документацию, соблюдать речевой этикет в официальном общении. Например, проведение *собеседования при приеме на работу* и др.

Задание 7. Презентация фирмы с использованием графического редактора PowerPoint. Студентам предлагается разработать и представить презентацию вымышленной или реально существующей компании, учреждения и т.п. Презентация выполняется с использованием программы PowerPoint; включает следующие блоки: 1) общая информация о фирме / организации (название, сфера деятельности, миссия, ценности); 2) описание основных продуктов / услуг; 3) ключевые показатели эффективности (финансовые, производственные, маркетинговые, ресурсные и т.д.); 4) конкурентные преимущества и уникальное торговое предложение; 5) стратегические цели развития и планы. Цель: формирование комплексных навыков, связанных с разработкой и презентацией информационно-рекламных материалов для бизнес-среды. В процессе выполнения задания развиваются умения структурировать и визуализировать деловую информацию; совершенствуются навыки публичных выступлений с использованием средств мультимедиа; демонстрируется способность эффективно аргументировать и представлять свои идеи. Презентация фирмы способствует развитию креативности, маркетингового мышления и предпринимательских качеств.

Задание 8. Публичное выступление. Студентам предлагается подготовить и представить публичное выступление на одну из тем, связанных с развитием культуры речи и совершенствованием навыков эффективной коммуникации по темам: 1) «Культура речи как важный компонент профессиональной компетентности»; 2) «Основные критерии культуры речи: правильность, точность, логичность, чистота, выразительность»; 3) «Речевой этикет и его значение в деловом общении»; 4) «Способы предотвращения и преодоления речевых ошибок»; 5) «Вербальные и невербальные средства убеждающего воздействия»; 6) «Выступление с торжественной речью (по выбору студента)» и др. Цель: формирование устойчивых навыков публичных выступлений, а также развитие общей культуры речи. В процессе подготовки и презентации выступления совершенствуются умения отбирать, структурировать и логично излагать информацию; развивается способность ясно, грамотно и выразительно доносить свои мысли до аудитории; используются вербальные и невербальные средства для повышения эффективности коммуникации. Выполнение задания способствует осознанию студентами значимости культуры речи в их будущей профессиональной деятельности; также оно позволяет оценить собственный уровень владения нормами русского литературного языка и наметить пути его дальнейшего совершенствования.

Задание 9. Упражнение-интервью «Самооценка речевой культуры». Студентам предлагается провести самооценку уровня развития собственной речевой культуры. Для этого им необходимо ответить на ряд вопросов, касающихся различных аспектов владения родным языком: Насколько я уверен/а в правильности собственной устной и письменной речи? Как часто я допускаю ошибки в словоупотреблении, грамматике, произношении? Умею ли я ясно и точно выражать свои мысли? Удастся ли мне подбирать нужные слова и обороты для передачи смысла? Насколько моя речь логична и последовательна? Получается ли у меня грамотно выстраивать высказывания? Стараюсь ли я избегать речевых штампов, избыточных и ненужных слов? Приемлю ли я «засорение» русского языка заимствованиями? Знаю и соблюдаю ли я нормы речевого поведения, принятые в официальной и неформальной обстановке? Считаю ли я развитие своей речевой культуры важным для достижения успеха в будущей работе? После ответов на вопросы участники сравнивают свои оценки, обсуждают сильные и слабые стороны своей речи, намечают пути ее совершенствования. Цель: формирование адекватной самооценки уровня владения родным языком и осознание важности непрерывного развития речевой культуры. В процессе выполнения задания обучающиеся осмысливают, какие аспекты их речи требуют более пристального внимания и работы над ними; учатся критически анализировать свои речевые навыки и умения; осознают необходимость совершенствования речевой компетентности для достижения успеха в академической и профессиональной коммуникации. Совместное обсуждение результатов самооценки позволяет студентам обменяться опытом, получить обратную связь от сокурсников и преподавателей, что также способствует развитию их речевой культуры.

Задание 10. Написание делового сообщения в мессенджере. Студентам предлагается написать деловое сообщение в мессенджере на одну из следующих тем: 1) «Назначение деловой встречи с партнерами»; 2) «Информирование о переносе сроков выполнения проекта»; 3) «Запрос на предоставление дополнительных материалов по договору»; 4) «Уведомление о введении новых правил делового этикета в компании»; 5) «Приглашение коллег на презентацию нового продукта» и др. Сообщение должно быть составлено с учетом следующих требований: четкая формулировка цели и основной информации; соблюдение норм делового стиля и речевого этикета; лаконичность, логичность и информативность изложения; корректное использование терминологии и клишированных оборотов; отсутствие орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок; отсутствие жаргонной лексики и смайлов. Цель: развитие навыков электронной деловой письменной коммуникации. В процессе выполнения задания студенты учатся кратко, точно и грамотно формулировать деловые сообщения, совершенствуют умение адаптировать язык и стиль изложения к формату переписки в мессенджерах, отрабатывают навыки использования клишированных оборотов и терминологии в деловом общении, развивают способность соблюдать нормы делового этикета в письменной коммуникации, совершенствуют орфографические, пунктуационные и грамматические навыки.

Считаем, что предложенные упражнения не только формируют конкретные речевые умения и навыки, но и способствуют воспитанию у студентов бережного отношения к родному языку, чувства языковой ответственности, уважения к литературным нормам. Систематическая работа над культурой речи прививает обучающимся принятие языка как национального достояния, средства сохранения и трансляции куль-

турного наследия, что позволяет формировать у студентов сопричастность к судьбе родного языка. Упражнения, связанные с изучением крылатых выражений, пополнением словарного запаса, расширяют общий кругозор студентов, способствуют накоплению их лингвистических знаний и эрудиции. Занятия по культуре речи прививают обучающимся навыки контроля над собственной речью, формируют умение различать «правильное» и «неправильное» в языке, развивают языковое чутье. Упражнения, тренирующие публичные выступления и деловое общение, воспитывают коммуникативную культуру, умение вести диалог, аргументировать свои позиции, стремление к сохранению и обогащению родного языка, что является важными гражданскими качествами, которые формируются в процессе работы над культурой речи.

Заключение

Результаты исследования позволяют выработать рекомендации по совершенствованию воспитательной работы вуза в направлении формирования культуры речи у учащихся:

1) совершенствовать систему образования, а именно: использовать современные методики обучения русскому языку и литературе, увеличить количество речевой практики, в рамках которой прививать использование слов и выражений, отвечающих следующим требованиям культуры речи: уместность, где упор делается на учет аудитории, ее возрастную и гендерную специфику; целесообразность, которая фиксирует внимание на целях, задачах и формах коммуникации; соразмерность, где важно соотношение литературных и внелитературных элементов языка;

2) создавать благоприятную социально-культурную среду: поощрять чтение классической литературы, посещение театров, музеев, выставок, общение с образованными и грамотными людьми, которые в совершенстве владеют культурой речи;

3) применять продукты и технологии научно-технического развития (создание электронных образовательных ресурсов, использование их для развития словарного запаса, улучшения навыков письма и чтения).

Формирование культуры речи у студентов – это длительный, трудоемкий и двунаправленный процесс, который требует регулятивных отношений со стороны педагогов. Принципы уместности, целесообразности и соразмерности должны регулировать активное использование заимствованной лексики как со стороны преподавателя, так и со стороны самого индивида и общества в целом. Соблюдение данных принципов специалистами различных сфер способствует оптимизации функционирования иноязычных вкраплений в речи, предотвращая их неоправданное избыточное использование. Это, в свою очередь, служит гарантией сохранения целостности и самобытности национального языка как важнейшего компонента культурного кода.

Рис. 2. Модель формирования культуры речи

Считаем, что формирование языковой культуры у выпускника вуза является сквозной составляющей языковой компетенции при подготовке всех студентов, а именно: знания норм культуры речи и владение ими, обеспечивающие эффективное вербальное взаимодействие, гарантируют высокую конкурентоспособность на современном рынке труда (наличие профессиональных навыков), а также бережное отношение к родному языку как к базовой ценности российского государства (гражданская позиция). Это некая модель (рис. 2), представляющая такие связи между данными компонентами, которые обеспечивают высокоэффективное формирование культуры речи в современном обществе без правового давления на нее.

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.07.2024 № 1734-р // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. 2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407050032?index=1> (дата обращения: 03.07.2024).
2. Бекасов М.Д. Переводческий аспект лакунарности (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 18 с.
3. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
4. Сайко Д. «Язык всегда сам разбирался, какие слова ему нужны, а какие – нет»: интервью с Владимиром Пахомовым – научным сотрудником Института русского языка РАН // Лайфхакер: [сайт]. 2024. URL: <https://lifehacker.ru/russkii-yazyk-zaimstvovaniya/> (дата обращения: 11.07.2024).
5. Лешкова О.О. «Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка) // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. Вып. 38. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2009. С. 135–145.
6. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. Москва: Наука, 1982. С. 9–106.
7. Ширяев Е.Н. Культура речи // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008. 703 с.
8. Сулима И.И. Смыслы формирования языковой культуры педагога // Язык и культура. 2023. № 64. С. 273–291. DOI: 10.17223/19996195/64/15
9. Мухаметзянова Г.В., Надеева М.И. Гуманитаризация – ключевая идея преодоления кризиса образования. Казань. ИССО РАО, 1997. 116 с.
10. Борзова Т.А. Основы моделирования содержания дисциплины «Речевые практики» для студентов высшей школы // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 33–36. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-33-36
11. Борзова Т.А., Криницкая М.Ю. Воспитательный потенциал дисциплины «Русский язык в деловом общении» в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12, № 4 (45). С. 13–16. DOI: 10.57145/27128474_2023_12_04_02
12. Гришина И.А. Педагогические условия формирования речевой культуры студентов гуманитарного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2001. 18 с.
13. Борзова Т.А. Рабочая программа дисциплины (модуля) «Русский язык в деловом общении» // Владивостокский государственный университет: [сайт]. URL: <https://reg.vvsu.ru/pdf/rpd.php?id=2152157618&pln=23496> (дата обращения: 05.07.2024).
14. Коновалова Ю.О., Криницкая М.Ю. Рабочая программа дисциплины (модуля) «Деловая коммуникация в поликультурной среде» // Владивостокский государственный университет: [сайт]. URL: <https://reg.vvsu.ru/pdf/rpd.php?id=2151859854&pln=20589> (дата обращения: 05.07.2024).

References

1. Order of the Government of the Russian Federation from 01.07.2024 № 1734-р. *Official Internet-portal of legal information: [website]*. 2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407050032?index=1> (accessed date: 03.07.2024).
2. Bekasov M.D. Translation aspect of lacunarity (on the material of English and Russian languages). Moscow; 2012. 18 p.
3. Krysin L.P. Russian word, own and foreign: Studies on modern Russian language and sociolinguistics. Moscow. Languages of Slavic Culture; 2004. 888 p.
4. Sayko D. "The language has always sorted out by itself what words it needs and what words it doesn't": an interview with Vladimir Pakhomov – researcher at the Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences. *Lifehacker [website]*. 2024. URL: <https://lifehacker.ru/russkii-yazyk-zaimstvovaniya/> (accessed date: 11.07.2024).
5. Leshkova O.O. "One among strangers": to the question of adaptation of borrowings (on the material of the modern Polish language). *Language, consciousness, communication*. Is. 38. Moscow. LLC "MAKS Press"; 2009. P. 135–145.
6. Lotte D.S. Issues of borrowing and ordering of foreign-language terms and termino-elements. Moscow. Nauka; 1982. P. 9–106.
7. Shiryaev E.N. Culture of speech. *Russian language: encyclopedia*. Moscow. Bolshaya Rossiyskaya Encyclopedia; Drofa; 2008. 703 p.
8. Sulima I.I. Meanings of the formation of language culture of a teacher. *Language and Culture*. 2023; (64): 273–291. DOI: 10.17223/19996195/64/15
9. Mukhametzyanova G.V., Nadeeva M.I. Humanitarization – the key idea of overcoming the crisis of education. Kazan; ISO RAO; 1997. 116 p.
10. Borzova T.A. Fundamentals of modeling the content of the discipline "Speech practices" for students of higher education. *World of Science, Culture, Education*. 2024; (104): 33–36. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-33-36
11. Borzova T.A., Krinitskaya M.Y. Educational potential of the discipline "Russian language in business communication" in higher education. *Azimuth Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2023; 12 (4 (45)): 13–16. DOI: 10.57145/27128474_2023_12_04_02
12. Grishina I.A. Pedagogical conditions of formation of speech culture of students of humanitarian higher education institution. Kazan; 2001. 18 p.
13. Borzova T.A. Working program of the discipline (module) "Russian language in business communication". *Vladivostok State University: [website]*. URL: <https://reg.vvsu.ru/pdf/rpd.php?id=2152157618&pln=23496> (accessed date: 05.07.2024).
14. Konovalova Y.O., Krinitskaya M.Y. Working program of discipline (module) "Business communication in a multicultural environment". *Vladivostok State University: [website]*. URL: <https://reg.vvsu.ru/pdf/rpd.php?id=2151859854&pln=20589> (accessed date: 05.07.2024).

Информация об авторах:

Криницкая Марина Юрьевна, канд. филол. наук, доцент, доцент каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Marina.Krinitskaya@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7265-1932>

Борзова Татьяна Александровна, канд. культурологии, доцент каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Tatyana.Borzova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6203-202X>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/208-221>

EDN: <https://elibrary.ru/JXAVDK>

Дата поступления:
22.07.2024

Одобрена после рецензирования:
12.08.2024

Принята к публикации:
14.08.2024

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/222-233>

EDN: <https://elibrary.ru/IVCXKZ>

Переживание одиночества и жизнестойкость у подростков с разным уровнем склонности к риску

Андреева Ольга Владимировна

Кабанова Виктория Романовна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования переживания одиночества и жизнестойкости у подростков с разным уровнем склонности к риску. Подростковый возраст – один из сложных периодов формирования личности. Адаптация подростков к современным культурным и социальным условиям, противостояние различным стрессорам, действия в сложных ситуациях могут быть затруднены, так как подростки испытывают серьезные возрастные изменения, как физиологические, так и психологические. Актуальность исследования рискованного поведения в подростковом возрасте обусловлена возможными последствиями для здоровья тех подростков, которые склонны к неоправданному риску. В исследовании приняло участие 60 человек, которые являются учащимися 7-го и 8-го классов. Основным методом исследования является метод тестирования. По результатам проведенного исследования было выявлено, что подростки с низким уровнем склонности к риску характеризуются более высоким уровнем развития жизнестойкости, при этом они менее подвержены переживанию одиночества, чем подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску. Чем сильнее подросток переживает одиночество и отчуждённость, тем больше увеличивается его склонность к рискованному поведению и неоправданному риску. При этом также недостаточно развита способность стойко справляться с трудными жизненными ситуациями, низкая успешность деятельности, неустойчивость к стресс-факторам, неспособность самостоятельно выбирать собственную сферу деятельности и неумение получать удовольствие от своей деятельности и выносить из любого опыта, даже негативного, полезное для себя могут приводить к повышению склонности к риску у подростков.

Ключевые слова: переживание одиночества, жизнестойкость, склонность к риску, подростки.

Для цитирования: Андреева О.В., Кабанова В.Р. Переживание одиночества и жизнестойкость у подростков с разным уровнем склонности к риску // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 222–233. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/222-233>. EDN: <https://elibrary.ru/IVCXKZ>

Original article

Loneliness and resilience in adolescents with different levels of risk appetite

Olga V. Andreeva

Victoria R. Kabanova

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

© Андреева О.В., 2024

© Кабанова В.Р., 2024

222

Abstract. *This article presents the results of a study of loneliness and resilience in adolescents with different levels of risk appetite. Adolescence is one of the most difficult periods of personality formation. Adaptation of adolescents to modern cultural and social conditions, resistance to various stressors, and actions in difficult situations can be difficult, as adolescents experience serious age-related changes: both physiological and psychological. The problem of risky behavior in adolescence is an urgent topic of research in connection with serious health consequences among adolescents prone to unjustified risk. The study involved 60 people (students in grades 7 and 8). The testing method was used as the main research method. According to the results of the study, it was revealed that adolescents with a low level of risk appetite are characterized by a higher level of resilience development and are less prone to experiencing loneliness than adolescents with high and medium levels of risk appetite. The more a teenager experiences loneliness and alienation, the more their tendency to risky behavior and unjustified risk increases. At the same time, an insufficiently developed ability to cope with difficult life situations with fortitude, low success rate, instability to stress factors, inability to independently choose their own field of activity and inability to enjoy their activities and learn from any experience, even negative ones, can lead to an increase in risk-taking among adolescents.*

Keywords: *loneliness, resilience, risk-taking, teenagers.*

For citation: *Andreeva O.V., Kabanova V.R. Loneliness and resilience in adolescents with different levels of risk appetite // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 222–233. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/222-233>. EDN: <https://elibrary.ru/IVCXXZ>*

Введение

В современном обществе человек усиленно подвергается влиянию стрессогенных факторов, которые снижают чувство защищённости, приводят к нарастанию внутреннего чувства напряжения и тревоги. К таким стрессогенным факторам можно отнести большую объём потребляемой человеком информации, ускоренный темп жизни, изменчивые политические и социально-экономические аспекты. Повышается многофункциональность и мобильность человека, увеличиваются нагрузки, что зачастую приводит к тому, что современный человек испытывает нехватку времени и собственных ресурсов.

Особенное внимание в контексте современной социокультурной ситуации стоит уделить именно детям подросткового возраста. Подростки весьма чувствительны к происходящим изменениям в социуме, к его информационному полю, нестабильной политической и социально-экономической стороне жизни. Современный подросток не всегда может найти ресурсы для реализации межличностных контактов, а если и находит, то такие контакты, как правило, довольно поверхностны и не позволяют удовлетворить потребность в более глубоком общении, что приводит к переживанию одиночества. Подростку сложнее адаптироваться к изменяющимся условиям, действовать в сложных ситуациях, противостоять различным стрессорам, так как его организм претерпевает колоссальные возрастные изменения (как физиологические, так и психологические).

В подростковом возрасте максимального развития достигает склонность к риску. Склонность к риску определяется как устойчивое свойство личности, которое проявляется в ценностно-смысловом предпочтении деятельности, связанной с риском. Многие современные психологи рассматривают склонность к риску как вариант девиантного (отклоняющегося) поведения [1]. Проявление рискованного поведения определяется рядом факторов. С одной стороны, это нарастающее в этом возрасте желание исследовать мир, самоутвердиться, стать более самостоятельным, с другой стороны – расширяющиеся возможности подростка действовать в социальном мире. Однако, в связи с тем что подросток еще формируется, его психика не готова к тому, чтобы адекватно оценивать свои действия в конкретной социальной ситуации.

За рисковым поведением подростка стоит желание исследовать окружающий мир и себя, оценить границы собственных возможностей [2].

Выделяют две формы склонности к риску: конструктивную (положительную) и неконструктивную (отрицательную). Конструктивный риск может проявляться в обычной жизни, когда подросток решает задачи, связанные со школьной жизнью, коммуникациями, что способствует его социализации. Даже оспаривая авторитет взрослых людей, подросток использует конструктивные методы и в этом рисковом поведении учится справляться с жизненными ситуациями [3]. При отрицательном или неконструктивном риске подросток реализует поведение, которое сопряжено с опасностью для жизни и здоровья. Так, при неконструктивном риске подростки будут разными способами искать или создавать ситуации, которые несут в себе угрозу для их жизни: могут подниматься на крыши домов, забираться в разрушенные и заброшенные здания, пересекать железнодорожные пути перед движущимся поездом [4]. В связи с наличием у неконструктивного риска последствий в виде угрозы здоровью подростков существует необходимость в исследованиях рискованного поведения в подростковом возрасте [5].

Стоит отметить, что проблема переживания одиночества также очень остро стоит именно в подростковом возрасте. Значительная часть подростков сталкивается с проблемами одиночества, отчужденности. Одиночество можно рассматривать как особое состояние, которое характеризуется потерей внутренней целостности, а также внешней гармонии с миром [6]. В исследованиях одиночества показаны негативные следствия этого состояния. Так, в исследованиях выявлена взаимосвязь одиночества с личностными расстройствами, ухудшением контроля эмоциональной экспрессии. Состояние одиночества положительно связано с тревожностью, снижением самооценки, появлением иррациональных деструктивных мыслей [7].

Подростковый возраст – это самый сложный период формирования личности, период активного формирования взглядов, идеалов, системы ценностных представлений, на которые оказывают влияние многие факторы [8]. В этот момент формируется такое интегральное образование личности подростка, как жизнестойкость [9]. Жизнестойкость включает в себя совокупность убеждений и установок личности, умение чувственно воспринимать окружающий мир, контролировать свои эмоции и поведение, рефлексировать и производить самоанализ, умение проявлять эмоциональную устойчивость в ситуациях повышенной сложности, способность извлекать полезный для себя опыт из неудач; развивается благодаря практическому опыту разрешения сложных жизненных ситуаций [10]. Жизнестойкость включает не просто стрессоустойчивость, а представляет собой один из главных факторов развития индивидуальной способности к осознанному, более зрелым и сложным формам саморегуляции, которые составляют целостную систему потенциала личности подростка [11]. Многие современные исследования, направленные на изучение связи жизнестойкости и склонности к риску у подростков, показывают, что подростки с менее развитой жизнестойкостью и её компонентами в большей степени склонны к рисковому поведению, чем подростки с развитым жизнестойким поведением [12]. Однако некоторые исследования показывают обратные результаты. Так, в исследовании Е.В. Кузнецовой по изучению жизнестойкости подростков, склонных к риску, результаты указывают на то, что подростки с высокой склонностью к риску имеют более высокие показатели общей жизнестойкости, чем подростки, не склонные к рисковому поведению [13].

Проблема рискованного поведения в подростковом возрасте является актуальной темой исследования в связи с серьёзными последствиями для здоровья среди подростков,

склонных к неоправданному риску. Проблема связи склонности к риску и переживания одиночества в подростковом возрасте на сегодняшний день мало изучена, а научные данные по вопросу о связи склонности к риску и жизнестойкости у подростков показывают противоречивые результаты. В связи с этим необходимо получить более глубокое понимание данной проблемы, чтобы обеспечить подросткам более квалифицированную психологическую поддержку в процессе обучения.

Основная часть

Целью проведенного эмпирического исследования явилось изучение переживания одиночества и жизнестойкости у подростков с разным уровнем склонности к риску. В исследовании приняло участие 60 человек, учащиеся Академического лицея ВВГУ, 30 учеников 7-го класса и 30 учеников 8-го класса в возрасте от 13 до 16 лет.

Для достижения цели исследования использовались следующие методики: «Исследование склонности к риску» А.Г. Шмелёва [14], методика «Субъективного ощущения одиночества» Д. Расселла и М. Фергюсона [15], «Дифференциальный опросник переживания одиночества» Е.Н. Осиного и Д.А. Леонтьева [16], «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [15].

Для статистического анализа полученных в исследовании данных использовались: непараметрический U-критерий Манна – Уитни и количественный математико-статистический метод обработки результатов эмпирического исследования – корреляционный анализ Спирмена.

В результате применения методики «Исследование склонности к риску» А.Г. Шмелёва были получены данные о различных уровнях склонности к риску у подростков. Так, в ходе диагностики было выявлено, что у большей части испытуемых низкий уровень склонности к риску (24 человека), при этом часть испытуемых имеет высокий (17 человек) и средний уровни склонности к риску (19 человек). По представленным данным можно сказать, что у большинства подростков склонность к риску находится на низком уровне. Это может свидетельствовать о том, что большинство исследуемых подростков испытывают трудности в ситуациях неопределённости, стараются избегать подобных ситуаций и их, возможно, негативных последствий, также в большей степени ориентированы на избегание опасных ситуаций и неблагоприятных исходов.

Для дальнейшей работы были выделены две группы подростков. В первую группу вошли подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску (36 человек), во вторую – подростки с низким уровнем склонности к риску (24 человека).

Результаты распределения подростков на две группы в зависимости от уровня склонности к риску представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение данных по уровням склонности к риску у подростков по методике «Исследование склонности к риску» А.Г. Шмелёва, количество человек

Подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску (группа 1)	Подростки с низким уровнем склонности к риску (группа 2)
36	24

В результате проведения психодиагностического обследования по методике «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. Леонтьева) были выявлены уровни развития трёх компонентов жизнестойкости («Вовлечённость», «Контроль», «Принятие риска») и показатели общего уровня развития жизнестойкости у подростков с разным уровнем склонности к риску (табл. 2).

Таблица 2

Распределение данных по уровням развития жизнестойкости и её компонентов у респондентов по методике «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. Леонтьева), количество человек

Компонент жизнестойкости	Уровень развития жизнестойкости и её компонентов (группа 1, n = 36)			Уровень развития жизнестойкости и её компонентов (группа 2, n = 24)		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Жизнестойкость	0	20	16	4	20	0
Вовлечённость	0	6	30	2	22	0
Контроль	0	22	14	3	21	0
Принятие риска	3	27	6	10	14	0

Так, в ходе исследования было выявлено, что у большинства подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску компонент «Жизнестойкость» развит на среднем уровне (20 человек); «Вовлечённость» – в большей степени на низком уровне (30 человек); «Контроль», так же как и «Жизнестойкость», у большинства подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску – на среднем уровне (22 человека); «Принятие риска» – в большей степени на среднем уровне (27 человек). По данным результатов исследования можно сказать, что у подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску – низкая вовлечённость в происходящие события; они не получают удовольствие от собственной деятельности, часто чувствуют себя отвергнутыми, ощущают себя «вне» жизни. Однако в большинстве ситуаций такие подростки сохраняют способность справляться с трудностями, воспринимают любые ситуации, как позитивные, так и негативные, как способ получения опыта, способны самостоятельно выбирать собственную деятельность.

У подростков с низким уровнем склонности к риску в процессе диагностики было выявлено, что у большинства компонент «Жизнестойкость» развит на среднем уровне (20 человек); «Вовлечённость» – также на среднем уровне (22 человека). «Контроль» у большинства респондентов второй группы находится на среднем уровне развития (21 человек), а компонент «Принятие риска» развит в основном на среднем (14 человек) и высоком (10 человек) уровнях у подростков с низким уровнем склонности к риску. Данные результаты свидетельствуют о том, что подростки с низким уровнем склонности к риску способны в большинстве случаев стойко справляться с трудными жизненными ситуациями и воспринимать стрессоры как менее значимые; они также вовлечены в происходящее с ними, получают удовольствие от своей деятельности, ощущают, что сами выбирают свой жизненный путь и

рассматривают жизнь как способ приобретения опыта, ищут развитие через активное усвоение знаний из любого опыта, даже негативного.

В результате проведения психодиагностического обследования по методике «Шкала субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона были выявлены различные уровни переживания одиночества у подростков с разным уровнем склонности к риску (табл. 3).

Таблица 3

Распределение данных по уровням выраженности переживания одиночества у подростков первой и второй групп по методике «Шкала субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона, количество человек

Уровень выраженности переживания одиночества (группа 1, n = 36)			Уровень выраженности переживания одиночества (группа 2, n = 24)		
Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
7	22	7	0	5	19

У подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску преобладает средний уровень переживания одиночества (22 человека), у 7 человек – низкий уровень переживания одиночества и 7 человек имеют высокий уровень переживания одиночества. Так, большинство подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску в основном не испытывают сильного переживания одиночества, однако и не имеют полного эмоционального комфорта, так как часто стремятся к сотрудничеству и налаживанию контактов с окружающими, а невозможность налаживания социальных связей и общения приводит к возникновению переживания одиночества.

У подростков с низким уровнем склонности к риску было выявлено, что большинство (19 человек) имеет низкий уровень переживания одиночества, 5 человек – средний уровень переживания одиночества, а высокий уровень переживания одиночества никто из респондентов с низким уровнем склонности к риску не имеет. По данным результатов исследования можно предположить, что подростки с низким уровнем склонности к риску не испытывают болезненное переживание одиночества и изоляции, не считают себя одиночками.

В процессе диагностики чувства одиночества и его компонентов с помощью методики «Дифференциальный опросник переживания одиночества» Е.Н. Осиного и Д.А. Леонтьева были определены разные уровни переживания одиночества и его компонентов у подростков с разным уровнем склонности к риску (табл. 4).

Так, по результатам психодиагностического обследования было выявлено, что у подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску компонент «Общее одиночество» в основном находится на среднем уровне (23 человека), высокий уровень общего переживания одиночества имеют 5 человек, а низкий уровень – 8 человек. Компонент «Зависимость от общения» у большинства подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску в основном находится на среднем (19 человек) и высоком (14 человек) уровнях, низкий уровень имеют 3 человека. Компонент «Позитивное одиночество» у подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску находится в основном на низком (17 человек) и среднем уровнях (15 человек), высокий уровень имеют всего 4 респондента.

Таблица 4

**Распределение данных по уровням выраженности переживания
одинокства и его компонентов по методике «Дифференциальный опросник
переживания одиночества» Е.Н. Осиного и Д.А. Леонтьева,
количество человек**

Компонент одинокства	Уровень выраженности переживания одинокства (группа 1, n = 36)			Уровень выраженности переживания одинокства (группа 2, n = 24)		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Общее одиночество	5	23	8	0	5	19
Зависимость от общения	14	19	3	4	20	0
Позитивное одино- чество	4	15	17	2	9	13

У подростков с низким уровнем склонности к риску, по данным психодиагностического обследования, «Общее одиночество» находится в основном на низком уровне (19 человек), 5 человек имеют средний уровень одиночества. Компонент «Зависимость от общения» у большинства подростков с низким уровнем склонности к риску находится на среднем уровне (20 человек), 4 человека имеют высокий уровень. «Позитивное одиночество» у большей части респондентов с низким уровнем склонности к риску выражено на низком уровне (13 человек), средний уровень имеют 9 человек, а высокий уровень – 2 человека. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что подростки обеих групп негативно воспринимают одиночество, склонны искать общения любой ценой, чтобы избежать ситуаций уединения. Они неспособны находить ресурс в одиночестве и времени, проводимом наедине с собой; у таких подростков отсутствуют положительные эмоции в ситуациях уединения.

Для выявления статистически значимых различий между исследуемыми показателями был проведён статистический анализ с применением непараметрического U-критерия Манна – Уитни (табл. 5).

Таблица 5

Результаты статистического анализа с помощью U-критерия Манна – Уитни

Показатель	Значение $U_{эмп}$	Значимость различий
Жизнестойкость	4	Зона значимости
Вовлечённость	16	Зона значимости
Контроль	40	Зона значимости
Принятие риска	156.5	Зона значимости
Одинокство	111.5	Зона значимости
Общее одиночество	131.5	Зона значимости
Зависимость от общения	414.5	Зона незначимости
Позитивное одиночество	343	Зона незначимости

Статистическая обработка полученных данных показала наличие значимых различий между первой (подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску) и второй группами подростков (подростки с низким уровнем склонности к риску) в следующих уровнях: развития общего показателя жизнестойкости, вовлечённости, контроля, принятия риска, переживания одиночества.

Таким образом, можно сказать, что у подростков с низким уровнем склонности к риску в большей степени развита жизнестойкость и её основные компоненты, чем у подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску. Подростки с низким уровнем склонности к риску также в меньшей степени склонны ощущать чувство одиночества, чем подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что подростки с низким уровнем склонности к риску характеризуются более развитой способностью справляться с кризисными ситуациями, менее травматично переживают негативные события, умеют извлекать полезный опыт из промахов и неудач и не боятся совершать ошибки, не испытывают переживания социальной изоляции, болезненного ощущения одиночества, не считают себя одинокими. Подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску, напротив, отличаются неразвитой способностью справляться с трудными жизненными ситуациями, легко поддаются негативным переживаниям, не способны извлекать полезное для себя из негативного опыта и неудач, испытывают страх допустить ошибку, легко поддаются чужому мнению и часто не получают удовольствия от собственной деятельности, чаще испытывают чувство отчуждённости и изолированности от других людей.

Проведён корреляционный анализ компонентов жизнестойкости, одиночества и склонности к риску у подростков при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена (табл. 6).

Таблица 6

Корреляционный анализ компонентов жизнестойкости, одиночества и склонности к риску у подростков при N = 60; $r \geq 0,25$ ($p = 0,05$); $r \geq 0,33$ ($p = 0,01$)

Параметр	Жизнестой- кость	Вовлечён- ность	Контроль	Принятие риска	Склонность к риску
Склонность к риску	-0,901*	-0,853*	-0,837*	-0,644*	–
Одиночество	-0,755*	-0,752*	-0,656*	-0,578*	0,723*
Общее оди- ночество	-0,679*	-0,676*	-0,622*	-0,481*	0,68*
Зависимость от общения	-0,071	0,016	-0,144	-0,127	0,127
Позитивное одиночество	-0,251	-0,29	-0,199	-0,168	0,213
* – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)					

Статистический анализ полученных данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал, что уровень склонности к риску у подростков значимо положительно коррелирует с уровнем переживания одиночества ($r = 0,723$, $p = 0,01$) по методике «Шкала субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона. Это означает, что, чем больше у подростков выражено переживание одиночества, тем выше у них уровень склонности к риску.

Уровень склонности к риску также значимо положительно коррелирует с общим переживанием одиночества ($r = 0,68$, $p = 0,01$) по методике «Дифференциальный опросник переживания одиночества» Е.Н. Осиного и Д.А. Леонтьева. Это свидетельствует о том, что, чем выше у подростков уровень общего переживания одиночества, тем больше у них выражена склонность к риску. По данным результатов исследования можно предположить, что, чем выше у подростков переживание отчуждённости и изолированности, тем больше у них растёт готовность идти на неоправданный риск ради получения внимания и нового опыта, даже если такое поведение может привести к негативным последствиям.

Уровень склонности к риску значимо отрицательно коррелирует с уровнем развития жизнестойкости у подростков ($r = -0,901$, $p = 0,01$), что свидетельствует о следующем: чем меньше у подростков развита жизнестойкость, тем выше у них уровень склонности к риску.

Уровень склонности к риску значимо отрицательно коррелирует с такими компонентами жизнестойкости, как «Вовлечённость» ($r = -0,853$, $p = 0,01$), «Принятие риска» ($r = -0,644$, $p = 0,01$), «Контроль» ($r = -0,837$, $p = 0,01$). Это означает, что, чем ниже у подростков уровень выраженности этих компонентов, тем выше у них уровень склонности к риску. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что слабо развитая способность стойко справляться с трудными жизненными ситуациями, поддерживать внутреннее спокойствие и сбалансированность всех процессов, низкая успешность деятельности, неспособность устойчиво противостоять стресс-факторам, неспособность самостоятельно выбирать собственную сферу деятельности, неумение получать удовольствие от своей деятельности и выносить из любого опыта, даже негативного, полезное для себя приводят к увеличению склонности к риску у подростков.

Заключение

Данное исследование позволило более детально изучить проблему переживания одиночества и жизнестойкости у подростков с разным уровнем склонности к риску. Современных исследований по проблеме связи склонности к риску и переживания одиночества у подростков практически нет, а исследования по вопросу связи склонности к риску и жизнестойкости у подростков показывают противоречивые результаты.

Можно говорить о важности результатов данного исследования в виду того, что они дают возможность понять следующее: существуют значимые различия между группой подростков с высоким и средним уровнями склонности к риску и группой подростков с низким уровнем склонности к риску в уровне развития жизнестойкости и её компонентов и уровне переживания одиночества. Так, подростки с низким уровнем склонности к риску характеризуются более высоким уровнем развития жизнестойкости и в меньшей степени подвержены переживанию одиночества, чем подростки с высоким и средним уровнями склонности к риску. Полученные данные позволяют понять, что подростки с высоким уровнем склонности к риску отличаются более высокими показателями одиночества и более низкими показателями жизнестойкости.

По результатам проведённого исследования также были выявлены значимые положительные связи между склонностью к риску и переживанием одиночества у подростков. Это может свидетельствовать о том, что при увеличении у подростков переживания одиночества и отчуждённости увеличивается их склонность к рисковому поведению и неоправданному риску.

Склонность к риску у подростков значимо отрицательно коррелирует с жизнестойкостью и её компонентами, что может свидетельствовать о том, что недостаточно развитая способность стойко справляться с трудными жизненными ситуациями, низкая успешность деятельности, неустойчивость к стресс-факторам, неспособность самостоятельно выбирать собственную сферу деятельности и неумение получать удовольствие от своей деятельности и выносить из любого опыта, даже негативного, полезное для себя могут приводить к повышению склонности к риску у подростков.

Таким образом, полученные в исследовании данные могут оказать помощь в процессе обучения в школе более эффективно развивать жизнестойкость подростков, а также оказывать им поддержку в период переживания одиночества, уделяя особое внимание подросткам, склонным к риску, так как данный компонент несёт опасность для здоровья самих подростков. Результаты исследования могут быть использованы в психологической практике для совершенствования форм и методов консультативной работы, коррекционных психологических программ как с отдельными подростками, так и группой.

Список источников

1. Кузнецова Е.В. Жизнестойкость подростков, склонных к риску // Вестник экспериментального образования. 2023. № 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-sisteme-chelovecheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.07.2024).
2. Москвина Е.В., Рябова М.А. Рисковое поведение подростков: содержание понятия // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-1. С. 111–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50474351> (дата обращения: 13.07.2024).
3. Москвина Е.В. Возможности среды современной школы в профилактике рискованного поведения подростков // Развитие образования. 2023. Т. 6, № 3. С. 27–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54639644> (дата обращения: 13.07.2024).
4. Рахимкулова А.С. Кластеризация рискованного поведения подростков: анализ результатов исследования // Суицидология. 2018. Т. 9, № 2 (31). С. 60–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasterizatsiya-riskovogo-povedeniya-podrostkov-analiz-rezultatov-issledovaniya> (дата обращения: 13.07.2024).
5. Смирнов А.В. Рисковое поведение школьников: формы, этиология, последствия // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 2 (65). С. 190–206. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49171019> (дата обращения: 13.07.2024).
6. Сухарева Н.Ф., Алаева М.В., Михалкина С.А. Переживание одиночества современными подростками // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Т. 5, № 4. С. 71–73. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48699437> (дата обращения: 14.07.2024).
7. Коршунов Д.С. Субъективное одиночество в подростковом возрасте: конструктивные и деструктивные способы совладания // Мир психологии. 2023. № 4 (115). С. 56–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59556377> (дата обращения: 15.07.2024).
8. Абдураманова Л.Р. Индивидуально-психологические особенности переживания одиночества в подростковом возрасте // Форум молодых ученых. 2017. № 10 (14). URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobnosti-perezhivaniya-odinochestva-v-podrostkovom-vozhraze> (дата обращения: 15.07.2024).
9. Maddi S. Resilience Under Military Operational Stress: Can Leaders Influence Hardiness? // *Military Psychology*. 2006. 19 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/254004482_Resilience_Under_Military_Operational_Stress_Can_Leaders_Influence_Hardiness (дата обращения: 16.07.2024).
  10. Файзуллина К.А. Анализ феномена жизнестойкости как основы для ее воспитания у подростков группы риска // *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46540000> (дата обращения: 16.07.2024).
  11. Александрова Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2005. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostavlyayuschih-zhiznestoykosti-lichnosti-kak-osnove-ee-psihologicheskoy-bezopasnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 16.07.2024).
  12. Лазарева Ю.В., Говендяева А.А. Особенности жизнестойкости и склонность к девиантному поведению в подростковом возрасте // *ЦИТИСЭ*. 2021. № 2 (28). С. 447–460. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46336264> (дата обращения: 16.07.2024).
  13. Кузнецова Е.В. Жизнестойкость подростков, склонных к риску // *Вестник экспериментального образования*. 2023. № 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-sisteme-chelovecheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 16.07.2024).
  14. Шмелёв А.Г. Диагностика склонности к риску // *Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции* / под ред. С.Р. Панталева. Москва: МГУ, 1990. С. 129–138.
  15. Райгородский Д.Я. *Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие*. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 77, 78.
  16. Дифференциальный опросник переживания одиночества. // *Psylab.info*. энциклопедия психодиагностики: [сайт]. URL: <https://psylab.info> (дата обращения: 16.07.2024).

References

1. Kuznetsova E.V. Resilience of risk-prone adolescents. *Bulletin of Experimental Education*. 2023; 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-sisteme-chelovecheskoy-deyatelnosti> (accessed date: 07.13.2024).
2. Moskvina E.V., Ryabova M.A. Risky behavior of adolescents: the content of the concept. *Trends in the development of science and education*. 2023; (94-1): 111–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50474351> (accessed date: 07.13.2024).
3. Moskvina E.V. Possibilities of the modern school environment in the prevention of risky behavior of adolescents. *Development of education*. 2023; 6 (3): 27–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54639644> (accessed date: 07.13.2024).
4. Rakhimkulova A.S. Clustering of risky behavior of adolescents: analysis of research results. *Suicidology*. 2018; 9 (2 (31)): 60–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasteri> (accessed date: 13.07.2024).
5. Smirnov A.V. Risky behavior of schoolchildren: forms, etiology, consequences. *Bulletin of the Yugra State University*. 2022; 2 (65): 190–206. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49171019> (accessed date: 13.07.2024).
6. Sukhareva N.F., Alaeva M.V., Mikhalkina S.A. The experience of loneliness by modern adolescents. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022; 5 (4): 71–73. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48699437> (accessed date: 07.14.2024).

7. Korshunov D.S. Subjective loneliness in adolescence: constructive and destructive ways of coping. *World of Psychology*. 2023; 4 (115): 56–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59556377> (accessed date: 07.15.2024).
8. Abduramanova L.R. Individual psychological features of experiencing loneliness in adolescence. *Forum of Young Scientists*. 2017; 10 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobennosti-perezhivaniya-odinochestva-v-podrostkovom-vozhraze> (accessed date: 07.15.2024).
9. Maddi S. Resilience Under Military Operational Stress: Can Leaders Influence Hardiness? *Military Psychology*. 2006: 19. URL: https://www.researchgate.net/publication/254004482_Resilience_Under_Military_Operational_Stress_Can_Leaders_Influence_Hardiness (accessed date: 07.15.2024).
10. Fayzullina K.A. Analysis of the phenomenon of resilience as a basis for its education in adolescents at risk. *Modern problems of science and education*. 2021; (4). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46540000> (accessed date: 07.16.2024).
11. Alexandrova L.A. On the components of personality resilience as the basis of its psychological security in the modern world. *Izvestiya SFU. Technical sciences*. 2005; (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostavlyayuschih-zhiznестойкости-lichnosti-kak-osnovee-psihologicheskoy-bezopasnosti-v-sovremennom-mire> (accessed date: 07.16.2024).
12. Lazareva Yu.V., Govendyaeva A.A. Features of resilience and tendency to deviant behavior in adolescence. *CITISE*. 2021; 2 (28): 447–460. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46336264> (accessed date: 07.16.2024).
13. Kuznetsova E.V. Resilience of adolescents prone to risk. *Bulletin of Experimental Education*. 2023; 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-sisteme-chelovecheskoy-deyatelnosti> (accessed date: 07.16.2024).
14. Shmelev A.G. Diagnosis of risk appetite. *A workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation* / ed. by S.R. Pantileev. Moscow: Moscow State University; 1990. P. 129–138.
15. Raigorodsky D.Ya. Practical psychodiagnostics. Methods and tests: a textbook. Samara: BAKHRACH-M; 2002. P. 77, 78.
16. Differential questionnaire of loneliness experience. *Psylab.info. Encyclopedia of psychodiagnostics: [website]*. URL: <https://psylab.info> (accessed date: 07.16.2024).

Информация об авторах:

Андреева Ольга Владимировна, канд. филос. наук, доцент каф. философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, andreevamsun@mail.ru

Кабанова Виктория Романовна, бакалавр, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, viktoriyakabanova11@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/222-233>

EDN: <https://elibrary.ru/IVCXXKZ>

Дата поступления:
05.08.2024

Одобрена после рецензирования:
02.09.2024

Принята к публикации:
14.10.2024

Научная статья

УДК 502.315

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/234-244>

EDN: <https://elibrary.ru/HTFKCN>

Оценка экологической информированности студентов среднего профессионального образования

Ярусова Софья Борисовна

Иваненко Наталья Владимировна

Штабной Игорь Петрович

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Буравлев Игорь Юрьевич

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Освещаются вопросы формирования экологической культуры как раздела наук об окружающей среде (области взаимодействия природы и общества) и интереса к экологическим проблемам у студентов колледжей на примере Владивостокского государственного университета (ВВГУ). Проведен предварительный анализ экологической информированности студентов среднего профессионального образования (СПО) на примере колледжа сервиса и дизайна (КСД) и IT-колледжа (IThub Владивосток) Владивостокского государственного университета. Проведено анкетирование 333 студентов 1–3-го курсов вышеуказанных колледжей, обучающихся по широкому спектру специальностей. Оценивалось знание студентами экологических проблем современности, источников получения экологической информации; самооценка экологической заинтересованности и самообразования учащихся. Результаты исследований показали ряд общих тенденций: среди респондентов двух колледжей высок процент студентов, редко задумывающихся об экологических проблемах; в данных учебных заведениях большинство студентов оценивают свой уровень экологической компетентности как средний и занимаются самообразованием в области экологии эпизодически или редко. Значительное количество студентов двух колледжей (примерно 15–20%) не смогли однозначно оценить свой уровень экологической компетентности. Научная новизна: на примере ВВГУ получены новые данные об отношении студентов СПО к вопросам экологии. Установлено, что отношение учащихся к окружающей среде не соответствует социальным требованиям; собственная экологическая компетентность не воспринимается студентами как значимая в их самообразовании. Практическая значимость: полученные результаты свидетельствуют о необходимости уделять больше внимание развитию экологической культуры и экологическому просвещению студентов СПО, активизировать различные формы их научно-исследовательской и проектной деятельности и ряд других инструментов. Оценка степени информированности и заинтересованности учащихся колледжей в решении экологических проблем*

© Ярусова С.Б., 2024

© Иваненко Н.В., 2024

© Штабной И.П., 2024

© Буравлев И.Ю., 2024

будет использована для корректировки программ по экологическому образованию и воспитанию студенческой молодежи.

Ключевые слова: экология, экологическая информированность, экологическая культура, экологическое образование, Владивостокский государственный университет.

Для цитирования: Оценка экологической информированности студентов среднего профессионального образования / С.Б. Ярусова, Н.В. Иваненко, И.П. Штабной, И.Ю. Буравлев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 234–244. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/234-244>. EDN: <https://elibrary.ru/HTFKCN>

.....
Ecology
.....

Original article

Assessment of environmental awareness of students of secondary vocational education

Sofya B. Yarusova

Natalya V. Ivanenko

Igor P. Shtabnoy

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Igor Yu. Buravlev

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Abstract. The article highlights the formation of environmental culture as a section of environmental sciences (the area of interaction between nature and society) and interest in environmental problems among college students on the example of Vladivostok State University (VVSU). A preliminary analysis of environmental awareness among students of secondary vocational education (SVE) on the example of College of Service and Design (CSD) and IT-college (IThub Vladivostok) of Vladivostok State University was conducted. A survey of 333 first to third year students from various specialties in these colleges was carried out. The survey assessed students' knowledge of contemporary environmental issues, sources of environmental information, self-evaluation of environmental interest and self-education. The research results showed a number of general trends: among the respondents of the two colleges there is a high percentage of students who rarely think about environmental problems; in these educational institutions the majority of students assess their level of environmental competence as average and engage in self-education in the field of ecology sporadically or rarely. A significant number of students at the two colleges (approximately 15–20 %) could not unambiguously assess their level of environmental competence. Scientific novelty: using VVSU as a case study new data on the attitude of SVE students to environmental issues have been obtained. It was established that students' attitude to the environment does not meet social requirements; their own environmental competence is not perceived by students as significant in their self-education. Practical significance: the obtained results indicate the need to pay more attention to the development of environmental culture and environmental education of SVE students, to activate various forms of their research and project activities and a number of other tools. Assessment of the degree of awareness and interest of college students in solving environmental problems will be used to adjust the programs on environmental education and upbringing of student youth.

Keywords: ecology, environmental awareness, environmental culture, environmental education, Vladivostok State University.

For citation: Assessment of ecological competence of students of secondary vocational education / S.B. Yarusova, N.V. Ivanenko, I.P. Shtabnoy, I.Yu. Buravlev // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 234–244. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/234-244>. EDN: <https://elibrary.ru/HTFKCN>

Введение

Воспитание экологически ответственной личности – фундаментальная установка концепции устойчивого развития «Повестка дня на XXI век», принятой на конференции ООН (Рио-де-Жанейро, 1992). Средством обеспечения экологически устойчивого развития общества рассматривается экологическая культура, формируемая через систему экологического образования. В связи с этим с конца XX в. Экологическая проблематика постепенно становится неотъемлемой частью образовательных программ всех уровней подготовки, а экологическая культура – результатом непрерывного экологического образования.

Интерес студентов к экологической проблематике, их вовлеченность в деятельность по охране окружающей среды во многом зависят от общего уровня культуры личности, ее отношения к окружающим. Вследствие этого необходимо формирование системы взглядов молодежи, установок и ценностей человека, ориентированных на ответственное отношение индивидуума к окружающей среде [1, 2].

Формирование экологической грамотности (как уровня знаний, умений и навыков о фундаментальных основах и прикладных направлениях экологии) – необходимое условие в процессе обучения будущего молодого специалиста, направленное на становление экологического менталитета.

Экологическая грамотность неразрывно связана с формированием экологических компетенций и экологической компетентности учащихся. Формулировка терминов «экологическая компетенция» и «экологическая компетентность» приводится в работах, посвященных экологическому образованию. Если термин «экологическая компетенция» подразумевает формирование у обучающихся знаний, умений и навыков в сферах экологической безопасности, экологии, природопользования, охраны окружающей среды, то «экологическая компетентность» – это способность личности применить комплекс компетенций (социально-экологических, профессиональных) к решению конкретных экологических задач на производстве и в общественной деятельности [3, 4]. Зачастую экология воспринимается не как наука, отрасль знаний, а как синоним понятия «окружающая среда». Экологическая компетентность учащихся непрофильных специальностей техникумов и колледжей формируется в большей степени как социально-экологическая ответственность, чаще подразумевающая приобретение учащимися навыков эковолонтерства: уборка мусора, высаживание деревьев, раздача питомцев и пр. Подобные социальные акции в большей степени способствуют формированию команды и социальному взаимодействию.

Зачастую учебные заведения не включают в образовательные программы экологические компетенции. В профессиональных стандартах отсутствуют трудовые функции в сфере охраны окружающей среды в профессиональной деятельности. Таким образом, молодой дипломированный специалист, выходя из учебного заведения, слабо понимает свою роль в обеспечении экологической безопасности профессиональной деятельности.

В экологическом законодательстве России действует «презумпция опасности хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду», т.е. любая деятельность человека наносит вред окружающей среде и этот вред необходимо минимизировать, устранить, скомпенсировать. В связи с этим формирование экологической компетентности специалиста должно стать важнейшим элементом системы образования на всех его уровнях [5]. Экологическая компетентность необходима не только работникам отрас-

лей промышленности, предприятия которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду, но и абсолютно всем представителям отраслей экономики, государственным служащим, и вузы должны учитывать это при подготовке специалистов. Данный пробел в экологическом образовании крупные производственные компании ликвидируют самостоятельно, внедряя программы экологического менеджмента, что подразумевает вовлечение всего персонала компании в деятельность по достижению целей ее экологической политики. Обучение каждого занятого на предприятии работника навыкам ресурсосбережения, охраны окружающей среды является обязательным элементом программ экологического менеджмента. Все больше компаний заявляют о бережном производстве, переходят на модель *advanced manufacturing* (от англ. – передовое производство), например, заменяя традиционное управление (ресурсо- и энергоемкое) технологическими процессами на системы управления с использованием беспроводных интеллектуальных систем и безопасных материалов.

В работах разных авторов предлагаются критерии оценки экологической компетентности различных категорий респондентов, чаще школьников и студентов. Представлены единичные исследования, посвященные экологической информированности и компетентности категорий работающего населения. Так, например, разработана система объективных и субъективных показателей экологической компетентности служащих публичных органов власти для измерения ее уровня [6].

Экологическая компетентность выступает не только как элемент программ общего образования (естественно-научного), но и как элемент профессиональной подготовки (природоохранной, прикладной), формирования профессионально-экологической культуры на производстве и в трудовом коллективе. Изучение вопросов интеграции экологических компетенций в образовательные программы СПО приобретает особую значимость и в контексте экологически-устойчивого развития (культура отношений в системе общество – природа).

Для формирования профессионально-экологической компетентности учащихся СПО необходимо учитывать ряд экологических аспектов при организации процесса обучения [7]. Образовательные программы могут формировать: 1) социальный навык – экологическую эмпатию, ответственное отношение к окружающему миру, понимание последствий собственных и коллективных действий в отношении природы, умение устанавливать гармоничные отношения с природой; 2) профессиональный навык – способность реализовывать природоохранные мероприятия в профессиональной сфере, личная ответственность за профессиональную деятельность. Экологическое образование на современном этапе должно рассматриваться как синтез естественно-научной, гуманитарной и технической компонент в структуре образовательных программ.

Для обоснования стратегии модернизации экологического образования в системе СПО необходимо понимание ценностных ориентиров учащихся, самооценки их общественно значимой природоохранной деятельности. На первом этапе социально-педагогического исследования устанавливается фактический уровень сформированности экологических компетенций у студентов (способность применить знания, умения и навыки), так же как и уровень их естественно-научной подготовки (констатирующий этап исследований). На этом этапе для оценки сформированности экологических компетенций у учащихся применяют метод анкетирования. Следующим этапом целесообразно провести оценку экологической компетентности студентов (формирующий этап исследований) [2].

Анкетирование как диагностический инструментарий для определения исходных значений исследуемых показателей экологической культуры студентов часто используется многими исследователями. Опрос в форме анкетирования, тестирования позволяет выявить не только уровень экологических знаний, но и личностную значимость их для обучающегося, а также характер затруднений при решении экологических задач [8].

Помимо оценки учащихся важно понимать уровень экологической осведомленности и компетентности педагогов, в том числе педагогический – умение использовать современные педагогические технологии в обучении студентов экологии [9].

Простой метод анкетирования позволяет выявить проблемы при реализации экологической составляющей программ в учебном процессе и принять корректирующие меры. Так, на базе среднего профессионального учреждения г. Тольятти оценивали уровень экологической культуры студентов 1-го курса в возрасте 15–17 лет. В ходе исследования было выявлено: 27% студентов занимаются активной природоохранной деятельностью по требованию преподавателей; 27% студентов вовсе не интересуются проблемами окружающей среды; у 63% студентов нет времени интересоваться проблемами экологии; 6% студентов утверждают, что заниматься экологической деятельностью не их дело, они не имеют к этому никакого интереса, считая деятельность очень сложной; 9% студентов любят природу только за ее природные богатства. Таким образом, экологическая деятельность не является привлекательной для основного контингента студентов всех направлений подготовки [10].

Исследование освещает проблему сформированности экологической компетенции у студентов СПО. *Цель работы* – предварительная оценка степени вовлеченности в экологическую повестку студентов среднего профессионального образования на примере колледжа сервиса и дизайна и ИТ-колледжа Владивостокского государственного университета.

Методы исследования. Используются методы: анкетирования; анализа и систематизации полученных результатов, а также имеющихся литературных источников по данной проблеме.

Основная часть

Колледж сервиса и дизайна – структурное подразделение ВВГУ, обладающее развитой материально-технической базой: комфортабельные учебные аудитории, уникальная лаборатория «Технологии продукции общественного питания», компьютерные классы, уютный и просторный актовый зал, библиотека с электронной базой данных, спортивный комплекс, благоустроенное общежитие. В 2020–2021 гг. были открыты мастерские по компетенциям «Графический дизайн», «Облачные технологии», «Сетевое и системное администрирование», «Электроника», оснащенные современным оборудованием. Это позволяет учебному заведению ежегодно реализовывать проекты разного уровня, сотрудничать с предприятиями и организациями города и края, проводить мастер-классы и обучающие семинары [11].

Ithub Владивосток – это колледж информационных технологий, где готовят специалистов востребованных ИТ-профессий на базе 9 и 11 классов. К особенностям обучения в Ithub относят: бизнес-ориентированное обучение; концепцию бизнес-ролей; педагогов-практиков; практику и стажировку в ведущих ИТ-компаниях; актуальные программы; передовые методики; углубленный английский для ИТ-специалистов; международную сертификацию; соответствие государственным стандартам. Обучение в колледже осуществляется по специальностям: 09.02.07 Инфор-

мационные системы и программирование (квалификации «Специалист по информационным системам», «Разработчик веб и мультимедийных приложений», «Программист»); 42.02.01 Реклама (квалификация «Специалист по рекламе»). По данным направлениям реализуются программы среднего общего образования и основного общего образования [12, 13].

Общее количество опрошенных студентов КСД и ИТ-колледжа ВВГУ – 333 человека (табл. 1). В ИТ-колледже ВВГУ анкетирование проводилось среди студентов 1-го и 2-го курсов (90 и 32 чел. соответственно) по специальностям «Информационные системы и программирование» и «Реклама». В КСД ВВГУ анкетирование проводилось среди студентов 1-го и 3-го курсов по 9 различным специальностям.

Оценивалось знание экологических проблем современности, источников экологической информации, уровень самооценки экологической компетентности и самообразования.

Результаты исследований при оценке компонентов экологической информированности показали как некоторые различия, так и общие тенденции.

В КСД ВВГУ достаточно высокий процент респондентов среди 1-го и 3-го курсов – 63 и 65 % соответственно; редко задумываются об актуальных экологических проблемах. Часто задумываются о проблемах экологии среди студентов 1-го и 3-го курсов – 21,2 и 25 % соответственно.

В ИТ-колледже относительно высокий процент респондентов, часто задумывающихся об экологических проблемах: среди студентов 2-го курса – 60%. Количество студентов 1-го курса практически в два раза меньше – 34% (рис. 1) [14]. Идентичное распределение количества ответов на аналогичный вопрос получено при опросе учащихся колледжа Уральского государственного экономического университета: при аналогичных опросах, проводимых среди учащихся 1-го курса до изучения соответствующих естественно-научных предметов, количество респондентов, выбирающих первый вариант ответа, примерно в два раза меньше, чем среди студентов 2-го курса [15]. Соответственно, редко задумываются об экологических проблемах 53 % студентов 1-го курса и 34 % студентов 2-го курса.

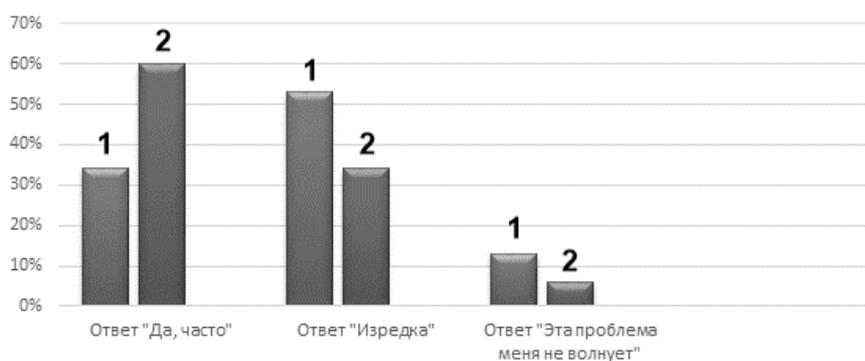

Рис. 1. Результаты ответов студентов 1-го и 2-го курсов ИТ-колледжа ВВГУ на вопрос «Задумывались ли Вы ранее об экологических проблемах?»

Таблица 1

Структура респондентов – студентов КСД и ИТ-колледжа ВВГУ по основным образовательным программам (специальностям)

Специальность	Курс		
	1-й	3-й	Итого, чел.
КСД ВВГУ			
Сетевое и системное администрирование	27 чел.	–	27
Компьютерные системы и комплексы	25 чел.	20 чел.	45
Техническое обслуживание и ремонт	20 чел.	12 чел.	32
Техническая эксплуатация и обслуживание оборудования	13 чел.	–	13
Экономика и бухгалтерский учет	11 чел.	–	11
Судостроение	20 чел.	19 чел.	39
Земельно-имущественные отношения	–	20 чел.	20
Поварское и кондитерское дело	–	13 чел.	13
Дизайн по отраслям	–	11 чел.	11
Итого	116 чел.	95 чел.	211
ИТ-колледж ВВГУ	1-й	2-й	
Информационные системы и программирование	90 чел.	–	
Реклама	–	32 чел.	
Итого	90 чел.	32 чел.	122

Различия наблюдаются и по типу источников, из которых студенты СПО получают информацию об экологических проблемах. В КСД ВВГУ 40% студентов 1-го и 3-го курсов получают информацию главным образом в результате общения. На 2-м месте – Интернет (35% – 3-й курс, 30% – 1-й курс), а СМИ (печатные издания, телевидение, радио) – только на 3-м месте (по 20%). У студентов ИТ-колледжа несколько другая картина: на 1-м месте – Интернет (45,5% – 2-й курс, 40,5% – 1-й курс), на 2-м – СМИ (печатные издания, телевидение, радио) (35,5% – 2-й курс, 40,5% – 1-й курс). Общение как источник экологической информации у студентов ИТ-колледжа находится только на 3-м месте с относительно невысоким процентом: 6% – 2-й курс, 13% – 1-й курс.

В КСД и ИТ-колледже количество студентов, получающих информацию из специальной литературы, не превышает 15% [16].

У каждого поколения свои форматы и способы получения информации. Сейчас это Интернет – новостные порталы поисковых систем, экологические блоги, социальные сети. Тем не менее СМИ занимают существенную долю в структуре источников информации молодежи об экологических проблемах, что необходимо учитывать при реализации мероприятий по повышению экологической компетентности [17, 18].

Что касается самообразования в области экологии и охраны окружающей среды, опрос среди студентов двух колледжей показал примерно одинаковые результаты.

В ИТ-колледже студенты как 1-го, так и 2-го курсов занимаются самообразованием эпизодически (36 и 44% соответственно) или редко (29 и 43% соответственно). В КСД ВВГУ количество студентов 1-го и 3-го курсов, занимающихся самообразованием в области экологических проблем эпизодически или редко, соответственно составляет 30 и 35% и 35 и 40%. И только 10% студентов 1-го курса и 15% студентов 3-го курса КСД ВВГУ и 22% студентов 1-го курса и 3% студентов 2-го курса занимаются саморазвитием в области экологических проблем. В КСД и ИТ-колледже ВВГУ большинство студентов оценили свой уровень экологической компетентности как средний. При этом процент студентов со средним уровнем экологической компетентности в КСД ВВГУ (1-й курс – 62%, 3-й курс – 65%) выше по сравнению с ИТ-колледжем (1-й курс – 40%, 2-й курс – 43%). Интересно отметить, что значительное количество студентов двух колледжей (примерно 15–20%) не смогли однозначно оценить свой уровень экологической компетентности.

Для мотивации студентов к повышению уровня экологической грамотности целесообразно использовать различные методы обучения, формирующие интерес учащихся к окружающей природной среде. Исследователями из Томского государственного архитектурно-строительного университета был проведен опрос среди 73 студентов 1–6-го курсов. По результатам работы было установлено, что наибольший эффект, проявляющийся в быстром и прочном усвоении экологической информации, имеют: организация экологических экскурсий (в музеи, к памятникам природы и т.д.), работа в микрогруппах при проведении различных экоисследований, лабораторные занятия и решение конкретных экологических задач, выполнение исследовательских проектов и семинары по экологической проблематике [19]. Свою эффективность подтвердили межвузовские обменные программы с элементами экологического образования [20]. Данные результаты можно также учитывать при разработке мероприятий по повышению экологической компетентности и при проведении собственных опросов.

Заключение

Полученные данные анкетирования в пределах систематической и случайной ошибок выборки свидетельствуют о существующих проблемах в системе СПО: у большинства студентов отсутствует интерес к экологической тематике. По результатам анкетирования студентов 1-го и 2-го курсов ИТ-колледжа ВВГУ установлены различия в восприятии экологических проблем. Студенты 2-го курса в большей степени интересуются проблемами окружающей среды. Отношение студентов колледжа КСД, напротив, практически не меняется в течение учебы. Такие результаты могут быть обусловлены как разницей в преподавании предметов естественно-научного профиля в двух структурных подразделениях университета, так и вовлечением кураторами КСД и ИТ-колледжа студентов в активную внеучебную деятельность. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости разработки программы экологического образования в системе СПО вуза.

Список источников

1. Игнатов С.Б. Экологическая компетентность в контексте образования для устойчивого развития // Образование и наука. 2011. № 1 (80). С. 22–32.
2. Куманина Н.Ю. Социально-экологическая компетентность как педагогическая категория в системе среднего профессионального образования // Вестник Алтайского го-

- сударственного педагогического университета. 2021. № 3 (48). С. 16–20. DOI: 10.37386/2413-4481-2021-3-16-20
3. Ермаков Д.С. Педагогическая компетенция формирования экологической компетенции учащихся: дис. ... д-ра пед. наук. Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2009. 405 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskaya-kontsepsiya-formirovaniya-ekologicheskoi-kompetentnosti-uchashchikhsya> (дата обращения: 29.11.2023).
  4. Матвеева А.В. Формирование экологической компетентности учащихся средствами проектной технологии // Вестник Мининского университета. 2015. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ekologicheskoy-kompetentnosti-uchashchikhsya-sredstvami-proektnoy-tehnologii> (дата обращения: 27.11.2023).
  5. Глазачева А.О. Экологическая компетентность как интегративный компонент личности будущего дизайнера // Электронное периодическое научное издание «Вестник Международной академии наук. Русская секция». 2013. № 1. С. 65–68.
  6. Орешкина Т.А., Забокрицкая Л.Д., Адюкова О.А. Анализ уровня профессиональной экологической компетентности служащих в публичных органах власти Свердловской области // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 153–174.
  7. Магамедов З.А. Формирование экологической компетентности учащихся СПО // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 216–218.
  8. Позднякова А.И., Добротворская С.Г. Развитие на интегративной основе экологической культуры студентов в процессе изучения естественно-научных дисциплин // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 2. С. 36–51. DOI: 10.35231/18186653_2023_2_36
  9. Дряхлова О.В. Разработка опросника для определения уровня экологической компетентности педагогов дошкольной образовательной организации // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2017. № 12 (17). С. 36–44.
  10. Руденко И.В., Наумавичюте К.А. Формирование экологической культуры студентов педагогического колледжа // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 273–275.
  11. Колледж сервиса и дизайна. URL: <https://www.vvsu.ru/about/divisions/academic/dep/id/1080>
  12. Колледж информационных технологий ВВГУ IThub Владивосток. URL: <https://vvsu.ithub.ru/#specs>
  13. IT-колледж (IThub Владивосток). URL: <https://www.vvsu.ru/about/divisions/academic/dep/id/1070> (дата обращения: 27.11.2023).
  14. Ярусова С.Б., Иваненко Н.В., Штабной И.П. Оценка экологической компетентности студентов среднего профессионального образования IT-профессий (на примере Владивостокского государственного университета) // Приоритетные направления развития науки и технологий: доклады XXXIII Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. В.М. Панарина. Тула: Инновационные технологии, 2023. С. 138–139. ISBN 978-5-6048512-7-2
  15. Гордеева И.В. Анализ эффективности экологического образования учащихся колледжа // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 80–84.
  16. Штабной И.П., Ярусова С.Б., Иваненко Н.В. Изучение экологической информированности студентов среднего профессионального образования на примере Владивостокского государственного университета // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы (Год педагога и наставника): матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 8 декабря 2023 г.). Кемерово: ФГБОУ ВО «Кузбасский

- государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева», филиал КузГТУ в г. Новокузнецке, 2023. С. 154–156. ISBN 978-5-00137-428-2
17. Невзоров Б.П., Невзоров Т.Б. Некоторые теоретические и исторические аспекты экологического просвещения в СМИ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 18–27.
  18. Минаева О.О. Роль СМИ в освещении экологических вопросов // Молодой учёный. 2019. № 19 (257). С. 337, 338.
  19. Лукашевич О.Д., Савёлова П.Д. Экологическая восприимчивость студентов регионального технического вуза и ее диагностика // Архитектура многополярного мира в XXI веке: экология, экономика, геополитика, культура и образование: сб. матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Биробиджан, 30 апреля 2022 г.). Биробиджан; 2022. С. 52–57.
  20. Ярусова С.Б., Михина И.С., Иваненко Н.В. Межвузовские обменные программы как один из механизмов реализации непрерывного экологического образования // Материалы Всерос. конф. по экологическому образованию – 2022 (2–3 ноября 2022 г.). Томск: Интегральный переплет, 2023. С. 127, 128.

References

1. Ignatov S.B. Environmental competence in the context of education for sustainable development. *Education and science*. 2011; 1 (80): 22–32.
2. Kumanina N.Yu. Socio-environmental competence as a pedagogical category in the system of secondary vocational education. *Bulletin of Altai State Pedagogical University*. 2021; 3 (48): 16–20. DOI: 10.37386/2413-4481-2021-3-16-20
3. Ermakov D.S. Pedagogical competence in the formation of environmental competence of students: dis. ... Dr. ped. sciences. Moscow: Russian University of Friendship of Peoples; 2009. 405 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskaya-kontseptsiya-formirovaniya-ekologicheskoi-kompetentnosti-uchashchikhsya> (accessed date: 29.11.2023).
4. Matveeva A.V. Formation of environmental competence of students by means of project technology. *Bulletin of Mininsky University*. 2015; 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ekologicheskoy-kompetentnosti-uchaschihsya-sredstvami-proektnoy-tehnologii> (accessed date: 27.11.2023).
5. Glazacheva A.O. Environmental competence as an integrative component of the personality of the future designer. *Electronic periodical scientific publication "Bulletin of the International Academy of Sciences. Russian section"*. 2013; (1): 65–68.
6. Oreshkina T.A., Zabokritskaya L.D., Adyukova O.A. Analysis of the level of professional environmental competence of employees in public authorities of the Sverdlovsk region. *Issues of state and municipal management*. 2019; (3): 153–174.
7. Magamedov Z.A. Formation of environmental competence of SPO students. *World of Science, Culture, Education*. 2019; 5 (78): 216–218.
8. ozdnyakova A.I., Dobrotvorskaya S.G. Development on an integrative basis of the ecological culture of students in the process of studying natural sciences. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2023; (2): 36–51. DOI: 10.35231/18186653_2023_2_36
9. Dryakhlova O.V. Development of a questionnaire to determine the level of environmental competence of teachers of a preschool educational organization. *World of Pedagogy and Psychology: an international scientific and practical journal*. 2017; 12 (17): 36–44.
10. Rudenko I.V., Naumavichyute K.A. Formation of the ecological culture of students of the pedagogical college. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018; 7 (1 (22)): 273–275.
11. College of Service and Design. URL: <https://www.vvsu.ru/about/divisions/-academic/dep/id/1080>

12. College of Information Technologies VVGU IThub Vladivostok. URL: <https://vvsu.ithub.ru/#specs>
13. IT College (IThub Vladivostok). URL: <https://www.vvsu.ru/about/divisions/academic/dep/id/1070> (accessed date: 27.11.2023).
14. Yarusova S.B., Ivanenko N.V., Shtabnoy I.P. Assessment of the environmental competence of students of secondary vocational education in IT professions (on the example of Vladivostok State University). *Priority areas for the development of science and technology: reports of the XXXIII International. scientific-practical. conf.; under the general. ed. V.M. Panarin*. Tula: Innovative Technologies; 2023. P 138–139. ISBN 978-5-6048512-7-2
15. Gordeeva I.V. Analysis of the effectiveness of environmental education of college students. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2018; 7 (4 (25)): 80–84.
16. Staff I.P., Yarusova S.B., Ivanenko N.V. Study of environmental awareness of secondary vocational education students on the example of Vladivostok State University. *Issues of modern science: problems, trends and prospects (Year of teacher and mentor): mother. VII International. scientific-practical. conf. (Novokuznetsk, December 8, 2023)*. Kemerovo: FSBEI HE "Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev", branch of KuzSTU in Novokuznetsk; 2023. P. 154–156. ISBN 978-5-00137-428-2
17. Nevzorov B.P., Nevzorov T.B. Some theoretical and historical aspects of environmental education in the media. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2017; (1): 18–27.
18. Minaeva O.O. The role of the media in covering environmental issues. *Young scientist*. 2019; 19 (257): 337, 338.
19. Lukashevich O.D., Savelova P.D. Environmental susceptibility of students of a regional technical university and its diagnosis. *Architecture of a multipolar world in the 21st century: ecology, economics, geopolitics, culture and education: Sat. mater. VII International. scientific-practical. conf. (Birobidzhan, April 30, 2022)*. Birobidzhan; 2022. P. 52–57.
20. Yarusova S.B., Mikhina I.S., Ivanenko N.V. Interuniversity exchange programs as one of the mechanisms for the implementation of continuous environmental education. *Materials All-Russia. conf. on environmental education – 2022 (November 2–3, 2022)*. Tomsk: Integral binding; 2023. P. 127, 128.

Информация об авторах:

Ярусова Софья Борисовна, канд. хим. наук, доцент, ст. научный сотрудник лаборатории защитных покрытий и морской коррозии, Институт химии ДВО РАН; зав. базовой кафедрой экологии и экологических проблем химической технологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Sofya.Yarusova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1500-1319>

Иваненко Наталья Владимировна, канд. биол. наук, доцент, доцент каф. экологии, биологии и географии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Natalya.ivanenko@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6935-2333>

Штабной Игорь Петрович, преподаватель IT-колледжа (IThub), ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, igorshtabnoi@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0829-9911>

Буравлев Игорь Юрьевич, канд. хим. наук, ст. научный сотрудник, Институт химии ДВО РАН, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», buravlev.i@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3944-3629>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/234-244>

EDN: <https://elibrary.ru/HTFKCN>

Дата поступления:
17.10.2024

Одобрена после рецензирования:
24.10.2024

Принята к публикации:
28.10.2024

.....

Публикации 2024 года

.....

- Андреева О.В., Кабанова В.Р.* Переживание одиночества и жизнестойкость у подростков с разным уровнем склонности к риску. 2024. № 4. С. 222–233
- Арнаут М.Н., Купчик А.П.* Стратегическое управление как основа деятельности региональных некоммерческих организаций: российский и зарубежный опыт. 2024. № 1. С. 52–74
- Ахмадуллина О.В., Чернявская В.С.* Преднамеренное воспитание: формирование педагогической интенциональности воспитателей дошкольных образовательных учреждений. 2024. № 2. С. 123–134
- Бондаренко В.А., Жохова В.В., Юрченко Н.А.* Оценка уровня удовлетворенности потребителей молочной продукцией на региональном рынке. 2024. № 3. С. 7–27
- Борзова Т.А., Ли Хуэй.* К вопросу об особенностях представления категории пространства в русской языковой картине мира. 2024. № 1. С. 204–214
- Бронц А.А.* Основные векторы развития сельскохозяйственного производства в Приморском крае. 2024. № 1. С. 19–28
- Бубновская Т.В., Ослопова М.В., Ким И.А.* Подход к расчету тарифа на содержание и текущий ремонт жилищного фонда. 2024. № 3. С. 28–43
- Бутакова Н.А.* Стратегическое значение Арктики в приарктических регионах Европы. 2024. № 1. С. 156–162
- Бушуева М.А., Масюк Н.Н., Куликова О.М., Богомолов А.А.* Сглаживание межрегиональных диспропорций в условиях цифровой экономики. 2024. № 4. С. 7–17
- Валеева Ю.С.* Оценка эффективности бизнес-процессов организации сферы услуг малого бизнеса. 2024. № 2. С. 7–14
- Варавенко В.Е., Ниязова М.В.* Допустимая задержка в судостроительных контрактах: анализ оснований и порядка продления срока сдачи судна по инициативе подрядчика. 2024. № 4. С. 93–103
- Варкулевич Т.В., Белоглазова В.А.* Социальное предпринимательство как механизм социального воздействия в контексте теорий социальных изменений. 2024. № 3. С. 80–91
- Верещагина А.В.* Регламентация предъявления для опознания в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдовы: некоторые аспекты. 2024. № 4. С. 115–122
- Вронская М.В.* Генезис развития неустойки как обеспечительной меры в доктрине и праве России: историко-теоретический аспект. 2024. № 1. С. 132–145
- Вронская М.В., Гриньков В.А.* Применение технологии искусственного интеллекта в судопроизводстве: от теории к практике. 2024. № 2. С. 70–80
- Галстян Р.Р.* Конструирование занятий профессиональной подготовки лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 3. С. 202–215
- Гатауллина А.А., Гиниятуллина А.Р., Зябарова А.А.* Стандарты риск-менеджмента на предприятиях Российской Федерации в условиях зарубежных ограничений. 2024. № 2. С. 35–50
- Гатауллина С.Ю., Ярусова С.Б.* Роль эколого-просветительской работы в обеспечении устойчивого развития региона. 2024. № 1. С. 29–38
- Голованова О.С., Масюк Н.Н.* Организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации. 2024. № 1. С. 92–105
- Гомилевская Г.А., Проскурина Д.А.* Инновационные форматы гостиниц для туристов, путешествующих с домашними питомцами. 2024. № 2. С. 59–69
- Гомилевская Г.А., Путилина Т.А.* Интерактивный аудиогид как инструмент экскурсионной деятельности в контексте развития Smart-туризма. 2024. № 4. С. 60–72
- Гренкин Г.В.* Численное решение обратной задачи восстановления тепловых источников. 2024. № 2. С. 161–170
- Гусева М.А., Гетманцева В.В., Иванова М.С., Швайбович А.В.* Искусственный интеллект как инструмент в проектировании модного образа. 2024. № 2. С. 151–160

- Гусева М.А., Гетманцева В.В., Усова А.Н.* О регулировании состояния организма человека компрессионным трикотажем. 2024. № 4. С. 63–173
- Данилина Е.К.* Обучение с помощью технологии чат-бот: терминология и общая характеристика. 2024. № 4. С. 154–162
- Дудко В.В.* Методика развития интенциональности учителя: теоретический аспект. 2024. № 4. С. 131–141
- Екинцев В.И.* Творческие методы виртуальной реальности: психолого-педагогические ресурсы. 2024. № 1. С. 193–203
- Женкин Д.П.* Совершенствование подхода к анализу несостоятельности предприятий. 2024. № 2. С. 15–27
- Захаров Д.С., Коновалова Н.В.* Опыт добровольчества и гуманитарная стратегия инклюзивного сотрудничества. 2024. № 2. С. 171–180
- Зубарев А.Е., Стексова С.Ю., Ермошкина Е.Н.* Конкурентный потенциал предприятия в условиях стратегического развития. 2024. № 2. С. 28–34
- Зубрилин К.М.* Модель педагогического проектирования совместных образовательных программ подготовки учителей изобразительного искусства России и Китая. 2024. № 3. С. 180–192
- Иванов Н.Ю., Цынзак М.П., Винокурова О.А.* Профильная подготовка маркетологов для решения задач глобального превосходства. 2024. № 4. С. 142–153
- Ким А.Г., Нечехухин М.С.* Особенности применения инструментов интернет-маркетинга в сфере ресторанного бизнеса. 2024. № 3. С. 44–53
- Кирьянова Е.В.* Использование компьютерных игр в жанре симулятора жизни при подготовке к экзамену HSK: анализ лексического наполнения. 2024. № 1. С. 175–183
- Колесникова О.С.* Развитие представлений о региональных предпринимательских системах в контексте концепции устойчивого развития. 2024. № 4. С. 27–36
- Конopleва Н.А., Исъянова М.Д.* Страхи современной молодежи. 2024. № 3. С. 216–230
- Королева Л.А., Слесарчук И.А., Зайцева Т.А., Петрова К.Р.* Разработка эскизного проекта плечевой одежды при реабилитации методом Илизарова. 2024. № 4. С. 174–184
- Кречетников К.Г.* Методика разноуровневого индивидуализированного обучения информатике в вузе. 2024. № 2. С. 115–122
- Криницкая М.Ю., Борзова Т.А.* Формирование культуры речи у учащихся в контексте воспитательной работы вуза. 2024. № 4. С. 208–221
- Лаевский П.В., Красова Е.В.* Особенности исследования понятийного аппарата в сфере физической культуры и спорта в контексте теории современного менеджмента. 2024. № 4. С. 47–59
- Латкин А.П., Жуплей И.В.* Продовольственная региональная экономическая система Дальнего Востока в условиях новых внешних вызовов. 2024. № 1. С. 75–91
- Латкин А.П., Ярусова С.Б., Шеломенцев А.Г.* Продовольственная обеспеченность как ключевой фактор улучшения качества жизни на Дальнем Востоке. 2024. № 1. С. 215–216
- Ли Сяотао.* Предпосылки развития международного социального предпринимательства в дальневосточных регионах России. 2024. № 1. С. 39–51
- Литвинова С.Ф.* Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права. 2024. № 4. С. 73–83
- Малахова В.Р., Краснощеков В.О.* Переживание чувства вины у студентов с разными типами привязанности. 2024. № 3. С. 231–243
- Мамычев А.Ю., Матюк Ю.С.* Принципы государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества. 2024. № 4. С. 104–114
- Манджиева А.О.* Модель формирования гуманитарного мышления у будущих инженеров в процессе вузовского образования. 2024. № 3. С. 193–201
- Махова И.Ю., Блинкова А.Е.* Академическая прокрастинация и профессиональная идентичность студентов вуза: в поиске психологических предикторов деструктивных проявлений в образовательном процессе. 2024. № 3. С. 133–149
- Мордовцева Т.В., Полякова Е.В.* Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий. 2024. № 1. С. 146–155
- Нигай Е.А.* Управление «пожизненной ценностью клиента» (Lifetime Value) в деятельности бизнеса: методы оценки и стратегические аспекты принятия решений. 2024. № 3. С. 54–65
- Ниязова М.В.* Свободные экономические зоны и динамика отраслевого законодательства в 2014–2023 гг. 2024. № 3. С. 102–118

- Окулова М.А.* Жизнеописание Будды Гаутамы как символический путь индивидуации с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга. 2024. № 4. С. 185–195
- Оситов В.А.* Методические подходы к определению экспортного потенциала высокотехнологической продукции машиностроения. 2024. № 4. С. 37–46
- Пак Л.Е., Крюкова А.А.* О возможностях использования программ с искусственным интеллектом в обучении иностранному языку. 2024. № 2. С. 81–95
- Петрук Г.В.* Наука и университет. 2024. № 1. С. 218–219
- Печатнова Ю.В.* Правовой прагматизм в учении Ричарда Познера. 2024. № 3. С. 119–126
- Пилюгина Н.Ю.* Лингводидактический потенциал сопоставительных дискурсивных исследований. 2024. № 3. С. 167–179
- Плахотина Н.А.* Терминологические проблемы в законодательстве о занятости. 2024. № 4. С. 84–92
- Позднякова Т.М.* Учебное пособие как основа реализации регионального компонента в школьном географическом образовании: актуализация содержания образования. 2024. № 3. С. 150–157
- Прокофьев М.И.* Роль формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку. 2024. № 1. С. 184–192
- Пурге А.Р.* Правовая природа функционирования бэби-бокса в России и мире. 2024. № 1. С. 119–131
- Савоськин А.В., Вохидова А.Ш.* Новейшая история развития в Российской Федерации пенсионного обеспечения граждан по старости. 2024. № 1. С. 163–174
- Самуйлик Т.Ю.* Обучение испанскому языку как второму иностранному в условиях неязыкового вуза: проблемы и решения. 2024. № 2. С. 106–114
- Свирин В.А., Латкин А.П.* Коммуникационный подход к управлению деятельностью предпринимательскими структурами на основе применения маркетинговых технологий. 2024. № 2. С. 51–58
- Смицких К.В., Батурина О.А.* Управленческий подход к реализации программы «Обучение служением»: опыт Владивостокского государственного университета. 2024. № 3. С. 92–101
- Соколова Д.А., Резник Е.В.* Организационное поле присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке. 2024. № 1. С. 106–118
- Стрикаускас Л.Е.* Перспективы развития роботизированных комплексов (систем) морского базирования. 2024. № 1. С. 217
- Тимошина Л.М.* Исследование основ юридической этики будущих юристов. 2024. № 3. С. 127–132
- Титова Н.Ю., Терентьева Т.В.* Низкоуглеродная циркулярная экономика как инструмент управления выбросами углекислого газа российских нефтегазовых компаний. 2024. № 3. С. 66–79
- Фахрутдинова К.Ш.* Психолого-педагогические методы развития творческого потенциала обучающихся в детских художественных школах. 2024. № 3. С. 158–166
- Хмызов М.В.* Новая национальная образовательная политика Индии в области обучения английскому языку. 2024. № 2. С. 96–105
- Царева Н.А., Черная Е.В.* Методика использования интернет-источников в процессе воспитания патриотического сознания студентов. 2024. № 4. С. 123–130
- Чернышева А.С.* Применение технологий вебквест при обучении английскому языку младших школьников. 2024. № 2. С. 181–190
- Чернявская В.С.* Почему нельзя «мотивировать на учебу» подростков: экзистенциальная и учебная мотивация подростков 15–16 лет. 2024. № 4. С. 196–207
- Чжоу Цюань, Сунь Лимэй.* Методический подход к обоснованию экспортно-ориентированных бизнес-проектов производства продуктов питания с высокой добавленной стоимостью в российском Приморье. 2024. № 4. С. 18–26
- Шичалина В.А.* Экономические зоны как институциональное условие продовольственной безопасности. 2024. № 1. С. 7–18
- Шутов К.С., Гриняк В.М., Артемьев А.В.* Аппаратно-программный прототип беспилотного транспортного средства, сочетающего в себе автономный и управляемый режимы работы. 2024. № 2. С. 135–150
- Ярусова С.Б., Иваненко Н.В., Штабной И.П., Буравлев И.Ю.* Оценка экологической информированности студентов среднего профессионального образования. 2024. № 4. С. 134–244

.....

Правила оформления статей

.....

Основание: По рекомендации президиума ВАК распоряжением Минобрнауки России от 19.12.2023 № 453-р журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» включен в Перечень по 5 научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.6. Менеджмент (экономические науки), 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Специфика научного журнала ВВГУ как университетского вестника также предоставляет авторам возможность публиковаться по широкому спектру научных исследований: 1.3. Физические науки, 2.6. Химические технологии, науки о материалах, металлургия, 5.3. Психология, 5.9. Филология, 5.10. Искусствоведение и культурология.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» публикуются бесплатно.

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета». Публикуя статью в журнале с последующим ее размещением на сайте журнала, автор соглашается с условиями ее распространения в информационной среде на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (подробнее – <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>). Таким образом, автор размещает свою статью для открытого использования с обязательным указанием авторства и полным сохранением всех авторских прав на публикацию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант статьи направляется по адресу электронной почты vestnik@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Требования к структуре научной статьи

Обязательные элементы:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр научной специальности;

- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
  - полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
  - подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
  - должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
  - адрес электронной почты (e-mail) и контактный номер телефона для каждого автора;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова (на русском и английском языках) (не более 12);
- список источников оформляется в виде нумерованного списка приставейных источников в конце статьи, располагается по порядку ссылок на них в тексте статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- *Аннотация* (200–250 слов) является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье).
- *Введение* (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- *Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.*
- *Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.*
- *Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости* (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- *Выводы и научная новизна.* Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные в вводной частью, продемонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов для их дальнейшего использования и т.п.
- *Список источников* включает только использованные в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию, в противном случае статья подлежит ретракции.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках.
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации!

Подписной
индекс: 45069

ISSN 2949-1258

9 779772 949121